

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

ЗБОРОВСКИЙ ГАРОЛЬД ЕФИМОВИЧ – профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского Федерального Университета им. Б.Н. Ельцина, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Выпускник Уральского государственного университета. Начиная с 1963 г., преподает в вузах г. Свердловска (ныне г. Екатеринбурга). В последние годы был деканом социологического факультета и заведующий кафедрой социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), главный научный сотрудник лаборатории региональных исследований Сургутского государственного педагогического университета. Автор более 400 научных трудов (в том числе 45 учебников, учебных пособий, монографий) по проблемам методологии, теории и истории социологии, социального пространства и времени, образа жизни, личности, социологии образования, социологии управления, социологии культуры, социологии досуга, прикладной социологии. Ряд материалов опубликован за рубежом. Читал лекции и выступал с докладами в Германии, США, Китае, Болгарии. Участвовал в работе многих международных социологических конгрессов и конференций. Первый вице-президент Российского общества социологов, член редколлегии журнала «Высшее образование в России», член редакционного совета журнала «Социологические исследования». За вклад в развитие социологической науки награжден серебряной медалью имени Питирима Сорокина.

История социологии:

классический этап

УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ

Сургут – Екатеринбург 2014

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
ГОУ ВПО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА»

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ:
классический этап

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Рецензенты:

Доктор социологических наук, профессор *А.Б. Гофман*
Доктор философских наук, профессор *Г.П. Орлов*
Доктор социологических наук, профессор *Е.А. Шуклина*

Зборовский, Г. Е.

3–31 История социологии: классический этап : учеб. для вузов / Г. Е. Зборовский ; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т» ; . Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 2-е изд. испр. и доп. – Сургут и [др.] : РИО СурГПУ, 2014. – 211, [1] с.

В учебнике рассматривается процесс возникновения и развития социологической науки в рамках её классического этапа – от 1830-х до 1920-х гг. Анализируются основные периоды, а в их рамках – теории, парадигмы и направления социологической науки. Значительное внимание уделяется анализу творчества классиков мировой социологии XIX – начала XX вв.: О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, В. Парето и др. Особое место занимает изложение истории отечественной социологии второй половины XIX – начала XX вв. и характеристика творчества ее наиболее крупных представителей: М.М. Ковалевского, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, П.А. Сорокина и др.

Для студентов, обучающихся по направлению «Социология», а также для аспирантов, преподавателей и всех тех, кто интересуется проблемами истории, теории и методологии социологии.

УДК 316(07)
ББК 60.51(0)я73

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ И ЕЕ ПЕРИОДИЗАЦИЯ. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ	8
§ 1. Понятие предмета истории социологии	8
§ 2. Подходы к теоретическим истокам истории социологии	10
§ 3. Критерии периодизации и этапы развития социологии	11
§ 4. Социально-экономические, естественно-научные и идейно-теоретические предпосылки возникновения социологии социально-экономические предпосылки возникновения социологии	15
ГЛАВА 2. ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ ПОЗИТИВИЗМА. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО О. КОНТА	19
§ 1. Понятие позитивизма в социологии	19
§ 2. О. Конт: краткая биографическая справка	20
§ 3. Предмет и задачи социологии, ее место в классификации наук	21
§ 4. Социальная статика и социальная динамика	22
§ 5. Методы социологии	24
§ 6. Позитивная политика	25
§ 7. Проблемы образования и воспитания	26
§ 8. Значение социологических идей О. Конта	27
ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИОЛОГИЯ Г. СПЕНСЕРА	29
§ 1. Краткая биографическая справка	29
§ 2. Предмет социологии	30
§ 3. Общество как организм	31
§ 4. Структура общества и его социальные типы	32
§ 5. Эволюционизм как главная особенность учения Г. Спенсера	34
§ 6. Учение о социальных институтах	35
§ 7. Отношение Г. Спенсера к социализму	36
ГЛАВА 4. НАТУРАЛИЗМ В СОЦИОЛОГИИ	39
§ 1. Понятие натурализма в социологии	39
§ 2. Социал-дарвинистское направление в социологии. Взгляды Л. Гумпловича и Г. Ратценхофера	40
§ 3. Социологические идеи А. Смолла и У. Самнера	42
§ 4. Расово-антропологическое направление в социологии	44
§ 5. Географическое направление в социологии	46
ГЛАВА 5. К. МАРКС И ЕГО РОЛЬ В СОЦИОЛОГИИ	49
§ 1. Краткий биографический очерк и основные этапы творчества	49
§ 2. Материалистическое понимание истории как основа социологической концепции К. Маркса	50
§ 3. Противоречия в социологической концепции К. Маркса	53
§ 4. Взаимодействие общества и личности в социологическом творчестве К. Маркса	54
§ 5. Взаимосвязь социального и экономического в анализе К. Марксом социальной структуры	55
§ 6. Проблемы образа жизни и социального времени	57
§ 7. Значение идей К. Маркса для последующего развития социологии	59
ГЛАВА 6. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ	61
§ 1. Понятие психологического направления в социологии	61
§ 2. Психологический эволюционизм в социологии. Взгляды Л. Уорда	62
§ 3. Социологическое творчество Ф. Гиддингса	65
§ 4. Инстинктивизм в социологии	67
§ 5. Психология народов	68
§ 6. Групповая психология. Взгляды Г. Лебона	70
§ 7. Теория подражания. Идеи Г. Тарда	72
§ 8. Зарождение интеракционизма. Творчество Ч. Кули	74

ГЛАВА 7. КЛАССИЧЕСКАЯ НЕМЕЦКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.	
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Ф. ТЁННИСА	79
§ 1. Понятие и общие черты классической немецкой социологии	79
§ 2. Социологическое творчество Ф. Тённиса	81
2.1. Основные вехи жизненного пути	81
2.2. Предмет социологии	82
2.3. Учение о формах социальной жизни	83
2.4. Соотношение социологии и политики	84
2.5. Значение социологического творчества Ф. Тённиса	85
ГЛАВА 8. ФОРМАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ Г. ЗИММЕЛЯ	87
§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика творчества	87
§ 2. Предмет формальной социологии	88
§ 3. Классификация социальных форм	91
§ 4. Анализ капиталистического общества	92
§ 5. Социальная группа и индивид	93
§ 6. Значение социологического творчества Г. Зиммеля	94
ГЛАВА 9. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО М. ВЕБЕРА	96
§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика социологического учения	96
§ 2. Теория социального действия	98
§ 3. Понимающая социология М. Вебера	100
§ 4. Учение об идеальных типах	104
§ 5. Учение о типах господства	102
§ 6. Принцип рациональности и теория капитализма М. Вебера	105
§ 7. Социология религии	107
§ 8. Значение социологического творчества М. Вебера	109
ГЛАВА 10. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Э. ДЮРКГЕЙМА	112
§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика социологического учения	112
§ 2. Предмет социологии и трактовка общества	114
§ 3. Правила социологического метода Э. Дюркгейма	116
§ 4. Общественная солидарность и разделение труда	117
§ 5. Социологическая концепция морали Э. Дюркгейма	119
§ 6. Мораль и религия в социологическом творчестве Э. Дюркгейма	120
§ 7. Личность и общество	121
§ 8. Проблема самоубийства	122
§ 9. Воспитание и образование как социологическая проблема	123
§ 10. Значение социологического творчества Э. Дюркгейма	125
ГЛАВА 11. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В. ПАРЕТО	127
1. Краткий биографический очерк и общая характеристика учения	127
2. Общество как система	129
3. Теория нелогического действия	131
4. Концепция элиты	133
5. Значение социологических взглядов В. Парето	134
ГЛАВА 12. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	137
§ 1. Понятие эмпирического социального исследования	137
§ 2. Предистория эмпирической социологии	138
§ 3. Социальная статистика и роль А. Кетле в ее становлении	140
§ 4. Моральная статистика и социальная гигиена	142
§ 5. Эмпирические социальные исследования во Франции во второй половине XIX – начале XX веков	143
§ 6. Эмпирические социальные исследования в Англии в конце XIX века	144
§ 7. Эмпирические социальные исследования в Германии во второй половине XIX – начале XX веков	145

ГЛАВА 13. ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	148
§ 1. Классический этап развития социологии: основные итоги	148
§ 2. Основные направления западной социологии в рамках ее классического этапа	150
§ 3. Общие черты западной социологии в границах ее классического этапа	153
§ 4. Первые школы в социологии	154
4.1. Французская социологическая школа Э. Дюркгейма	154
4.2. Чикагская социологическая школа	155
ГЛАВА 14. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ	158
§ 1. Исторические условия и предпосылки возникновения социологии в России	158
§ 2. Предсоциологический этап. Взгляды П.Я. Чаадаева и К.Д. Кавелина	159
§ 3. Периоды развития российской социологии во второй половине XIX – начале XX веков	161
3.1. Первый период: господство субъективной социологии и позитивизма	162
3.2. Второй период: господство неокантианства	162
3.3. Третий период: господство неопозитивизма	163
§ 4. Российская и зарубежная социология XIX – начала XX веков: специфика взаимосвязи	164
§ 5. Особенности социологии в России во второй половине XIX – начале XX веков	165
ГЛАВА 15. СУБЪЕКТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ	168
§ 1. Общая характеристика субъективной социологии	168
§ 2. Жизненный путь и творчество представителей субъективной социологии: краткий обзор	168
§ 3. Предмет социологии	171
§ 4. Субъективный метод социологии	172
§ 5. Теория личности	173
§ 6. Теория прогресса	175
§ 7. Психологическое направление в российской социологии. Творчество Е.В. де Роберти	177
ГЛАВА 16. ПОЗИТИВИЗМ И НАТУРАЛИЗМ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	182
§ 1. Жизнь и творчество М.М. Ковалевского	182
1.1. Предмет и метод социологии	183
1.2. Генетическая социология и теория прогресса	184
1.3. Теория факторов	185
§ 2. Органицизм в российской социологии	186
2.1. Творчество А.И. Стронина	186
2.2. Социологические идеи П.Ф. Лилиенфельда	187
§ 3. Географическое направление в российской социологии. Социологические представления Л.И. Мечникова	188
§ 4. Социологические взгляды Н.Я. Данилевского	190
ГЛАВА 17. НЕОКАНТИАНСТВО В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	193
§ 1. Общая характеристика направления	193
§ 2. Социологические воззрения В.М. Хвостова	194
§ 3. Социологические взгляды П.И. Новгородцева	195
§ 4. Социологическое наследие Б.А. Кистяковского	196
§ 5. Социологическая теория Л.И. Петражицкого	198
ГЛАВА 18. НЕОПОЗИТИВИЗМ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	200
§ 1. Общая характеристика	200
§ 2. Социологические взгляды А.С. Звоницкой	201
§ 3. Социологические воззрения К.М. Тахтарева	202
§ 4. Творчество П.А. Сорокина: российский период	203
4.1. Вехи жизни в России	203
4.2. Предмет, структура и метод социологии	204
4.3. Структура общества и населения	206
4.4. Проблемы социального поведения	207
4.5. Значение российского периода творчества П.А. Сорокина	208
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	210

ВВЕДЕНИЕ

История социологии – одна из первых общепрофессиональных дисциплин, с изучения которой начинается знакомство с социологической наукой и становление будущего специалиста в этой сфере знания. На пути постижения истории социологии студента будут подстерегать определенные трудности. О них нужно предупредить сразу же, что называется, «на берегу», прежде чем отправиться в плавание по «морю» социологической информации. Придется столкнуться с большим количеством новых имен, терминов, направлений общественной мысли, со значительным фактическим и теоретическим материалом. Никак не обойтись без изучения первоисточников – трудов социологов XIX–XXI вв. Будут сложности, связанные с освоением целого массива нового знания. Разобраться в этом пока еще малознакомом мире социологической науки и поможет предлагаемый читателю учебник по истории социологии. В первой его части рассматривается классический этап развития – от 1830-х гг. (с момента появления новой науки) до 1920-х гг. (перехода к современному этапу социологии).

Учебник обладает рядом важных особенностей. Во-первых, он написан в соответствии с содержанием и требованиями Федерального Государственного образовательного стандарта Высшего профессионального образования 2010 г. по направлению подготовки 04.01.00 «Социология» и охватывает практически все темы курса истории социологии.

Во-вторых, он содержит материал, в котором анализируются процессы становления и развития социологии как в Западной Европе и США, так и в России XIX – начала XX вв. У читателя появляется возможность сравнить, сопоставить и систематизировать социологическое знание, созданное в это время, практически во всех странах, где возникала и развивалась эта наука.

В-третьих, в учебнике сочетается анализ характерных черт, периодов, направлений, школ, парадигм и творчества отдельных персоналий (прежде всего классиков мировой социологии), наиболее ярко выражающих специфику каждого из них. Так, при рассмотрении позитивизма в социологии вначале дается его общая характеристика, а затем анализируется творчество Огюста Конта, Герберта Спенсера и других социологов позитивистского толка. Это же делается при рассмотрении натурализма, эволюционизма, марксизма, психологического направления, классической немецкой социологии и т.д. В главах, посвященных развитию российской социологии второй половины XIX – начала XX вв., раскрываются особенности основных направлений и течений (позитивизма, натурализма, субъективного направления, неокантианства, психологической социологии и др.) в отечественной общественной мысли. Их трактовка осуществляется на материалах социологического творчества ее наиболее крупных представителей.

В-четвертых, при изложении основных идей ученых XIX – начала XX вв. используются в первую очередь те первоисточники, фрагменты из которых опубликованы в целом ряде хрестоматий по зарубежной и отечественной социологии, изданных во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. Это книги, содержащие тексты, отрывки из работ социологов XIX – начала XX вв. либо небольшие их произведения целиком. Они имеются во многих библиотеках, были в широкой продаже, большинство их можно найти в Интернет. Акценты именно на эти тексты делались для того, чтобы читателю было легче и удобнее, работая с учебником, обращаться одновременно к первоисточникам для более глубокого осмысления обсуждаемых вопросов. Конечно, при работе с хрестоматиями по истории зарубежной и отечественной социологии в ряде случаев утрачивается целостное восприятие произведений социологической мысли. Но в перечне литературы, рекомендуемой в конце каждой главы для самостоятельного изучения, они указываются, и желающие изучить работы ведущих социологов XIX – начала XX вв. могут это сделать не по фрагментам, опубликованным в хрестоматиях, а на основе анализа их произведений в целостном виде.

В-пятых, в конце каждой главы содержатся не только списки рекомендуемой литературы (первоисточники, учебники и учебные пособия, монографии), но и вопросы и задания для лучшего усвоения материала. По ним можно успешно готовиться как к семинарским занятиям, так и к выполнению самостоятельных работ, зачетам и экзаменам. Немалую методическую и справочную помощь окажет студентам оглавление, в котором указано название не только глав, но и составляющих их разделов.

В-шестых, при рассмотрении творчества выдающихся и просто крупных представителей социологической науки, работавших в условиях классического этапа ее развития, приводятся краткие жизнеописания ученых (даются биографические очерки, описываются вехи жизненного пути, раскрываются общие особенности творчества). Все это делается для того, чтобы за схематичным изложением теорий, идей и взглядов социологов читатели видели живых людей – с их подчас сложным жизненным путем, коллизиями личной судьбы и профессиональной карьеры.

В-седьмых, перед автором стоял принципиальный вопрос: в какой форме высказывать собственное отношение к творчеству социологов и мыслителей прошлого? Конечно же, был соблазн определить собственную позицию по целому ряду научных и практических, теоретических и эмпирических проблем, полемизировать с рассматриваемыми социологическими идеями, не соглашаться с ними и даже их критиковать. Тем более, что речь идет о точках зрения, многие из которых сегодня выглядят в определенной степени наивными. Однако путь был избран иной: показ реальных достижений социологической мысли, позитивное отношение к ним и формирование у читателя аналогичной позиции применительно ко всей истории социологии. Основным критерием здесь стала положительная оценка вклада в развитие социологической науки того или иного ученого, а также школ и направлений социологической мысли. Исключение было сделано только в отношении тех теорий и идей, которые содержали в себе антисоциальную направленность. С такими взглядами в учебнике ведется полемика, а некоторые из них (к примеру, расистские по своему характеру теории) подвергаются критике.

Настоящее издание учебника является третьим по счету, начиная с 2000 г. Оно написано на основе издания 2004, 2007 гг., допущенного Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социология», и является обновленной и дополненной работой. Предшествующие издания прошли «испытание временем» в виде положительных отзывов, рецензий и дополнительных тиражей.

Более 20 лет автор читал студентам университетов г. Екатеринбурга лекции по истории социологии, на основе которых и был написан учебник. По меньшей мере, два последних поколения отечественных социологов слушали эти лекции и получали профессиональную подготовку по предшествующим изданиям учебника. Автор надеется, что приходящее новое поколение будущих социологов проникнется интересом и к истории социологии, и к замечательной профессии социолога, приобрести которую можно, только овладев знаниями, созданными нашими великими предшественниками.

ГЛАВА 1

ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ И ЕЕ ПЕРИОДИЗАЦИЯ. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ

1. *Понятие предмета истории социологии.*
2. *Подходы к теоретическим истокам истории социологии.*
3. *Критерии периодизации и этапы развития социологии.*
4. *Социально-экономические, естественно-научные и идейно-теоретические предпосылки возникновения социологии.*

§ 1. ПОНЯТИЕ ПРЕДМЕТА ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

Любая наука имеет свою историю. Она может быть длинной или короткой, бурной, насыщенной драматическими событиями или относительно спокойной. Она может быть известной узкому кругу специалистов или привлекать внимание широкой общественности. Она может давать миру созвездие ученых, имена которых известны уже в начальной школе; однако, не исключена ситуация, когда даже название науки (не говоря уже о ее истории) не становится достоянием самых разных слоев населения.

Какова же история такой науки, как социология? Насколько знание истории социологии необходимо для понимания развития общества и его социальной мысли? Чему это знание учит? Как соотносится история социологии с современным развитием социологической науки и практики?

В самом общем виде история социологии – это раздел социологической науки (иногда его называют даже особой наукой, что, видимо, не совсем точно), в рамках которого рассматривается процесс ее зарождения, становления, функционирования, развития. Поскольку любая наука, в том числе социологическая, в своем становлении и развитии означает, прежде всего, формирование и функционирование направлений, течений и школ, отраслей и сфер, теорий и концепций, парадигм и моделей, постольку рассмотрение истории социологии есть в первую очередь выделение и осмысление этих направлений, школ, теорий, парадигм, определяющих процесс изменения социологического знания.

Сразу же охарактеризуем пока малознакомое понятие парадигмы, которое в дальнейшем изучении курса истории социологии будет встречаться неоднократно и станет одним из ключевых. Вслед за американским ученым Т. Куном, специалистом в области изучения истории науки (он одним из первых ввел понятие парадигмы в широкий исследовательский оборот) будем понимать под ней «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу»¹.

Парадигмы – это общие теории, способы и подходы к изучению социальных процессов, широко принятые и используемые в научном сообществе.

Чтобы ответить на вопрос, в чем состоит предмет истории социологии как раздела социологической науки, нужно хотя бы в самых общих чертах представлять его в целом. В зависимости от того, как мы его понимаем и что относим к предметной зоне социологии, можно говорить и о «начале» истории социологии. Его мы будем связывать с появлением собственно социологической науки. История социологии изучает возникновение и развитие социологической науки от ее истоков до наших дней. Поэтому не будет заметным преувеличением утверждение, что история социологии есть сама социология в ее изменении, совершенствовании, развитии.

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 11.

Развивающаяся наука не может не обращаться к собственной истории, причем делает это по разным причинам. В первую очередь она заинтересована в том, чтобы сохранить в памяти свою биографию, свой «жизненный путь», зафиксировать в ней свои наиболее значительные достижения. Тогда тот, кто хочет стать профессиональным социологом или просто глубоко разобраться в основах этой науки, вначале мог бы усвоить ее базовые исторически возникавшие и утверждавшиеся понятия, теории, ценности. В социологии, как, впрочем, и в любой другой науке, а также практической сфере деятельности, нельзя быть «Иванами, не помнящими родства».

Социология – это часть общества, она органически в него включена и, вместе с тем, является важным средством, инструментом его изучения; соответственно, история социологии – это не только часть, раздел социологической науки, но и инструмент, средство, способ изучения самого общества и его истории. Знакомство с историей социологии дает возможность понять также логику развития как самой этой науки, так и общества в целом.

Изучение истории социологии позволяет сформировать представление об истоках социологической науки, основных этапах ее развития. В их рамках были поставлены, а отчасти и решены проблемы, имеющие непреходящий для развития науки и общества характер. Многие понятия и положения социологии, которые сегодня вызывают пристальный интерес, впервые были сформулированы гораздо раньше. К сожалению, в социологии не так уж редко приходится сталкиваться с очередным «открытием велосипеда», что является, как правило, следствием незнания исторического процесса развития этой науки.

Поэтому, прежде чем браться за детальное изучение конкретной научной проблемы, необходимо ознакомиться с тем богатым социологическим наследием, которое щедро оставили нам для использования его создатели. В сознании каждого социолога – профессионально подготовленного или только начинающего овладевать азами науки – должна существовать в качестве своеобразного алгоритма модель теоретического анализа, согласно которой ни одна конкретная проблема социологии не может быть усвоена и решена вне историко-социологического контекста.

Курс истории социологии рассчитан на приобретение системного знания об основных предпосылках и этапах возникновения, функционирования и развития социологической науки, о ведущих тенденциях ее изменения, о наиболее значительных направлениях, течениях и школах, существовавших и существующих в ней по сей день, о крупных ученых, с именами которых связан прогресс этой науки, о тех ее достижениях, которые оказали определяющее воздействие на усиление роли социологии в жизни общества.

Следовательно, понимание и знание истории социологии является очень важным и прямо-таки необходимым шагом для осмысления сущности социологической науки, тенденций и перспектив ее развития. От прошлого через настоящее к будущему – таков девиз истории социологии. Перефразируя суждение известного древнеримского теоретика ораторского искусства Квинтилиана «Не зная, что было до того, как ты родился, значит оставаться всю жизнь ребенком», мы могли бы утверждать: не зная историю социологии – значит оставаться в этой науке всю жизнь ребенком, не стать по-настоящему профессиональным, зрелым социологом.

С учетом сказанного необходимо пояснить в самом общем виде, не вдаваясь в детали (поскольку здесь потребуются специальный глубокий анализ), что же является предметом социологической науки, ее признаками и критериями, которые позволяют нам определить границы этой науки. Кроме того, возникает вопрос об особенностях нового вида знания – социологического, явление которого неотделимо от этой науки.

Очевидно, что специфика социологического знания определяется не только тем, что оно объективно, проверяемо, достоверно отражает логику развития общественных процессов и явлений, причинно-следственные связи между ними. Речь должна идти о том, что социология дает знание об обществе как целостной социальной системе, элементы структуры которой взаимосвязаны, о тенденциях его функционирования и изменения. При этом социальное знание, представленное в виде законов об обществе, рассматривается как часть более широкого знания о мире в целом, а социология в системе наук занимает свое достойное место, которое определяется ее способностью не только описывать, но и объяснять и предсказывать поведение изучаемых ею социальных объектов.

Понимание специфики социологического знания и предмета социологии как науки, определенность и четкость этой трактовки позволяют выявить начальные, исходные рубежи как ее самой, так и истории социологии. Именно по этому вопросу достаточно долго продолжаются дебаты среди ученых.

§ 2. ПОДХОДЫ К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ИСТОКАМ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

Действительно, одна из наиболее дискуссионных проблем в истории социологии – ее периодизация и определение хронологических (исторических) границ. Причем в отношении верхних границ все относительно ясно, и здесь нет больших споров: историки социологии рассматривают развитие социологической науки вплоть до последнего времени, то есть до наших дней. Это тем более необходимо делать, что взгляды на прошлое социологии определенным образом могут меняться в зависимости от степени изученности и глубины проникновения в историко-социологический материал. Становятся широко известными ранее малоизученные работы, актуальные для сегодняшнего дня проблемы заставляют социологов обращаться к новому прочтению активно использовавшихся в прошлом трудов классиков социологической науки.

Гораздо сложнее обстоит дело с определением нижних границ социологии. К какому времени следует относить ее возникновение: к моменту появления на свет термина «социология», введенного в оборот Огюстом Контом в 1838–1839 году, или нужно говорить об иных ее нижних границах? Существует несколько точек зрения на этот счет.

Одни авторы полагают, что начала социологии следует видеть уже в творчестве наиболее выдающихся мыслителей древности – Платона и Аристотеля. Иногда взгляды на общество мыслителей древности и средневековья рассматриваются как предыстория социологии. В этом случае социальные идеи мыслителей нового времени и эпохи Просвещения характеризуют как предсоциологию².

Другие исследователи считают, что на роль «начала социологии» вполне могут претендовать идеи французских авторов эпохи Просвещения. Так, известный французский социолог середины и второй половины XX века Раймон Арон относит к числу основателей социологии французского мыслителя периода Просвещения Шарля Луи Монтескьё. Не случайно первую главу своей фундаментальной монографии «Этапы развития социологической мысли» он посвящает анализу творчества Монтескьё, называя его основоположником социологической науки³, и лишь во второй главе обращается к рассмотрению взглядов социолога, которого большинство исследователей считают ее подлинным основателем, – французского мыслителя Конта.

Мы присоединяемся к этой позиции большинства, но, прежде чем ее обосновать, выскажем соображение, что, если и существует необходимость поиска «доконтковского» основателя социологии, то больше всего, как нам кажется, мог бы претендовать на эту роль еще один французский мыслитель – Клод Анри де Сен-Симон. Намечается своеобразный, но очень заметный глубокий французский «след» в основании социологической науки (Монтескьё, Сен-Симон, Конт).

Почему именно А. Сен-Симон? Дело не только в том, что его личное идейное влияние на О. Конта было неоспоримым, особенно в период с 1817 по 1824 г., когда последний служил у Сен-Симона секретарем и тщательнейшим образом изучал работы своего патрона. Главное заключается в том, что сами эти работы, в первую очередь книга Сен-Симона «Очерк науки о человеке» (1813), во многом предварили появление и путь развития социологической мысли. Так, французский мыслитель писал, что до сих пор наука о человеке была гадательной, ее же надо возвести, по его мнению, в степень наук, основанных на наблюдении⁴. Сен-Симон считал необходимым «сообщить науке о человеке позитивный характер, основывая ее на наблюдениях и разрабатывая методы, употребляемые в других отраслях физики» наблюдении⁵. В противовес спекулятивным философским построениям он предлагал заняться «установлением последовательных рядов фактов, будучи убежден, что это единственно прочная часть наших знаний» наблюдении⁶.

В связи со сказанным следует признать, что работы французского мыслителя необходимо рассматривать не только как непосредственную теоретическую предпосылку социологии, но и как идейное основание ведущего социологического направления XIX в. – позитивизма. Родство позитивистских идей Сен-Симона и теоретических позиций основателя позитивизма Конта мы увидим дальше, при изучении взглядов последнего.

Уже было сказано, что нами будет рассматриваться в качестве исходной точки и нижней границы социологической науки творчество Конта. Почему? Подробный ответ на этот вопрос будет дан во второй главе при изучении его взглядов, но в самом общем плане здесь необходимо отметить следующее.

² См., например: Капитонов Э. А. История и теория социологии. М., 2000. С. 19–136.

³ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 33–85.

⁴ Сен-Симон А. Избр. соч. М., 1948. Т. 1. С. 167–168.

⁵ Сен-Симон А. Избр. соч. М., 1948. Т. 1. С. 201.

⁶ Сен-Симон А. Избр. соч. М., 1948. Т. 1. С. 153.

Конечно, очевидно для всех, что проблемы общественной жизни волновали тысячи мыслителей во все времена и эпохи, в том числе (а, может быть, и в первую очередь, если говорить о древности) Платона и Аристотеля. Трактат Платона «Государство» или работу Аристотеля «Политика» можно в известном отношении рассматривать как древние истоки, предысторию социологии. Однако с таким же успехом к истокам социологии нужно было бы относить гигантское количество работ об обществе, написанных после великих греков. Речь же идет в нашем случае о конституировании совершенно особой науки об обществе, а не просто о рассмотрении актуальных социальных проблем.

В этом плане понятно, что термин «социология» гораздо моложе, чем сама наука (точнее говоря, науки, ибо их много – история, философия, экономика и т.д.) об обществе. Здесь также необходимо отметить, что элементы социологического знания постепенно накапливались в целом ряде общественных наук, к числу которых, помимо названных, следует отнести теорию государства, правоведение, философию истории и другие. Каждая из них сыграла свою, притом немалую, роль в появлении новой науки об обществе – социологии.

Вместе с тем, нельзя не отметить в этом процессе возникновения новой науки особое значение философии, в первую очередь социальной философии (иногда ее называют философией истории). Не случайно упомянутый выше Арон называл Конта философом в социологии, социологом в философии (кстати, эти слова в полной мере могут быть отнесены и к самому Арону). Тесная, неразрывная связь названных двух наук – социологии и социальной философии – прослеживается на протяжении всей истории первой из них, накладывая особую печать и на развитие второй.

Конт «присвоил» новой науке имя, обозначил основные ее контуры. Термин «социология», принадлежащий исключительно ему, имеет смешанное греческо-римское происхождение (от греч. *logos* – учение и лат. *Societas* – общество) и означает в самом общем виде то, что считают в первом приближении к этому понятию и сейчас – науку об обществе. Но если до 1830-х гг. проблемы общественной жизни вплетались в общую ткань мировоззрения, не выделяясь в специальный предмет изучения, то ближе к середине позапрошлого столетия произошло провозглашение социологии как отдельной науки.

Основная программная установка Конта состояла в превращении нового учения об обществе в такую же точную и плодотворную, рациональную и эффективную науку, какой оказалось естествознание, наука, которая не является спекулятивной, умозрительной, а пользуется уже доказавшими свою значимость и полезность методами наблюдения, эксперимента, сравнительно-исторического анализа и другими. Иными словами, речь шла о знании, способном дать позитивный результат, и базирующемся на подобном знании направлении позитивизма. Для науки об обществе и человеке такой подход был революционным. Это дает основание считать реальной и явно выявленной нижней границей социологии позитивизм как направление и творчество Конта – как его первое и наиболее яркое выражение.

§ 3. КРИТЕРИИ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Каковы же основные этапы становления, функционирования и развития социологии? Другими словами, какова периодизация истории социологии? Ответ на этот вопрос связан в первую очередь с выявлением критериев периодизации. Будем говорить о трех видах критериев: временных, пространственных, содержательных.

В соответствии с первыми определяются исторические этапы возникновения, утверждения и развития социологической науки в течение XIX–XXI вв. С помощью пространственных критериев выделяются страны (континенты), в которых наиболее активно развивается социология в те или иные исторические периоды (этапы). Наконец, обращение к содержательным критериям означает выделение различных направлений, школ, течений, парадигм и наиболее ярких их представителей (персоналистический подход).

Попытки периодизации истории социологии, неоднократно предпринимавшиеся в зарубежной и отечественной науке, редко учитывали все эти критерии в их сочетании и единстве. В некоторых трудах (даже в учебниках по истории социологии) вообще не дается никакой периодизации и не ставится вопрос о ее критериях, что, конечно, не способствует систематизации громадного и разнообразного материала, накопленного социологической наукой за почти двухвековую историю ее развития, и затрудняет его усвоение студентами.

Обычно в работах по истории социологии акцентировалось внимание на каких-то одних, чаще всего временных либо содержательных критериях. При этом в основу каждой периодизации могли быть положены различные критерии. Французские ученые Ш.-А. Кюэн и Ф. Гресль в работе «История социологии»⁷ выделяют пять этапов развития социологической науки: 1 этап – до 1917 г., 2 этап – 1918–1945 гг., 3 этап – 1945–1968 гг., 4 этап – 1969 – начало 1990-х гг., 5 этап – с начала 1990-х гг.

Нетрудно обнаружить, что в основу подобной периодизации положены не столько содержательные процессы, происходившие в самой социологической науке, сколько крупные политические события, имевшие мировое значение: революции, войны, общественно-политические движения и выступления, оказавшие серьезное влияние на развитие общества (например, молодежные, в первую очередь студенческие, выступления 1968–1969 гг. в Европе и США, названные рядом авторов студенческой революцией).

Конечно, развитие социологической науки не может не быть связано с радикальными общественно-политическими трансформациями, но рассматриваемая зависимость не настолько жесткая, чтобы использовать ее в качестве основного критерия для выделения основных периодов и этапов процесса этого развития. Гораздо более точной представляется такая периодизация истории социологии, в основу которой кладется анализ внутреннего развития этой науки, ее содержания, существенных изменений, происходящих в ней по мере развития социологического знания, и выявляются его стержневые проблемы. Среди них можно назвать понимание общества, его взаимоотношений с социальными группами и личностями, вопрос о предмете социологии и т.д. Конечно же, одной из наиболее актуальных и «сквозных» является проблема соотношения теоретической и эмпирической социологии.

Целесообразно выделять два основных этапа в развитии социологической науки. Первый охватывает XIX в. (со времени Конта) и начало XX в. (вплоть до 1920-х гг.), второй – весь XX и начало XXI в. Первый этап получил название классического (этап возникновения и развития классической социологии), второй – современного (этап развития современной социологии). Если первый этап связан с существованием, причем преимущественным, теоретической социологии, то второй характеризуется, наряду с продолжением этого процесса, появлением и развитием эмпирической социологии. Современный этап развития социологии определяется взаимодействием (в том числе и в форме противоборства, противостояния, взаимного неприятия) теоретической и эмпирической социологии.

Чтобы в дальнейшем было понятно, о чем идет речь, очень кратко определим понятия теоретической и эмпирической социологии. Под первой будем понимать область развития социологической науки, содержание которой составляет добывание теоретического знания, создание (конструирование) общих и специальных (частных) социологических теорий. Эмпирическая социология – область развития социологической науки, связанная с получением фактографического знания на основе изучения конкретных социальных проблем с помощью соответствующих методов сбора первичной социологической информации (анализ документов, социологическое наблюдение, опрос в его различных типах и видах и др.).

Понятно, что, называя второй этап (с 1920-х гг. до наших дней) современным, мы рискуем быть, мягко говоря, непонятыми. Неужели в начале XXI в. можно позволить себе утверждать, что имевшие место 80-90 лет назад процессы в социологии должны рассматриваться в качестве современного этапа ее развития?

По поводу границ между классическим и современным этапами развития социологии есть иная, также распространенная в мировой и отечественной истории социологии точка зрения. Так, В.П. Култыгин полагал, что современный этап охватывает послевоенную (имеется в виду Вторая мировая война) и новейшую социологию. Рубежом между двумя периодами в рамках современного этапа автор считал конец 1960-х гг. Что касается классического этапа, то его протяженность определялась зарождением социологии в середине XIX в. и завершением этапа во время Второй мировой войны. При этом он включал в себя периоды ранней и поздней социологической классики. Рубеж между ними – Первая мировая война и Октябрьская революция в России⁸.

Попробуем аргументировать высказанную нами выше точку зрения. Представляется, что для социологической науки XX – начала XXI в. центральным звеном было и, как нам кажется, еще какое-то время будет, хотим мы того или нет, взаимоотношение, взаимодействие теоретической и эмпирической социологии, Плодотворное развитие социологических исследований многие деся-

⁷ Cuin Ch., Gresle F. Histoire de la sociologie. P., 1992.

⁸ Подробнее о позиции В.П. Култыгина по поводу периодизации социологической науки см: Култыгин В.П. Специфика социологического знания: преемственность, традиции и новаторство // Социол. исслед. 2000. № 8. С. 5–7.

тилетия упирается в вопрос об их обоснованности, доказательности как на теоретическом, так и эмпирическом уровнях. Формы взаимодействия теоретической и эмпирической социологии меняются и будут меняться, равно как и характер каждой из них. Однако проблема их взаимосвязи и плодотворности взаимоотношений остается, что и позволяет говорить о современном этапе развития социологии, охватывающем последние 80–90 лет.

Еще один аргумент в пользу суждения о том, что рубеж между классическим и современным этапами социологии относится ко времени окончания Первой, а не Второй мировой войны, состоит в следующем. Именно начало 1920-х гг. знаменовало собой переход общества в новое состояние, вызвавшее необходимость его осмысления с помощью не традиционных социологических теорий, а иных средств социологического познания, в первую очередь конкретных эмпирических исследований. При этом заметно изменились характер и спектр самих изучаемых проблем. Они стали смещаться в сторону исследования социальных групп (в том числе малых), локальных вопросов жизни города, производства, этнических отношений, образования и т.д. Благодаря таким исследованиям начали возникать отрасли социологического знания (социологии труда, города, образования, индустриальная социология и др.). Еще одна «знаковая» характеристика нового этапа в развитии социологии состояла в значительном усилении ее направленности в сторону изучения субъективных явлений с точки зрения воздействия на них социальных процессов и выявления их социальной природы. Происшедшие именно в тот период (начало 1920-х гг.) изменения в характере, содержании и направленности социологии в значительной степени, наряду с развитием теоретических традиций, определили ее «лицо» в последующие восемь-девять десятилетий, которые мы называем современным этапом социологии.

Дадим краткую характеристику современного этапа и назовем основные периоды развития социологии в его рамках, поскольку в дальнейшем анализе, предпринимаемом во второй части учебника, об этом этапе и его периодах будет сказано гораздо подробнее. Определить же суть современного этапа сейчас необходимо для создания самого общего представления о характере процессов, составлявших канву развития социологии в целом на протяжении XX – первого десятилетия XXI в. Это позволит лучше понять тенденции, начало которым было положено в границах ее классического этапа.

Современный этап связан, во-первых, со становлением и развитием эмпирической социологии; во-вторых, с отраслевой дифференциацией социологической науки; в-третьих, с появлением новых школ, направлений, парадигм и теорий в сравнении с теми, которые были в XIX в.; в-четвертых, со стремлением определенным образом соединить теоретическую и эмпирическую социологию; в-пятых, с поиском путей ухода от классических теорий в сторону «неоклассики» и «постклассики».

В границах современного этапа развития социологии можно выделить несколько периодов. Первый приходится на 1920–1930-е гг. и характеризуется мощным наступлением социологического эмпиризма. Следующий период – 1940–1960-е гг. – определяется значительным усилением теоретико-методологических построений, что стало своеобразной реакцией на доминирование эмпирической традиции. Третий период – 1970-е – середина 1980-х гг.; в это время предпринимаются попытки, с одной стороны, соединить теоретическое и эмпирическое исследования, микро- и макросоциологию, с другой – вывести науку на новый уровень теоретического осмысления процессов (как в реальной жизни, так и в самой социологии). Наконец, четвертый период охватывает последние 25 лет и позволяет обнаружить принципиально иные тенденции, имеющие интегративный характер. Новые движения, теории и парадигмы в социологии дают основания говорить о взаимодействии неоклассической, постклассической, неклассической, постнеклассической, постмодернистской парадигм и метапарадигм. Все они станут предметом анализа во второй части учебника.

Теперь обратимся к рассмотрению главного для нас в первой части учебника классического этапа, который мы связываем с возникновением и развитием социологии в XIX – начале XX в. В таблице 1 систематизируется структура классического этапа истории социологии на основании трех предложенных выше критериев: временного, пространственного и содержательного, с учетом персоналистического подхода к каждому направлению, течению, к каждой парадигме.

Что дает такое «комбинированное» изучение истории социологии, включающее в себя выделение временных этапов и периодов, выявление сути основных направлений, течений, школ, парадигм, характерных для каждого из них и представленных специфически в той или иной стране, и, наконец, рассмотрение взглядов крупнейших представителей социологической мысли, выражающих специфику этих направлений и парадигм?

Прежде всего, возможность определить общественную (экономическую, социальную, политическую, идейную) необходимость и потребность в возникновении того или иного этапа (периода) социологии, его содержательной «начинки», влияния на общество (отдельные группы людей)

и наоборот. Далее. Благодаря указанному подходу, наряду с выявлением социальной зависимости социологии, возникает возможность анализа внутренней логики развития этой науки, не связанной напрямую с общественными (экономическими, политическими, классовыми, групповыми и т.д.) потребностями.

Обе сформулированные позиции способны помочь получить ответы на три принципиальных вопроса:

- во-первых, почему возникли те или иные направления (течения, школы, парадигмы)?
- во-вторых, как это произошло? как случилось, что при всей уникальности и индивидуальности творчества того или иного социолога он представлял взгляды, характерные именно для данного направления в данной стране?
- в-третьих, каким образом появление тех или иных направлений было связано с развитием общества, его потребностями и интересами?

Наконец, соединенные воедино три критерия периодизации истории социологии дают возможность наметить и проследить трактовку основных для этой науки проблем (независимо от направления, течения либо парадигмы): общества, социальной структуры, личности, культуры, социальных институтов, социальной динамики и многих-многих других. Это позволяет создать целостное представление о социологической науке в ее изменении и развитии.

Дальнейшее рассмотрение классического этапа социологии пойдет по пути анализа ее основных направлений и течений (а затем и школ), соединенного с характеристикой творчества наиболее крупных ученых, которым эта наука обязана своим появлением и развитием (см. табл. 1).

Таблица 1

Классический этап истории социологии

<i>Временной критерий</i>	<i>Содержательный критерий</i>	<i>Пространственный критерий. Персоналии.</i>
Ранний классический период: 1830–1880-е гг.	Позитивизм и эволюционизм	Конт (Франция), Спенсер (Англия), Ковалевский (Россия)
	Натурализм, органицизм: Социальный дарвинизм	Гумплович, Ратценхофер (Австрия), Смолл, Самнер (США), Стронин, Лилиенфельд (Россия)
	Расово-антропологическое направление	Гобино, Летурно (Франция)
	Географическое направление	Бокль (Англия), Ратцель, Хаусхофер (Германия), Реклю (Франция), Мечников (Россия)
	Марксизм	Маркс, Энгельс (Германия, Англия), Плеханов, Ульянов/Ленин (Россия)
Поздний классический период: 1880–1910–1920-е гг.	Психологическое направление: Эволюционизм	Уорд, Гиддингс (США), де Роберти, Кареев (Россия)
	Психология народов	Вундт (Германия)
	Групповая психология	Тард, Лебон (Франция)
	Инстинктивизм	Мак-Дугалл (Англия)
	Интеракционизм	Кули (США)
	Классическая немецкая социология:	Теннис, Зиммель (Германия)
	Формальная социология	Вебер (Германия)
Понимающая социология	Дюркгейм (Франция), Парето (Италия), Сорокин (Россия)	

В этой связи зададимся еще одним важным вопросом: как стало возможным появление социологической науки? что к этому привело? Ответ на этот вопрос означает рассмотрение предпосылок возникновения социологии.

§ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ

При рассмотрении предпосылок целесообразно выделить три их группы – социально-экономические, естественно-научные и идейно-теоретические. Рассмотрим вначале первые. В социально-экономическом плане предпосылки возникновения социологии необходимо связывать, прежде всего, с развитием капитализма в первой трети XIX в., которое поставило проблемы общественных отношений, взаимодействия общества и человека в центр социального знания. Жизнь людей в новых условиях породила противоречивые оценки и взгляды на развитие ведущих капиталистических стран, в первую очередь Англии и Франции; не случайно именно в них появились первые великие представители социологии – классики этой науки О. Конт и Г. Спенсер. С одной стороны, в этих странах наблюдался значительный экономический, социальный и политический прогресс в сравнении с предшествующим периодом их развития, с другой – характерными становились усиление эксплуатации, кризисы, невероятно тяжелое положение рабочих, использование женского и детского труда, увеличение продолжительности трудовой недели, крайне неблагоприятные условия на производстве и в быту.

Реакция на эти процессы, естественно, оказалась неоднозначной. Трудящиеся стали прибегать к новым и мощным формам классового сопротивления. Это в первую очередь движение луддитов (направленное на разрушение машин, в которых рабочие фабрик видели своих главных врагов), затем восстания лионских ткачей во Франции, силезских – в Германии, чартистское движение в Англии.

В социальной мысли первой половины XIX в. существовало несколько форм реакции на эти процессы. Это были и утопический социализм, и марксизм, и консервативное, и либеральное направления и др. Определенной формой рефлексии социально-экономического и политического развития капитализма стало возникновение новой науки об обществе – социологии, которая должна была объяснить естественность и закономерность этого процесса и всего того, что могло быть с ним связано.

Вместе с тем, истоки социологии следует искать не только в самом капиталистическом обществе, его социально-экономическом и политическом развитии и потребности иметь объективное научное знание об этих процессах. Несомненно, корни социологии объясняются и общецивилизационной природой. Имеются в виду постепенное складывание мирового рынка, появление схожих политических структур, формирование взаимосвязей различных культур и многое другое. Иными словами, предпосылки возникновения социологии следует видеть в рамках движения в сторону целостного социального мира. Необходимость его изучения, конечно же, требовала новой, особой науки об обществе.

Появление социологии можно рассматривать как своеобразный отклик на эту общественную потребность. Поэтому не случайно уже в социологических построениях Конта, Спенсера, Маркса уделялось большое внимание широким социальным проблемам (некоторые из них мы сейчас назвали бы глобальными). Первых «настоящих» социологов, тех, кто провозгласил принципы новой науки, интересовало прежде всего общество как таковое. Этому как нельзя лучше способствовали сложившиеся к середине XIX в. теоретические построения и концепции, о которых чуть дальше будет специально сказано.

Поэтому не следует преувеличивать роль социально-классового аспекта в возникновении социологии, как это еще до недавнего времени делалось у нас в литературе, когда говорилось о доминирующих интересах буржуазии в становлении и развитии новой науки. Но, вероятно, отказываться от рассмотрения этого аспекта полностью также не стоит. Тем более, что сами основоположники социологии, в первую очередь Конт, уделяли этой проблеме особое внимание. В работе «Система позитивной политики» он специально рассматривал связь между социологическим позитивизмом (см. подробнее о нем в следующей главе) и французской революцией, а также теми классами, слоями и группами, которые были в ней заинтересованы⁹.

Рассуждая о причинах конституирования социологии как отдельной, особой науки об обществе, некоторые исследователи полагали, что в основе этого процесса лежали охранительные задачи. Логика размышлений была примерно такой. Идеи начального периода буржуазного развития (XVIII в.), содержавшие в себе революционный дух, оказались неприемлемыми в новых условиях. Капиталистический строй утвердился, окреп и уже не нуждался в революционном обосновании своего развития. Наоборот, появилась новая социальная задача: сохранить буржуазное общество, с решением которой и связывали возникновение социологии отдельные отечественные ученые.

⁹ См.: Конт О. Система позитивной политики // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 191–196.

Принимая такие аргументы лишь как частично объясняющие возникновение социологии (с точки зрения ее социально-экономических, политических и идейных предпосылок), необходимо отметить, что существовала логика прогресса не только общества, но и науки. Причины появления новой отрасли научного знания разумно было бы искать как за ее пределами, так и в развитии самой науки.

Существенное значение в этом плане приобретают достижения естествознания, которые, с одной стороны, можно рассматривать автономно, как самодостаточные, с другой же – как необходимые естественно-научные предпосылки возникновения социологии. Речь идет в первую очередь об открытиях в области математики, астрономии, физики, механики (отсюда появление «механической» модели общества, в которой оно сравнивалось с машиной, где каждый винтик выполняет свою функцию), совершенных к середине XIX в., а чуть позднее – в области биологии (имеется в виду создание клеточной теории немецкими учеными Т. Шванном и Я. Шлейденем, а затем – эволюционной теории английским естествоиспытателем Ч. Дарвиным).

Без достижений в этих науках не могло быть и речи о появлении социологии, поскольку она изначально конструировалась, создавалась по образцу точных естественных наук, методы же социологии должны были воспроизводить основные методы естествознания (наблюдение, эксперимент и др.). Поскольку эти методы приводили ученых в области естественных наук к получению нового и точного знания и установлению научных фактов, постольку именно они привлекали внимание исследователей общества. Не случайно об этом говорил К.А. Сен-Симон, выдвигая идею позитивного знания об обществе и человеке, знания, которого можно добиться с помощью применения подобных методов. Позднее этой идеей в полной мере воспользуется О. Конт.

Сказанное о методах касалось и законов общества, которые должны были, так или иначе, соответствовать законам природы, открываемым представителями естественных наук. Объективность, достоверность, доказательность, точность – вот лишь некоторые характеристики естественно-научных законов, которые распространялись на социологию. По существу сложилась ситуация, когда социальное знание должно было как бы «догонять» естественно-научное знание. Первое могло укрепить свой статус только за счет второго, оказавшись вместе с ним в одном общенаучном «доме», в котором были бы приняты единые «законы жизни» и единые «правила игры», т.е. методы исследования.

Говоря о теоретических предпосылках социологии, следует отметить, что социальное мышление, развитие которого привело к возникновению этой науки, включало в себя две наиболее выраженные ориентации – консервативную и либеральную. В каждой из них был свой взгляд на общество с точки зрения его связей с индивидом. В рамках консервативной ориентации (один из наиболее видных и ярких представителей – Ж. де Местр, Франция) конкретному человеку отводилась лишь незначительная роль, поскольку общество рассматривалось как состоящее из отношений и институтов, но не индивидов. Оно оказывалось значимее, выше и важнее, чем человек.

Либеральная ориентация (наиболее яркие представители – И. Бентам, Дж. Милль, Англия) основывалась на ином представлении о соотношении человека и общества. Хотя последнее также рассматривалось как своего рода механический агрегат, состоящий из отдельных частей, все же человеку отводилась немаловажная роль в его изменении. Более того, индивидуальная сознательная деятельность как раз и приобретала смысл тогда, когда направлялась на улучшение общества как своеобразного «искусственного тела». Сформировалась идеология индивидуализма, сумевшая выразить одну из важнейших сторон сущности человека. Основным смыслом этой идеологии можно было бы определить так: что лучше для человека, то лучше для общества. В целом же обе ориентации сыграли определенную роль в возникновении и последующем развитии социологии, поскольку для нее вопрос о соотношении общества и человека является одним из центральных.

Рассматривая идейные предпосылки социологии как науки, нельзя забывать и о значении утопического социализма, о воздействии его идей, о личном влиянии одного из крупнейших представителей этого социального течения французского мыслителя Сен-Симона на основателя социологии Конта. Одна из центральных линий этого не только личного, но и идейного влияния была связана с трактовкой прогресса как универсального закона природы. Вера и убежденность в возможности как общественного, так и научного прогресса были характерны для многих мыслителей эпохи Просвещения во Франции, в первую очередь для Ш. Монтескье и Ж. Кондорсе. Эта идея сыграла значительную роль в становлении социологии как науки, которая изначально ориентировалась на понимание поступательного и прогрессивного развития общества.

Говоря об идейных предпосылках социологии, нельзя не сказать о взглядах французского просветителя Ш. Монтескье. Выше уже отмечалось, что такой блестящий специалист по истории социологии, как Р. Арон, ведет отсчет «социологического времени» именно от Монтескье. Извест-

ный русский социолог Н.И. Кареев писал: «Мы не можем не признать, что, если кто-либо имеет право на имя социолога, когда не было еще социологии, то это право принадлежит, конечно, Монтескьё»¹⁰. Французский предшественник социологии пытался рассматривать развитие общества сквозь призму влияния на него различных природных факторов – географической среды, климата, численности населения, размеров территории и т.д. В этом смысле он был провозвестником целого социологического направления под названием «географический детерминизм». Уделяя большое внимание политическим проблемам общественной жизни, он рассматривал их решение в зависимости от естественных факторов. Монтескьё стремился за случайными явлениями, конкретными общественными событиями и фактами увидеть скрытые внутренние причины, их вызвавшие. Однако он не изучал современное ему общество как нечто целостное, то есть то, что составляет сердцевину социологической науки. Уделяя основное внимание характеристике политических процессов, политического строя, он не видел прогресса в целостном ходе истории.

Ряд идейно-теоретических предпосылок социологии содержался в философских концепциях мыслителей, занимавшихся анализом исторического и современного материала. Особое значение в этом плане имели взгляды на проблему социального неравенства и классовых различий. С конца XVIII в. стало входить в употребление понятие «класс», нетождественное распространенному тогда понятию «сословие». Затем у французских историков периода реставрации (О. Тьерри, Ф. Гизо, О. Минье) появляется понятие классовой борьбы.

Приобретает важное значение характеристика гражданского общества, связанного, прежде всего, с демократической формой его существования. Великий немецкий философ Г.В.Ф. Гегель (чьи диалектические идеи мы не можем не принимать в расчет, когда говорим о появлении новой науки – социологии) рассматривал гражданское общество и как единое (ни один индивид в нем не может обойтись без других), и как раздираемое противоречивыми, зачастую антагонистическими интересами.

Наконец, к этому же смысловому ряду предпосылок можно отнести и взгляды итальянского мыслителя Дж. Вико (конец XVIII в.) на прогресс, согласно которым последний имеет объективный, циклический и провиденциальный (осуществляющий замысел Бога) характер.

Для возникновения социологии имело значение, притом существенное, то, что, наряду с умозрительными философскими построениями, появлялись эмпирические социальные исследования, связанные с социальной статистикой. Проводились хозяйственные переписи, разрабатывалась техника массовых статистических опросов, закладывались основы демографии. Развивались этнографические и антропологические исследования, причем последние меняли свой характер и направление. Если в середине XVIII в. антропология была связана с изучением человеческого тела, то спустя столетие ее определяли как науку о человеке, включающую языковедение, культуроведение и др.

Итак, к 1830–1850-м гг. сложились все необходимые социальные, естественно-научные и идейно-теоретические предпосылки возникновения новой социальной науки. Требовалось иное осмысление общественных процессов и явлений, которое можно было обеспечить с помощью особой науки – социологии.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как бы Вы определили предмет истории социологии? Что дает ее изучение будущим специалистам в области гуманитарного знания?
2. Какие точки зрения относительно периодизации истории социологии вам известны? Обоснуйте каждую из них.
3. Каковы критерии периодизации истории социологии?
4. Как вы можете объяснить то обстоятельство, что первые развитые философские системы появились несколько тысячелетий назад, а социология как наука ведет свой отсчет лишь с 1830-х гг.?
5. Какие тенденции социального и общенаучного развития оказали определяющее воздействие на процесс зарождения и становления социологии как самостоятельной науки?
6. Проанализируйте социально-экономические предпосылки появления социологии как науки.
7. Охарактеризуйте естественно-научные предпосылки возникновения социологии.
8. Раскройте идейно-теоретические истоки социологической науки.

¹⁰ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1903. С. 7.

ЛИТЕРАТУРА

- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Д., 1999.
- Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.
- Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социология. М., 2007.
- Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История теоретической социологии. В 4 т. Т. 1. М., 1997.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.

ГЛАВА 2

ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ ПОЗИТИВИЗМА. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО О. КОНТА

1. *Понятие позитивизма в социологии.*
2. *О. Конт: краткий биографический очерк.*
3. *Предмет и задачи социологии, ее место в классификации наук.*
4. *Социальная статика и социальная динамика.*
5. *Методы социологии.*
6. *Позитивная политика.*
7. *Проблемы образования и воспитания.*
8. *Значение социологических идей О. Конта.*

§ 1. ПОНЯТИЕ ПОЗИТИВИЗМА В СОЦИОЛОГИИ

Исторически первым направлением, возникшим в социологии XIX в., был позитивизм (от лат. *positivus* – положительный). Суть его состояла в том, чтобы сформировать новую систему знания об обществе на базе использования законов и методов естественных наук. Изначально позитивизм противопоставлялся спекулятивному умозрительному теоретизированию. Собственно, и возник он в результате отказа от абстрактных рассуждений об обществе и стремления к созданию такой «позитивной» социальной теории, которая должна была соответствовать всем основным параметрам естественно-научной теории. С точки зрения позитивизма, основная задача социологии состояла в том, чтобы эмпирическим и аналитическим путем, основываясь на фактах, исследовать социальные явления. Только в этом случае она могла быть «позитивной», т.е. способной положительно и успешно решать проблемы жизни общества.

Основатели позитивизма (в первую очередь О. Конт) считали, что знание об обществе должно быть таким же строгим и точным, обоснованным и достоверным, реальным и полезным, как знание о природе, которое нам дают естественные науки. В работе «Дух позитивной философии» Конт говорил о нескольких значениях термина «позитивное». Оно означает реальное в противоположность химерическому, полезное в противоположность негодному, достоверное в противоположность сомнительному, точное в противоположность смутному, положительное в противоположность отрицательному¹¹.

Поскольку законы функционирования и развития общества в позитивизме рассматривались как продолжение законов природы (даже как их частный случай), постольку признавалась их неизменность, данность на все времена. По этому же основанию считалось невозможным проникнуть в сущность и причинную обусловленность социальных явлений и процессов. Наконец, подход к характеристике законов развития общества как продолжению законов природы приводил сторонников позитивизма к изучению общества не столько в динамике, сколько в статике, т.е. речь шла о нем как о системе, находящейся прежде всего в состоянии стабильности и равновесия, и только затем в ситуациях изменения.

Чтобы знание об обществе отвечало требованиям объективности, реальности, научности, достоверности, точности, полезности, оно должно было добываться, с точки зрения позитивизма, с помощью методов естественных наук. Основными среди них считались наблюдение, эксперимент, сравнительный, исторический и в определенной степени математический методы.

¹¹ См.: Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С.39–40.

Позитивизм как парадигма социологии XIX в. проявился в таких более конкретных своих направлениях (иногда их называют характерными чертами позитивизма), как натурализм, органицизм, эволюционизм (в последующих главах о них пойдет специальный разговор). Кроме указанных течений, к позитивизму относятся также социальный дарвинизм, механицизм, географический детерминизм, расово-антропологическое направление и др. (речь о них также впереди). Все эти направления и течения позитивизма отличались одним общим принципом – социологического редукционизма. Суть его состоит в стремлении объяснить основные явления общественной жизни с точки зрения единственного определяющего фактора, будь то биологический, географический, расовый или еще какой-либо. Поэтому не случайно в истории социологии все эти течения и направления получили название «школ одного фактора» (что не совсем точно и о чем мы еще будем говорить).

Как уже отмечалось, основоположником позитивизма вообще, социологического в особенности был Конт. Перейдем сначала к краткому рассмотрению его жизненного пути, а затем – к более подробному изложению основ социологического творчества французского мыслителя.

§ 2. О. КОНТ: КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ИСИДОР МАРИ ОГЮСТ ФРАНСУА КСАВЬЕ КОНТ
19 января 1798 г. – 5 сентября 1857 г.

Огюст Конт (1798–1857) родился во французском городе Монпелье в семье финансового чиновника. С 1807 по 1814 гг. учится в лицее этого города. В последние годы учебы в лицее, несмотря на юношеский возраст, увлекается либеральными и революционными идеями. Затем он переезжает в Париж, проходит по конкурсу одним из лучших в Высшую Политехническую школу (где получает систематическое образование в области естественных наук). В 1816 г. его исключают за вольнодумство, а учебное заведение правительство Франции эпохи Реставрации закрывает как рассадник якобинских настроений. Затем он возвращается на несколько месяцев в Монпелье, слушает курсы по медицине и физиологии в университете этого города и вновь уезжает в Париж, где зарабатывает на жизнь уроками математики.

Следующий важный этап в жизни Конта – 1817–1824 гг., когда он работает секретарем Сен-Симона, являясь и его сотрудником, и другом. В этот период Конт печатает ряд небольших статей, касающихся различных социальных проблем. Одна из них – «План необходимых научных работ, чтобы реорганизовать общество». Она стала базой для первого крупного труда – «Система позитивной политики». Первая часть первого тома этой работы была продана Сен-Симону и опубликована им в 1824 г. без подписи автора в серии «Катехизис промышленников». Этот факт послужил причиной для протеста Конта и его ссоры с патроном, от которого он уходит.

В 1825 г. состоялся брак Конта «по благородному расчету» с бывшей проституткой Каролин Массэн. Он оказался недолговечным и позже был признан самим Контом самой серьезной ошибкой его жизни. Жена уходила от него несколько раз, что оказалось глубоким потрясением для Конта. Последующие два года его жизни омрачены серьезным психическим заболеванием и даже попыткой самоубийства. Ценой невероятных внутренних усилий, придерживаясь сурового режима как умственной, так и физической деятельности, Конт все же выходит из кризиса.

С 1829-го по 1842 г. он пишет главный труд своей жизни «Курс позитивной философии» в шести томах. Первый том вышел в 1830 г. В этой книге Конт разрабатывает принципы классификации наук, позитивной философии и социологии. Отметим, что в последних трех томах «Курса» излагаются основы «социальной физики» (социологии). В четвертом томе говорится о необходимости изучения социологических законов, а в пятом и шестом формулируется главный (по Конту) из них – закон трех стадий.

В 1844 г. социолог публикует «Рассуждение о духе позитивной философии», в 1848–1851 гг. – «Рассуждение о позитивизме в целом», в 1851 г. – «Позитивистский катехизис» (наставление, поучение, чаще всего в виде вопросов и ответов), в 1851–1854 гг. – «Систему позитивной политики». В 1848 г. Конт создает «Позитивистское общество», задачей которого было обучение и воспитание народа в духе позитивистского мировоззрения. В последние годы жизни он часто выступает с лекциями для рабочих, в которых в резкой форме осуждает революционные действия парижского пролетариата. Умер Конт 5 сентября 1857 г. в Париже в окружении учеников в доме на улице Месье-ле-Прэнс.

§ 3. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ СОЦИОЛОГИИ, ЕЕ МЕСТО В КЛАССИФИКАЦИИ НАУК

Одна из главных теоретических задач, которую О. Конт ставил перед собой, заключалась в создании новой классификации наук, охватывающей все сферы знания. Им даже был сформулирован специальный «закон классификации», касавшийся шести основных наук: математики, астрономии, физики, химии, биологии, социологии. Основаниями для такой классификации явились, по Конту, два главных условия – догматическое и историческое. «Первое, – писал он, – состоит в расположении наук согласно их последовательной зависимости, так, чтобы каждая опиралась на предыдущую и подготовляла следующую; второе предписывает располагать их сообразно ходу их действительного развития, переходя всегда от более древних к более новым»¹².

В современных терминах мы назвали бы эти условия историческим фактором (время и последовательность возникновения той или иной науки, возрастающая сложность предмета исследования по мере движения от одной к другой) и логическим фактором (восхождение от абстрактного к конкретному в процессе перехода от математики к астрономии, от последней – к физике и т.д., вплоть до социологии). Кроме того, Конт пишет о характере связи науки с практикой (чем абстрактнее наука, тем меньше она связана с практикой, и наоборот). С учетом этих критериев социология оказывается самой новой, сложной, конкретной и практичной наукой из тех шести, которые охватываются «законом классификации».

Конт подчеркивал особую роль социологии по отношению к другим наукам. В приведенной выше классификации она «возвышается» над остальными науками, «законодательствует», потому что определяет «гуманитарную» цель каждой из них. Поскольку, по Конту, социология занимается изучением общества как целого, она относится к нему как социальному организму. Социальный, как следует из его трактовки, означает общественный, коллективный.

Отсюда вытекает, что все, связанное с индивидом, автоматически исключается из сферы интересов социологии и становится объектом внимания биологии. Так, из контовской социологии «исчез» индивид как субъект социального действия, реальный источник общественной активности. Строго говоря, он даже не исчез, поскольку вообще не появлялся и не рассматривался автором самостоятельно, изолированно от общества, изначально не составляя особого предмета исследования. По существу можно говорить об антииндивидуализме всего «позитивного учения» французского социолога.

Чем была вызвана у французского мыслителя необходимость конституирования новой науки? Ответ на этот вопрос может быть получен с учетом специфики общественного контекста, в котором жил и работал Конт. Он воспринимал состояние общества, в котором находился, как кризисное. Причем сам этот кризис рассматривался им комплексно – и в социальном, и в нравственном, и в интеллектуальном отношениях. Причин кризиса было несколько, но для Конта главной выступали разрушение старых социальных институтов, норм и связей и несформированность новых.

Основным средством преодоления кризиса французский мыслитель считал создание и распространение новой, «позитивной» науки об обществе. Ее особенности выделялись Конту в реальности и ненадуманности социологии (последнее было не характерно для многих теорий общества

¹² Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 85.

вплоть до 1830-х гг.), с одной стороны, и во включенности ее в общую научную картину и соответствующую классификацию наук – с другой. Новую позитивную науку об обществе он назвал сначала социальной физикой, а позднее (в 1839 г.) социологией. Введение нового слова, точнее говоря, научного термина автор объяснял не своей приверженностью к неологизмам, а необходимостью создания специальной науки (которой до сих пор, по его мнению, не было) для выявления и описания фундаментальных законов общества.

Конт полагал, что с помощью новой позитивной науки об обществе удастся его изменить. Он был убежден, что все социальное устройство и вся его деятельность основаны на общественном мнении. Об этом говорят даже названия некоторых глав его работы «Общий обзор позитивизма»: «Нравственная и политическая сила преобразованного общественного мнения», «Организация общественного мнения», «Философские органы общественного мнения», «Необходимое сочетание трех элементов общественного мнения: доктрина, сила и орган». Как видно, разум превращен социологом в основной инструмент общественного прогресса.

Главный методологический принцип, который использует Конт при изучении мира и общества, – целостный и системный подход. Общество выступает как своего рода организм, социальная система, элементы которой выполняют специфические функции и служат ее требованиям. Социология же призвана открывать законы функционирования и развития этой системы. Однако, говоря о них и пытаясь их формулировать, Конт имеет в виду законы умственного, точнее, духовного и нравственного развития общества, но никак не касается его социально-экономической организации, особенностей труда и производства, профессиональной структуры. Было бы неверно утверждать, что социология Конта игнорирует вообще проблематику труда. Он, в частности, пишет о разделении труда, но видит его не в развитии экономических связей (поскольку не они, по мнению социолога, создают стабильность общества), а в укреплении солидарности классов, социальных групп и даже семей. Спустя столетия этой идеей усиления социальной солидарности через процесс общественного разделения труда воспользуется еще один классик мировой социологии – Э. Дюркгейм.

§ 4. СОЦИАЛЬНАЯ СТАТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Вся социология (до 1839 г. в терминологии О. Конта социальная физика) делилась им на две части – социальную статику и социальную динамику (по аналогии с физикой, в которой в качестве основных разделов выделяются статика и динамика). Социальная статика изучает общество в состоянии устойчивого равновесия всех социальных элементов, дает его синхронный срез. Социальная динамика обращается к анализу развития общества. Основным законом социальной статики формулируется Контом как закон социальной гармонии, устанавливающий в качестве естественного состояния социального строя гармонию классов.

Конт начинает анализ социальной статики с семьи, рассматривая ее как основную клеточку социального организма. Семья – это то, что находится между обществом и человеком и сближает их. «Только благодаря семейным обязанностям, – писал Конт, – человек изменяет своему первоначальному себялюбию и может надлежащим образом подняться к конечной ступени, к общественности»¹³.

Распад семьи будет означать распад общества. Семья, по Конту, выполняет самые важные функции в обществе: сохраняет культурное наследие, устанавливает эмоциональные и моральные связи между людьми, определяет баланс, равновесие между устремлениями разных поколений. Поскольку семья – это первичная, складывающаяся на основе чувств, их силе форма объединения людей, именно из нее вырастают другие формы объединения людей – племена, народы и т.д.

Интересно отметить, что французский социолог не рассматривал экономическую функцию семьи, которая в его времена играла значительную роль. Впрочем, здесь нет ничего удивительного, если учесть, что экономическая жизнь общества, начиная с производства, по существу не затрагивала его научных и личных интересов. Что волновало Конта, так это, прежде всего, проблемы морального характера, в том числе применительно к семье.

Все рассуждения Конта о семье, и особенно о женщине, окрашены в архаичные и консервативные тона. Он оправдывает неравенство между мужчиной и женщиной, доказывает, что женщина в интеллектуальном отношении слабее мужчины; вместе с тем, она являет собой силу любви, значащую гораздо больше, чем тщеславное превосходство разума. Прекрасна формула, выдвинутая Контом: «Пресыщает любая деятельность и даже мысль, но никогда не пресыщает любовь».

¹³ Конт О. Система позитивной политики // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 220.

Социальная динамика характеризовала развитие мысли, духа и общества в рамках трех последовательно сменяющих друг друга фаз (стадий, состояний). Первую главу своей книги «Дух позитивной философии» Конт назвал «Закон интеллектуальной эволюции человечества, или Закон трех стадий», и начинает он ее следующим образом: «Согласно моей основной доктрине все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями – теологическая, метафизическая и научная...»¹⁴.

По утверждению О. Конта, эти стадии проходят в своем развитии, возвышаясь от низшей к высшей, как через индивидуальное человеческое сознание, так и сознание всего человечества (имеются в виду его история и культура). Первая – теологическая – отмечена господством религиозно-мифологического сознания, вторая – метафизическая – является чисто разрушительной и поэтому негативной, кризисной и переходной, поскольку она характеризуется господством абстракций и оторвана от реальности. Только третья, позитивная (научная) стадия означает полное и окончательное утверждение нового взгляда на природу и общество. Все эти три стадии (фазиса, по выражению Конта) предстают у социолога как исторически сменяющие друг друга типы социальной организации человечества.

Особенно важно отметить, что и в социальной статике, и в социальной динамике духовный фактор главенствует. И в первой, и во второй изменения в духовной сфере сопровождаются переменами в остальных областях общественной жизни. Так что все духовное социально в самом широком и общем смысле.

Рассмотрим чуть подробнее каждую из трех стадий. Теологическая стадия в развитии сознания, а, следовательно, и общества означала, что все явления рассматривались как результат действия сверхъестественных сил. Ее хронологические рамки – древность и раннее средневековье. В рамках этой стадии выделялись три периода – фетишизм, политеизм, монотеизм. Период фетишизма связан с приписыванием жизни внешним предметам, в которых люди видели богов, поклонением неодушевленным предметам, наделявшимися сверхъестественной магической силой. Период политеизма (что означает веру во многих богов), особенно ярко проявившийся в древней Греции и Риме, был связан с формированием поэтического мировоззрения, развитием художественного творчества. Поэтому, считает Конт, материальная культура в древнем мире развивалась слабо. Что касается периода монотеизма, то он был характерен для обществ, где господствовала религия одного бога. Типичный пример – христианство.

Метафизическая стадия характеризовалась направленностью на разрушение в ходе Реформации, Просвещения, революций, войн и т.д. старых верований, составлявших фундамент общественного порядка в эпоху Средневековья. В упадок приходят все авторитеты того времени: власть, религия, господствующие классы.

Что касается позитивной стадии, то ее смысл состоит в коренном преобразовании мыслительных ориентиров, определяющих характер общества. Появляется индустриальный (промышленный) строй, приходящий на смену военному и теологическому состоянию. Характерными чертами позитивной эпохи являются: быстрое развитие материальной культуры (обеспечивающее более легкую и приятную жизнь), рост социальных чувств, солидарность, справедливость и мир. Человеческая мысль стремится теперь объяснить все на основании открываемых законов, представляющих собой наблюдаемые связи между явлениями.

Говоря о социальной статике и социальной динамике, нельзя не сказать о соотношении двух узловых понятий в социологии Конта – порядка и прогресса. Они являются главными проявлениями общественного целого. Первый больше присущ социальной статике, второй – социальной динамике.

Большое внимание проблеме соотношения порядка и прогресса Конт уделяет в «Системе позитивной политики». Прежде всего, он формулирует девиз позитивизма: порядок и прогресс. Прогресс для Конта оказывается в первую очередь развитием порядка. Французский социолог выступает как автор теории, в которой различаются и анализируются четыре вида прогресса: материальный, физический, интеллектуальный и моральный. Последний больше всего способствует поддержанию порядка, совершенствованию общества и человека. Система человеческого совершенствования включает в себя последовательные четыре ступени, соответствующие видам прогресса. Это вначале материальное, затем физическое, вслед за ним интеллектуальное и, наконец, моральное (нравственное) совершенствование. Другими словами, выстраивается своего рода иерархия видов общественного прогресса и человеческого совершенствования¹⁵.

¹⁴ Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 7–8.

¹⁵ Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 230–233.

§ 5. МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИИ

Проблеме методов в социологии О. Конт уделял особое внимание в связи с особенностями позитивизма как учения, основанного на сборе точных фактов и их проверке. Чтобы социологическое знание было точным, строгим, объективным, научным, соответствующим критериям должны отвечать инструменты и средства его получения, то есть методы.

Основным методом исследования в социологии Конт считал наблюдение социальных фактов. При этом под ними понималось, прежде всего, наблюдаемое физическое поведение людей. Именно социальное наблюдение должно было поставить социологию в ранг науки, придать анализируемому материалу характер объективности – точно так, как это имело место в физике. Не будем забывать, что социология субъективно оставалась для Конта всю жизнь социальной физикой, т.е. наукой, основанной на естественно-научном способе изучения фактов. Другое дело, что в реальности он не сумел воплотить в социологии естественно-научный тип (способ) получения знания. Но здесь мы имеем дело с противоречием или, как утверждают некоторые исследователи, парадоксом контовской социологии¹⁶.

Чтобы быть надежным источником получения знаний, наблюдение социальных фактов должно опираться на законченную теорию (у Конта это позитивная философия), иначе есть риск запутаться в их бесконечном многообразии. Это – первое условие эффективности применения метода наблюдения. Второе условие заключается в том, что социальное наблюдение предполагает четкое разделение его субъекта и объекта. По Конту, в социологии возможно наблюдение только «со стороны» (подобно тому, какое существует в науках о природе). Метод «включенного наблюдения», который в эмпирической социологии XX в. стал одним из популярных, Конту был неизвестен. Зато он признавал большое значение, и это следует особо подчеркнуть, косвенного наблюдения, состоявшего в описании нравов, обычаев, традиций изучаемых народов. Третье условие эффективности социального наблюдения, согласно учению Конта, определяется необходимостью преодоления иллюзии легкости наблюдения в социологии, поскольку исследователь является как бы сам участником событий. Основатель социологии считает, что «наблюдатель» должен уметь уходить от давления личного и группового интереса, не поддаваться ему, равно как и влиянию определенных предрассудков.

Вторым по значимости методом социологии Конт считал эксперимент – наблюдение за изменением явления под влиянием специально созданных для целей исследования условий. Он различал непосредственный и опосредованный эксперимент. Чаще всего, по его мнению, применяется последний, выступающий как наблюдение за переменами, кризисами, патологическими отклонениями в обществе, наконец, за резкими социальными потрясениями. Такое наблюдение (опосредованный эксперимент) помогает лучше понять нормальное состояние общества. Что касается непосредственного эксперимента, то возможности его ограничены ввиду сложности осуществления контроля и искусственного изменения социальных факторов.

Третий метод в социологии, о котором Конт много писал, – сравнительный, состоящий в сопоставлении жизни народов и деятельности государств. Социолог говорит о трех основных видах сравнений:

- а) сравнение нравственных и интеллектуальных факторов, оказывающих влияние на жизнь обществ, народов и государств;
- б) сравнение различных обществ, сосуществующих синхронно, но не влияющих друг на друга, что позволяет обнаружить общее в развитии различных народов;
- в) сравнение различных состояний одного и того же общества, социального положения различных классов и групп – для того, чтобы выявить определенные этапы развития этого общества.

Отсюда следует интерес Конта к еще одному, четвертому методу – историческому. Именно этот метод способен, по его мнению, поднять науку до уровня позитивной. Задача исторического метода состоит в том, чтобы сравнить последовательные состояния общества с учетом связи прошлого, настоящего и будущего. Исторический метод направлен на выявление тенденций и закономерностей развития общества.

В связи с рассмотрением методов в социологии важным положением учения Конта стало требование строгой эмпирической проверки социальных фактов. При этом, как считает социолог, следует руководствоваться тремя основными принципами социологии – эмпиризмом, позитивизмом и физикализмом. «Эмпиризм, – писал Конт, – означает, что единственным источником истинной науки о мире является опыт. Позитивизм – что предметом его являются только факты... Физикализм – ... что самыми совершенными понятиями являются те, которые создала физика, и что к ним можно и нужно сводить все научное значение»¹⁷.

¹⁶ Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996. С. 27.

¹⁷ Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. С. 214.

§ 6. ПОЗИТИВНАЯ ПОЛИТИКА

В социологии О. Конта стремление к реформированию научного знания тесно сочеталось с намерением использовать его для позитивного совершенствования общества. Не случайно он претендует на создание системы позитивной политики и пишет работу под аналогичным названием, развивая в то же время активную практическую деятельность по преобразованию общественного сознания. Следует отметить, что и теоретическая, и практическая деятельность в области «позитивной политики» падает на последний период жизни Конта (конец 1840-х–1850-е гг.). По существу это было определенное подведение итогов того, что удалось сделать, и стремление успеть что-либо еще совершить в интересах человечества. Социолог вторгается в сферу социальной политики и пытается создать для ее изменения позитивную программу, которая помогла бы лучше обустроить общество, причем речь идет не только и даже не столько о конкретной стране – Франции, но о Человечестве в целом.

Смысл этого обустройства – установление гармонии всех классов в обществе на основе сохранения частной собственности, достижение консенсуса между ними. Прообразом консенсуса классов выступает для Конта консенсус, существующий в семье между ее членами на основе господства альтруистических социальных чувств. Именно эти чувства противопоставляются эгоистическим, разъединяющим и членов семей, и классы. Альтруистические социальные чувства, наоборот, способствуют их объединению и укреплению общественной солидарности. (Небезынтересно отметить, что Конт был одним из первых среди тех, кто ввел и активно использовал понятие альтруизма). Суть нравственного учения позитивизма и соответствующей ему позитивной социальной политики Конт видит в возвышении альтруизма над эгоизмом, общественных интересов над личными.

Только такой порядок может привести к социальному прогрессу. Социолог резко выступает против всякого рода революций и считает, что преобразование общества должно осуществляться путем нравственного и духовного обновления каждого его члена.

Особое внимание он уделяет пролетариату, считая, что этот класс способен «стать опорой для духовной власти», потому что «более всякого другого класса общества естественным образом приспособлен понимать и в особенности чувствовать действительные нравственные начала, хотя он и не в состоянии их привести в стройную систему»¹⁸. Для достижения этой цели – превращения пролетариата в опору для духовной власти – необходимо, по мнению Конта, привести в действие нравственную и политическую силу преобразованного общественного мнения. Его «благотворное влияние ... неизбежно станет важнейшей опорой нравственности (не только социальной, но также частной и даже личной) среди тех народов, у которых каждый человек должен будет жить все более и более на виду у всех, что позволит обществу действительно контролировать деятельность каждого»¹⁹.

Здесь мы сталкиваемся с одним из противоречий контовской социологии. С одной стороны, в ней заметен определенный либерализм, стремление к реализации его в социальной политике по отношению к беднейшим слоям и классам населения, в первую очередь пролетариату, проявление заботы о нем как в материальном, так и, в особенности, в нравственном плане. С другой стороны, нельзя не отметить тенденции авторитаризма и даже тоталитаризма в связи с провозглашением необходимости установления контроля за поведением людей, которое должно быть «на виду у всех». Конт, по существу, отрицает гражданские права и свободы личности и настаивает на вмешательстве властей (государства) не только в общественную, но и личную жизнь.

Одно из направлений позитивной политики О. Конта было связано с его попыткой создать «позитивную религию» (в связи с этим следует отметить, что полное название его работы о позитивной политике сформулировано так: «Система позитивной политики, или Трактат о социологии, устанавливающий религию Человечества»). Разочаровавшись в возможностях просветительской деятельности, которая сыграла бы решающую роль в преобразовании общества, Конт прибегает к попытке создать новую «мировую религию» – религию Человечества, в основе которой были бы все те же принципы позитивизма. В этой религии нет Бога, но вместо него выступает общество, которому индивид должен поклоняться и которое должен почитать как «Верховное существо», поскольку в жизни человека все зависит именно от этого существа.

¹⁸ Конт О. Общий обзор позитивизма // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 127.

¹⁹ Конт О. Общий обзор позитивизма // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 129.

Конт даже ставил вопрос о создании позитивистской церкви, в которой роль священников и блюстителей нового культа будут играть ученые и актеры. В этой церкви должны были быть приняты обряды, которые Конт разработал сам. Их цель состояла в том, чтобы сопровождать человека на протяжении всей его жизни – от рождения до смерти. Конт даже сам крестил и женил своих учеников, стремясь показать на практике смысл этих обрядов.

Конечно, превращение позитивистской социологии в определенную форму религии («религиозный позитивизм») было способом утопического реформирования общества, искусственно насаждаемого им среди небольшой группы людей. Утопизм был присущ и другим действиям Конта, связанным, в частности, с попыткой создания позитивистской федерации народов с штаб-квартирой в Париже, задача которой состояла в обеспечении вечного мира на Земле и объединении представителей самых разных наций и этносов.

Говоря в целом о позитивной политике Конта как составной части его социологии, можно утверждать, что она является, пожалуй, наиболее консервативной и утопической во всем учении французского мыслителя. Более того, именно в ней обнаруживается стремление превратить объективные законы общественного развития в «субъективные» факторы, которые могут и должны быть использованы в деятельности по управлению поведением людей. Как справедливо отмечает один из исследователей творчества Конта в отечественной науке А.Б. Гофман, «в его «субъективной» социологии намерение использовать социальные законы и стихийные, самопроизвольно развивающиеся тенденции перерастает в намерение заменить эти законы и тенденции целенаправленной деятельностью, управлением, проектированием некой группы людей, понимающих и выражающих общественное благо. Естественные законы, будучи «познанными», как бы перестают действовать и становятся управляемыми, а человек, «познавший» их, становится демиургом. «Субъективный» фактор выходит на первый план, подчинение законам сменяется безграничным произволом, а наука превращается в проектирование, причем ориентированное не на реальность, а на идеал. Так происходит у Конта превращение социологии из науки в утопию»²⁰.

§ 7. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

С проблемами позитивной политики О. Конта оказываются органично связанными характеристики образования и воспитания, вне которых осуществление принципов позитивизма становится невозможным. Он говорит в основном о народном образовании, сводимом им к образованию пролетариата. Одну из глав «Общего обзора позитивизма» он прямо называет: «Необходимость в новой системе образования для разрешения социальных проблем». Смысл контовского понимания реформы образования состоит в отказе от католической системы обучения и воспитания, которая могла быть пригодна только в Средние века. Конт критикует средневековую систему и за то, что тогда воспитание преобладало над образованием, восхищались же реальной мудростью весьма невежественных рыцарей.

Новое образование (он его называет высшим народным образованием) должно быть в первую очередь всеобщим и общедоступным. В «Духе позитивной философии» французский мыслитель пишет, что «образование имеет своим прямым предназначением всеобщее воспитание, необходимо изменяющее, вопреки всякой противной тенденции, его характер и направление». И далее: «... всеобщее распространение главных приобретений положительного знания назначено теперь ... для удовлетворения потребности уже весьма резко выраженной у широких кругов общества, которое все более и более сознает, что науки вовсе не созданы исключительно для ученых, а существуют преимущественно и главным образом для него самого»²¹.

Конт считает, что необходимо в первую очередь распространение в массах реальных знаний. Именно таким образом общество окажет новой школе услугу, которая станет равноценной той, которую оно само от нее получит. На базе такого широкого, всеобщего, народного образования станет возможным взаимодействие и даже установление союза между пролетариями и философами, без которого, был убежден Конт, позитивного общества не создать. При этом необходимо поднимать образовательный уровень пролетариата до осознания им задач и проблем позитивного общества.

²⁰ Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995. С. 85.

²¹ Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 71.

Все образование человека (а оно в трактовке Конта охватывает период от рождения до совершеннолетия) делится им на две части. Первая связана с обучением и социализацией в семье, развитием эстетического вкуса, началом обучения ремеслу и завершается с появлением половой зрелости. Вторая часть позитивного образования не может быть только домашней, так как она требует школьного преподавания, в котором большая часть родителей сможет принимать лишь второстепенное участие. Однако при этом ребенка нельзя лишать семейной жизни, без которой невозможна нравственная эволюция личности. Значительный вклад в пополнение образования, считает Конт, могли бы внести путешествия, польза от которых весьма велика.

Содержанием второй части образования должно стать изучение, прежде всего, тех шести наук, которым Конт уделяет особое внимание в своей классификации. Правда, в «Общем обзоре позитивизма» он специально подчеркивает роль еще одной, крайне важной для образования пролетариев, науки – истории. Преподавание, по мнению Конта, должно быть независимым от влияния какой-либо официальной доктрины и правительства. Поскольку пролетарии не питают более никакого доверия к теологии, полагает он, ее преподавание не следует включать в систему их образования.

Французский социолог считает, что в деле развития и распространения образования особую роль играет государство, причем речь идет об образовании исключительно для пролетариев. Об образовании для остальных классов и слоев общества Конт не говорит.

§ 8. ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ О. КОНТА

Говоря о значении социологического творчества французского мыслителя, уместно привести слова американского социолога А. Боскова о том, что О. Конт дал социологии имя и программу. Соглашаясь с такой оценкой, нужно признать, что одного этого уже достаточно, чтобы считать его основоположником и одним из классиков мировой социологии. Исторически первое направление в ней (выражаясь современными терминами, первая парадигма) – позитивизм – был определен Контом в философском (онтологическом и эпистемологическом), социологическом, этическом, политическом срезам. Развитие социологической науки в XIX и частично в XX в. находилось под довольно сильным влиянием позитивизма. Основным результатом этого влияния было стремление развивать социологию по пути естественно-научного знания. Переоценить роль идей Конта и его вклад в этом отношении невозможно.

Французский социолог обосновывал идею строгого отбора социальных фактов для осмысления общественной реальности и постоянно стремился к этому сам. Это был тот путь, который он использовал, чтобы таким образом показать, как следует анализировать общество, преодолевая спекулятивно-умозрительный подход к нему. Здесь следует сказать о взглядах Конта на общество как на органическое целое, о его функциональном анализе, о доказательстве стабильности, социальной интеграции и присущей этому организму постоянно реализующейся идее развития.

Значение социологической концепции Конта определяется его многочисленными попытками найти критерии общественного порядка и социального прогресса в самом обществе, не выходя за его пределы. В последующем мировая социология, после некоторых колебаний и стремления искать ключ к развитию общества за его границами, в конце концов, избрала в качестве магистрального путь, предложенный Контом.

Наряду со значительными достижениями, сильным влиянием Конта на последующее развитие социологической мысли как в XIX, так и в XX–XXI вв., в его социологии содержалось немало консервативного, противоречивого и утопического. Именно такой характер имел общественный идеал Конта, оказавшийся тесно связанным в последние годы жизни с религиозными исканиями социолога. Бросалось в глаза противоречие между провозглашенными социологом объективными законами общественного развития и его стремлением «усилить» их за счет введения в науку «субъективного фактора».

Можно еще искать и описывать элементы ограниченности социологии Конта. Однако задача анализа его творчества определяется, прежде всего, стремлением увидеть «позитивное», то есть положительное, сохраненное последующим развитием науки и используемое социологами в изучении как общества в целом, так и его конкретных подсистем. Социология Конта жива и сегодня, а это – главное.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Определите сущность позитивизма и позитивистской социологии.
2. Что такое редукционизм? С чем связано его появление в социологии?
3. В чем видел О. Конт особую роль социологии по отношению к другим наукам?
4. Как Конт определял предмет социологии? В чем он видел ее назначение?
5. Что понимал под социальной статикой и социальной динамикой Конт? Дайте характеристику основных законов социальной статики и социальной динамики.
6. Почему проблеме методов социологии Конт уделял особое внимание? Назовите эти методы и раскройте их существо.
7. Что означала позитивная политика в социологии Конта?
8. Как характеризовал существо и направленность образования и воспитания Конт?
9. Какие основные идеи Конта, с Вашей точки зрения, имели в социологической науке наибольшее значение?

ЛИТЕРАТУРА

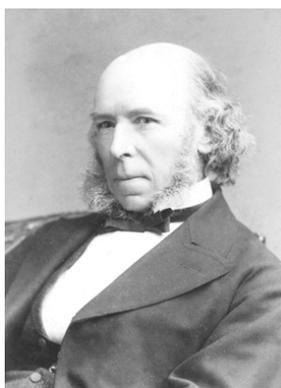
- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.
- Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социология. М., 2007.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История теоретической социологии. В 4 т. Т. 1. М., 1997.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.
- Конт О. Дух позитивной философии. Курс положительной философии. Общий обзор позитивизма. Система позитивной политики // Западно-европейская социология XIX века. Тексты. М., 1996.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.

ГЛАВА 3

ЭВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИОЛОГИЯ Г. СПЕНСЕРА

1. *Краткий биографический очерк.*
2. *Предмет социологии.*
3. *Общество как организм.*
4. *Структура общества и его социальные типы.*
5. *Эволюционизм как главная особенность учения Г. Спенсера.*
6. *Учение о социальных институтах.*
7. *Отношение Г. Спенсера к социализму.*

§ 1. КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ГÉРБЕРТ СПÉНСЕР

27 апреля 1820 г. – 8 декабря 1903 г.

Один из крупнейших представителей классического этапа в развитии социологии – английский ученый Герберт Спенсер (1820–1903). Родился в Дерби, в семье школьного учителя. Из-за слабого здоровья не мог посещать школу и учился в домашних условиях под руководством отца и дяди до 13 лет, а затем самостоятельно. Будущий классик социологии не получил не только школьного, но и университетского образования. Впоследствии Г. Спенсер очень гордился этим обстоятельством своей жизни, доказывая, что самообразование – не менее, а иногда и более важный, чем обычное школьное и вузовское систематическое образование, фактор получения знаний.

В 17 лет Спенсеру пришлось пойти работать. Четыре года он работал техником на железной дороге, затем там же инженером-надсмотрщиком, параллельно овладевая знаниями в области естествознания и математики. Десятилетняя служба на железной дороге завершилась в 1846 г., когда ее сменила работа журналиста в ставшем впоследствии знаменитом журнале «Экономист» (таковым этот журнал остается и сегодня). Редакторская деятельность Спенсера в журнале, как и вообще вся его служба, завершилась в 1853 г. Получив необходимое для безбедного, хотя и скромного существования наследство после смерти дяди, Спенсер мог теперь заняться по-настоящему любимым делом – писать книги и вести научные исследования. Последующие пятьдесят лет его жизни были посвящены этим занятиям и, с точки зрения биографов, не представляют ничего сверхинтересного. Спенсер был одиноким, замкнутым человеком, почти никуда не выезжал, мучился всю жизнь невротами и бессонницей.

Став кабинетным ученым, имея достаточные финансовые средства для занятий наукой, не желая занимать академические посты и официальные должности, английский исследователь написал за свою долгую творческую жизнь немало крупных работ, которые принесли ему мировую известность и авторитет классика социологии. Среди них: «Основания социологии» (в трех томах, 1876–1896) – главный его социологический труд, «Социальная статика» (1850), «Основные начала» (1862), «Социология как предмет изучения» (1873).

На главные социологические идеи Спенсера глубокое влияние оказали философские и естественно-научные труды Й. Бентама, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ч. Дарвина. Эволюционно-организмическая концепция английского социолога испытала на себе наиболее полное воздействие закона борьбы за существование и теории биологической эволюции, открытых и сформулированных Ч. Дарвиным. Это обстоятельство нельзя забывать, рассматривая социологические взгляды Г. Спенсера. Перейдем к их характеристике.

§ 2. ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Г. Спенсер относился к социологии как к всеобъемлющей науке, включающей в себя и этнографию, и антропологию, и общую теорию исторического развития. В отличие от О. Конта, который связывал новую науку об обществе с прогрессом идей, понятий, знаний о нем, Спенсер считал, что предметом социологии должна стать конкретная объективная реальность самого общества, описываемых социальных явлений и процессов. В «Автобиографии» он следующим образом проводит разграничение между своим и контовским учением: «Какова цель, провозглашенная Контом? Дать всестороннее описание прогресса человеческих концепций. Какова моя цель? Дать всестороннее описание прогресса человеческого мира. Конт предлагает описывать необходимую и реальную филиацию (развитие, преемственность – Г.З.) идей. Я предлагаю описывать необходимую и реальную филиацию вещей. Конт претендует на то, чтобы объяснить генезис наших знаний о природе. Моя цель – объяснить ... генезис явлений, составляющих природу. Одно субъективно, другое объективно»²².

Подчеркивая объективный характер развиваемой им науки, он исходит из органической связи естествознания и социального знания, из продолжения первого вторым. Спенсера с Контом роднит стремление трансформировать, перенести законы естественной науки в сферу анализа общественных явлений и процессов. Социология становится подлинной, настоящей наукой лишь тогда, полагает Спенсер, когда она следует идее природного, эволюционного закона. Ведущей естественной наукой во второй половине XIX в. английский социолог считал биологию (выше уже говорилось о большом влиянии на него идей Ч. Дарвина).

Поэтому вполне логичным и понятным становится его отношение к социологии как науке, продолжающей разработку биологических законов на материалах общественного развития и превращающей их таким образом в законы социологические. В работе «Социология как предмет изучения» Спенсер пишет, что «биология открывает известные общие черты в развитии, строении и отправлениях, черты, из которых одни встречаются во всех организмах, другие – в известных больших группах, третьи – в известных подгруппах, заключающихся в этих группах, точно также и социология должна узнать законы общественного развития, строения и отпращиваний и те их черты, из которых одни – законы всеобщие, другие – общие для групп, и третьи – законы частные»²³.

Поскольку Спенсер считает, что главным для социологии является вопрос о том, что такое общество, он стремится дать на него ответ в первую очередь. Социолог отвергает попытку определить общество как собирательное имя для обозначения определенного количества индивидов. По его мнению, это особое бытие, которое, хотя и складывается из отдельных единиц, но не равно их сумме. Главное здесь – постоянство отношений между частями общества.

Для того чтобы дать собственное представление о нем, Спенсер постоянно прибегает к сравнению общества, которое он называет «общественным агрегатом», то с «классом агрегатов неорганических», то с «классом агрегатов органических». В качестве первого он часто использует пример дома и его составных частей – кирпичей, камней, кусков дерева и др., в качестве второго – любого живого существа, рассмотрению составных частей которого он постоянно уделяет большое внимание.

²² Spencer H. An autobiography. N.Y., 1904. Vol. 2. P. 570.

²³ Спенсер Г. Социология как предмет изучения // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 331.

§ 3. ОБЩЕСТВО КАК ОРГАНИЗМ

В конце концов Г. Спенсер приходит к выводу, что общество есть организм, который имеет гораздо больше общего с живыми существами, нежели с неорганическими агрегатами. По меньшей мере, две его черты свидетельствуют об этом. Первая состоит в том, что общественный рост, как и рост живого организма, обыкновенно длится либо до поглощения данного общества каким-либо другим обществом, либо до его распада на два или несколько иных. «Другая отличительная черта как обществ, так и живых существ заключается в том, что наряду с увеличением в размерах у них наблюдается и увеличение сложности строения»²⁴.

При этом социолог часто идет по пути аналогий между обществом и живым организмом как в целом, так и в рамках их конкретных структур. «Аналогия между обществом и организмом, – пишет Г. Спенсер, – становится еще яснее, когда мы узнаем, что каждый организм сколько-нибудь заметного объема есть общество, а также когда мы узнаем, далее, что в обоих случаях жизни единиц продолжаются еще в течение некоторого времени после того, как жизнь агрегата будет неожиданно остановлена каким-нибудь насильственным способом ...»²⁵. Однако Спенсер видит не только общее между живым организмом и обществом (это и позволяет ему проводить аналогии между ними), но и то, что отличает их друг от друга.

Сформулируем в обобщенном виде основные сходства и различия между биологическим и социальным организмами так, как их видел Спенсер. Говоря о сходствах, назовем главные среди них:

- 1) общество, как и биологический организм, на протяжении большей части своего существования растет, увеличивается в объеме;
- 2) по мере роста общества в объеме усложняется его структура, как и структура организма в процессе биологической эволюции;
- 3) как в биологическом, так и в социальном организме дифференциация структуры его элементов сопровождается аналогичной дифференциацией их функций.

Что касается различий между биологическим и социальным организмами, то основные из них проявляются в следующем:

- 1) в биологическом организме элементы живут ради целого, в обществе же – наоборот;
- 2) способность чувствовать и мыслить сосредоточена лишь в определенных частях живого организма, тогда как в обществе сознание «разлито» по всему «агрегату».

В обозначенном выше подходе Спенсера к обществу обращает на себя внимание одна из первых попыток системно-структурного подхода, к которому затем добавляется и функциональный анализ, поскольку английский социолог постоянно стремится к выявлению функций отдельных элементов как живых организмов, так и общественных агрегатов.

Приведем для иллюстрации сформулированного положения фрагмент из работы «Основания социологии», который дает четкое представление на этот счет. «Пищеварительный канал, – пишет Г. Спенсер, – принимая на себя сполна всю функцию поглощения питательных веществ, распадается постепенно на отдельные, отличные друг от друга участки, выполняющие каждый свою специальную функцию, составляющую часть общей функции всего пищеварительного канала. Каждый отдельный член, служащий для перемещения или для схватывания, претерпевает известные разделения и подразделения; причем получившиеся таким образом части выполняют каждая свою главную и вспомогательную функции всего члена. То же самое справедливо и по отношению к тем частям, на которые распадается общество. Возникающий в нем господствующий класс не только становится отличным от остальных классов, но и берет на себя контроль над их действиями; когда же этот класс распадается далее на подклассы, обладающие одни – большей, другие – меньшей степенью господства, то эти последние опять-таки начинают выполнять каждый свою, совершенно особенную часть общего контроля»²⁶.

Таким образом, социологическая теория Спенсера в той ее части, которая касается понимания общества, основывается на положении, заимствованном в первую очередь из учения Дарвина о живом организме. По существу общество его копирует и воспроизводит, из чего следует, что для него характерны биологические законы. Последнее адаптируются Спенсером применительно к обществу. Так, дарвиновский закон борьбы за существование, выведенный для биологической среды, рассматривается в его социальном проявлении как закон классовой борьбы.

²⁴ Спенсер Г. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 281.

²⁵ Спенсер Г. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 294.

²⁶ Спенсер Г. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 282.

Отождествление общества с биологическим организмом привело Спенсера к тому, что он весьма своеобразно характеризовал функции элементов, составляющих структуру социальной системы. Так, земледелие и промышленность, по его мнению, выполняют функцию питания, институт торговли – функцию кровообращения, армия – это своеобразный кожный покров, транспорт – сосудистая система и т.д. При этом в обществе, как и в живом организме, существует разделение труда, анализу которого Спенсер уделяет значительное внимание – как на уровне общественного, так и органического «агрегатов».

Небезынтересно отметить, что в этом анализе мы встречаемся с редкой у Спенсера констатацией обстоятельства опережения биологической науки социальной, прежде всего экономической. «Разделение труда, – пишет он, – впервые указанное экономистами как общественное явление и вслед за тем признанное биологами явлением органической жизни и названное ими «физиологическим разделением труда», есть именно та особенность – как в обществе, так и в животном мире, – которая делает каждое из них живым телом»²⁷.

Характеризуя общество, ученый отмечает, что оно существует для блага своих членов, а не наоборот. Удовлетворению их потребностей должна служить в первую очередь политическая организация общества, которую социолог часто называет «политическим агрегатом». «Следует всегда помнить – читаем мы у Спенсера, – что, как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата сами по себе суть ничто, и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц»²⁸.

§ 4. СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ

Большое внимание английский социолог уделяет рассмотрению структуры общества (в «Основаниях социологии» одна из глав называется «Общественное строение»), причем в рамках как исторического, так и логического ее анализа. Рассматривая проблемы общественного роста, Спенсер говорит о постепенном усложнении структуры общества, связанном с восхождением «от самых мелких групп к более крупным, от простых групп к сложным, от сложных групп к группам двойной сложности» и т.д. Ясного и четкого описания этих типов общества социолог нам не оставил, хотя из контекста можно догадаться о классификации стадий общественного развития в связи с возрастанием сложности социального устройства.

На большом историческом и этнографическом материале (он ссылается на данные и результаты изучения быта эскимосов, австралийцев, бушменов, огнеземельцев, кайягуасов – лесных индейцев Южной Америки, рассматривает примеры средневекового ремесленного и современного ему фабричного промышленного производства в Европе, в первую очередь в Англии) Спенсер показывает, как происходит дифференциация исполнительной власти, возникают ее новые структуры по мере численного роста народонаселения, объединения племен, как создаются «общественные союзы», достигается прогресс организации. Так, рассматривая простые общества, он выделяет среди них не имеющих постоянных лидеров, имеющих непостоянных (время от времени появляющихся) и характеризующихся наличием стабильных руководителей. Еще одна классификация общества у Спенсера, связанная с таким критерием, как характер оседлости, включает в себя кочевой, полuosедлый и оседлый типы.

Но здесь снова необходимо отметить, что весь этот детальный и подробный анализ перемежается рассуждениями о том, что аналогичные процессы происходят в органическом, живом мире. Проводятся постоянные параллели между индивидуальным и общественным организмами. «Внимательное рассмотрение фактов, – пишет Спенсер, – указывает на еще одну поразительную параллель между обществом и организмом в отношении их строения. Органы животного и органы общества, рассматриваемые в отношении их внутреннего устройства, оказываются построенными на основе одного и того же принципа»²⁹.

Им является определенное соотношение главных и вспомогательных элементов в организме (общественном агрегате) – как с точки зрения их места в общей структуре, так и в плане реализации основных и вспомогательных функций. При этом, указывает Спенсер, они дополняют друг друга, без чего общество (живой организм) обречено на вымирание. Здесь речь идет уже о разделе-

²⁷ Спенсер Г. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 284.

²⁸ Спенсер Г. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 294.

²⁹ Спенсер Г. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 308.

нии не только труда, но и функций, выполняемых теми или иными структурами. «Изменения в строении, – говорит социолог, – не могут иметь места без изменений в функции. ... Мало того ... многие изменения в общественном устройстве, скорее, обнаруживаются по изменениям в функции, чем усматриваются прямо...»³⁰.

Анализируя в работах Спенсера структуру общества через выделение его социальных типов, необходимо остановиться на главных среди них – военных и промышленных (индустриальных) обществах. Их социальные характеристики оказываются прямо противоположными. В военном обществе (классический образец, рассматриваемый Спенсером, – древняя Спарта) коллективные цели заметно превалируют над индивидуальными. В нем имеют место жесткая организация, иерархия управления, система принуждения, строгая дисциплина, наследуемая власть и т.д. Сотрудничество, за счет которого поддерживается жизнь в военном обществе, имеет принудительный характер. И – что любопытно – опять следует сравнение с живым организмом: так же, как в организме человека внешние органы полностью зависят от центральной нервной системы, в военном обществе поведение людей определяется сверху правительством. Это общество весьма консервативно и плохо приспособлено к эволюционным изменениям.

Что касается промышленного (индустриального) общества (типичный пример – Англия XIX в.), то в нем основой функционирования является добровольное, а не принудительное сотрудничество. Для этого типа общества характерны индивидуальная свобода, возможность по собственной воле осуществлять коммерческие сделки, высокая активность значительной части населения, децентрализованный аппарат исполнительной власти и т.д. Одна из важных (но, по мнению Г. Спенсера, пока не реализованных в полной мере) особенностей промышленного общества состоит (должна состоять) в его свободе от вмешательства правительства и государства в установленный социальный порядок. Главная задача государства – защищать права индивидов как от внешних угроз, связанных с иностранной агрессией, так и внутри страны, создавая благоприятные условия для проявления свободной инициативы людей.

При рассмотрении промышленного, по существу современного Спенсеру, общества его позиция откровенно противопоставлялась взглядам О. Конта, она имела ярко выраженный антиколлективистский характер. Если французский социолог считал, что люди должны коллективно действовать в социальном мире, а общество обязано управлять этим процессом и направлять его в нужное русло, то Спенсер полагал, что коллективные усилия людей могут и должны предприниматься без всякого вмешательства в их действия, только лишь на основе соглашений между ними.

Таким образом, если военное общество характеризовалось, по Спенсеру, подчинением человека государству, то промышленное, наоборот, определялось существованием государства для человека, для обеспечения его свободы. Пожалуй, главная отличительная характеристика промышленного общества от военного состоит в наличии всесторонних и разнообразных свобод в первом (свобода индивида, торговли, промышленных занятий, частных организаций и т.д.) и отсутствии таковых во втором.

Здесь следует сказать о значении такого анализа общества (в рамках выделения двух его типов) для последующего развития социологической науки. В современной социологии, начиная со второй половины XX в., идея деления обществ на доиндустриальные и индустриальные (а затем и постиндустриальные) стала одной из наиболее распространенных при типологии (либо классификации) процесса социального развития.

Характеристика различных типов общества в творчестве английского социолога демонстрирует активное использование им сравнительно-исторического метода. Он не был новым в социологии, его широко применял, в частности, Конт. Но у Спенсера он оказался тесно сопряженным с главной характерной особенностью его творчества – применением эволюционной теории. При этом использование сравнительного метода было направлено не только на аргументацию аналогий между живым организмом и обществом, но и на трактовку самого общества, находящегося в состоянии изменения и развития.

³⁰ Спенсер Г. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996. С. 316.

§ 5. ЭВОЛЮЦИОНИЗМ КАК ГЛАВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ УЧЕНИЯ Г. СПЕНСЕРА

Ранее отмечалось, что социологическая теория Г. Спенсера базируется на принципе понимания общества как организма. Вторым основным конституирующим принципом учения английского социолога был эволюционизм. Оба принципа оказались тесно связанными с эволюционной теорией происхождения человека Ч. Дарвина. У Спенсера идея всеобщей эволюции стала центральным пунктом всего его учения. Поэтому не случайно его считают основателем эволюционистской парадигмы в социологии.

Английский социолог рассматривает три вида эволюции – неорганический, органический, надорганический, соответствующие неорганической, органической природе и человеческому обществу. Наряду с общими законами эволюции, действующими во всех этих сферах, существуют законы, характерные для каждой из них. Причем, как указывает Спенсер, эволюционные законы высших сфер бытия не могут быть сведены к законам низших сфер, поскольку в первых существуют явления и процессы, которые отсутствуют в последних.

Эволюция рассматривается как переход из одного состояния в другое, более развитое, в рамках одной социальной системы. Человек превращается в социальное существо, становится им в процессе длительной эволюции первобытных сообществ в социальные системы. Спенсер пишет о естественной эволюции трудовых навыков, интеллекта, социальных чувств, сердцевинной которой оказывается социализация человека. Социология должна раскрывать, по мнению английского ученого, действие всеобщих законов эволюции в ходе изучения социальных фактов, процессов, массовых типичных явлений. В этом плане единичное, случайное, индивидуальное социологическая наука должна отвергать.

Говоря об основных видах эволюции – однолинейном либо многолинейном, Спенсер считает, что на начальной ступени человеческого прогресса проявляется больше первый, чем второй. В соответствии с его концепцией процесс социальной эволюции жестко предопределен, а ее этапы с «железной» необходимостью следуют друг за другом – точно так же как осуществляется переход в жизни человека от детства к юности, от нее – к зрелому состоянию, от последнего – к старости. Социальный организм, по мнению английского мыслителя, претерпевает такие же эволюционные изменения, как и индивидуальный организм, и они в значительной мере зависят от окружающих условий, с которыми у него происходят взаимодействия.

Однако, считая, что эволюционное развитие общества в рамках его определенных этапов в значительной степени зависит от окружающих природных и социальных условий, Спенсер обращал внимание на последующую многолинейность социального прогресса, поскольку возникающие социальные типы «не образуют единого ряда, а классифицируются по расходящимся и распространяющимся группам».

Социолог уделял большое внимание анализу как эволюции в целом, так и в особенности социальной эволюции. Первую он характеризовал как интеграцию материи, ее переход из одного состояния (бессвязной однородности) в другое (связанную однородность), а по существу – из неорганической природы в общество через органическую, живую природу. Что касается социальной эволюции, то она «вписывается» в представления Спенсера об общественном прогрессе. Выше уже говорилось о его критерии – росте свободы, которая своего наивысшего развития достигает в индустриальном обществе, поскольку именно в нем не личность подчиняется обществу, а, наоборот, общество служит (или, по крайней мере, должно служить) индивидам, удовлетворению их потребностей.

Со времен Спенсера и (чуть раньше) еще одного британского мыслителя – Дж. Ст. Милля английская социология становится четко ориентированной на последовательное проведение принципа индивидуализма. Он был заложен в концепцию Спенсера при рассмотрении основных типов общества – военного и промышленного – и процесса эволюции от первого ко второму. По существу сама эволюция типов общества характеризовалась как переход от одного его типа, базировавшегося на принудительном объединении «сверху» (военное общество), ко второму типу, основанному на добровольном объединении «снизу» (индустриальное общество).

Этот процесс социальной эволюции Спенсер считал естественным, объективным, не зависящим от желаний и интересов людей. Хотят они того или нет, но социальная эволюция осуществляется и будет осуществляться дальше. В чем же она проявляется конкретно? Здесь возникает вопрос о характере «измерения» социальных фактов, его точности, более того, вообще о том, что такое социальный факт. Это одно из центральных понятий социологии Спенсер связывает с явлениями, определяющими процесс социальной эволюции. К их числу он относил изменение политического строя, характер политической организации общества и др. Социальные факты не поддаются измерению с помощью приборов, что показывает сложность их изучения, которую ученый хорошо видел. Но в этом же состоит и специфика социального познания, представляемая им лишь в самых общих чертах.

Рассмотрение эволюционной теории Спенсера было бы неполным без упоминания о факторах эволюции, детально разбиравшихся английским социологом. Самые многообразные факторы эволюции он подразделял на первичные и вторичные (производные), затем в каждой из этих групп он выделял внешние и внутренние. К первичным внутренним факторам он относил физические и психические свойства человека на самых ранних этапах его появления и развития. Поскольку на этих этапах человек представлялся существом неразвитым (или малоразвитым), понятно, что данные свойства описывались чаще всего со знаком «минус»: слабая способность к мыслительной деятельности, неумение длительно сотрудничать с подобными себе людьми, хищнический характер бытия и т.д. В качестве первичных внешних факторов Спенсером рассматривались климатические, ландшафтные, почвенные, иные географические и природные особенности, характеризовавшие жизнь первобытного человека.

Вторичные факторы социальной эволюции начинают «работать» благодаря ей самой. Под ними Спенсер понимал в первую очередь изменившуюся в результате воздействия природной и социальной окружающей среды сущность человека в эпоху цивилизации. Главное состоит в том, что человек социализируется, и это обстоятельство выступает как один из основных вторичных факторов эволюции. На процесс социальной эволюции оказывает глубокое влияние появление и развитие социальных институтов.

§ 6. УЧЕНИЕ О СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТАХ

Важной составной частью социологической концепции Г. Спенсера является учение о социальных институтах, которое вытекает из трактовок общества, а также системного представления о его типах, этапах, развитии в рамках эволюции. Под социальным институтом английский социолог понимал способ и форму самоорганизации совместной жизни людей, хотя его строгого научного определения так и не дал. Принадлежащая ему характеристика социального института является по существу современной трактовкой этого понятия, которое было активно введено в научный оборот и прочно утвердилось в социологии как одно из наиболее значимых именно благодаря Спенсеру. Социальный институт у него коррелирует с организацией, учреждением, системой принуждения и другими его конкретными характеристиками. Совокупность социальных институтов, по его мнению, составляет структуру и организацию общества. Анализ институтов социолог посвящает значительную часть своего главного социологического труда – «Оснований социологии».

Он доказывает, что в обществе по мере его эволюции становится все больше социальных институтов, цель деятельности которых состоит в обеспечении нормального функционирования всего социального организма. Поскольку число институтов увеличивается, а структура каждого усложняется, постольку социология должна изучать, считает Спенсер, синхронность их взаимодействия. От эффективности этого процесса зависит общественный прогресс, и социологическая наука не может пройти мимо данного обстоятельства.

Помимо обеспечения стабильности общественного функционирования, социальные институты, по мнению социолога, выполняют еще одну важную задачу: обеспечивают превращение человека в социальное существо, включают его в социальные действия, имеющие коллективный характер, другими словами, создают условия для социализации личности. Нельзя не отметить, что и эта трактовка социального института выглядит сегодня вполне актуально и широко используется современной социологией.

В рамках социальных институтов, по Спенсеру, действуют три системы органов (учреждений) – производительная, распределительная и регулятивная, которые выполняют дифференцирующие и интегрирующие социальные функции применительно к развитию общества. Сами социальные институты рассматриваются социологом в шести основных их разновидностях. Это домашние, обрядовые, политические, церковные, промышленные, профессиональные институты, каждый из которых находится в состоянии изменения и развития.

Домашние институты характеризуют включенность людей в различные формы жизни, связанные с межличностными отношениями. Они эволюционируют от неупорядоченных отношений между полами (первобытные формы общественной жизни) до современных форм моногамии и показывают связь между типом семьи и типом общества. Основное внимание Спенсер уделяет рассмотрению таких домашних институтов, как семья, брак, воспитание. Здесь нет ничего удивительного, социолог отдает дань существовавшей в то время традиции начинать анализ общества с семьи как его «основной ячейки» (в этой связи можно вспомнить аналогичный подход к ней у О. Конта).

Обрядовые, или церемониальные институты регулируют поведение людей через установление, утверждение в качестве принятых большинством населения обычаев, обрядов, этикета, моды, привычек и т.д. Многие из этих институтов имели и продолжают иметь культовый характер (свадьба, похороны, народные празднества и др.). Важно отметить, вслед за Спенсером, осуществление такими институтами регулятивной функции и конкретизирующей ее функции социального контроля за повседневным поведением людей. Обрядовые институты старше по возрасту своего существования, чем политические и церковные, и часто оказываются более эффективными в реализации основных социальных функций, чем государство и религия.

Политические институты (главные среди них – государство, армия, право, полиция, суд и т.д.), анализу которых ученый уделяет больше внимания, чем любым другим, устанавливают и регулируют политические и правовые отношения между людьми, их группами, классами. К возникновению таких институтов имеют, по Спенсеру, прямое отношение общественное производство, труд, войны, необходимость поддерживать порядок и стабильность в обществе, а также регулировать основные социальные процессы. Рассматривая политические институты, английский социолог по-разному относится к возможностям и перспективам их развития, к значению каждого из них. Так, он считает, что роль современного государства не может быть слишком большой, поскольку оно по своей природе выступает как ограничитель индивидуальной свободы, а права – наоборот, требует роста, потому что оно должно стать ее гарантом.

Церковные институты, как и политические, обеспечивают интеграцию в общество различных групп населения, хотя и используют для достижения этой цели иные средства и механизмы. Спенсер подчеркивал большую роль духовенства в функционировании церковных институтов. В качестве прообраза его деятельности им рассматривались действия жрецов, шаманов, колдунов.

Профессиональные институты возникают на основе общественного разделения труда и активно развиваются вместе с эволюцией производства и его форм. К профессиональным институтам Спенсер относил гильдии, цехи, профессиональные союзы. Их главная функция состоит в сближении, интеграции, защите людей, занятых одной и той же профессиональной деятельностью.

Наконец, последняя группа институтов – промышленные – охватывает различные виды производства и их организацию на заводах и фабриках. Понятно, что эти институты характерны для промышленного, и никакого другого, общества. Они обеспечивают функционирование его производственной структуры и регулирование трудовых отношений между участниками производства. Развитие промышленных институтов, как и профессиональных, основано, прежде всего, на усиливании разделения труда и оптимизации управления производством.

Учение о социальных институтах разработано английским социологом в рамках системного описания общества. Все институты составляют единое, причем взаимосвязанное, целое. Каждый из них удовлетворяет определенную общественную потребность и не подменяет другие институты. Так же, как и общество, институты существуют для блага людей, а не наоборот.

Ценность учения Спенсера о социальных институтах определяется, во-первых, тем, что они впервые были строго проклассифицированы, во-вторых, проанализированы с позиций эволюционной теории, в-третьих, рассмотрены на громадном историко-этнографическом материале. Он сумел показать возможности институционального анализа для осмысления важнейших проблем общества и его социальной структуры.

§ 7. ОТНОШЕНИЕ Г. СПЕНСЕРА К СОЦИАЛИЗМУ

Проблематика социальной эволюции в связи с поиском Г. Спенсером общественного идеала и путей его достижения нашла свое развитие в его трактовке социализма – общества, не существовавшего в реальности, но прогнозируемого и пропагандируемого многими мыслителями современной английской социологии эпохи.

Характеризуя промышленное общество как своего рода идеал социального устройства, противопоставляя его как образец гуманного демократического общества, существующего в интересах каждого индивида, другому типу общества – военному, Г. Спенсер подобным подходом изначально заявил о неприятии всякого иного «социального агрегата». Поскольку во второй половине XIX в. были достаточно сильны различные теории социализма, касавшиеся обустройства будущего общества и резко противопоставленные капитализму, английский социолог не мог пройти мимо них и выразил свое отношение, которое можно сформулировать в лаконичной форме как их резкое неприятие.

В работе «Основания социологии» в разделе, посвященном промышленным институтам, имеется глава под названием «Социализм». В ней автор рассматривает экономические основы этого общества, делая акцент на проблемах управления производством. Главное, против чего он вы-

ступает, – централизация и монополизация власти и управления при социализме, если он будет реализован в том виде, в каком его представляют теоретики нового общества. Эти социальные характеристики неминуемо ведут к принуждению, последнее же никогда еще не способствовало подлинной эффективности деятельности людей.

Спенсер рассматривал социализм как своеобразную форму рабства. Основанием для такого отождествления послужило для него главное сходство, которое существовало, по его мнению, между рабством и социализмом: наличие принуждения. Раб отдает все или почти все из произведенного собственным трудом своему господину, и член социалистического общества будет делать это же самое, только для него в качестве господина выступит не какой-то конкретный человек, а государство.

Английский социолог видит ошибку социализма в том, что последний в качестве своего главного врага рассматривает предпринимателей, их своеволие и эгоизм, направленные против рабочих. Именно против них и должна быть направлена, по мнению социалистов, монополизированная централизованная власть, устанавливающая принуждение как главный способ своего существования. Но такая позиция в корне неверна, считает Спенсер, потому что она направлена против свободы как принципа жизни каждого человека и, таким образом, по существу против большинства населения.

Известно, какое большое позитивное значение придавал Спенсер функционированию семьи в обществе. Тем более неприемлемыми казались ему коллективистские доктрины социалистов и коммунистов, касающиеся семьи. Главное, в чем видел их ошибочность ученый, заключалось в том, что в этих доктринах не делалось различий между этикой семейной жизни и этикой жизни вне семьи. Нельзя, по мнению английского социолога, распространять семейный режим жизни на все общество, и наоборот, нормы социальных отношений на семью. По существу это было неявное выступление Спенсера против «коллективизации» семьи. Последующий ход событий, имевший место в Советском Союзе после социалистической революции 1917 г., точнее говоря, новые концепции «коллективизации» семьи, показали, что английский социолог не зря высказывал тревогу и опасения.

Спенсер был убежден в конечной неосуществимости социализма, но очень боялся его временных побед, считая их неизбежными и полагая, что они будут сопряжены с самыми резкими формами деспотизма. По его мнению, социализм будет препятствовать развитию всяких стран – как достигших высокого уровня, так и стремящихся к нему. Такое убеждение было основано на точке зрения, согласно которой социализм означает вмешательство в жизнь людей, классов, государства в результате планирования их деятельности. Социализм и планирование неотъемлемы друг от друга. Коль скоро это так, индивидуальная свобода, возможность свободной конкуренции становятся почти невозможными.

В чем-то социализм казался Спенсеру близким к военному обществу или даже его разновидностью. В самом деле, если вспомнить некоторые черты военного общества, такие как властное принуждение, принудительная кооперация, достаточно жесткая регуляция деятельности, существование индивида для государства, предопределенность и фиксация статуса, вида занятий и другие, то сходство между ним и социализмом, действительно, оказывается немалым.

По мнению социолога, в социализме не заинтересован ни один класс промышленного общества, причем рабочие даже больше, чем предприниматели. Дело в том, что при социализме рабочие не сумеют противиться ограничению собственной свободы и принуждению со стороны государства, для этого у них не будет возможностей в виде активных профессиональных союзов, которые стали бы их защищать. В условиях же свободного рынка труда и добровольной (а не принудительной, как при социализме) кооперации антирабочая деятельность предпринимателей может встретить сильное сопротивление профсоюзов.

В чем значение социологического творчества Спенсера? Конечно, в первую очередь в показе исторической неизбежности, закономерности и неодолимости социальной эволюции и использовании для этой цели обоснованных научных аргументов. Благодаря такому анализу широкий круг мыслителей второй половины XIX века проникся социальным оптимизмом и уверенностью в прогрессе человечества, являющемся конкретизацией общей идеи социальной эволюции.

Мировая социология получила целый «букет» хорошо разработанных понятий (социальный организм, система, структура, функции, социальный институт и др.), без которых стало невозможным ее дальнейшее развитие. Спенсер показал социологической науке обширные возможности использования сравнительно-исторического метода, который явился одним из основных инструментов изучения общества как социального организма. Английский социолог разработал типологию общества, которая и сегодня не оставляет равнодушными социологов, изучающих его различные структуры и классификации. Он сделал новый и очень важный шаг на пути превращения социологии в весьма значимую и престижную область научной деятельности.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему социологию Г. Спенсера называют эволюционной?
2. В чем видел Спенсер различия между своим и контовским учением в понимании предмета социологии?
3. Что значит трактовать общество как организм? В чем видел Г. Спенсер основные сходства и различия между биологическим и социальными организмами?
4. Как представлял структуру общества Спенсер?
5. Дайте характеристику основных социальных типов общества (по Спенсеру).
6. Охарактеризуйте существенные черты эволюционизма как направления общественной мысли. Как вы полагаете, с чем связаны его появление и популярность?
7. Какие виды и факторы эволюции рассматривает Спенсер? Охарактеризуйте их вслед за английским социологом.
8. Что такое, по Спенсеру, социальный институт? Какие задачи в обществе призваны решать социальные институты?
9. Назовите основные разновидности социальных институтов и расскажите о каждой из них.
10. Раскройте отношение Спенсера к социализму. В чем вы видите актуальность этого подхода в наши дни?
11. В чем состоит значение социологического творчества Спенсера?

ЛИТЕРАТУРА

- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История теоретической социологии: В 4 т. Т. 1. М., 1997.
- Капитонов В.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.
- Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997.
- Спенсер Г. Основания социологии. Социология как предмет изучения // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996.

НАТУРАЛИЗМ В СОЦИОЛОГИИ

-
1. *Понятие натурализма в социологии.*
 2. *Социал-дарвинистское направление в социологии.*
Взгляды Л. Гумпловича и Г. Ратценхофера.
 3. *Социологические идеи А. Смолла и У. Самнера.*
 4. *Расово-антропологическое направление в социологии.*
 5. *Географическое направление в социологии.*

§ 1. ПОНЯТИЕ НАТУРАЛИЗМА В СОЦИОЛОГИИ

Под натурализмом в социологии будем понимать направление, или совокупность концепций, авторы которых опирались в изучении общества и человека на познавательные средства и методы естественных наук. Для представителей натурализма характерно и заметно стремление выработать объективную и строгую систему знания об обществе, о социальных явлениях, такую же, как в развитых естественных науках – механике, физике, биологии – о природе. Но в результате подобной ориентации социологи часто приходили к прямым аналогиям общественных процессов с природными (натуральными), отсюда сам термин «натурализм». Сложная диалектика социальных отношений и процессов, как правило, ими игнорировалась.

Развитию натурализма в социологии во второй половине XIX в. способствовали в значительной мере успехи естествознания. Наряду с достижениями в области физики заметную, а подчас и главную роль начинает играть биология с ее наиболее выдающимся открытием того времени – эволюционной теорией Ч. Дарвина. Вследствие серьезного воздействия на социологию со стороны естествознания в ней сложились две линии натурализма – социальный механицизм (определяющее влияние физики, механики) и социальный биологизм (доминирующее воздействие биологии). Постепенно вторая линия стала господствовать в натуралистическом направлении социологии. Однако, прежде чем говорить о ней, коротко охарактеризуем существо социального механицизма.

Социальный механицизм выступает как проявление (иногда пишут – крайняя форма) позитивизма, а его сущность заключается в характеристике общественных законов, открываемых и изучаемых социологией, как разновидности законов механики и физики. Общество рассматривается в качестве механического агрегата, а социальные процессы и структуры сравниваются с процессами и структурами неорганического мира.

Возникает одна из первых форм редукционизма в социологии, состоящая в выходе исследователей за пределы этой научной дисциплины в область механики и физики, в которой используются несоциологические методы изучения и познания. Так, например, немецкий ученый В. Оствальд рассматривал культурный процесс как преобразование свободной энергии в связанную: чем больше получено полезной связанной энергии в таком преобразовании, тем сильнее прогресс культуры. Влияние механического и физического редукционизма в социологии проявляется также в том, что в ней активно используется естественно-научная, прежде всего физическая, терминология и фразеология.

Положительным здесь является то обстоятельство, что таким образом социологи пытались преодолеть субъективистские, религиозные, ненаучные трактовки общественных проблем. Но эти попытки рассматривать социальные процессы с естественно-научных позиций обусловили, с другой стороны, их сведение к механической, физической, химической основе, т.е. появление механического, физического, химического редукционизма, что явно ограничивало познавательные возможности исследователей.

У социального механицизма было немало сторонников, среди них в первую очередь франко-бельгийский социолог и статистик А. Кетле и итальянский социолог В. Парето. Об их творчестве в дальнейшем будет специально сказано. В целом же следует отметить, что в сравнении с социальным механицизмом социальный биологизм оказался развит значительно больше.

Два ответвления этой линии требуют своего рассмотрения – социальный органицизм и социал-дарвинизм. Поскольку первый наиболее ярко был представлен в рассмотренном уже творчестве Г. Спенсера, обратимся в этой главе к подробному рассмотрению второго ответвления – социал-дарвинизма. Он развивался в XIX в. активнее, чем социальный органицизм, и оказал более серьезное влияние на последующее развитие социологической мысли.

§ 2. СОЦИАЛ-ДАРВИНИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ. ВЗГЛЯДЫ Л. ГУМПЛОВИЧА И Г. РАТЦЕНХОФЕРА

ЛЮДВИГ ГУМПЛОВИЧ
9 марта 1838 г. – 19 августа 1909 г.

Под социал-дарвинизмом чаще всего понимают направление (иногда пишут «школа» или даже «парадигма») в социологии, провозгласившее в качестве определяющих факторов общественной жизни принципы естественного отбора и биологической эволюции и рассматривающее их как принципы социального отбора и социальной эволюции. Представители этого направления исходят из посылки, согласно которой все социологические выводы должны соответствовать естественно-научным законам, а в основе общественных структур лежат природные особенности человека.

Для социал-дарвинизма характерно применение дарвиновской теории борьбы за существование к рассмотрению социальной жизни, т.е. определение последней как арены непрерывной и повсеместной борьбы, столкновений, конфликтов между индивидами, социальными общностями (группами) людей, целыми обществами. При этом представители социал-дарвинизма приписывают социальным конфликтам статус естественности (подобно тому как в органической природе естественной является внутривидовая и межвидовая борьба). При таком подходе очевидно, что социал-дарвинизму присущ биологический редуционизм. Наиболее яркими выразителями идей социал-дарвинизма стали польско-австрийский социолог Л. Гумплович и его австрийский последователь Г. Ратценхофер, американские социологи А. Смолл и У. Самнер. Рассмотрим коротко существование их взглядов и позиций.

Людвиг Гумплович (1838–1909), один из известнейших европейских социологов XIX в., написал ряд крупных работ по общим проблемам социологии. Некоторые из них были переведены на русский язык³¹.

Гумплович рассматривал социологию как науку, занимающуюся изучением социальных групп и отношений между ними. Так что понимание им предмета социологии и по сей день не потеряло своей актуальности. «Истина в том, – писал он, – что социальный мир с самого начала, все-

³¹ Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895; его же. Основания социологии. СПб., 1899; его же. Очерки истории социологии. СПб., 1899; его же. Социологические очерки. Одесса, 1899.

гда и повсюду движется только группами, группами приступает к деятельности, группами борется и стремится вперед... В гармоническом взаимодействии социальных групп лежит единственно возможное решение социальных вопросов, насколько оно вообще возможно»³².

В реальности же основное состояние отношений между группами, согласно Гумпловичу, – непрерывная и беспощадная борьба, которая является главным фактором их социальной жизни. В качестве основного социального закона социолог объявляет «стремление каждой социальной группы подчинять себе каждую другую социальную группу, встречающуюся на ее пути, стремление к порабощению, господству»³³. Нетрудно обнаружить, что в основу концепции Гумпловича положен дарвиновский закон борьбы за существование, примененный им к рассмотрению общественных отношений, главными среди которых социолог считает групповые.

Важно, однако, отметить, что в основе межгрупповых конфликтов лежат, по мнению социолога, стремления людей к удовлетворению материальных потребностей. Следовательно, борьба – групповая, а интересы – индивидуальные. И это положение вошло в теоретический банк социологических идей, которые затем были взяты на вооружение некоторыми исследователями. Нужно только уточнить одно существенное обстоятельство: обращая внимание на социальные конфликты как основу общественной жизни, социал-дарвинисты (в первую очередь Гумплович) не имели в виду классовую борьбу. Связь между групповым противоборством и классовыми, более широко, социальными отношениями вообще не принималась ими в расчет.

Гумплович выступал противником простых аналогий между живой природой и обществом как объясняющего принципа социологии (что можно было найти, к примеру, у Г. Спенсера). По его мнению, использование биологических сравнений, сопоставлений и даже в ряде случаев аналогий с общественными процессами и явлениями только лишь помогает более ясно и доходчиво понять последние. Но реального и подлинного знания социальной жизни таким образом получить нельзя. По существу Л. Гумплович приходит к положению о принципиальной несводимости общественных явлений к биологической природе индивида.

Сам индивид рассматривался в концепции социолога лишь как следствие, результат группового взаимодействия, влияния окружающей среды. Гумплович считал, что «в человеке мыслит совсем не он, – но его социальная группа, источник его мыслей лежит не в нем, но в социальной среде, в которой он живет, в социальной атмосфере, которой он дышит, он может мыслить только так, как необходимо его заставляют концентрирующиеся в его мозгу влияния окружающей его социальной среды»³⁴.

Поскольку центральным в социологии Гумпловича является изучение социальных групп, постольку имеет смысл выяснить предлагаемую им их классификацию. В первую очередь он делил все группы на простые и сложные. К простым социальным группам относились, прежде всего, примитивные человеческие сообщества с ярко выраженными антропологическими и этническими характеристиками (орды, племена, роды и т.д.). Сложные группы, или группы второго порядка, отличались своей многомерностью и структурой, наличием целого ряда социальных характеристик и выполнением многочисленных функций. К сложным группам Гумплович относил сословия, государства, классы. Говоря о последних, он пишет: «...существует три больших общественных класса, отличающихся друг от друга своим экономическим положением, а именно: класс дворян, среднее сословие торговцев и ремесленников и крестьянское сословие»³⁵.

Еще одна классификация социальных групп, предложенная Гумпловичем, заключается в выявлении среди них господствующих и подчиненных. Собственно говоря, стремление превратиться из подчиненной в господствующую, т.е. борьба за власть, и является источником межгрупповой борьбы и конфликтов.

Здесь необходимо сказать о той роли, которую играет в жизни общества и индивида, с точки зрения Гумпловича, наличие определенных потребностей и различные возможности их удовлетворения. Он считает, что, наряду с сохранением жизни, удовлетворение потребностей, прежде всего естественных, «образует важнейшее содержание человеческих стремлений». Вслед за естественными потребностями возникают экономические, политические и культурные потребности. «Экономические потребности ведут человека в политическую область, так как государство должно доставлять одним средства за счет других, удовлетворять их высшие экономические и культурные потребности

³² Гумплович Л. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 35.

³³ Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895. С. 159.

³⁴ Гумплович Л. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 35.

³⁵ Гумплович Л. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 42.

без вреда для них»³⁶. Основным регулятором деятельности по удовлетворению потребностей Гумплович считает экономическое положение индивида, поскольку оно «принуждает его к известному образу жизни и будит в нем связанные с этим последние идеи и воззрения»³⁷.

Большое место в социологии Гумпловича занимает учение о конфликтах. Рассматривая взаимоотношения социальных групп, прежде всего простых (примитивных), он доказывает неизбежность конфликтов, которая имеет, таким образом, глубоко исторический характер. В конфликтах выражается в первую очередь общественное неравенство групп, а внутри них – индивидов. В свою очередь само это неравенство определяется неравенством рас. Более сильная раса стремится подчинить слабую.

Но здесь необходимо отметить, что стоит у Гумпловича за понятием и термином «раса». Он дает не традиционную, «обычную» характеристику расы как социальной общности людей с определенными биологическими признаками, а считает, что расы – это нации или народы, находящиеся в состоянии биосоциального неравенства. Отсюда «расовая борьба» – это борьба наций, государств, этнических общностей.

Идейно близок к Гумпловичу был сторонник социал-дарвинизма австрийский социолог Густав Ратценхофер. Он (подобно Гумпловичу) считал, что в обществе действуют такие же закономерности, какие имеют место в органической природе. Как и у Гумпловича, в центре его интереса была социальная группа. В качестве основных социальных явлений и процессов он рассматривал борьбу за существование, расовую расчлененность общества, враждебные отношения между расами и др. Основной социологической категорией для австрийского социолога выступал интерес, который движет поведением групп и индивидов. Поэтому конфликты между группами и людьми – это, прежде всего, конфликты интересов.

Ратценхофер предложил классификацию интересов, включающую пять их типов. Это: прокреативные интересы, стимулирующие деятельность по продолжению рода; физиологические интересы, реализующиеся в питании; индивидуальные интересы, в которых воплощается стремление к самоутверждению; социальные интересы, выражающиеся в стремлении к родственным и групповым связям; трансцендентные интересы, означающие связь с религией и стремление к ней.

§ 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ А. СМОЛЛА И У. САМНЕРА

УИЛЬЯМ ГРЭМ САМНЕР
30 октября 1840 г. – 12 мая 1910 г.

Категории конфликта, интереса, стремления, желания, разрабатываемые социологами в контексте их близости к обществу, социальной группе, человеку, связанным с биологическим миром, были достаточно характерны для социал-дарвинизма. Некоторые из этих узловых понятий, в первую очередь категории конфликта, интереса и желания, оказались центральными для творчества американского социолога Альбиона Смолла (1854–1926), который испытал на себе влияние идей Ратценхофера (основная работа Смолла, «Общая социология», опубликована в 1905 г.). Именно эти категории, имевшие в первую очередь биологическую природу, выступали, по его мнению, как движущие силы социального поведения.

³⁶ Гумплович Л. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 78.

³⁷ Гумплович Л. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. 42.

Интерес для Смолла был не чем иным, как «неудовлетворенной способностью», а в социологии он являлся такой же основной и неделимой клеточкой, какой в физике был атом. Смолл выделял шесть классов интересов, связанных со сферами здоровья, благосостояния, общения, познания, красоты, справедливости. Первый класс интересов касается пищи и сексуальных отношений, второй – богатства и владения вещами, третий – связей между людьми, четвертый – знания и науки, пятый – наслаждения эстетическим, шестой – правоты.

Каждый из этих классов (групп) интересов претендует на доминирование среди других, в результате возникает постоянный конфликт между ними, который проявляется в действиях людей. Строго говоря, конфликт, по Смоллу, имеет место не столько между самими интересами, сколько между людьми, которые стремятся удовлетворить собственные интересы за счет других индивидов. Ведь жизнь человека – это процесс приспособления и удовлетворения его интересов. Следует отметить, что идею конфликта интересов социолог заимствовал из социал-дарвинизма.

Однако конфликт для Смолла не был единственной и универсальной формой отношений между людьми и социальными группами. Он считал, что главное состоит в умении найти переход от социального конфликта к социальному согласию. В связи с необходимостью поиска такого перехода он подчеркивал значение социологии, которая, по его мнению, выступая не только теоретической, но и практической дисциплиной, должна быть использована в целях установления нормальных отношений (значит, отношений согласия) между социальными группами.

Социальные связи, отношения, процессы, конфликты Смолл тесно связывал с психическими проявлениями личности. Хорошо известен его знаменитый афоризм: «Нет ничего социального, что не являлось бы психическим». Как видно, в социал-дарвинизме уже начинает отчетливо ощущаться линия на психологизацию социальных отношений, что выразилось наиболее полно в возникновении и развитии психологического направления в социологии (его детальному рассмотрению будет посвящена специальная глава).

Смолл известен в социологической науке не только как теоретик, работавший в рамках социал-дарвинистского направления и создавший важные предпосылки для утверждения психологического направления. С его именем связано появление одной из первых кафедр социологии в США – в Чикагском университете. Он был основателем и руководителем первого социологического факультета в стране как раз в этом университете, первого социологического журнала, автором первого учебника по социологии (совместно с Дж. Винсентом), одним из создателей Американского социологического общества, наконец, одним из отцов-основателей Чикагской социологической школы. Однако об этих сторонах его деятельности будет специально сказано в главе, посвященной итогам развития классического этапа социологии и появлению первых социологических школ.

Сейчас мы перейдем к рассмотрению творчества американского социолога, сторонника социал-дарвинизма Уильяма Самнера (1840–1910), считающегося одним из наиболее крупных представителей этого направления. Его основная работа – «Народные обычаи» – опубликована в 1906 г. По мнению американского социолога, обычаи являются продуктом четырех главных мотивов человеческих действий и поступков: голода, сексуальной страсти, честолюбия и страха. В основе этих мотивов лежат многообразные человеческие интересы.

Свои главные идеи Самнер сформулировал на основании социологического анализа большого этнографического материала. Именно поэтому он считал народные обычаи и нравы определяющим фактором в развитии общества. Самнер рассматривал нравы и обычаи как способ сознания и поведения, как образ жизни людей. Он уделил большое внимание анализу механизма возникновения обычаев и привычек. Самнер считал, что способы деятельности людей, вырабатываемые ими для удовлетворения потребностей, постепенно превращаются в повседневные, рутинные, становятся привычками и обязательным элементом образа жизни.

В качестве основного объекта социологического изучения У. Самнер рассматривает не общество в целом либо человека, а социальную группу. Общество же есть совокупность, конгломерат конкурирующих, соревнующихся групп. В центре этой борьбы оказывается каждый конкретный индивид, который в своей реальной жизни и деятельности связан с определенной совокупностью социальных групп, то есть с обществом. Именно таким, считал Самнер, представлялось последнее конкретному человеку. Следовательно, и социология должна рассматривать проблему «общество – социальная группа – индивид» в аналогичном ракурсе.

Самнер находился под сильным влиянием идей Г. Спенсера и Ч. Дарвина, поэтому считал основными принципами социологии социальный эволюционизм, естественный социальный отбор и борьбу за существование, которую социальные группы ведут между собой. Каждый из этих принципов, выделенный в ходе анализа реальных социальных процессов, содержит в качестве собственного основания фактор межгруппового неравенства, начиная с имущественного и кончая духовным.

Признавая группы основным фокусом исследовательского интереса, Самнер предложил их оригинальную классификацию, которая затем широко использовалась в социологии в рамках его психологического направления, а также в психологической науке. Он разделил все группы на «мы-группа» и «они-группа». В первом типе групп отношения характеризуются сплоченностью и солидарностью, во втором – преобладает враждебность. Согласно Самнеру, «мы-группа» (или собственная группа) представляется человеку центром притяжения всех интересов и действий, что по существу выступает как принцип этноцентризма. Это понятие было введено Гумпловичем, а вслед за ним использовано и Самнером. Оно означает свойство человека воспринимать все возникающие и складывающиеся межличностные и общественные отношения в масштабе социокультурных ценностей той этнической группы, к которой он принадлежит.

Подводя итог рассмотрению социал-дарвинизма как направления социологической науки, следует отметить, что он оказал определенное влияние на ее развитие. Это было сделано за счет постановки и анализа таких проблем как социальный отбор, социальная эволюция, социокультурная адаптация, межгрупповые отношения, конфликты в них, борьба социальных групп за существование и др. В целом социал-дарвинизму оказался присущ натурализм при рассмотрении социальных явлений и процессов, который выразился в форме сведения общественных закономерностей к биологическим. Именно этим в первую очередь объясняется постепенное снижение его влияния на развитие социологической науки, особенно в XX в., когда оно (влияние) практически перестало восприниматься как сколько-нибудь существенное.

§ 4. РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

ЖОЗЕФ АРТЮР ДЕ ГОБИНО

14 июля 1816 г – 13 октября 1882 г.

Расово-антропологическое направление, бывшее популярным в социологии во второй половине XIX – начале XX в., является разновидностью натурализма. Наиболее известные представители этого направления – Ж. Гобино, Ш. Летурно, Ж. Ляпуж (Франция), Х. Чемберлен (Англия), О. Аммон (Германия). Суть этого направления – в определении влияния биологической природы человека, его расовых черт и генотипа на жизнь общества.

Основными положениями расово-антропологического направления являются следующие:

- а) социальное поведение людей целиком обуславливается их биологической наследственностью;
- б) социальная жизнь выступает следствием и результатом расовых и антропологических факторов;
- в) расы не равны между собой, что определяет не только социальное, но и культурное неравенство между группами людей;
- г) смешения рас вредны для обществ в целом и для отдельных людей в особенности.

В своей четырехтомной работе «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853, 1855) Жан Гобино (1816–1882) стремился объяснить ход общественно-исторических изменений на основе действия расово-биологического фактора как главного и определяющего этот процесс. Лишь господство белой расы, и при этом достижение «чистоты» такого доминирования за счет запретов на смешение рас, обеспечивает устойчивое развитие общества, считал французский социальный философ и социолог. Белая раса является уникальной в силу того, что гармонически соединяет в себе данные от природы ее представителям ум, силу и красоту.

Правда, следует отметить, что белая раса, по мнению Гобино, неоднородна, поскольку включает в себя три вариации людей, которые ведут себя по-разному по отношению к желтой и черной расам. Это «семиты», «хамиты» и «яфетиды». Лишь последние оказались, с точки зрения исторического процесса, наиболее «стойкими» и не смешивались с желтой и черной расами. «Семиты» и «хамиты» не сумели сохранить свою расовую чистоту. Отсюда Гобино сделал вывод, что человечество все свои надежды должно связывать только с «семейством арийцев», происходящим от «яфетидов». Именно ему присущи высокая активность, созидательная энергия, подлинное бесстрашие и творческий гений.

Что касается двух других рас – желтой и черной, то их доминирование не может принести обществу желаемого результата в силу изначально присущих каждой из них черт ограниченности и недостаточности. Так, желтая раса «страдает» утилитаризмом, ее представителям по природе не присуща героика поступков и высокие достижения в деятельности. Говоря о черной расе, Гобино считает, что негры, ее представляющие, опять же по своей биологической, физиологической и психической природе, неспособны к рациональному самоконтролю, а, стало быть, к длительным, осмысленным целенаправленным действиям.

Следует отметить, что эти откровенно расистские идеи, связанные с попыткой доказать превосходство одной расы над другими, оказались базовыми для фашизма и нацизма. Если учесть к тому же, что для их обоснования Гобино прибегал к чудовищному искажению фактов реальной истории, допуская самый настоящий исторический произвол, становится понятным, почему его теория была подвергнута резкой и беспощадной критике, как только она появилась. Первым это сделал французский социолог и политический деятель XIX в. Алексис де Токвиль, который сумел показать реакционную сущность расово-антропологических взглядов Гобино незадолго до своей смерти.

Идеи, близкие по своему содержанию к показанным выше, хотя и не имеющие такого обширного исторического обоснования, сформулировал французский социолог Шарль Летурно. Его небольшая по объему книга «Социология» (переведенная на русский язык), была написана не столько на историческом, сколько на этнографическом материале. Таким образом, расово-антропологическое направление в социологии получило «поддержку» со стороны еще одной науки.

В своей книге Летурно стремится доказать, что нет существенной разницы между человеком и всем остальным животным миром, к которому он принадлежит: «Человек есть ничто иное, как животное, стоящее лишь на более высокой ступени развития, чем другие животные, живущие на земле»³⁸. Коль скоро это так, Летурно считает своим долгом «заявить прежде всего, что мы не смотрим на человека, подобно некоторым антропологам – метафизикам, как на какое-то особое существо, и не разделяем того мнения, что этот, далеко не совершенный представитель позвоночных (здесь автор явно отстал от достижений современного ему естествознания, уже доказавшему, что человека следует относить к более высокому биологическому классу млекопитающих – Г.З.), образует на земле свое особое царство, отделенное целой пропастью от остального животного мира»³⁹.

Далее автор говорит о том, что в зависимости от степени совершенства организма человека на земле возникли расы, которые делятся на избранные и отверженные. Это деление осуществляется Летурно, как он сам говорит, с анатомической и социологической точки зрения, и предполагает дифференциацию человеческих типов на три главные группы: черная, желтая, белая раса. С социологической точки зрения они далеко не равны, и самый низший тип среди них – черный человек⁴⁰. Еще одна позиция, которую отстаивает Летурно, состоит в стремлении доказать, что расовые отличия в общественном развитии играют большую роль, чем природные условия⁴¹.

Расово-антропологическое направление оказалось представленным и в других европейских странах, в частности, в Германии. К концу XIX в. в этой стране возникла так называемая антропосоциология, одним из наиболее ярких представителей которой был Отто Аммон (во Франции ее основателем и наиболее рьяным сторонником был Ж. Ляпуж). Суть этой своеобразной «отрасли» социологии заключалась в осуществлении антропометрических исследований, ложном истолковании их результатов и теоретических выводах из них относительно соответствующих количественных параметров той или иной расы. Так, одним из основных антропометрических параметров была величина так называемого головного указателя – процентного отношения наибольшей ширины головы к ее наибольшей длине. В соответствии с такими измерениями самой аристократической, «высшей» расой оказалась нордическая. Не случайно Гитлер широко использовал работы

³⁸ Летурно Ш. Социология. СПб., 1895. С. 60.

³⁹ Летурно Ш. Социология. СПб., 1895. 1.

⁴⁰ Летурно Ш. Социология. СПб., 1895. С. 5.

⁴¹ Летурно Ш. Социология. СПб., 1895. С. 35.

Амона. В главной из них – «Общественный порядок и его естественные основы» (1895) – немецкий антропосоциолог пытался анализировать общественные институты в Германии сквозь призму соединения принципов расизма и социального дарвинизма.

Еще одним известным теоретиком расизма был Хаустон Чемберлен, сменивший британское подданство на германское и писавший свои работы на немецком языке. Одна из его центральных идей (изложена в работе «Основы девятнадцатого столетия», 1899), за которую он уже после своей смерти был провозглашен нацистами пророком Третьего рейха, – создание «тевтонской культуры», базирующейся на превосходстве «арийцев» над «не-арийцами». Чемберлен воспроизводит основные позиции расово-антропологического направления о превосходстве одной расы над другими и является едва ли не наиболее последовательным сторонником детерминации общественного устройства биологической наследственностью, характеризующей сознание и поведение господствующих социальных сил.

Нельзя сказать, что представители расово-антропологического направления не изучали влияние факторов социальной среды, воспитания, различных общественных воздействий на анализируемые ситуации, однако факторам антропологического характера отдавалось явное предпочтение. В этом смысле расово-антропологическое направление было не столько социологическим, сколько, как справедливо отмечает А.Б. Гофман, внесоциологическим или даже антисоциологическим⁴². Кроме того, оно было (вместе с географическим направлением, о котором чуть ниже пойдет речь) теоретическим обоснованием одной из самых реакционных политических доктрин – немецкой геополитики.

Расово-антропологическое направление в социологии нельзя определить как подлинно научное, поскольку в нем абсолютизируются расовые и этнические предрассудки, пропагандируются социальные мифы, имеющие явно выраженный тенденциозно-идеологический характер. По мере активизации фашистских и нацистских взглядов и действий, которая время от времени имеет место в современном обществе, их сторонники пытаются реанимировать духовный и идейный фундамент самого реакционного в мире учения, представленного расово-антропологическим направлением в социологии. Однако у него, как и раньше, немного сторонников.

§ 5. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

Под географическим (иногда его называют социогеографическим) направлением в социологии принято понимать натуралистические концепции и теории, в которых факторы географической среды рассматриваются как определяющие по отношению к ходу экономических, социальных и политических процессов. При этом понятие географических факторов включает в себя самые разные аспекты, подчас плохо стыкующиеся между собой. Здесь и климат, и ландшафт, и длина береговой линии, и реки, и флора, и фауна, и урожайность почв, и земля с ее разнообразными особенностями, и минеральные богатства, и продукты питания, и наличие моря (океана), и горы...

Географическое направление связано с недооценкой материальной и духовной общественно-исторической деятельности людей, социальных общностей, институтов, населения целых стран, направленной на преобразование природной, в том числе географической среды, и превращение ее потенциала в реальный фактор общественного развития. Представители этого направления не учитывают всех сложностей взаимодействия человека, различных социальных структур со средой обитания. В этом смысле в рамках данного направления из многочисленных географических факторов не вполне корректно выводятся особенности социального устройства и жизни народов.

Так, в связи со спецификой климата, рельефа местности и ландшафта рассматриваются характер нации (либо какого-нибудь этнического образования) и траектория ее развития. Горы и пространственная изоляция развивают у населения узкий национализм и нежелание что-либо менять, жизнь у моря (океана) либо на равнине, наоборот, пробуждает стремление к овладению новыми пространствами, стало быть, к завоеваниям. Для этого нужна централизованная, сильная власть – таков один из вариантов рассуждений представителей географического направления в социологии.

Это направление получило распространение и развитие в ряде европейских стран: Англии, Германии, Франции, Швеции. Его наиболее известные основатели и представители – Г. Бокль (Англия), К. Риттер, Ф. Ратцель, К. Хаусхофер (Германия), Ю. Челлен (Швеция), Ж. Реклю, П. Видаль (Франция). Рассмотрим коротко взгляды названных представителей географического направления из Англии, Германии, Франции.

⁴² История теоретической социологии: В 4 т. Т. 1. М., 1977. С. 309.

Генри Бокль (1821–1862), английский историк и социолог, представитель позитивизма, находился под сильным влиянием О.Конта. В работе «История цивилизации в Англии» (переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге в 1895 г.) Бокль доказывал, что развитие человеческого общества зависит в значительной мере от действия физических причин, к которым он относил в первую очередь климат, ландшафт, почву и пищу. Главные – почва и климат, ибо от них зависит и потребляемая в стране пища. Почва определяет и богатство населения, и его численность. Чем лучше и плодороднее почва, тем больше продовольствия в обществе, а это ведет к росту народонаселения. Что касается климата, то он влияет на энергию людей.

Бокль большое внимание уделял анализу ландшафта и его типов. Есть ландшафты, способствующие развитию рассудочной, логической деятельности. Они характерны в основном для Европы, в которой доминирующим направлением развития было подчинение природы человеку. Что касается южного континента, то там ландшафт выполнял иную роль, возбуждая воображение человека и подчиняя его природе. Такое противопоставление двух типов ландшафтов помогало Боклю объяснить, почему страны Европы достигли больших успехов в своем развитии, чем государства на остальных континентах.

Пожалуй, наиболее активно географическое направление развивалось в Германии. Здесь заметную роль играл первоначально Карл Риттер (1779–1859), которого затем сменил (с точки зрения его значимости и влияния) самый известный и видный представитель географического направления Фридрих Ратцель (1844–1904). Значение К. Риттера, который всегда подчеркивал особую роль географии в деятельности, воспитании и самовоспитании человека, определялось, прежде всего, его попытками органически соединить географию и социологию. После Риттера, под влиянием его идей возникла дифференциация географии на физическую и социальную, последней же – на экономическую, политическую, историческую, культурную, статистическую, каждая из которых могла и должна была быть использована для объяснения многих процессов развития отдельных стран, а в них – отдельных групп населения.

Ратцель выдвинул целый ряд идей, многие из которых вызвали дискуссию еще при его жизни. Это было связано с тем, что он явился основателем политической географии как особой науки, или отрасли географической науки (одна из его главных работ так и называлась – «Политическая география», издана в 1897 г.). Ратцель отстаивал принципы географического детерминизма, в соответствии с которыми он доказывал определяющее воздействие пространственно-природных факторов на ход истории и процессы принятия политических решений правящими кругами. Так, он пытался выстроить причинные связи, их цепочки между характером природной среды, типом местности и деятельностью государства.

При этом Ратцель абсолютизировал, фетишизировал влияние природно-географической среды на особенности политического устройства, характер международных отношений и конфликтов, внутреннюю и внешнюю государственную политику, доказывая, что для ее усиления, равно как и для увеличения могущества страны, нужны новые территории, которые, в свою очередь, для их освоения потребуют роста народонаселения. Обоснованию этого положения были посвящены сформулированные Ратцелем семь законов «пространственного роста государств».

Немецкий исследователь различал понятия границ государства, его пространства и местоположения. Развитие наций и их культур связано с необходимостью изменения и расширения названных параметров. Эти идеи имели явно выраженный геополитический характер и пали на хорошо удобренную для них в Германии почву. Однако, что особенно важно отметить, несмотря на активное использование его идей в Германии в XX в., сам Ратцель никогда не был ни шовинистом, ни расистом. Более того, он высоко оценивал вклад многих народов в мировую культуру.

В связи с этим велика и хорошо известна роль Ратцеля как одного из создателей диффузионизма – принципа, суть которого состояла в признании значимости для социального развития общества процессов заимствования, проникновения и распространения культуры. В соответствии с принципом диффузионизма главной становится проблема культурных инноваций (нововведений), проникающих во внутреннюю жизнь общества под воздействием внешних факторов. Этот принцип у Ратцеля был противопоставлен принципу эволюционизма, согласно которому внешние факторы влияния играют второстепенную роль, основное же значение приобретают процессы роста и усложнения внутренних структур, а культура является следствием их развития. Становится понятным, почему Ратцель основное внимание уделяет анализу колонизации, торговли, войн и других факторов диффузионизма.

Ряд положений географического направления в социологии нашел свое отражение во взглядах Карла Хаусхофера (1869–1946), которого характеризуют как основателя реакционной немецкой геополитики. Его считают идеологом, стратегом и теоретиком экспансионистской политики фашистской Германии. Некоторые идеи географического направления он довел до крайности, ис-

пользуя понятие жизненного пространства в целях обоснования его дефицита в Германии и неестественности ее границ. Особенностью позиции Хаусхофера было стремление соединить наиболее консервативные положения расово-антропологического (в том числе обоснование расизма) и географического направлений.

Во Франции на появление географического направления в социологии большое влияние оказали взгляды работавшего в XVIII в. известного философа эпохи Просвещения Ш. Монтескье. Его центральная идея, сыгравшая заметную роль в появлении этого направления, состояла в том, что климат, почва и состояние земной поверхности определяют дух народа и характер общественного развития. Конечно, французская социогеографическая школа не является столь известной, как немецкая, тем не менее взгляды Ж. Реклю и П. Видаля важны для того, чтобы ознакомить с ними людей, изучающих историю социологии.

Жан Жак-Элизе Реклю (1830–1905) заимствовал ряд идей у Риттера, у которого учился в Берлине. Главная его работа, принесшая мировую славу и известность, – девятнадцатитомная энциклопедия «Новая всеобщая география. Земля и люди», которую он писал и издавал 20 лет (1875–1894). За эту работу он был награжден золотой медалью Парижского географического общества. В фокусе внимания Реклю – влияние внешней, в основном географической среды на общество. Однако он рассматривал это влияние не только в «одностороннем» порядке, но и обращал внимание на взаимодействие двух сред – социальной и географической. По мнению Реклю, чтобы оно было плодотворным, необходимо содействовать реализации принципов гуманизма и братства народов. В целом вся социальная география Реклю была пронизана его прогрессивными общественно-политическими устремлениями. Он воспевал свободу личности (иногда понимаемую анархистски), идею общественного прогресса как развития и оптимального использования обществом лучших качеств людей.

Поль Видаль де Ла Блаш (1845–1918) справедливо считается одним из основателей французской географической школы в социологии. Он не оставил после себя крупных работ (как Реклю), но был хорошо известен в научных кругах. На него оказали большое влияние работы немецких исследователей, прежде всего Ратцеля.

Видаль рассматривал в качестве главной для своего творчества проблему взаимодействия самых различных социальных групп с географической средой, в первую очередь с таким фактором этой среды, как ландшафт. Особенность его подхода состоит в том, что он уделял большое внимание рассмотрению процессов изменения географической среды под воздействием деятельности социальных групп. Сам ландшафт – это не только продукт природных изменений, но и трудов человека, социальных групп. Задача социологов и социогеографов, по мнению Видаля, состоит не только в том, чтобы определить, что данная географическая природная среда предполагает тот или иной образ жизни, но и в том, чтобы выявить воздействие на нее этого образа жизни и изменения в самой среде в результате такого процесса.

Подводя итог развитию натурализма в социологии XIX – начала XX вв., следует отметить, что это направление является достаточно сложным по своей структуре. Оно включает в себя, на первый взгляд, весьма разнородные направления, течения и школы, такие как социальный механицизм, социал-дарвинизм, расово-антропологическая школа, географическое направление. Однако при более пристальном рассмотрении взглядов их представителей выясняется наличие целого ряда совпадающих характеристик. Это: ориентация исследователей на естественные науки (механика, физика, химия, биология, антропология, география и др.) и их методы; редукционизм, означающий сведение социологического знания к тем или иным естественно-научным трактовкам, а общественных закономерностей – к природным; проведение аналогий (зачастую прямых) между социальными и природными процессами; игнорирование качественного своеобразия общественных процессов и закономерностей. Однако натурализм сыграл в целом позитивную роль, поскольку стремился прибегать к научному объяснению социальных явлений и привлек внимание исследователей-обществоведов к достижениям естественно-научного знания.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. С чем связано появление натуралистической ориентации в социологии?
2. В чем состоят, по вашему мнению, прогрессивные идеи натурализма? В чем его ограниченность?
3. Дайте общую характеристику социал-дарвинистского направления в социологии. Что для него наиболее характерно?
4. Охарактеризуйте социологические воззрения Л. Гумпловича. Какие его идеи кажутся вам наиболее значимыми для дальнейшего развития социологии?

5. Расскажите об основных социологических идеях А. Смолла. Какие категории были центральными в его творчестве? Как он их трактовал?
6. В чем суть социологического подхода У. Самнера? Почему его считают представителем социал-дарвинистского направления в социологии?
7. Проанализируйте основные идеи расово-антропологического направления. Можно ли назвать его представителей идеологами расизма? Ответ аргументируйте.
8. Что собой представляет географическое направление в социологии? Как вы считаете, связано ли географическое положение той или иной страны с ее социальным и политическим развитием?
9. Охарактеризуйте взгляды сторонников географического направления в рамках трех национальных школ – британской, германской и французской.

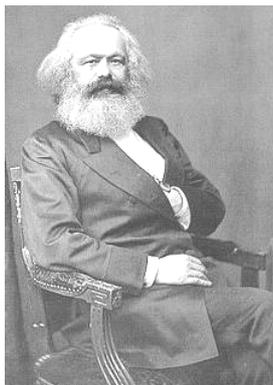
ЛИТЕРАТУРА

- Баразгова Е.С. Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург; Бишкек, 1997.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.
- Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Гумплович Л. Основания социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История социологии. Минск, 1993.
- История теоретической социологии: В 4 т. Т. 1. М., 1997.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Натурализм в социологии XIX – начала XX веков // История буржуазной социологии XIX – начала XX веков. М., 1979.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.

К. МАРКС И ЕГО РОЛЬ В СОЦИОЛОГИИ

-
1. *Краткий биографический очерк и основные этапы творчества.*
 2. *Материалистическое понимание истории как основа социологической концепции К. Маркса.*
 3. *Противоречия в социологической концепции К. Маркса.*
 4. *Взаимодействие общества и личности в социологическом творчестве К. Маркса.*
 5. *Взаимосвязь социального и экономического в анализе К. Марксом социальной структуры.*
 6. *Проблемы образа жизни и социального времени.*
 7. *Значение идей К. Маркса для последующего развития социологии.*

§ 1. КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ТВОРЧЕСТВА

КАРЛ ГЕНРИХ МАРКС

5 мая 1818 г. – 14 марта 1883 г.

Карл Маркс (1818–1883) родился в Германии в небольшом городе Трире, был вторым ребенком из 9 детей в семье адвоката Генриха Маркса, выходца из семьи раввинов, обратившегося в 1816 г. в протестантизм. С 1830 по 1835 г. учился в гимназии этого города, окончив которую продолжал образование в университетах Бонна и Берлина. В молодости исповедовал революционно-демократические убеждения, находясь под влиянием сначала философии Гегеля и Фейербаха, а затем младогегельянцев. В 1841 г. Маркс получил докторскую степень на философском факультете Йенского университета за диссертацию, посвященную сравнительному описанию философии Демокрита и Эпикура. В 1842 г. стал редактором демократической «Рейнской газеты» в Кельне, после закрытия которой в 1843 г. переехал в Париж. В том же году женился на Женни фон Вестфален. В Париже летом 1844 г. познакомился с Фридрихом Энгельсом, дружба с которым прошла через всю их жизнь. В этом городе в течение 1844–1845 гг. встречался с Гейне, Прудоном, Бакуниным, многими другими известными людьми того времени. В 1845 г. по настоянию прусского правительства был выслан из Парижа и переехал в Брюссель.

В этот начальный, ранний период творчества (1841–1848) появляются первые работы, написанные совместно с Энгельсом, – «Святое семейство» и «Немецкая идеология». Важное значение для последующего творчества К. Маркса имели «Философско-экономические рукописи 1844 года», в которых впервые была изложена его концепция отчуждения. В рамках раннего периода творчест-

ва постепенно формируются основные идеи, связанные с обоснованием революционного ниспровержения капитализма и руководящей роли пролетариата и его коммунистической партии в этом процессе – процессе, который должен был завершиться, по убеждению Маркса, построением социализма и коммунизма.

Эти идеи впервые были четко изложены в «Манифесте Коммунистической партии», написанном совместно с Энгельсом в 1848 г. по поручению «Союза коммунистов» – первой коммунистической партии. Появлению названной работы предшествовали (и стимулировали ее написание) арест бельгийским правительством Маркса и высылка его (после начала революции во Франции). Он снова едет в Париж, занимается революционной деятельностью, формирует новый состав ЦК «Союза коммунистов». В 1849 г. Маркс опять уезжает в Кёльн, где становится редактором «Новой Рейнской газеты». Однако и ее прусское правительство закрывает и в этом же году высылает Маркса из страны. Он уезжает в Париж, а оттуда – в Лондон, где живет до конца жизни.

В начале 1850-х гг. выходят две очень важные работы Маркса – «Классовая борьба во Франции» (1850) и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852), написанные под непосредственным влиянием революционных событий во Франции 1848 г. В них прослеживается значительное усиление теоретических позиций Маркса в том, что касается концепции классов, классовой борьбы и диктатуры пролетариата как основного условия победоносной схватки с буржуазией. В 1852–1857 гг. его теоретико-исследовательская деятельность временно прекращается (особенно в области политической экономии) в связи с необходимостью зарабатывать средства на жизнь журналистской работой. Однако в конце 1850-х гг. у него снова наблюдается повышенный интерес к экономической теории.

Его следствием стала публикация в Берлине работы «К критике политической экономии» (1859) – одной из основных в рамках зрелого периода творчества Маркса. В 1867 г. в Гамбурге выходит первый том «Капитала» – главного труда всей его жизни. В 1860-х гг. он ведет не только теоретическую, но и практическую работу по организации международного рабочего движения. В 1867 г. под его руководством создается Международное товарищество рабочих (I Интернационал).

Анализ событий Франко-Прусской войны и Парижской коммуны (1870–1871) приводит к появлению одной из последних крупных работ Маркса – «Гражданская война во Франции» (1871), а изучение процессов, происходивших в рабочем и социалистическом движении, – к написанию книги «Критика Готской программы» (1875). В это же время публикуется на французском языке первый том «Капитала». Вслед за первым он пишет остальные тома «Капитала», однако их удалось опубликовать уже Энгельсу после смерти друга. Второй том был издан в 1885-м, а третий – в 1894 г.

Выделяя два основных периода в творчестве Маркса, необходимо учитывать, что первый из них (до 1848 г), называемый в литературе периодом молодости (молодого Маркса), был по существу философским. Другими словами, основные работы и идеи этого периода имели философский характер. Последовавшие после 1848-го годы, называемые периодом зрелости (зрелого Маркса), имеют иную доминанту – социолого-экономическую, о чем свидетельствуют в первую очередь две его работы – «К критике политической экономии» и самый фундаментальный труд – «Капитал».

Не все его исследователи и последователи это признают. Воздавая должное Марксу – экономисту, многие авторы не считают его социологом (тем более что для этого есть некоторое формальное основание – в своем творчестве он практически ни в одной работе не использовал понятия и термина «социология»). Но со временем многие вещи становятся более понятными и зримыми. Растущее число последователей и исследователей воззрений мыслителя приходят к выводу о том, что он был блестящим социологом, оставившим нам в наследство собственную методологию социального анализа, методологию, которую нужно знать, а при желании и необходимости – использовать. Далее о ней будет специально сказано.

Вряд ли творчество кого-либо из классиков мировой социологии становилось предметом столь ожесточенных споров, а порой и настоящих баталий, как творчество Маркса. В значительной степени они проистекали из того, что его идеи, в отличие от других мыслителей, были прямо и непосредственно использованы в социальной практике, в процессе подготовки и осуществления революций и строительства нового общества (от его оценки мы умышленно уходим). Поскольку новый социальный строй как конкретное воплощение идей Маркса многими воспринимался негативно, постольку отношение к обществу распространялось на самого мыслителя.

На протяжении ряда десятилетий в XX в. предпринимались неоднократные попытки противопоставлять «раннего» и «зрелого» Маркса. При этом доказывалось, что «подлинным», «аутентичным», настоящим гуманистом был молодой Маркс, написавший «Философско-экономические рукописи 1844 года», зрелый же период творчества, период «Капитала» был изменой самому себе и уходом от реального гуманизма. Таким образом, шел процесс «домысливания», а по существу такого истолкования Маркса, которое смещает акценты в анализе его творчества.

Уместно ли соглашаться с подобной постановкой вопроса? Любого исследователя, тем более масштаба классика науки, нужно принимать таким, каким он был, не добавляя и не убавляя ничего существенного. Маркс относился к числу тех мыслителей, которые печатались достаточно много и пробовали себя в разных жанрах, оставаясь при этом чрезвычайно требовательными к тому, что писали. Диапазон его публикаций – от газетных статей до «Капитала». Если же какие-то из написанных материалов он не собирался доводить до сведения широкой общественности (как, например, многочисленные философские и экономические рукописи), предавая их «грызущей критике мышей», значит, у него на то были серьезные основания. И не учитывать это обстоятельство нельзя. Теперь же обратимся к характеристике социологической концепции Маркса.

§ 2. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ КАК ОСНОВА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К. МАРКСА

В противоположность О. Конту, Г. Спенсеру, представителям эволюционизма, натурализма и других течений социологии, которые обнаруживали источники социальных изменений за пределами общества и человека и рассматривали их в виде многочисленных естественных факторов воздействия на социальные процессы, Маркс в своих социологических воззрениях пришел к совершенно иным выводам. Если эволюционисты и натуралисты искали ключ к пониманию современного социального организма в исследовании примитивных структур жизни людей и даже животного мира, то К. Маркс считал, что законы трансформации общества наиболее полно раскрываются именно в условиях его развитого состояния.

Основой выводов относительно общественного развития и его законов для Маркса стало материалистическое понимание исторического процесса. Сущность нового подхода состояла в доказательстве определяющей общественное развитие роли экономического фактора. Маркс выделил в качестве главного вида общественных отношений отношения экономические, наиболее сильно влияющие на все остальные структуры жизни общества.

В рамках материалистического понимания истории центральное место занимало учение об общественной формации. По существу это была одна из первых в истории социологии системных концепций общества, в которой дается его объяснение и показываются перспективы социального развития. В основе теории общественной формации находится использование большого фактического материала. Понятием «формация» Маркс охватил весь комплекс явлений и процессов общественной жизни в рамках исторически определенного этапа социального развития.

«Ядром» общественной формации у Маркса выступает способ производства материальной жизни, включающий в себя две основные стороны: производительные силы и производственные отношения. Первые представляют собой отношение людей к преобразуемой ими природе, в том числе человека с его знаниями, трудовыми навыками и умениями, производственным опытом (личный элемент) и средства труда (вещный элемент). Производственные отношения выступают как вторая сторона общественного способа производства, включающая в себя отношения между людьми в процессе их производственной деятельности. Именно они в своей совокупности и составляют сущность той или иной общественной формации, выступающей как исторически определенная ступень развития общества.

Маркс пишет чаще всего о пяти сменяющих друг друга общественных формациях (первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической). В ряде работ им высказывается соображение об особом типе общества, названном азиатским способом производства и включающем в себя типологические характеристики нескольких формаций, причудливо и одновременно сочетающиеся в жизни ряда азиатских стран. Главная среди этих характеристик – зависимость всех трудящихся (рабов, крепостных, наемных рабочих) в первую очередь от государства, а не классов, владеющих средствами производства.

Все формации у Маркса делятся на две группы – базирующиеся на частной или общественной форме собственности. Общество начинает свое развитие с системы, основанной на общественной форме собственности (первобытнообщинная формация), и возвращается на самом высоком этапе своего развития (коммунистическая формация) к этой же форме собственности. Важно отметить, что формационная структура общественного развития имеет для Маркса особое значение. Она позволяет ему выстраивать весь процесс восхождения общества от его предыстории к подлинной истории. При этом предыстория как раз охватывает формационную структуру развития человечества (включая капитализм), а подлинная история начинается с победы и окончательного установления коммунистических общественных отношений.

Из всех общественных формаций наиболее глубокому и детальному анализу в творчестве Маркса был подвергнут капитализм. Он дал глубокое социологическое обоснование экономических законов и механизмов его функционирования и эволюции (эксплуатации, прибавочной стоимости и др.), доказывал, что существование и развитие капиталистического, как и всякого иного, общества «соткано» из противоречий.

Здесь следует сказать о том, что в социологической концепции Маркса понятие общества выступает как ансамбль, взаимосвязь (иногда переводят как совокупность) общественных отношений, главными среди которых выступают производственные отношения. Далее покажем – вслед за Марксом – общий результат, к которому, по его словам, он пришел и который затем послужил руководящей нитью во всех его дальнейших исследованиях. В «Предисловии» к «Критике политической экономии» Маркс пишет: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁴³.

Между производительными силами и производственными отношениями, по Марксу, имеют место постоянные противоречия, связанные с более подвижным и быстрым развитием первых, которое время от времени сдерживается не соответствующим им характером развития вторых. Противоречия между ними приводят к обострению классовой борьбы, поскольку за производственными отношениями всегда скрываются интересы тех или иных классов и социальных сил. Предельное обострение классовой борьбы приводит к осуществлению социальной революции в интересах прогрессивного развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений, а, следовательно, и определенных классов общества. Таким образом, смена формаций происходит, по Марксу, вследствие разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями на основе усиления классовой борьбы и осуществления социальной революции.

§ 3. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К. МАРКСА

Однако в этих казавшихся прозрачными логических посылах кроется несколько противоречий, вскрытых практикой дальнейшего общественного развития. По Марксу, производственные отношения, базирующиеся на частной собственности, сковывают развитие производительных сил, и, наоборот, общественная собственность открывает простор для их развития. Исторический процесс этого не подтвердил. Далее, как он считал, с развитием производительных сил при капитализме классовое противоборство должно усиливаться, ибо оно (это развитие) означает расслоение общества, усиление бедности подавляющего большинства населения и его борьбу за социальное равенство. Однако и это не подтвердилось.

На самом деле процессы оказались другими: производительные силы развивались в одних случаях при частной собственности, в других – при общественной, но там, где они были более развиты, революций не происходило. Эти противоречия Р. Арон (давший, кстати, очень высокую оценку творчеству Маркса) назвал «двусмысленностями марксистской социологии»⁴⁴.

Социологическая теория Маркса, основанная на материалистическом понимании исторического процесса, была глубокой и охватила целый ряд категорий и понятий, используемых и по сей день: производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка (получившие в западной литературе названия субструктуры и суперструктуры), общественное бытие и общественное сознание, способ производства и общественная формация и др. Однако возможности использования этих категорий в XX в. в том смысле, который придавал им Маркс применительно к анализу предшествовавших социально-экономических процессов, оказались ограниченными. В соотношении названных выше понятий обнаруживаются противоречия, как только мы их «прикладываем» к современной практике. Это свидетельствует о том, что социологическую теорию Маркса нельзя универсализировать, считать ее «истиной в последней инстанции», годной на все времена и для всех народов (как это еще недавно делалось его ортодоксальными последователями).

⁴³ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

⁴⁴ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 189–199.

Об этом же свидетельствует еще одна его социологическая концепция – теория государства. Государство характеризовалось им как инструмент классового господства. Поэтому политический строй, существовавший в той или иной стране, рассматривался как определявшийся классом, которому принадлежала власть. Между тем, в социологической теории Маркса будущее (коммунистическое) общество представляет собой отрицание классовых антагонизмов и классового господства в связи с исчезновением классов как элементов социальной структуры и созданием общества социальной однородности. Отсюда делался вывод о ненужности государства в этом обществе («Критика Готской программы»). Как считал Маркс, между капитализмом и будущим коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе, и государством этого периода не может быть что-либо иное, кроме диктатуры пролетариата. Она есть усиление государства накануне его полного исчезновения.

Здесь возникает серия вопросов: может ли исчезнуть государство вообще? как тогда будут осуществляться общие функции управления и власти? что станет с решением административных задач? кто и как будет заниматься централизованным планированием? На них нельзя найти ответы в рамках Марксовой концепции государства. Сегодня для всех очевидно, что государство не может исчезнуть ни в одном обществе, какого бы уровня развития оно не достигло. Что касается диктатуры пролетариата, то ее опыт в СССР и некоторых других «социалистических» странах показал: это была диктатура над пролетариатом, по сути – над всем обществом, осуществлявшаяся режимом личной власти.

В рамках материалистического понимания истории Маркс пытался создать стройную, непротиворечивую концепцию общественного развития, которая завершилась бы на практике «хэппи-эндом» в образе коммунизма. Коммунистическая утопия приобрела у него форму научного коммунизма – идеологической концепции, базирующейся на принципе уничтожения частной собственности и замены ее общественной, ликвидации классовой структуры и замены ее бесклассовым социально однородным обществом, реализации принципа «от каждого – по способности, каждому – по потребности». Однако эту идеологическую концепцию, равно как и всю теорию социального развития Маркса, нельзя сводить только к экономическому детерминизму, в соответствии с которым любые процессы в обществе объясняются исключительно решающей ролью экономического фактора в его жизни. Немалое место в творчестве Маркса занимает социальный детерминизм, в рамках которого рассматривается не только взаимосвязь социального и экономического факторов общественного развития и влияние первого на второй, но и взаимодействие общества и личности.

§ 4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ К. МАРКСА

К. Маркс уделял большое внимание анализу социального детерминизма, объясняющего механизм взаимодействия общества и личности. Его подход оказался вполне историчным. Он заключался в том, что этот механизм не является раз навсегда данным для всех времен и народов. На каждом этапе исторического развития взаимодействие общества и личности имеет особый характер, обусловленный совокупностью жизненных обстоятельств конкретной общественной формации и ее экономического базиса. При этом человек рассматривался Марксом не только как объект социального действия, но и как его субъект, способный активно видоизменять свою среду.

Для социологии имеет большое значение акцент на изучении не общества вообще, человека вообще, а конкретного общества, конкретного человека. Именно такой подход был сформулирован Марксом и неоднократно применен в процессе социально-теоретического анализа. В этой связи для последующего развития социологии ценность и интерес представляют марксовы идеи, касающиеся изучения человека. В «Немецкой идеологии» можно найти следующее суждение: «Условия, при которых происходит общение индивидов..., представляют собой условия, относящиеся к их индивидуальности, и не являются чем-то внешним для них; это – условия, при которых эти определенные, существующие в определенных отношениях индивиды только и могут производить свою материальную жизнь и то, что с ней связано; следовательно, они являются условиями самодеятельности этих индивидов, и создаются они этой их самодеятельностью»⁴⁵.

Такие рассуждения позволили Марксу прийти к выводу о том, что, раз условия своей жизни человек меняет сам, нужно сделать их действительно человеческими, то есть преобразовать в корне весь социальный мир. Вопрос в том, как это сделать. Маркс считал, что основной способ должен

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 72.

быть революционным. Однако эта позиция вызывает серьезные возражения. Опыт показал, что все без исключения революции, несмотря на гуманные лозунги и задачи, которые они ставят, оказываются антигуманными в плане средств их реализации. Можно, следовательно, говорить о противоречии между целями и средствами их достижения при решении проблемы переустройства общества в учении Маркса.

Рассматривая проблему взаимодействия общества и личности в истории человечества, он видел несколько вариантов ее решения. Один из них – исключительно в интересах общества, другой – наоборот, в интересах личности, третий должен был уравновесить эти интересы. Поскольку в общей концепции Маркса примат отдавался общественному (общественной собственности на средства производства, коллективному труду, установлению, с одной стороны, равенства между всеми людьми, с другой – господства большинства над меньшинством и т.д.), постольку предпочтение во взаимосвязи общества и личности отдавалось первому.

Почему проблема взаимодействия общества и личности была решена в его пользу? Ведь Маркс немало писал о счастье людей, необходимости создания условий для его обеспечения, о развитии личности, которое должно стать самоцелью, более того, не просто о развитии, а его особом качестве, которое было названо всесторонним и гармоническим развитием личности. Был провозглашен принцип, согласно которому свободное и всестороннее развитие каждого является условием свободного и всестороннего развития всех. Создание коммунистического общества считалось невозможным без реализации этого принципа.

Однако личный (частный) интерес и права отдельного человека никогда не ставились Марксом во главу угла общества и государства как его основной структуры. Центральная идея его концепции состояла в том, чтобы сначала построить тотальное общество, общество для «всех» (или, по крайней мере, для большинства), в котором будут создаваться необходимые условия для развития «всех». Это означало признание того, что личность есть следствие, результат, продукт общества как первоначальной и главной реальности, которое Маркс рассматривал как ансамбль (совокупность) общественных (в основе производственных) отношений. Отсюда вытекало подчинение личности широко понимаемым социальным приоритетам и признание справедливым лозунга «что хорошо для общества, то хорошо для каждого его члена». Иллюзорность и ущербность этого лозунга в условиях советского общества сегодня всем хорошо понятна. Но он следовал из всей Марксовой концепции взаимодействия общества и личности.

§ 5. ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО В АНАЛИЗЕ К. МАРКСОМ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Взаимосвязь экономического и социального в творчестве Маркса нашла свое наиболее яркое воплощение в анализе капитализма и его социальных образований, прежде всего социальной структуры данного типа общества. Вообще из всех этапов общественного развития наиболее глубоко оказался рассмотренным именно капитализм, которому был посвящен основной труд Маркса – «Капитал».

Он анализирует проблемы социальной структуры капиталистического общества, исходя из его экономической характеристики и противоречий, ему присущих. Социальная структура этого общества рассматривается им в двух ракурсах – широком и узком. В первом – это система устойчивых связей и отношений между основными сферами общественной жизни, это система взаимосвязанных форм деятельности людей, социальных групп (классов), организаций и институтов. В узком ракурсе социальная структура – это выявленные Марксом в обществе различные группы и связи между ними. Причем главными из групп он считал классы, а среди последних – пролетариат, капиталистов и земельных собственников.

В основу разделения общества на классы был положен основной экономический принцип – владения собственностью на средства производства и источника получения доходов. Именно этот фактор оказывает, по мнению Маркса, решающее воздействие на все стороны общественной жизни. Стало быть, социальная структура общества оказывается в своей основе достаточно жестким слепком с экономической структуры.

В этой связи в «Капитале» читаем: «Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых являются заработная плата, прибыль и земельная рента, следовательно, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, базирующегося

на капиталистическом способе производства»⁴⁶. Понятно, что различия между этими классами в данном контексте выступают как различия экономических источников доходов: труд – заработная плата, капитал – прибыль, земля – земельная рента.

В ходе анализа социальной структуры капиталистического общества основное внимание уделялось пролетариату – классу, который интересовал Маркса гораздо больше, чем всякий иной, поскольку именно с его приходом к власти, с его исторической миссией он связывал будущее человеческого общества.

Рабочий класс явно им идеализировался, особенно тогда, когда он провозгласил интересы пролетариата масштабом и гарантом общественного прогресса и истинности социального знания. Конечно же, здесь сыграли роль и политические пристрастия, которые помешали объективному анализу реального значения пролетариата.

Характеризуя положение классов в условиях капитализма, Маркс не мог не поставить проблему класса вообще, его универсального и обобщающего понятия. Тем не менее, странно, что он нигде так и не дал исчерпывающего определения класса, хотя подошел к нему вплотную. Что же такое, по Марксу, класс?

Общественный класс представляет собой, прежде всего, большую группу людей, занимающую определенное место в процессе производства. Он характеризуется тем или иным отношением к средствам производства (владеет собственностью на них либо нет), схожими экономическими условиями, общностью деятельности, интересов, способов мышления, образа жизни, образования. Эти идеи были выдвинуты Марксом в «Манифесте Коммунистической партии», а также в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, – они образуют класс»⁴⁷. В других работах, и это очень важно отметить, Маркс подчеркивал, что для выделения класса необходимо осознание его представителями единства, ощущение отличия от других общественных классов и даже враждебности по отношению к ним.

Следовательно, класс в строгом смысле слова не совпадает с любой общественной группой. Помимо общности интересов и образа жизни, он предполагает осознание этой общности вначале в национальных (а затем и в интернациональных) рамках и волю к совместным действиям. Так, промышленные рабочие ведут образ жизни, предопределенный их судьбой в буржуазном обществе. Они осознают общность своих интересов, свой антагонизм по отношению к другим классам, прежде всего к буржуазии. Таким образом, они составляют в полном смысле слова общественный класс.

Эти положения теории класса Маркса не вызывают возражений и вопросов, когда речь идет о XIX в. Но так ли это сейчас? Не изменилась ли ситуация во второй половине XX в.? Насколько ощущают себя классом, враждебным буржуазии, рабочие в западных странах на рубеже XX–XXI столетий? Готовы ли они, так же как 150–100 лет назад, отстаивать свои интересы, да еще и с оружием в руках? Многие из этих вопросов кажутся сегодня риторическими.

Есть ряд положений Марксовой теории классов, с которыми полемизировали и продолжают это делать сейчас социологи середины и второй половины XX в. Некоторые из них полагают, что Маркс ставит знак равенства между восхождением буржуазии и восхождением пролетариата. Буржуазия развивала производительные силы в лоне феодального общества, пролетариат делает это точно также в лоне капиталистического общества. Однако, считает, например, Р. Арон, буржуазия была привилегированным меньшинством, тогда как пролетариат является не привилегированным меньшинством, а совсем наоборот – огромной массой людей без всяких привилегий. Он не создает новых производительных сил или производственных отношений в недрах капиталистического общества, поскольку рабочие – это исполнители в системе производства, управляемого либо капиталистами, либо специалистами⁴⁸. Поэтому, полагает Р. Арон, уподобление восхождения пролетариата восхождению буржуазии с точки зрения социологии ложно⁴⁹.

Вряд ли можно согласиться с представленной выше позицией ряда западных социологов (в том числе и Р. Арона). Конечно, разница между двумя типами классового «восхождения» существует. Однако нельзя считать, что рабочий класс не принимает участия в создании новых производительных сил и – тем более – производственных отношений. Дело в том, что, по определению, производительные силы и производственные отношения (категории, обоснованные и введенные в широкий научный оборот Марксом) имеют «двуклассовый» или «межклассовый» характер. Они

⁴⁶ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 457.

⁴⁷ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 208.

⁴⁸ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 198.

⁴⁹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 199.

не могут в реальности создаваться только одним классом. Можно спорить о «вкладе» буржуазии и пролетариата в процесс их формирования, о том, как это делается, какие механизмы используются в данном процессе. Одно очевидно: новые производительные силы и производственные отношения никогда не могут быть следствием деятельности лишь одного класса.

Как уже отмечалось, Маркс стремился к глубокому и конкретному изучению реальных социальных образований, прежде всего рабочего класса, интересовавшего его как революционера, идеолога этого класса гораздо больше, чем иные элементы социальной структуры общества. В конце концов он подошел к необходимости конкретно-социологического исследования пролетариата, о чем свидетельствует составленная им «Анкета для рабочих» (к сожалению, опрос по ней не был проведен). В ней 99 вопросов, которые можно объединить в четыре группы: 29 вопросов первой группы направлены на получение информации об условиях работы, использовании детского труда, об охране труда рабочих и др.; 16 вопросов второй группы дают возможность узнать о продолжительности рабочего дня взрослых и детей, о возможности работающих детей учиться; 36 вопросов третьей группы касаются отношения рабочих к предпринимателям, системы оплаты труда и уровня зарплаты, проблем бюджета семьи, обеспечения в старости; 18 вопросов четвертой группы направлены на получение информации об организациях рабочих, профсоюзах, стачках и их целях, отношениях правительства и предпринимателей к рабочим⁵⁰.

Конечно, с точки зрения сегодняшнего состояния социологии нетрудно увидеть методическое несовершенство этого инструмента (по существу все вопросы открытые, то есть не предполагают возможных вариантов ответов, а сами ответы полностью записываются опрашиваемыми либо интервьюерами; многие вопросы задаются «в лоб» и т.д.). Однако не следует забывать, что во времена Маркса методика и техника конкретного исследования были совершенно не разработаны. С этой точки зрения имеет смысл говорить скорее не о недостатках, а о достижениях ученого в данной области. Собственно, в таком качестве выступает уже сама попытка использовать социологический инструмент для получения конкретных данных о рабочем классе. Аналогичными могут быть суждения, касающиеся исследования им отчетов заводских инспекторов, предпринятого в «Капитале». Конечно, анализ положения рабочего класса и способов, использованных для достижения этой цели в трудах Маркса, не мог не оказать положительного влияния на дальнейшее развитие конкретных социологических исследований.

Говоря о значении творчества Маркса для последующего развития социологической науки, имеет смысл обнаружить не только принципиальные методологические подходы к трактовке общества, его экономических, социальных, идеологических институтов, классово-иной структуры и т.д., но и постановку и анализ конкретных явлений и процессов, имеющих выраженный социологический характер. В качестве образца (примера) можно рассмотреть Марксов анализ проблем образа жизни и социального (рабочего и свободного) времени.

§ 6. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗА ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Известно, что К. Маркс характеризовал образ жизни как «определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид жизнедеятельности»⁵¹. Осмысление того, что образ жизни – это способ деятельности людей, стало одним из определяющих обстоятельств при изучении его проблем. По существу был сформулирован деятельностный подход к анализу образа жизни, когда последний стал рассматриваться сквозь призму различных аспектов и характеристик деятельности (способ, форма, вид и т.д.). Их использование позволяет получить конкретное представление о том или ином образе жизни, элементах, составляющих его систему, характере и типе связей между ними. Стало быть, способ, форма, вид, сторона, сфера и т.д. деятельности могут выступать средством операционализации образа жизни, то есть перевода этого понятия на язык, с помощью которого можно получить его конкретное знание.

Но этим значение подхода Маркса к образу жизни не исчерпывается. Включая его в контекст широких социальных связей и отношений (с производством, обществом, личностью и др.), Маркс обнаруживает наличие зависимости между способом деятельности и социальным временем. Путь анализа этой связи состоял в том, чтобы, учитывая примат деятельности, характеризовать ее и время друг через друга.

⁵⁰ См.: Маркс К. Анкета для рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 233–240.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.

Концептуально у Маркса деятельность в единстве со временем ее осуществления составляет основу образа жизни человека. Это позволяет последнему осознавать ценность времени, овладевая которым, он становится богаче. Ведь время – это тот вид богатства, которым человек может располагать лишь в определенных условиях, главным среди которых является свобода. Как бы помогая индивиду осмыслить этот вид богатства, Маркс формулирует один из основных законов общественного (да и личностного) развития, который носит название закона экономии времени. Согласно ему, «всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени!»⁵². Открытие этого закона тесно связано с пониманием того фундаментального положения, что «время есть пространство человеческого развития»⁵³. Именно так, сквозь призму объективной потребности личности в совершенствовании, прогрессе, самореализации, рассматривал время Маркс.

Известно, что социальное время как целостная категория нашло у него массу своих конкретных выражений. Имеется в виду целый спектр, «набор» таких временных понятий, как рабочее время, свободное время, необходимое и прибавочное рабочее время, живое и овеществленное рабочее время, рабочий день, досуг и др. В этих понятиях конкретизируется время общества, а сама дифференциация осуществляется не только за счет выделения во времени общества какой-то его сферы, которая получает название рабочего, свободного времени, досуга, избыточного времени и т.д. Главный путь конкретизации временных понятий – соответствие их определенным видам деятельности. В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» Маркс пишет: «Деятельность измеряется временем, которое поэтому становится также и мерой объективированного труда»⁵⁴.

Время выступает в единстве со всякой деятельностью, но в первую очередь с трудовой. Поэтому важнейшим элементом социального времени выступает рабочее время. Оно есть «непосредственное наличное бытие человеческой деятельности как таковой». Если рабочее время – непосредственное выражение деятельности, ее непосредственная мера, то свободное время «отстоит» несколько далее от непосредственного бытия. Маркс говорит, что это время, «которым можно свободно располагать за пределами времени, затрачиваемого на непосредственное производство»⁵⁵.

Анализ проблемы свободного времени занимает в творчестве ученого особое место, поскольку именно его величину, содержание и характер использования он считал одним из базовых критериев прогресса общества и его подлинного богатства, которым в полной мере люди сумеют воспользоваться лишь в коммунистическом обществе. В рукописях, предваривших появление «Капитала», у Маркса есть целый параграф, посвященный роли свободного времени при капитализме и в условиях коммунистической формации. В нем доказывается, что в капиталистическом обществе свободное время является фактором эксплуатации и получения прибавочной прибыли, тогда как при коммунизме оно станет простором подлинного расцвета всех сил и способностей личности. По всей видимости, такой подход также можно отнести к «двусмысленностям марксистской социологии», особенно, если учесть его идеологическую направленность.

Нас же больше интересует социологическая сторона творчества Маркса. В этом отношении для последующего развития социологии представляет интерес предложенная им структура свободного времени. «Свободное время, – писал К. Маркс, – представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности, – разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он вступает затем в непосредственный процесс производства»⁵⁶. При этом, как с очевидностью вытекает из всего Марксова подхода к свободному времени, под первой его составной частью – досугом – подразумеваются занятия, непосредственно относящиеся к отдыху, развлечению, разрядке, восстановлению затраченных на работе сил. Более возвышенная, чем досуг, деятельность включает в себя то, что направлено, прежде всего, на развитие личности – творческие занятия, любительский труд, общественную активность, физические упражнения.

Обращает на себя внимание, что Маркс не сортирует эти занятия по их значению для человека, считая и досуг, и более возвышенную деятельность одинаково важными, но выполняющими разные социальные функции. Если досуг реализует преимущественно функции восстановления сил, отдыха, развлечения, семейного и товарищеского общения, то лейтмотив более возвышенной деятельности – развитие человека.

⁵² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 117.

⁵³ Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 147.

⁵⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 112.

⁵⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 115.

⁵⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 221.

§ 7. ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ К. МАРКСА ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Несмотря на то, что К. Маркс не был социологом в строгом и узком значении этого слова, более того, ни разу даже не использовал сам этот термин, значение его идей для развития социологии сегодня общепризнанно, причем не только отечественными, но и зарубежными учеными. Многими из них единодушно подчеркивается его громадное влияние на последующее развитие социологической мысли. При этом четко проводится идея: без Маркса не было бы многих социологических направлений, школ и парадигм, не было бы целого ряда крупных исследователей, в том числе таких гигантов социологической науки как М. Вебер и Э. Дюркгейм. И это несмотря на то, что далеко не все социологи приняли его учение. С именем Маркса связывается прокладывание столбовой дороги социологии.

То обстоятельство, что представители отечественного обществознания подчеркивали выдающееся значение Маркса как социолога, вполне понятно и очевидно. Весь путь развития советского общества (вплоть до 1990-х гг.) напрямую и жестко связывался с реализацией его идей в практике строительства социализма и коммунизма, а лидеры СССР поочередно провозглашались достойными наследниками и проводниками основополагающих идей вождя мирового пролетариата (хотя подавляющее большинство из них вряд ли имело какие-либо представления о социологической науке). Впрочем, в отечественной науке достаточно часто смешивались представления о Марксе как социологе и политике, идеологе нового общества, коммунистической партии, пролетариата.

Что касается оценок Маркса как социолога в зарубежных работах, то они, чаще всего, очень высоки и направлены на выявление значения тех сторон и аспектов его учения, которые оказали наиболее глубокое влияние на последующее развитие социологической науки. Приведем типичную в этом отношении точку зрения американского социолога Кристофера Дуба: «Во-первых, в работах Маркса подчеркивалось значение экономических факторов, определяющих социальную жизнь... Вторая ключевая идея Маркса состоит в том, что системы веры и мысли – это продукты той эпохи, в которой они локализованы... Третья главная идея – это концепция отчуждения труда. Столетие спустя после того, как Маркс писал об этом, социологи продолжают использовать его концепцию»⁵⁷.

Нельзя не согласиться с подобной точкой зрения, добавив при этом, что социологи продолжают использовать и иные теоретические и концептуальные идеи Маркса, понимая, однако, что их не следует абсолютизировать, но нужно видеть применимость значительной части из них не столько к XX–XXI вв., сколько к более ранним этапам развития капитализма. Главное же состоит в том, чтобы осознавать в полной мере вклад Маркса в становление и развитие социологии, рассматриваемой в тесной связи с экономической наукой.

В заключение приведем высказывание о нем французского социолога Р. Арона, с которым полностью солидарны: «Маркс был, бесспорно, социологом, но социологом ярко выраженного типа, социологом-экономистом, убежденным, что нельзя понять современное общество, не усвоив механизма функционирования экономической системы, и нельзя понять эволюцию экономической системы, не принимая в расчет теорию деятельности»⁵⁸.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Можно ли назвать К. Маркса социологом? Ответ следует аргументировать.
2. Почему материалистическое понимание истории выступает как основа социологической концепции Маркса? Раскройте его существо.
3. Р.Арон в работе «Этапы развития социологической мысли» пишет о «двусмысленностях» марксистской социологии. В чем они состоят? Разделяете ли Вы точку зрения Арона?
4. В чем существо Марковского подхода к анализу взаимодействия общества и личности?
5. Раскройте сущность понятия «экономический детерминизм». Можно ли применять это понятие при характеристике социологической теории Маркса?
6. Как соотносятся в творчестве Маркса экономический и социальный детерминизм?
7. Охарактеризуйте взгляды Маркса на социально-классовую структуру капиталистического общества.

⁵⁷ Doob Chr. Sociology: An Introduction. N.Y., 1985. P. 9.

⁵⁸ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 152.

8. Внимательно ознакомьтесь с «Анкетой для рабочих» Маркса. Проанализируйте ее и попробуйте произвести группировку вопросов по выделенным вами основаниям.
9. В чем суть трактовки категории «образ жизни», которую дает Маркс?
10. Как характеризует проблематику социального (рабочего и свободного) времени Маркс?
11. Какие социологические взгляды Маркса, с вашей точки зрения, были искажены или излишне идеологизированы его последователями и противниками, а какие не потеряли актуальности и сегодня?
12. Оцените вклад Маркса в развитие социологического знания.

ЛИТЕРАТУРА

- Арон А. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.
- Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История теоретической социологии: В 4 т. Т. 1. М., 1997.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Козер Л. Мастера социологической мысли. М., 2006.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42.
- Маркс К. Анкета для рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.

ГЛАВА 6

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

1. *Понятие психологического направления в социологии.*
2. *Психологический эволюционизм в социологии. Взгляды Л. Уорда.*
3. *Социологическое творчество Ф. Гиддингса.*
4. *Инстинктивизм в социологии.*
5. *Психология народов.*
6. *Групповая психология. Взгляды Г. Лебона.*
7. *Теория подражания. Идеи Г. Тарда.*
8. *Зарождение интеракционизма. Творчество Ч. Кули.*

§ 1. ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Натуралистические теории не могли сколько-нибудь долго удовлетворять потребности быстро развивающейся социологии, которая, как губка, впитывала в себя все новейшие научные открытия и достижения и живо реагировала на них появлением новых направлений, школ и даже парадигм. Натурализм упрощал объяснение и анализ многих социальных процессов и явлений и не позволял увидеть по-настоящему роль человека в единстве его психической деятельности и поведения. Поэтому уже в недрах натурализма зрело недовольство им и стремление социологов выйти на уровень психосознательных факторов человеческого поведения. Активизировался поиск нового ключа к разгадке многих общественных явлений и процессов, его видели все чаще в сфере психики человека, мотивации его действий, выявлении потребностей, интересов, желаний.

Ближе к концу XIX в. в социологии возникает психологическое направление, оказавшее сильное влияние на развитие ее как науки. Появление нового направления было связано с успехами психологии, особенно экспериментальной. Кроме того, психология, которая еще в начале XIX в. изучала лишь индивида, к концу столетия исследует социальные процессы и поведение групп (общностей) людей. Своеобразный биологический редукционизм, сведение многообразия социальных явлений к биологическим более не устраивало социологию. Как реакция на неудовлетворенность этим редукционизмом, с одной стороны, и как появление интереса к проблемам мотивации человеческого поведения и его психологическим механизмам, с другой, возникает психологическое направление в социологии.

Некоторые исследователи объясняли явление психологизации социологических теорий стремлением социологов увести общественное сознание от обострившихся реальных противоречий общественного развития, особенно в сфере производства, и направить его в сторону социально-психологических факторов. Нам кажется, что такое объяснение имеет больше идеологический, чем научный характер, и должно быть поставлено под серьезное сомнение. Нужно иметь в виду логику развития социологической науки, которая испытывала воздействие теоретической мысли в целом. И если в рамках последней психология добилась во второй половине XIX – начале XX в. определенных результатов, то это не могло не сказаться на развитии пограничной с ней области научного знания – социологии. Именно тогда началось их совместное движение к новым успехам, продолжающееся и по сей день.

Психологическое направление в социологии, сформировавшееся на рубеже веков, имело сложную структуру. Выделим психологический эволюционизм, групповую психологию, психологию подражания, психологию народов, инстинктивизм, интеракционизм (направление, изучающее межличностное взаимодействие). Читателя не должны смущать эти названия, содержащие по преимуществу психологическую терминологию. Речь ведь идет о таком направлении (и его ответвлениях), которое возникло на «стыке» двух наук, преимущество же в названии оказалось за более «сильной» стороной, т.е. психологией. Но название – это еще не все. Главное состоит в том, каково содержание проблематики, рассматриваемой в главе. Оно же имеет, как в этом далее нетрудно будет убедиться, несомненно, социологический ракурс.

Все вышеназванные ответвления в рамках психологического направления объединяет стремление искать ключ к объяснению всех социальных явлений и процессов в психических факторах развития человека и общества. Важным привлекательным моментом для исследователей в этой сфере научного поиска оказалось то, что представители психологической социологии обратили внимание на проблему соотношения общественного и индивидуального сознания как наиболее значимую. Вообще следует сказать, что для сторонников этого направления основными категориями являются сознание и самосознание.

В литературе часто говорят не только о психологическом направлении в социологии конца XIX – начала XX в., но и о психологизме как черте других направлений социологии и о психологическом подходе к анализу социальных и индивидуальных явлений. Под психологизмом социологии принято понимать ориентацию ее отдельных представителей и направлений (течений, школ) на объяснение социальных явлений и процессов лишь с помощью данных психологической науки. По существу это психологический редукционизм (полное или частичное сведение многообразных социальных явлений и процессов к действию тех или иных психических факторов), поскольку при таком подходе внимание обращается прежде всего на психологические механизмы человеческого поведения и межгрупповых, а также внутригрупповых отношений. Более того, не допускается рассмотрение социальных систем (подсистем) и институтов вне психологических составляющих индивидуальной (групповой) деятельности.

Что касается самого психологического подхода (а не психологизма как черты социологии), то различают три его разновидности: индивидуалистскую, групповую, социетарную. Первая разновидность означает, что социальные явления и процессы обусловлены действием индивидуальных психических факторов, поэтому следует постоянно обращаться к анализу психики индивида и в ней искать причины того, что происходит в обществе. Вторая разновидность – групповая – ориентирует на поиск причинно-следственных связей в объяснении общественных явлений и процессов в психологии групп (рода, племени, семьи, коллектива и др.) и их поведении. Согласно третьей разновидности, объяснение социальной жизни и деятельности должно осуществляться с позиций общественной психологии, а психику индивида следует рассматривать как продукт общества.

При наличии общего для всего психологического направления и объединяющего его сторонников принципа, согласно которому только психическая жизнь и психические процессы могут объяснить общественную жизнь и общественные процессы, существует значительная разница между течениями и ответвлениями этого направления. Рассмотрим некоторые из них.

§ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ В СОЦИОЛОГИИ. ВЗГЛЯДЫ Л. УОРДА

ЛЕСТЕР УОРД

18 июня 1841 г. – 18 апреля 1913 г.

Психологический эволюционизм представляет собой течение социологической мысли конца XIX – начала XX в., представители которого рассматривали процесс развития общества как часть космической эволюции, имеющей направленный характер, как переход от простых этапов к сложным на основе развития сознательного начала, т.е. разумного управления социальными процессами. При этом каждый новый этап вбирает в себя лучшие достижения предшествующего благодаря организованной психической деятельности человека. Наиболее крупные представители психологического эволюционизма – американские социологи Лестер Уорд (1841–1913) и Франклин Гиддингс (1855–1931).

Уорд, выходец из бедной семьи, участник Гражданской войны в США, по образованию и специальности геолог и палеоботаник, пришел в социологию уже в зрелом возрасте. Главные его работы – «Динамическая социология» (1883, русский перевод – 1891), «Психические факторы цивилизации» (1893, русский перевод – 1897), «Очерки социологии» (1898, русский перевод – 1901), «Чистая социология» (1903), «Прикладная социология» (1906). Уорд был основателем и первым президентом Американского социологического общества, впоследствии Американской социологической ассоциации (1906–1908). Демократизм и выступления Уорда против засилья монополий не раз навлекали на него гнев реакционеров, в том числе и в России. Русский перевод второго тома «Динамической социологии» в 1891 г. был сожжен по специальному решению царского кабинета министров. Книгу сочли подрывной и вредной, хотя на самом деле Уорд не посягал на устои капитализма, предлагая мирно устранить классовое неравенство и достичь всеобщего согласия, что вполне выглядело как очередная социальная утопия.

Основные идеи социальной эволюции излагаются Уордом в полемике с позицией Спенсера. Он критикует британского социолога за «обезличенность» процесса социальной эволюции, в котором не находится места сознательной и целенаправленной деятельности людей. Социальная эволюция, считает Уорд, не может быть явлением чисто природным, биологическим (как ее трактует Спенсер), поскольку в обществе живут и действуют люди, наделенные сознанием, психикой. Следовательно, в основу социологического анализа социальной эволюции нужно положить, прежде всего, психологические, а не биологические принципы, психологические, а не биологические механизмы общественной жизни.

Подход Уорда к пониманию социальной эволюции состоит в том, что необходимо видеть в эволюционном процессе природное, спонтанное развитие, названное им генезисом, и осознанные, целенаправленные действия человека в обществе, приводящие к его развитию, что было названо американским социологом телезисом. Генезис и телезис в социологии Уорда выступают как две составные и взаимосвязанные части эволюционного процесса.

При этом генезис оказывается предметом исследования чистой, или теоретической социологии, которая изучает предпосылки развития социальных явлений и процессов. Телезис становится предметом прикладной, или практической социологии, поскольку речь идет об эволюции уже самого общества за счет сознательного воздействия людей на социальные процессы. Как видно, Уорд стремится объединить изучение природного и социального в социологической науке. Соединительным звеном при этом становится человек – наполовину природное, наполовину общественное существо.

В первом случае – с генезисом – социолог имеет в виду естественный, природный прогресс, во втором случае – с телезисом – речь идет о прогрессе, связанном с деятельностью людей. В основе этой деятельности лежат определенные силы, называемые социологом и социальными, и психическими.

В учении Уорда концепция социальных сил, которые он характеризует как «психические силы, действующие в коллективном состоянии человека», стала центральным звеном. Социальные силы определяют поведение человека. Раз они психологизируются Уордом, то понятно, что базой социологии становится не биология, как у критикуемого им Спенсера, а психология.

Первичной социальной силой оказываются желания, прежде всего голод, жажда, половые потребности, обеспечивающие продолжение рода. На их основе возникают более сложные, вторичные, – интеллектуальные, моральные и эстетические силы – желания. Если первичные желания человека объясняют его индивидуальное, личное поведение, то вторичные могут быть использованы для анализа поступательного, эволюционного развития общества, в основе которого они лежат. Главной среди вторичных социальных сил является интеллект. Пока желания «живут» «внутри» индивида, они являются психическими силами. Как только желания осознаются, они становятся интересами и таким образом превращаются в социальные силы.

Базой для удовлетворения первичных желаний выступает труд. Но он не всегда может решить эту задачу, ибо не все зависит от человека. Отношения, в которые он включен, оказываются зачастую «выше» его самого. Так, не всегда с помощью труда человек может обеспечить себе хлеб насущный. Когда он не может сделать это обычным путем, то вынужден прибегать к помощи обмана, который подчас необходим так же, как и труд. Обман существовал всегда. Раньше человек обманывал животное и убивал его. Теперь же вынужден обманывать другого человека, чтобы завладеть его имуществом, ограбить и решить таким образом свои проблемы. Итак, обман выступает как разновидность труда. Сегодня эта идея Уорда может быть весьма своеобразно интерпретирована. Некоторые исследователи творчества американского социолога полагают, что таким путем он подводит «психологическую базу» под право частной собственности.

Поведение человека, в соответствии с концепцией Уорда, может определяться, помимо желаний, также репродуктивными силами, к которым он относил в первую очередь любовь, выступающую в самых различных формах – сексуальной, романтической, супружеской, материнской, кровной. В природе этих сил он видел источник неравенства, поскольку они базировались на неравенстве мужчины и женщины.

Все то, о чем писалось выше, – это стимулы индивидуального поведения, включающие в себя желания и репродуктивные силы. Но Уорд говорил еще и о психических факторах цивилизации, которые он подразделял на три группы: субъективные, объективные и социально синтезированные. Субъективные факторы – это различные проявления души: чувства, волевые акты, эмоции и т.д. Объективные факторы – это интуиция, способность к изобретению, интеллект, проявление творческого духа. Факторы социального синтеза – это экономия ума, экономия природы, социальные аспекты воли и интеллекта. Нетрудно понять, что социологическая теория в творчестве Уорда изрядно психологизируется.

Психологический эволюционизм американского социолога – это результат столкновения психической природы индивида с общественными условиями его жизни. Социальный прогресс общества обеспечивается особыми социогенетическими силами (по Уорду социогения – высшая ступень эволюционной лестницы, являющаяся синтезом всех природных и социальных сил). Эти силы подразделяются им на интеллектуальные и моральные. Наиболее значимыми являются первые, т.е. интеллектуальные. Они лежат в основе стремлений людей приобретать знания и образование. Последнему же Уорд уделял особое внимание.

Он считал, что образование выступает стимулом и самой надежной формой социальных преобразований, средством изменения организационной структуры капиталистического общества. Поэтому введение всеобщего равного и обязательного образования, необходимость которого защищал и отстаивал Уорд, будет, по его мнению, иметь весьма благоприятные результаты. Это был один из «реформаторских» тезисов американского социолога, в соответствии с которым без введения всеобщего образования в условиях капиталистического общества трудно рассчитывать на эффективную организацию всей общественной жизни.

Также в свете реформаторских идей Уорда следует рассматривать созданное им утопическое учение об идеальном обществе – социократии, главным признаком которой является научный контроль социальных сил через «коллективный разум общества». Американский социолог поддерживал профсоюзное и рабочее движение, с сочувствием относился к пролетариату, доказывал необходимость улучшения его положения, настаивал на введении обязательного образования, прежде всего, для него. Как и многим социальным учениям конца XIX в., социологии Уорда был присущ гуманизм.

Общий вывод, который следует из рассмотрения социологической концепции Уорда, состоит в выявлении двух взаимосвязанных позиций, подчеркивающих характерные особенности его учения. Это психологизация социальных процессов плюс утопизм социальных преобразований. В целом же Уорд внес заметный вклад в развитие социологии прежде всего стремлением доказать, что в социальной эволюции, имеющей активный характер, ведущую роль играет психология человека и его воля.

§ 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Ф. ГИДДИНГСА

ФРАНКЛИН ГЕНРИ ГИДДИНГС
23 марта 1855 г. – 11 июня 1931 г.

Франклин Гиддингс, также как и Л. Уорд, является одним из основателей американской социологии и крупнейших представителей ее психологического направления. Он был создателем первой кафедры социологии (1894) в Колумбийском университете, избирался президентом Американского социологического общества (1908). Главный труд первого периода творчества Гиддингса, рассматриваемого в этой главе, периода, когда он развивал идеи психологического эволюционизма, был написан в 1896 г. и получил название «Принципы социологии»⁵⁹. Им были написаны и другие работы: «Элементы социологии» (1898), «Индуктивная социология» (1901), «Описательная и историческая социология» (1904), «Исследования по теории человеческого общества» (1922), «Научное исследование человеческого общества» (1924), «Цивилизация и общество» (1933).

В соответствии с идеями Гиддингса, социология – это наука, которая стремится понять общество в целом и пытается объяснить его посредством космических законов и причин. В отличие от психологии, изучающей простые выражения индивидуального разума, социология касается более сложных его проявлений, наблюдаемых в объединениях людей друг с другом. Для Гиддингса не подлежит сомнению психологическое «происхождение» социологии. Точно также как психология выделилась из биологии, социология сделала это по отношению к психологии.

Но при этом он видит различия между ними. Если психология – это наука об элементах и происхождении умственных явлений, то социология является учением об умственных явлениях в их наиболее обширных осложнениях и реакциях и об искусственной эволюции социальной среды. «Социология является попыткой, – пишет Гиддингс, – объяснить возникновение, рост, строение и деятельность общества действием физических, жизненных и психологических причин, действующих совместно в процессе эволюции»⁶⁰.

Итак, социология исследует прежде всего процессы эволюции общества. Однако как наука она обладает и другими особенностями. По мнению Гиддингса, «истинная социология должна соединить в себе как субъективное, так и объективное объяснения. Она должна свести каждое из них через все социальные отношения»⁶¹. В связи с этим американский социолог говорит о трех главных задачах социолога, которые он должен попытаться решить: во-первых, открыть условия для агрегации и соединения людей; во-вторых, открыть «закон субъективного процесса» (который управляет социальным выбором); в-третьих, открыть «закон объективного процесса» (который управляет естественным отбором и осуществлением выборов)⁶². Основная же особенность социологии состоит в том, что ее представители объясняют социальные явления посредством использования причин психического характера. Как пишет американский социолог, «социология является истолкованием социальных явлений посредством психической деятельности, органического приспособления, естественного отбора и сохранения энергии»⁶³.

Поскольку одно из основных понятий для социологии – общество, представляет интерес его трактовка Гиддингсом. Тем более, что характеристику предмета социологии как науки он связывает с пониманием общества, чему в значительной мере посвящается первая глава «Оснований со-

⁵⁹ Русский перевод: Гиддингс Ф. Основания социологии. М., 1898.

⁶⁰ Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 294.

⁶¹ Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 298.

⁶² Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 303.

⁶³ Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 312.

циологии». Он прямо говорит об обществе как о психическом явлении, обусловленном физическим процессом⁶⁴. Американский социолог утверждает, что общество в первоначальном смысле слова означает сотоварищество, ассоциацию, общую жизнь, которые он рассматривает как социальные факты, психические по своей природе⁶⁵. Вместе с тем, «под обществом надо разуметь естественно развивающуюся группу сознательных существ, в которой агрегат переходит в определенные отношения, преобразующиеся с течением времени в сложную и прочную организацию»⁶⁶.

Один из вопросов, возникший под влиянием идей Г. Спенсера и заданный Гиддингсом в отношении общества: является ли оно организмом? Если общество есть организм, размышляет социолог, отвечая на поставленный вопрос, оно должно описываться как психофизическое явление – психический организм на физическом основании. Но общество есть нечто большее, чем организм, подобно тому как организм сложнее и выше, чем неорганическая материя. Значит, «общество есть организация, отчасти создание бессознательной эволюции, отчасти результат сознательного плана. Организация есть комплекс из психических отношений. Однако подобно организму она может проходить через все фазы эволюции»⁶⁷. Кроме того, общество выступает для Гиддингса как организация, союз различных взаимосвязанных групп и ассоциаций, благодаря чему производятся и воспроизводятся социальные отношения.

Центральная теоретическая идея Гиддингса – идея «себеподобного сознания» (родового сознания), т.е. это чувство тождества, которое испытывается одними людьми по отношению к другим. На этом базируется один из основных социологических постулатов, который Гиддингсом формулируется следующим образом: «...первичный и элементарный субъективный факт в обществе есть сознание рода. Под этим подразумеваю такое состояние сознания, в котором всякое существо, какое бы место оно ни занимало в природе, признает другое сознательное существо принадлежащим к одному роду с собой»⁶⁸.

Гиддингс полагал, что в процессе социальной эволюции действуют две силы – бессознательная и сознательная. К первой он относил природные, следовательно, объективные факторы. Ко второй – сознательной – силе он относил факторы субъективно-психологического характера. Причем последние он не сводил к личностным проявлениям, а считал ими прежде всего описанное выше «сознание рода», предопределяющее поведение индивидов.

Это понятие является одним из центральных и активно используемых Гиддингсом. «Сознание рода» или «социальный разум» означает духовное единство разумных существ, что делает возможным их сознательное взаимодействие друг с другом при сохранении индивидуальности каждого. Названное понятие выполняет в его концепции, где приоритет в анализе любой социальной проблемы отдается психологическому фактору, цементирующую роль. Даже рассмотрение социальной и классовой структуры капиталистического общества несет на себе отпечаток наличия «сознания рода» («социального разума») как показателя развитости чувства солидарности.

В самой же социальной структуре, весьма необычную трактовку которой предлагает Гиддингс, им выделяются три группы классов: «жизненные классы», которые различаются по срокам жизни, темпам смертности и рождаемости; «классы личностей», различающиеся по такому психологическому критерию как степень одаренности (здесь выделяются гениальные, талантливые, обычные, уродливые люди); «социальные классы».

В основу классификации последних положены не объективные признаки, а степень развитости чувства солидарности («сознание рода»), которое скрепляет большие группы людей. Он различает, исходя из этого критерия, социальный класс, несоциальный класс, псевдосоциальный класс и антисоциальный класс. К первому Гиддингс относит людей, активно защищающих свое общество, свой социальный строй и стремящихся его улучшить. Несоциальный класс представляют люди, равнодушные к делам общества и тяготеющие к индивидуалистическим проявлениям жизни. Псевдосоциальный класс составляют бедные люди, стремящиеся жить за счет общества. Наконец, к антисоциальному классу Гиддингс относит преступников – людей, ненавидящих данное общество и его институты⁶⁹.

В более поздних работах, написанных уже после Первой мировой войны, Гиддингс частично пересмотрел свои прежние позиции и начал заниматься несвойственными ему ранее проблемами. Он изучал возможности применения статистических методов в социологии, стал принимать участие в эмпирических исследованиях.

⁶⁴ Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 303.

⁶⁵ Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 291.

⁶⁶ Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 292.

⁶⁷ Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 313.

⁶⁸ Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 301.

⁶⁹ Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 301.

Современники отмечали крайнюю теоретическую и даже идеологическую нетерпимость Гиддингса к противникам, говорили о его расизме, антисемитизме, антибольшевизме; при этом они подчеркивали большие административные возможности социолога и давление, которое он оказывал на коллег благодаря им.

Подводя краткий итог рассмотрению психологического эволюционизма в социологии (идеи Уорда, Гиддингса), следует отметить, что его влияние на последующее развитие социологической мысли не было слишком значительным и сохранилось в целом в рамках концепции эволюционизма. Это направление дополнило биолого-эволюционную схему, созданную Спенсером, выявлением и изучением психологического фактора развития общества. Несмотря на внешнее «противостояние» Спенсеру представителей психологического эволюционизма и его критику ими, реального разрыва с эволюционными идеями не произошло. Более того, они были усилены за счет использования в ходе анализа усложнения форм общественной жизни «сознательного начала», то есть фактора разумного управления социальными процессами.

§ 4. ИНСТИНКТИВИЗМ В СОЦИОЛОГИИ

В связи с развитием психологического направления в социологии, активным влиянием психологии на осмысление социальных процессов в конце XIX в. идут активные поиски таких внутриличностных факторов (детерминант), которые могли бы объяснить одновременно поведение и человека, и социальной группы. Введенное психологами в научный оборот понятие установки преследовало цель объяснить внутренние, скрытые механизмы деятельности сознания. Наряду с ними специалистов интересовали процессы, характеризовавшиеся как неосознанные и даже неосознаваемые.

Социальные явления начинают трактоваться в терминах неосознанных «инстинктов», «импульсов», «стремлений». Появляется теория инстинктивизма, основателем которой был английский исследователь, переехавший в 1921 г. в США, Уильям Мак-Дугалл (1871–1938). Его основная работа, в свое время очень популярная и выдержавшая ряд переизданий (первое – в 1908 г.) – «Введение в социальную психологию»⁷⁰.

Мак-Дугалл стремился создать такую психосоциальную систему общественных наук, в которой базисом была бы психология, а все остальные, включая социологию, историю, философию, экономику и другие, надстраивались над ней. При этом главной «надстроечной» наукой он считал социологию. «Смешивая» ее с психологией, он разрабатывал социально-психологическую теорию личности. В ней в качестве основной движущей силы поведения индивида он рассматривал неосознаваемые инстинкты, стремления, импульсы.

Понятие инстинкта для Мак-Дугалла было ключевым. Под ним он понимал «врожденное психофизическое предрасположение, которое заставляет индивида обращать внимание на определенные объекты и испытывать при этом эмоциональное возбуждение, действовать по отношению к этим объектам определенным образом или по крайней мере испытывать импульс к такому действию». Мак-Дугалл рассматривал инстинкты как наследственно обусловленные каналы разрядки нервной энергии, непосредственно определяющие поведение человека. В этом смысле инстинкты характеризовались как первичные.

С первичными (простыми и неразложимыми) инстинктами тесно связаны такие же эмоции. Каждый из них может быть соотнесен с соответствующей группой эмоций. Так, родительский инстинкт проявляется в эмоциях нежности, инстинкт бегства – в эмоциях самосохранения, инстинкт драчливости – в эмоциях страха и гнева, инстинкт любопытства – в эмоциях удивления, инстинкт строительства – в эмоциях созидания, инстинкт воспроизведения человека – в эмоциях сексуальной ревности и т.д. Всего Мак-Дугалл насчитывал 18 базовых инстинктов человека, причем вначале их было у него 11, затем – 14. Кстати, сторонники инстинктивизма количество базовых инстинктов оценивали по-разному. У. Джемс насчитывал их 38, З. Фрейд сводил к двум основным («эрос» – инстинкт жизни и «танатос» – инстинкт смерти).

Наиважнейшее значение Мак-Дугалл придавал инстинкту стадности (ему соответствуют эмоции принадлежности), поскольку именно он удерживает людей в совместной жизни и деятельности и является основой многих социальных процессов (например, войн, развития производства) и институтов (семьи, торговли и др.). Стадный инстинкт проявляется в коллективном производстве, в совместном проведении свободного времени, в росте городов, в возникновении и функционировании семьи, в массовых сборищах, демонстрациях, толпах и т.д.

⁷⁰ Гиддингс Ф. Основания социологии. М., 1898. С. 136–137.

Особо следует сказать о представлениях Мак-Дугалла в отношении эмоциональной сферы жизни человека. По его мнению, простые эмоции объединяются в сложные, иерархически соотносящиеся группы, на основе которых происходят (возникают) чувства. Он специально выделял «эготическое» чувство (от лат. ego – я), что подчеркивало его доминирующую роль в характере человека.

По Мак-Дугаллу, любое общественное явление, любой социальный процесс имеет под собой тот или иной инстинкт (группу либо комбинацию инстинктов). С этой точки зрения интересен его анализ причин войн, возникновения религии, развития промышленного производства и накопления общественного богатства в его процессе. Войны возникают, по мнению английского психолога и социолога, вследствие предрасположенности людей (их диспозиции) к инстинкту драчливости. Религия появляется как результат комбинированного действия инстинктов самоуничтожения, любопытства и эмоционального возбуждения. Развитие капиталистического производства и рост общественного богатства имеет место в процессе действия инстинктов скупости и стяжательства. Мы взяли лишь три примера из работы Мак-Дугалла, вообще же таких рассуждений в ней достаточно много.

Собственно говоря, в обозначенной выше его позиции и обнаруживается своеобразная подмена социологического подхода к общественным явлениям и процессам психологическим инстинктивизмом. По существу это еще одна форма редукционизма, на сей раз – психологического, выполненного в рамках теории инстинктов.

Весьма специфической была трактовка Мак-Дугаллом причин социального поведения. Кроме признания того, что в их качестве выступают врожденные инстинкты, устанавливалось, что они выражают стремление к достижению некоей биологически значимой цели. Это стремление, желание рассматривалось как некая движущая телеологическая сила интуитивного характера, являющаяся главным признаком живого и названная греческим словом «гормэ» (в переводе термин означает стремление, желание, порыв).

Мак-Дугалл пытался создать «гормическую» концепцию поведения, в соответствии с которой человек наделен витальной (жизненной) энергией, реализующейся в действиях инстинктов. Трактовка социального поведения как врожденного стремления к достижению определенных целей абсолютизировала роль бессознательных влечений в качестве главной движущей силы человеческих поступков, что тормозило развитие научных представлений как о личности, так и об обществе.

Инстинктивизм в развитии социологии сыграл свою роль. Он пробудил интерес к изучению психики и стимулировал внимание к не поднятым до того времени проблемам сознания. Поэтому не случайно под флагом разработки проблемы инстинктов стали писать об установках, аффектах, потребностях, интересах, привычках и т.д. В теориях инстинктивизма делался акцент на важных сторонах человеческой психики как основы поведения людей. Более того, они привлекли внимание исследователей к неосознаваемым аспектам психики и их роли в общественной жизни.

Однако теоретическая основа этого направления оказалась довольно шаткой и уязвимой, поскольку социально-исторические тенденции и общественные закономерности, на раскрытие которых претендовал инстинктивизм, подменялись индивидуально-психическими факторами функционирования человека и общества. По меткому замечанию П. Сорокина (одного из крупнейших социологов XX века, о творчестве которого в дальнейшем будет подробно рассказано), инстинктивистские концепции представляли собой род «рафинированного анимизма».

§ 5. ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ

Психологическое направление в социологии представлено на уровне разных субъектов деятельности. Если психологический эволюционизм связан в первую очередь с исследованием общества, а инстинктивизм – личности, то последующие три «разновидности» психологической социологии (психология народов, психология групп, психология подражания) имеют дело с субъектами деятельности, занимающими промежуточное положение между обществом и личностью.

Одно из таких направлений в рамках психологической социологии – психология народов. Оно возникло и оказалось наиболее развитым в Германии второй половины XIX – начала XX в. Наиболее известные представители – М. Лацарус, Х. Штейнталь, В. Вундт. Психология народов – направление, возникшее на стыке социологии и социальной психологии. Суть его состоит в том, что основной движущей силой исторического процесса является народ, этнос, который характеризуется активным началом в виде «народного духа», проявляющегося в культуре, религии, языке,

мифах, обычаях, нравах. Этот «народный дух» определяет индивидуальное сознание, психику людей, являющихся представителями данного народа (этноса). Он («народный дух») имеет специфические общие моменты, присущие этносу, проявляется в сходных структурах национальной культуры, тех или иных совпадающих чертах характера. На основании анализа «народного духа» допустимо нарисовать определенный социально-психологический портрет данного этноса, который будет включать его мифологию, народные обычаи, национальную культуру и таким образом может подлежать конкретному исследованию.

Наиболее предметно психологию народов проанализировал Вильгельм Вундт (1832–1920), посвятивший этому главный (десятитомный) труд своей жизни – «Психологию народов» (1900–1920). Сокращенное изложение основных идей этой работы было опубликовано на русском языке⁷¹. Десятитомник содержит богатейший не только и даже не столько теоретический, сколько эмпирический материал об особенностях психологии разных народов и этносов, о специфических проявлениях их «народного духа» в культуре, искусстве, языке, мифах, обычаях, нравах, привычках и др. Вундт был известен как своими научными трудами, так и тем, что создал в Лейпциге в 1879 г. первую в мире психологическую лабораторию, превратившуюся в международный центр экспериментальной психологии. За заслуги перед мировой, в том числе российской, наукой в 1902 г. он был избран в Петербурге почетным членом Академии наук. В мире за ученым закрепилась слава основателя эмпирической этнопсихологии.

Он рассматривал психические процессы в тесной связи с физическими, полагая, что они составляют две стороны одного реального бытия, которое извне проявляется как тело, а изнутри – как душа. Изучая сознание путем самонаблюдения его явлений и фактов, он пришел к выводу, что многие психические процессы, прежде всего, мышление, речь, воля, недоступны эксперименту. Их следует изучать с помощью культурно-исторического метода, тем более, что они относятся к сфере не индивидуальной психологии, а психологии народов.

Вундт полагал, что «психология народов – самостоятельная наука наряду с индивидуальной психологией, и хотя она пользуется услугами последней, однако и сама оказывает индивидуальной психологии значительную помощь»⁷². Он не согласился с предложенным Лацарусом и Штейнталем противопоставлением индивидуальной психологии народов, полагая, что они взаимосвязаны между собой, последняя же в этой взаимосвязи выступает как сложный творческий синтез индивидуальных сознаний⁷³.

По мнению В.Вундта, психология народов охватывает три больших области и три основных проблемы, требующие специального психологического исследования: язык, мифы, обычаи. Они «представляют собой общие духовные явления, настолько тесно сросшиеся друг с другом, что одно из них немислимо без другого»⁷⁴. Исследование их взаимодействия составляет важную задачу психологии народов. Другой ее важной задачей является стремление психологически познать сущность духа народа и открыть законы, по которым протекает его духовная деятельность.

Язык, мифы и обычаи, как пишет В.Вундт, есть непосредственный продукт творчества духа народа, причем они являются не какими-то фрагментами этого творчества, а представляют собой «сам этот дух народа в его относительно еще не затронутом индивидуальными влияниями отдельных процессов исторического развития виде»⁷⁵. Вундт стремится доказать, что язык, мифы и обычаи не зависят от индивидуального сознания и индивидуальных волевых актов. Более того, это сознание и эта воля испытывают на себе влияние духа народа как содержания его психологии. Поэтому психология народов – первична, а психология индивидов – вторична по отношению к ней.

Вундт рассматривает язык, мифы и обычаи не только в совокупности, в «кампании», во взаимосвязи, но и порознь, давая характеристику каждому из этих трех основных компонентов «духа народа». Он пишет: «Язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствованиями и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие

⁷¹ Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912.

⁷² Вундт В. Проблемы психологии народов // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 23.

⁷³ Вундт В. Проблемы психологии народов // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 6–7.

⁷⁴ Вундт В. Проблемы психологии народов // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 26.

⁷⁵ Вундт В. Проблемы психологии народов // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 27.

из этих представлений и влечений общие направления воли»⁷⁶. Как видно, и язык, и мифы, и обычаи толкуются в сугубо психологическом духе, как элементы сознания, духовной жизни людей, связывающие индивидов определенным образом между собой. Поэтому не случайно Вундт утверждает, что между психологией и тремя вышеуказанными областями исследования взаимоотношения осуществляются в полном объеме.

Рассматривая психологию народов как часть общей психологии, Вундт полагает, что ее развитие дает достаточно много для индивидуальной психологии, потому что язык, мифы и обычаи предоставляют материал о душевной жизни индивидов. «Так, например, – пишет Вундт, – строй языка, который, взятый сам по себе, является продуктом духа народа, проливает свет на психологическую закономерность индивидуального мышления. Эволюция мифологических представлений дает образец для анализа созданий индивидуальной фантазии, и история обычаев освещает развитие индивидуальных мотивов воли»⁷⁷.

Вундт стремился придать психологии народов более конкретный, реалистический вид за счет предложенной им программы эмпирических исследований языка, мифов, обычаев ряда этносов. Этим самым он создавал своего рода социологию обыденного сознания. Подобное предложение впоследствии оказалось как нельзя кстати при возникновении феноменологической социологии и этнометодологии и провозглашении в качестве объекта их исследовательских интересов повседневной, обыденной жизни людей и этносов. Реализация программы эмпирических исследований должна была превратить психологию народов в описательную научную дисциплину, изучающую внутренние, глубинные особенности их духовной жизни.

Следует отметить, что в целом психология народов сыграла свою положительную роль, поставив ряд социологических проблем духовной жизни этносов и сумев привлечь к их изучению лингвистов, историков, этнографов, филологов, а главное – психологов и социологов. Это была одна из первых попыток изучения взаимодействия культуры и индивидуального сознания. Но теоретической концепции этого взаимодействия создано не было. Что же касается большого описательного материала, использованного психологами, то он был далек от того, чтобы его можно было употребить при создании объяснительных концепций. Исследования, выполненные в рамках психологии народов, имели немалое значение для процесса последующего возникновения и сближения таких отраслей знания как историческая психология, этнопсихология, культурная антропология, психолингвистика. Однако социология получила от психологии народов гораздо меньше, чем названные выше научные дисциплины.

§ 6. ГРУППОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ВЗГЛЯДЫ Г. ЛЕБОНА

Параллельно с работами в области психологии народов проводились исследования в рамках еще одного направления – групповой психологии, связанные прежде всего с именем известного французского социолога, социального психолога, публициста, врача Гюстава Лебона (1841–1931). Некоторые отечественные специалисты по истории социологии считают его представителем рассмотренного выше направления – психологии народов. Основанием для такого утверждения является, несомненно, название в русском переводе одной из главных работ Г. Лебона – «Психология толп», опубликованной в 1895 г.⁷⁸. Однако представляется более верной позиция И.С. Кона, считающего его создателем направления групповой психологии в социологии⁷⁹. Здесь имеет место тот случай, когда требуется сопоставление взглядов представителей психологии народов по вопросу о ее предмете (выше они были изложены) и концепции Лебона, к рассмотрению которой мы переходим, Читателю нетрудно будет самому убедиться, что идеи Лебона имеют совершенно иную направленность.

В последней трети XIX в. особое внимание исследователей привлекли массовые движения. Это были революции, протестные выступления экономического, социального и политического характера, охватившие ряд европейских стран. Наиболее рельефно они дали о себе знать во Франции

⁷⁶ Вундт В. Проблемы психологии народов // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 25.

⁷⁷ Вундт В. Проблемы психологии народов // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 22–23.

⁷⁸ Русский перевод: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.

⁷⁹ См.: История социологии в Западной Европе и США. М., 2001. С. 65–66.

(чего стоила одна только Парижская коммуна!), поэтому не случайно именно в этой стране возникли концепции, в центре которых находился анализ поведения больших групп людей – «массы», «толпы». Именно этой проблеме и посвятил в значительной части свои работы Лебон.

По его мнению, «толпа», или «масса» – это большая группа людей, собравшихся в одном месте, воодушевленных общими чувствами и готовых следовать куда угодно за своим лидером. Соправиться с ней не может никакая рациональная сила. Ход мыслей каждого человека в толпе направляется ее общим настроением. В толпе человек теряет свое индивидуальное мышление, заражаясь этим общим настроением. Он превращается из простого человека в «человека толпы». В ней индивид теряет чувство реальности и оказывается подверженным влиянию лидера значительно сильнее, чем в обычных условиях. Причем чем дольше по времени человек находится в толпе, тем больше он теряет себя, подвергаясь влиянию и толпы, и лидера, и тем слабее у него становится чувство реальности.

Лебон делил толпу на однородную и разнородную. Разновидностями первой являются, по его мнению, классы, касты, секты, второй – парламентские собрания, уличные толпы и др. В любом случае толпа для него – разрушительная, иррациональная, бессознательная сила, ее поведение регулируется законом «духовного единства толпы».

Характеризуя толпу как группу людей, охваченных общими чувствами, стремлениями и настроениями, социолог выделял следующие ее черты: зараженность общей идеей, сознание непреодолимости собственной силы, утрата чувства ответственности, нетерпимость, догматизм, восприимчивость к внушению, предрасположенность к импульсивным действиям, готовность к бездумному следованию за лидерами, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждения и критики⁸⁰.

В толпе происходят, по Лебону, деперсонализация и деиндивидуализация людей. Каковы бы они ни были, как бы ни различались, в толпе у них появляется «коллективная душа». На базе этого понятия Лебон сформулировал закон «духовного единства толпы». В толпе человек превращается в некий безвольный автомат с подавленными рациональными началами, поскольку в ней всегда преобладает бессознательное. Отсюда делается вывод о том, что толпа способна как на героические поступки, так и на разрушительные действия, имеющие зачастую преступный характер. Весь вопрос в том, что ей будет «предписано» лидерами в каждой конкретной ситуации. По существу это уже социологический анализ группового поведения, который является частью социологической концепции Лебона.

Другой ее частью стали социологические взгляды французского мыслителя относительно расовой проблемы, к которой он испытывал также значительный интерес. Несмотря на ее кажущуюся дистанцированность от проблемы группового поведения, рассмотренной в рамках психологии толпы, на деле они не так уж далеко удалены друг от друга. Более того, у Лебона существует узловое понятие, постоянное использование которого позволяет обнаружить близость расовой проблемы и проблемы поведения толпы. Им является «коллективная душа» (в ряде случаев Лебон использует термин «коллективное сознание»).

Применительно к расе (нации, народу – они у Лебона часто созвучны по содержанию) это определенные моральные и интеллектуальные психологические особенности, составляющие то, что называют национальным характером⁸¹. Применительно к толпе ее душа – это то бессознательное, что заставляет чувствовать, думать и действовать индивидов в ней «совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности»⁸².

Душа расы «управляет всей эволюцией народа», а душа толпы – ее поведением. При этом интеллект и нравственность отдельных людей в толпе усредняются и превращаются во вторичный фактор их поступков. Вводя такое фундаментальное по своему значению понятие, как «коллективная душа», Лебон стремится с его помощью объяснить и деятельность народов (рас), и групповое поведение. Вместе с тем, нельзя не отметить определенной произвольности, абстрактности и неопределенности «коллективной души» (души рас, души толпы). Это понятие постулируется как существующее изначально, априорно, но конкретных и реальных доказательств его не приводится.

Что касается непосредственно трактовки расовой проблемы, то здесь Лебон занимал откровенно реакционные позиции. Все расы (народы) он делит на четыре группы: первобытные, низшие, средние и высшие. Первобытные – это те, «которые остановились на эпохе первобытной животности» (например, фиджийцы, австралийские аборигены). Низшие расы представлены неграми, поскольку у них существуют только зачатки цивилизации. К средним расам Лебон относит китайцев,

⁸⁰ См.: Лебон Г. Психология народов и масс // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 140–141, 143.

⁸¹ См.: Лебон Г. Психология народов и масс // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 100–101.

⁸² См.: Лебон Г. Психология народов и масс // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 138.

японцев, а также семитские народы, которые создали высокий тип цивилизации. Наконец, к высшим расам относятся только индоевропейские народы, оказавшиеся «способными к великим открытиям в сфере искусства, науки и промышленности»⁸³. Высшие расы отличаются от низших как характером, так и умом. Наиболее важными чертами характера высших рас Лебон считает настойчивость, энергию, способность владеть собой (волю), а также нравственность. Само собой разумеется, что другие расы не обладают такими качествами и оказываются, следовательно, аутсайдерами исторического процесса.

Лебон отстаивал идею расового детерминизма в развитии цивилизации. По его мнению, фундаментом социальной эволюции является не разум, а иррационально-волевая, эмоциональная сфера психической жизни – чувства и верования. Основой познания истории выступает психология, а психологические свойства рас определяют лицо цивилизации. Лебон писал, что «психологические черты рас обладают большой устойчивостью и что из этих черт вытекает история народов»⁸⁴.

Завершая анализ социологических взглядов Лебона, нельзя не сказать о его отношении к идеям социализма. Своей антисоциалистической концепции французский социолог посвятил целую работу⁸⁵. Социализм, считал он, может воцариться только как «коллективная трагедия», поскольку социалистические теории противоречат законам современного мира. Он полагал, что при социализме в результате неизбежного расширения прав государства произойдет уничтожение свободной конкуренции и уравнивание заработка, а это обязательно приведет к разорению страны. Отсюда следовал совершенно парадоксальный призыв Лебона к тому, чтобы хотя одна страна пошла по пути социализма. «Пожелаем, – писал он, – чтобы это испытание прежде всего выпало на долю наших врагов». Для других это был бы «хороший» пример того, как не надо делать⁸⁶.

Не принимая основную концептуальную линию Лебона, отождествлявшего народ с иррациональной толпой, мы вместе с тем должны сказать о постановке им теоретических проблем анонимности, психического заражения и внушаемости человека, находящегося в толпе. Эти проблемы не только не потеряли актуальности, но оказались одними из важных в условиях демократизации общества, в том числе и нашего (имеется в виду российское общество конца XX – начала XXI в.), когда многочисленные формы «митинговой» активности получили в нем широкое распространение. Многие современные западные исследователи истории социологии в целом, творчества Лебона в частности, отмечают, что его «Психология толпы» и по сей день является одной из самых серьезных работ среди тех, которые были написаны о коллективном поведении групп людей. Вместе с тем, необходимо видеть ограниченность социологического подхода французского исследователя: его «идеальная толпа» как аморфное и случайное скопление индивидов, представляющее социально значимую силу, в жизни встречается крайне редко.

§ 7. ТЕОРИЯ ПОДРАЖАНИЯ. ИДЕИ Г. ТАРДА

Появление и утверждение психологии подражания прочно связывают с именем французского социолога и криминолога Жана Габриеля Тарда (1843–1904). Его перу принадлежит ряд работ, известных не только в конце XIX – начале XX в., но и сейчас. Среди них: «Законы подражания» (1892); «Общественное мнение и толпа» (1902); «Социальные этюды» (1902); «Личность и толпа» (1903); «Социальная логика» (1901, 1996).

Как и всякий оригинальный мыслитель, Тард строил свою концепцию на основе критического анализа предшествующих достижений социальной мысли. Он отверг бывшие долгое время популярными натуралистические теории, в которых проводились аналогии общества с механическим агрегатом (социальный механицизм) и биологическим организмом (социал-дарвинизм). Не принял он и эволюционистские теории (как биологические, так и психологические). Вместо них французский социолог предложил аналитический подход. Среди идей и взглядов, отвергнутых Тардом, находятся те, что постулируют существование «души толпы», «коллективного (группового) сознания», т.е. неких самостоятельных духовных сущностей.

⁸³ См.: Лебон Г. Психология народов и масс // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 107–108.

⁸⁴ См.: Лебон Г. Психология народов и масс // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 123.

⁸⁵ Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1908.

⁸⁶ Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1908. С. 372.

Социология рассматривалась им как коллективная, интерментальная психология, изучающая самые различные социальные процессы. Такая социология возможна потому, что основана на передаче одним сознанием другому необходимых элементов. Так образуется течение мнений, возникают массовые импульсы, традиции, национальные обычаи и другие социальные силы, структуры и процессы. Под последними Тард понимал прежде всего межличностные, интериндивидуальные процессы и отношения.

Он считал, что предмет и возможности социологии как науки следует рассматривать в тесной связи с психологическими явлениями, например, такими, как верования и желания. Так, в «Социальной логике» он писал, что нет ни одной отрасли социологии, «которая не представлялась бы нам двойственно, в зависимости от того, рассматривается ли ее предмет со стороны, предполагающей желание, или со стороны, предполагающей верование»⁸⁷. Надо сразу отметить, что при таком подходе к пониманию социологии как интерментальной, интериндивидуальной психологии из поля зрения мыслителя исчезала макросоциальная структура общества, в рамках которой и формировались реальные межличностные отношения.

Тремя основными типами социальных процессов Тард считал повторение (подражание), противоположение (оппозицию), приспособление (адаптацию). Соответственно основными социальными законами он называл законы подражания, приспособления, оппозиции. Но все же в качестве самого главного социального процесса (и соответствующих ему законов) Тард рассматривал подражание (законы подражания), которое он характеризовал как своего рода гипнотизм. Теорию подражания он распространял на все сферы межличностных и групповых взаимодействий. Наиболее типичным видом социального подражания он считал подражание низших слоев высшим.

Подражание рассматривалось ученым в качестве основного объяснительного принципа всей жизни – как индивидуальной, так и общественной. Он характеризовал его как «постоянное, всемирное социальное явление»⁸⁸. Продуктом подражания являются рост государства, экономическое развитие, язык, религия, другие феномены и процессы социального мира⁸⁹. Социальное познание – это, прежде всего, познание того, как происходит подражание. Оно имеет внутренние (логические) и внешние (внелогические) причины. Среди последних он особо выделял социальные причины, к которым относил религиозные, экономические, политические, эстетические, лингвистические и другие влияния.

Французский социолог настаивал на том, что все главнейшие акты человеческой и общественной жизни совершаются как следствие примера (подражания). В этом смысле все многообразие социальных взаимодействий имеет в своей основе отношение «учитель – ученик». Под влиянием психологии подражания Тарда его последователи – социологи стали утверждать, что в обществе реализуются три основных типа подражания: взаимное подражание, подражание обычаям и образцам, подражание идеалу.

Тард рассматривал подражание в тесной связи с взаимовлиянием людей друг на друга. Теория подражания выходит за рамки отдельно взятого индивида и обращается к анализу процесса межличностного взаимодействия. Общество, по мнению исследователя, это продукт взаимодействия индивидуальных сознаний через передачу людьми друг другу и усвоение ими верований, убеждений, желаний, намерений и т.д.

Тард, как и Лебон, уделял большое внимание проблемам группового поведения. Он также обращался к характеристике толпы, но постоянно сравнивал ее с публикой. В отличие от толпы, психическое единство которой создается в первую очередь физическим контактом, публика – это «чисто духовная общность», в рамках которой индивиды физически рассредоточены. Публика – это интеллектуальная общность. Если в толпе личность нивелируется, то в публике она получает возможность самовыражения. Тард прослеживал этапы становления публики, считая ее продуктом времени. Предпосылки возникновения публики конца XIX в. он видел в салонах и клубах XVIII в. Однако реальную ее историю он связывал с появлением массовых газет.

Толпу Тард считал зародышем общества в городе, тогда как зародышем общества в деревне называл семью. Он рассматривал толпу как форму организации жизни общества на стадии развитой городской культуры. Занимаясь проблемами толпы, Тард характеризовал общие черты ее участников, такие как вера, страсть, наличие цели, эгоизм, «коллективное самолюбие», односторонняя иррациональная подражательность. Тард предложил свою классификацию толп, в основу которой положен критерий ее отношения к возможности собственной деятельности. Он писал о выжидающих, внимающих, заявляющих о себе, действующих толпах.

⁸⁷ Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996. С. 29.

⁸⁸ Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996. С. 334.

⁸⁹ Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996. С. 288.

Тард внес свой вклад в учение о методах эмпирического социологического исследования. В качестве основных методов социологии французский теоретик выделял археологический и статистический. Первый базируется на анализе исторических документов, второй используется для получения информации о процессах подражания. Для этого Тард составлял кривые распространения подражательных актов и потоков. Использование второго метода позволило ему осуществить социально-статистические исследования по проблемам преступности (о них подробнее будет сказано в специальной главе, посвященной историческим истокам эмпирической социологии), которые получили высокую оценку его современников. На основании данных этих исследований он утверждал, что человек не рождается преступником, а становится им, причем в полном соответствии с законами подражания и приспособления. Сам же закон подражания использовали в криминалистике и криминологии, а Тарда считали одним из основоположников криминалистического направления в западной социологии. В этом смысле значение его идей простирается не только на социологию, но и на криминалистику.

Один из основных источников социального прогресса Тард видел в изобретении (нововведении), начиная от технических новшеств и кончая оригинальными общественно-политическими идеями. Изобретение, также как и подражание, являлось у него предметом социологического изучения и при этом «психологизировалось». Более того, изобретение и подражание оказывались тесно связанными между собой, потому что адаптация и внедрение новшества могли осуществляться только в результате повторения и подражания.

Тард писал, что изобретение является матерью как верования, так и желания. Он характеризовал изобретения как первичную причину богатства⁹⁰, рассматривая их как результат индивидуального творчества и подчеркивая, что только благодаря им и подражанию осуществляется общественный прогресс в виде развития экономики, политической жизни, искусства, языка, религии и др.

Французский социолог одним из первых обратил внимание на возрастание роли коммуникативных средств: печати (газет), телефона, телеграфа. Он рассматривал их, особенно газеты, как важный фактор интеграции и социального контроля. Другая значимая функция газет заключалась в осуществлении просветительства. Тард хорошо понимал, что появление и быстрое распространение газет способствовало формированию публики и росту уровня самосознания людей. Кроме того, как верно отмечал ученый, они играли значительную роль в возникновении и развитии политических партий и религиозных сообществ, равно как способствовали формированию определенного общественного мнения.

Впоследствии эти и другие идеи французского мыслителя, касающиеся средств массовой информации, получили развитие в социологических исследованиях общественного мнения, массовых средств коммуникации, теориях «массового общества», в становлении новой науки – социальной психологии, одним из создателей которой по праву считают Г. Тарда. Значение его творчества для последующего развития социологии нельзя недооценивать. Его работы сыграли большую роль в проводившихся в XX в. исследованиях проблем политической социологии, психологии экономической деятельности людей, логики, моды, толпы, публики, преступности и других социологических и социально-психологических явлений.

Что же касается его главного «изобретения» – теории подражания, то – парадоксально, но факт – она не оказала сколько-нибудь заметного воздействия на последующее развитие социологической мысли. Более того, ряд ее основных положений был подвергнут критике. Так, В. Вундт обращал внимание на туманность и неопределенность подражания. Критиковал эту теорию и Э. Дюркгейм, утверждая, что нельзя любые повторяющиеся действия характеризовать только с позиций подражания, а людей рассматривать подобно панурговым баранам. Речь шла о некоторой вульгаризации процесса подражания, которая иногда допускалась под влиянием этой теории Тарда. Современные исследователи видят ее слабость в том, что она допускала лишь подражание «изнутри наружу» и таким образом выводила акт поведения из осознанного мотива. Но «нередко подражание или усвоение нового образца начинается как раз с внешних, поверхностных черт, а сознание лишь впоследствии подстраивается под уже сложившуюся экспрессивную форму»⁹¹.

⁹⁰ Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996. С. 382–383.

⁹¹ История социологии в Западной Европе и США. М., 2001. С. 71.

§ 8. ЗАРОЖДЕНИЕ ИНТЕРАКЦИОНИЗМА. ТВОРЧЕСТВО Ч. КУЛИ

В рамках теории подражания был совершен постепенный переход от индивида как предмета исследования к межличностному взаимодействию, которое трактовалось больше как механическое и внешнее. Превращение межличностного взаимодействия в действительный предмет социологического исследования, проникновение в суть межиндивидуальных связей и отношений оказалось связанным с направлением интеракционизма (в переводе с английского языка термин означает «взаимодействие»).

Социологический аспект проблемы межличностного взаимодействия исследовал на первом, раннем этапе интеракционизма (под поздним или зрелым этапом мы подразумеваем символический интеракционизм, рассмотрение которого не входит в нашу задачу в этой главе, но станет предметом специального анализа во второй части учебника) американский ученый, профессор Мичиганского университета Чарльз Хортон Кули (1864–1929). Кули провел большую часть своей жизни в Энн Арборе, штат Мичиган. Вся его профессиональная карьера была связана с преподавательской деятельностью в Мичиганском университете, где он работал с 1892 г. до самой смерти в 1929 г. Основные работы Кули, написанные на раннем этапе интеракционизма: «Человеческая природа и социальный порядок» (1902), «Социальная организация» (1909), «Социальный процесс» (1918).

Свои первые две книги Кули посвятил изучению индивидуального, личностного аспекта «живого социального процесса». В них общество рассматривалось как социальное целое. Основное внимание американский социолог уделял общественному сознанию, несводимому к сознанию отдельных индивидов. В этом смысле общественное сознание является более широким по объему, чем индивидуальное.

Кули выступил против инстинктивизма и теории подражания. По его мнению, нельзя придавать инстинктам значения универсальных мотивов социального поведения. Нет единого закона, который управлял бы поступками человека. Человеческая природа пластична, динамична, и одни лишь инстинкты мало могут помочь в ее познании. Столь же неудовлетворительны, считает американский социолог, попытки интерпретировать поступки личности с помощью принципа подражания.

Кули называет свой подход «органическим», поскольку исходит из признания единства организма, представляющего собой взаимодействие личности и общества. «Личность» и «общество» – не две разные сущности, а разные аспекты процесса человеческого взаимодействия. Вместе с тем, общество раскрывается индивиду в виде социальных аспектов его собственной личности. Кули писал, что «общество и индивиды – неотделимые аспекты какого-то одного общего целого, так что где бы мы ни обнаруживали индивидуальный факт, мы можем отыскать и сопутствующий ему социальный факт»⁹².

Истинно общественное существо, по Кули, обладает социальным сознанием, что означает в первую очередь способность выделять себя из группы, сознавать свое «Я», свою личность. Речь идет о самосознании, проявляющемся в общении с другими людьми и усвоении их мнения. Поэтому «Я» и «Мы» всегда связаны, и эта связь есть социальное действие (интеракция).

Каждый акт социального сознания есть одновременно акт самосознания. Но социальное сознание индивида не совпадает с социальным сознанием общества. Последнее выходит за пределы внутреннего мира человека. Это более широкое сознание (*larger mind*), которое Ч.Кули в противовес индивидуальному иногда называет термином «общественное сознание» (*public mind*).

В трактовке Кули существует, как минимум, три аспекта сознания, которые полезно и необходимо различать. Во-первых, это самосознание, или что я думаю о себе. Во-вторых, это общественное сознание (в его индивидуальном аспекте), или что я думаю о других людях. В-третьих, это публичное сознание, или коллективная точка зрения людей, организованных в коммуникативные группы. Все эти три аспекта представляют собой уровни единого целого. Приведенная трактовка сознания в творчестве ученого оказалась связанной с его представлением о личности.

Подход к ней был сформулирован в теории «зеркального “Я”» (*looking-glass self*), одним из авторов которой явился Кули. В соответствии с ней личность представляет собой совокупность психических реакций человека на мнения о нем окружающих. «Я» человека – это воспринятое им зеркальное отражение впечатлений, которые, по его мнению, он произвел на окружающих его людей. Кули следующим образом раскрывает существо «зеркального “Я”»: «Самопредставление та-

⁹² Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 332.

кого рода, очевидно, имеет три основных элемента: образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике и какое-то самоощущение, например гордость или унижение»⁹³.

Из трактовки личности, ее взаимодействия с людьми и обществом, соотношения общественного и индивидуального сознания, сознания и самосознания, теории «зеркального «Я»» следует еще одна, крайне важная линия социологического анализа Кули, которая касается его учения о первичных и вторичных группах, прежде всего первичных (ибо им он уделял основное внимание). В отечественной литературе учение Кули о группах излагается иногда как самостоятельное. Между тем, оно совершенно логично вытекает и является продолжением трактовки им природы межличностных взаимодействий, социального генезиса «Я», в целом проблемы личности. Он рассматривает человеческую природу как продукт коммуникации, «не разрывает» индивидов в их отношениях друг с другом, а, наоборот, стремится показать эту взаимосвязь через понятие «Мы». Одним из основных средств такого анализа у него выступает учение о первичной группе.

«Под первичными группами, – писал Ч. Кули, – я подразумеваю группы, характеризующиеся тесными, непосредственными связями (associations) и сотрудничеством. Они первичны в нескольких смыслах, но главным образом из-за того, что являются фундаментом для формирования социальной природы и идеалов индивида. Результатом тесной связи в психологическом плане является определенное слияние индивидов в некое общее целое, так что даже самость индивида, по крайней мере во многих отношениях, оказывается общей жизнью и целью группы. Возможно, наиболее простой способ описания этой целостности – сказать, что они есть некое «мы»; она включает в себе тот тип сопереживания и взаимного отождествления, для которого «мы» являемся естественным выражением. Человек живет, погружаясь в эту целостность ощущения, и обнаруживает главные цели своей воли именно в этом ощущении»⁹⁴.

В приведенном фрагменте из книги Кули «Социальная организация» раскрывается ключевое понятие его концепции, оказавшей впоследствии значительное влияние на развитие социологической науки. Что следует из процитированного фрагмента и его последующей конкретизации в этой работе?

Прежде всего, первичные группы первичны потому, что они дают индивиду самый ранний и наиболее полный опыт социального единства. Кули подробно рассматривает процесс социализации детей в первичной группе и доказывает, что, действительно, первое и самое фундаментальное освоение опыта отношений между людьми осуществляется в первичной группе. Причем наиболее интересно он это делает на материалах собственного наблюдения за процессом социализации его малолетней дочери. Далее, первичные группы мало подвержены изменениям. Они выражают всеобщую природу человека, считает он, и являются источниками жизни как для индивидов, так и для социальных институтов (выступающих в качестве вторичных групп). Наконец, эти группы распространены во всех обществах, являясь повсеместными и универсальными.

Первичной группой Кули считает кооперацию и ассоциацию индивидов, непосредственно взаимодействующих друг с другом по принципу «лицом к лицу» (face to face). Под ней он понимает небольшой круг людей, поддерживающих устойчивые тесные отношения, которые, как правило, отличаются взаимной симпатией и пониманием. Наиболее распространенные первичные группы, которые подробно анализирует Кули, – это семья, детская игровая группа, соседи и общинная группа старших. Кроме них, он пишет о клубах, братствах, школах, объединениях рабочих одной профессии и т.п., основанных на сходстве, которое может привести к реальной близости»⁹⁵.

Американский социолог стремится доказать, что первичные группы независимы от макросоциальных структур (хотя временами подвержены их влиянию). Один из главных аргументов при этом состоит в том, что такие группы существуют в любом обществе, начиная от первобытного, примитивного и кончая современным, индустриальным. Некоторые из образцов первичных групп он рассматривает подробно, например, сельские общины в России и Германии, выделяя такие их особенности, как доминирование непосредственных родственных, дружеских или соседских связей и отношений, единогласие при принятии решений, наличие прямой демократии. Осуществляя такой анализ, он противопоставляет эти первичные группы господству вторичных групп, характерных для крупных индустриальных городов, в которых происходит распад тесных социальных и межличностных связей, составляющих главную особенность первичных групп. Исследователи творчества Кули верно отмечают его близость в этом вопросе концепции немецкого социолога Ф. Тенниса (подробно будет рассмотрена в следующей главе), в которой проводится противопоставление общины и общества.

⁹³ Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 319.

⁹⁴ Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 328.

⁹⁵ Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 330.

Что касается вторичных общественных групп, то к ним Кули относил институты, образующие социальную структуру общества и выражающие его организацию. Среди них он называл и характеризовал правительство, церковь, язык, образование, промышленные системы, собственность. Кули считал их институтами, так как они являются продуктом реализации постоянных потребностей человеческой природы. В них царят безличные, формализованные отношения, а индивид оказывается не более чем носителем определенных функций. Вторичные группы по своим размерам могут значительно превышать первичные, но отличают их не только количественные параметры. Они создаются людьми сознательно в строго определенных «деловых» целях, эмоциональные отношения и взаимодействия между их членами уходят на задний план. В этом смысле вторичные группы противостоят первичным.

Несмотря на терминологические попытки выходить на уровень социального, по существу социальное взаимодействие у Кули выступает как межличностное общение. Ограниченность подхода американского социолога к проблеме социального взаимодействия проявляется в том, что он исключает из этого общения его предметно-материальную начинку – прежде всего труд и отношение к макросоциальной системе, т.е. к обществу.

Между тем, любая первичная группа есть часть общества, однако последнее выступает не только как совокупность первичных и вторичных групп. Для ученого взаимоотношения индивидов по принципу «лицом к лицу» оказываются более значимыми, чем производственные отношения. Даже последователь Кули Дж. Г. Мид, высоко ценивший его теорию, отмечал неправомерность сведения социального взаимодействия индивидов к обмену их мнениями друг о друге.

Несмотря на ряд ограничений и недостатков социологической концепции Кули, связанных прежде всего с абсолютизацией субъективно-личностных аспектов социальных процессов и игнорированием материальной, производственной, трудовой сферы отношений и взаимодействий между людьми, значение его идей не следует принижать. Они сыграли большую роль в появлении одной из первых парадигм социологии – символического интеракционизма, дали толчок развитию социальной психологии, стимулировали возникновение Чикагской социологической школы (о ее возникновении и начальном этапе развития далее будет рассказано).

Подводя в целом итоги возникновения и развития психологического направления в социологии во второй половине XIX – начале XX в., следует отметить, что это был важный шаг на пути приближения к целостному анализу конкретных проблем личности, социальной группы, общества. Это направление отразило интерес социологии к внутреннему миру человека, к социально-психологическим отношениям между общностями. В рамках психологического направления был преодолен биологический редукционизм. В отличие от социал-дарвинизма и органицизма представители психологического направления видели в усложнении форм общественной жизни результат развития сознательного начала, т.е. разумного управления социальными процессами.

Сторонниками психологического направления в социологии были поставлены и проанализированы важные проблемы общественного, группового (коллективного) и индивидуального сознания, касающиеся его природы, механизмов, структуры, функций. Они во многом способствовали более строгому, чем раньше, объяснению группового и индивидуального поведения, причем для этого были использованы и проанализированы явления психического заражения, внушения, подражания. Были созданы предпосылки для исследования и начато изучение общественного мнения, средств массовых коммуникаций. Теоретические концепции представителей психологической социологии становились все более аналитическими, что в немалой степени способствовало появлению новой науки на «стыке» социологии и психологии – социальной психологии. Широкие социальные проблемы получали свое конкретное рассмотрение на уровне группового (межгруппового) и межличностного взаимодействия. Все это означало важный шаг на пути перехода от макросоциологической к микросоциологической парадигме.

Однако на смену биологическому пришел новый вид редукционизма – психологический, сводивший всю совокупность социальных связей, отношений, процессов, взаимодействий к психическим. Это означало отказ от исследования общества в институциональном разрезе, от полномасштабного изучения социальной структуры, социальной динамики, социальных общностей в их единстве и взаимосвязи. Нужны были принципиально новые взгляды на социологию как науку, ее предмет, возможности и перспективы. Значительную роль в этом плане сыграла классическая немецкая социология и ее выдающиеся представители – Ф. Тённис, Г. Зиммель, М. Вебер.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чем вы можете объяснить усиление психологических тенденций в социологии в конце XIX в.?
2. Раскройте существо психологического направления в социологии и охарактеризуйте основные самостоятельные ответвления в его структуре. Подчеркните отличительные особенности каждого ответвления.
3. Какие разрабатываемые психологическим направлением проблемы особенно актуальны в современных условиях?
4. В чем состоят особенности учения Л. Уорда о социальных силах? Расскажите о нем подробно.
5. Почему Ф. Гиддингса считают одним из наиболее крупных представителей психологической социологии? Аргументируйте свой ответ.
6. Что дал социологии инстинктивизм как одно из ответвлений в структуре психологического направления? Охарактеризуйте социологические взгляды У. Мак-Дугалла.
7. Как бы вы раскрыли особенности психологии народов В. Вундта?
8. Дайте характеристику групповой психологии и выявите существо взглядов Г. Лебона. Можно ли его считать представителем социологии? Ответ аргументируйте.
9. Чем теория подражания Г. Тарда отличается от других течений психологического направления в социологии? Охарактеризуйте творчество французского мыслителя.
10. Покажите процесс зарождения интеракционизма. Почему Ч. Кули считают его основателем?
11. Проанализируйте учение Ч. Кули о первичных и вторичных группах.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996.
- Баразгова Е.С. Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург; Бишкек, 1997.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.
- Вундт В. Проблемы психологии народов // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996.
- Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История теоретической социологии: В 4 т. Т. 1. М., 1997.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Козер Л. Мастера социологической мысли. М., 2006.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Кули Ч. Социальная самость. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.
- Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Лебон Г. Психология масс. Минск; М., 2000.
- Лебон Г. Психология народов и масс // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.
- Тард Г. Социальная логика // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996.
- Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996.

КЛАССИЧЕСКАЯ НЕМЕЦКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Ф. ТЁННИСА

1. *Понятие и общие черты классической немецкой социологии.*
2. *Социологическое творчество Ф. Тённиса.*
 - 2.1. *Основные вехи жизненного пути.*
 - 2.2. *Предмет социологии.*
 - 2.3. *Учение о формах социальной жизни.*
 - 2.4. *Соотношение социологии и политики.*
 - 2.5. *Значение социологического творчества Ф. Тённиса.*

§ 1. ПОНЯТИЕ И ОБЩИЕ ЧЕРТЫ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ СОЦИОЛОГИИ

На рубеже XIX–XX вв. появились новые, крайне важные социологические концепции, которые привели к профессионализации и институционализации социологии, выходу ее на принципиально иной уровень теоретического развития. Значительную роль в данном процессе сыграло творчество крупнейших немецких социологов этого периода Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера. Несмотря на значительные различия между их концепциями, есть и немало общего, того, что позволяет рассматривать идеи названных авторов в рамках единого направления – классической немецкой социологии.

В этом названии видна явная аналогия с немецкой классической философией, представленной именами И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Л. Фейербаха. То, что сотворили «великие немцы» в конце XVIII – первой половине XIX в. для философской науки, может быть, не в той степени, но было воспроизведено (по уровню и силе воздействия) в социологической науке почти на столетие позднее. Но здесь необходимо учитывать, что при всем интеллектуальном влиянии классической немецкой философии, да и не только ее, а в целом философской науки на «остальных» социальных мыслителей, она встречала с их стороны определенное, порой сильное идейное сопротивление. Среди «сопротивляющихся» в первых рядах находились сторонники зарождающейся науки социологии.

Далеко не все философские концепции принимались социологами. И уж, конечно, встречало резкое неприятие со стороны последних негативное в своей основе отношение философов к социологической науке. Не следует забывать о том, что в университетах Германии преподавание всех социальных наук сосредоточивалось на кафедрах философии и было целиком под контролем представителей этой дисциплины. Сразу после революции 1848 г. наметившийся консервативный поворот в философии Германии оказался направленным против специальной науки об обществе. Ее развитие считалось вредным и недопустимым, поскольку она могла выступить с критикой прусской государственной идеи, содержащей в себе призыв к национальному объединению в рамках Германской империи.

Поэтому, даже несмотря на то, что становящаяся на ноги немецкая социология была тесно связана с философскими концепциями и являлась в основе своей теоретико-методологической, а не эмпирической дисциплиной, она воспринималась консервативной социальной наукой как «инородное тело». Реакция его отторжения была, пожалуй, наиболее типичной для немецких университетов. В этих условиях утверждение немецкой социологии в качестве самостоятельной и автономной науки, ее институционализация проходили достаточно сложно и длительно.

Соединяя в одно целое творчество Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера, необходимо понимать определенную условность такого единства. Внутри этой великой «троицы», вероятно, имеет смысл выделить специально создателей формальной социологии Ф. Тённиса и Г. Зиммеля (М. Вебер также тяготел к ней, но не столь явно).

Что это такое – формальная социология? Ее сторонники придавали особое значение форме, структурированию, классификации общественных явлений и процессов. Они стремились рассматривать социальные процессы и отношения в рамках многообразных и детальных классификаций социальных форм, «укладывая», «упаковывая» в них самые различные общественные структуры, действия и тенденции.

Итак, мы назвали две общие черты классической немецкой социологии, представленные в творчестве Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера. Это ее теоретико-методологическая нацеленность на постановку и изучение широких социальных проблем и «формальный» характер. И та, и другая черта далее будут конкретно раскрываться на материалах, характеризующих творчество все трех социологов.

Помимо сказанного, следует отметить, что классическая немецкая социология была антипозитивистской по своей направленности и содержанию (исключая, пожалуй, творчество Ф. Тённиса, который следовал ряду требований и принципов позитивизма и, что уж совершенно точно, не подвергал его «остракизму»). Ближе к концу XIX в. в адрес позитивистской социологии стало раздаваться все больше критических замечаний в связи с тем, что в теоретических исследованиях ее представителей игнорировались особенности социальных явлений и процессов. Наиболее сильная реакция на «засилье» позитивизма, рассматривавшего их как часть природы, последовала со стороны немецких социологов. В их концепциях общество как объект исследования и, в особенности, человек четко противопоставлялись природе.

Конечно, в антипозитивистской направленности немецкой социологии значительную роль сыграли гносеологические традиции немецкой философии – как классической, так и неокантианской. Наиболее видные представители философии в конце XIX в. В. Дильтей, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, под сильным влиянием идей которых находились немецкие «классические» социологи, вообще ставили под сомнение существование и необходимость социологии как науки – на том основании, что известная им ее позитивистская разновидность претендовала на роль обобщения исторического процесса развития общества и человека. По их мнению, ни человек, ни общество не могут быть поняты и осмыслены через их включение в природный мир на правах его части.

Несмотря на теоретико-методологическую ориентированность классической немецкой социологии, она оказалась серьезной основой для возникновения и развития эмпирической социологии в XX в. Более того, Тённис и Вебер сами были участниками эмпирических исследований. В этом – также общая черта, присущая немецкой классической социологии.

Еще одна свойственная ей и достаточно типичная характеристика – акцент на исследовании социального действия и взаимодействия (особенно это было присуще Зиммелю и Веберу), которые по существу превратились в основную «клеточку» при изучении общества и человека. Многочисленные классификации и типологии, главная среди которых – выделение четырех типов социального действия Вебером, сыграли заметную роль не только в концепциях самих немецких «классиков», но и в последующем развитии социологической науки.

Завершая рассмотрение общих черт, присущих классической немецкой социологии, нельзя не отметить подлинной энциклопедичности ее наиболее выдающихся представителей, их чрезвычайно широких научных интересов и глубокого следа, который они оставили как в социологии, так и в смежных общественных и социально-гуманитарных науках (исторической, экономической, правовой, религиоведческой, философской и др.). Благодаря их усилиям социология в Германии сделала решающие шаги в направлении институционализации, широкого общественного (государственного) признания и превращения в одну из наиболее значимых форм социальной деятельности.

Научные труды и практическая работа Тённиса, Зиммеля, Вебера пробудили громадный интерес к социологии, способствовали формированию социальной потребности в ее развитии и в дальнейшем – высокой общественной оценке их деятельности. Один лишь, казалось бы, незначительный факт, но он представляется в высшей степени важным. В Мюнхене, где прошли последние годы жизни и работы в университете Вебера, одна из центральных площадей и станций метро названа его именем. Нам неизвестен другой такой же случай, связанный с данью памяти какого-либо социолога (исключая Маркса в бывших странах социализма, где возводились памятники, назывались его именем центральные улицы и площади городов; но в данном случае речь шла о нем не как о социологе, а как об основателе коммунистической идеологии). Тем значимее приведенный факт, который, среди многих других, свидетельствует о том, что классической немецкой социологии, ее наиболее выдающимся представителям удалось реализовать поставленные задачи.

§ 2. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Ф. ТЁННИСА

ФЕРДИНАНД ТЁННИС

26 июля 1855 г. – 9 апреля 1936 г.

2.1. Основные вехи жизненного пути

Фердинанд Тённис (1855–1936), один из основателей формальной социологии, родился в Германии в семье богатого крестьянина. В молодости получил хорошее образование, изучал историю, философию, археологию, экономику, статистику, классические языки. В 1872 г. поступил в университет г. Страсбурга, завершил образование в 1875 г. в университете г. Тюбингена, защитив диссертацию по классической филологии. Главная работа, содержащая основную социологическую концепцию и принесшая Тённису впоследствии мировую известность и славу, – «Общность и общество» (1887). Другие работы – «Преступность как социальное явление» (1909), «Мораль» (1909), «Критика общественного мнения» (1922), «Собственность» (1926), «Прогресс и социальное развитие» (1926), «Введение в социологию» (1931).

Академическое призвание пришло к Тённису поздно, свидетельством чего явилось приглашение его на работу в должности профессора Кильского университета в 1913 г. С 1921-го по 1933 г., т.е. вплоть до прихода фашистов к власти, он читал лекции по социологии в этом университете. В 1933 г. новый правящий режим уволил демократически мыслящего профессора и врага этого режима с работы. В 1909 г. во Франкфурте состоялось учредительное заседание Немецкого социологического общества, одним из основателей которого (вместе с Зиммелем, Зомбартом, Вебером) был Тённис. В этом же году он был избран его президентом и оставался им бессменно до 1933 г., когда нацисты разогнали социологическое общество. Вплоть до последних дней жизни Тённис боролся с национал-социализмом.

До этого он активно участвовал в поддержке социал-демократического и рабочего движения, выступил в защиту Кильской стачки (1896–1897), отстаивал свободу слова и право на образование профсоюзов. Чисто практическая, социальная и политическая деятельность Тённиса характеризовала его как не только ученого, но и демократа и антифашиста, конституционалиста и социал-реформиста. В последние годы жизни, работая в условиях фашистского режима, он, в отличие от многих коллег, покинувших Германию, остался в стране и мужественно отстаивал антифашистские позиции. Бесстрастный ученый и яростный политик – таким Тённис запомнился людям, которые с ним общались и хорошо его знали.

Далее будет охарактеризована концепция и основные взгляды проработавшего в социологии более 50 лет немецкого ученого с использованием в качестве первоисточника и материала для ссылок статьи Тенниса «Общность и общество», написанной для «Настольного словаря по социологии» в 1931 г. В отличие от одноименной книги (где социологическая концепция автора приведена в довольно сложной форме), эта статья отличается относительной простотой и доступностью изложения и по существу воспроизводит все основные положения и понятия главного труда его жизни.

2.2. Предмет социологии

Необходимо начать с того, что Тённис понимает под социологией. «Социология, – пишет он, – это исследование человека, но не его телесного, душевного, а его социального существа, стало быть, телесного и душевного лишь постольку, поскольку оно обуславливает социальное»⁹⁶. Социология изучает различия в отношениях между людьми. Немецкий социолог пишет о таких из них, как различия между знанием и незнанием (знакомостью и чуждостью в терминологии Тённиса), симпатией и антипатией, доверием и недоверием. Но главный тип (или форма) различий характеризуется наличием или отсутствием связанности между людьми.

Тённис говорит о том, что у социологии как особой науки есть свои специфические предметы. Это – «вещи», имеющие место только в социальной жизни. «Они, – пишет социолог, – продукты человеческого мышления и существуют только для человеческого мышления, но в первую очередь – для мышления самих социально связанных людей...»⁹⁷. Эту «связанность» людей (т.е. различные формы социальных связей между ними) и изучает социология.

По существу речь идет об исследовании взаимозависимости и взаимодействия людей. В качестве простейшего случая социальной связанности Тённис анализирует обмен. Он говорит, что «... если всякую взаимную деятельность и всякое взаимное содействие понимать как обмен, то, очевидно, что любая совместная жизнь также есть непрерывный обмен взаимной деятельностью и взаимным содействием – и тем в большей мере, чем эта совместная жизнь интимнее...»⁹⁸.

Но, конечно же, социальные связи не ограничиваются только обменом. Они гораздо более многообразны, а их типы и формы положены в основу социологической концепции Тённиса. Он сопоставляет (а, в известной мере, и противопоставляет) два типа связей и соответствующих им типов общества. Первый тип социальных связей он определяет как общинные (общностные), второй – как общественные. Общинные (общностные) связи обуславливаются такими психологическими характеристиками как душевная близость, склонность людей друг к другу, наличие эмоций, привязанности, личных переживаний. Общественным связям присущи характеристики рационального плана: обмен, торговля, выбор. Первый тип отношений свойствен преимущественно патриархально-феодалным обществам, второй – капиталистическим. Общинные (общностные) отношения включают в себя родовые отношения, отношения соседства и дружбы. Общественные отношения имеют вещную природу и строятся в рамках принципов и структур рациональности.

В общине (социальной общности) доминируют чувства, инстинкты, органические человеческие отношения. В обществе преобладают расчетливый разум, абстракции, механические рациональные отношения. Община (общность) выступает как неформальная социальная группа, общество – как совокупность формальных социальных групп.

Эти два ряда связей – общинные (общностные) и общественные – характеризуют отношения людей не только друг к другу, но и к обществу. В общине (общности) социальное целое логически предшествует частям, в обществе, наоборот, социальное целое складывается из частей. Различие общины (общности) и общества – это различие органической и механической связи (солидарности) составляющих социальное целое частей. Впоследствии эту идею широко использовал французский социолог Э. Дюркгейм в своей концепции социальной солидарности, базирующейся на его теории разделения общественного труда.

В социологической концепции Тённиса два типа отношений, соответственно два типа организации социальной жизни тесно связаны с двумя типами воли – естественной, инстинктивной и рассудочной, рациональной. Первый тип воли является фундаментом общинных (общностных) связей, второй – общественных связей. Немецкий социолог уделял большое значение проблеме волеия. «Это общечеловеческое волеие, – писал Ф. Тённис, – способность хотеть, понимаемая нами как естественная и изначальная, исполняется в способности мочь и существенно обусловлена взаимодействием с ней»⁹⁹. Социальная связанность между людьми основана на том, что воля одного влияет на волю другого, либо стимулирует, либо сковывает ее.

В отношении понимания воли Тённисом есть две точки зрения. Представители первой полагают, что тот большой интерес, который уделялся немецким социологом проблеме воли (волеия), свидетельствует о психологизме его концепции. Однако есть и другая позиция, согласно которой воля вряд ли трактуется Тённисом как психологический фактор. Скорее всего она отождествляется в его концепции с разумом. Отсюда побуждение к социальному взаимодействию, которое идет, по мнению социолога, от воли, имеет не столько психологический, сколько рациональный характер.

⁹⁶ Тённис Ф. Общность и общество // Социол. журн. 1998. № 3/4. С. 207.

⁹⁷ Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 214.

⁹⁸ Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 213.

⁹⁹ Тённис Ф. Общность и общество // Социол. журн. 1998. № 3/4. С. 216.

2.3. Учение о формах социальной жизни

Общность и общество выступают у Тённиса как основные критерии классификации социальных форм. Сами формы социальной жизни подразделяются социологом на три типа:

- 1) социальные отношения;
- 2) группы, совокупности;
- 3) корпорации, или соединения, союзы, объединения, товарищества.

Названные типы форм социальной жизни характеризуются историками социологии как одна из самых первых попыток рассмотреть социальную структуру общества.

«Социальное отношение, – говорит Тённис, – самая общая и простая социальная сущность, или форма. Но у него и самые глубокие корни; ибо оно зиждется отчасти на первоначальных, естественных, действительных обстоятельствах жизни как причинах взаимной связи, взаимной зависимости и взаимной привязанности между людьми, отчасти – на глубинных, наиболее общих, необходимейших человеческих потребностях»¹⁰⁰. Социальные отношения имеют объективный характер. Они существуют тогда, когда не только чувствуются и осознаются участвующими в них людьми, но и признаются ими в качестве необходимых для осуществления взаимных действий. Тённис подчеркивает, что следует различать социальные отношения товарищеского типа, социальные отношения по типу господства и смешанные отношения. Каждый из этих типов отношений имеет место как в организации общности, так и в общественной организации.

Совокупность социальных отношений между более чем двумя участниками являет собой «социальный круг». Это ступень перехода от социальных отношений к группе или совокупности. Совокупность – второе понятие формы (после социальных отношений); «сущность социальной совокупности заключается в том, что естественные и душевные отношения, образующие ее фундамент, сознательно принимаются, а стало быть, их сознательно хотят. Это явление наблюдается повсюду, где происходит народная жизнь, в многообразных формах общностей, например, в языке, укладе жизни и обычаях, религии и суевериях...»¹⁰¹. Группа (совокупность) образуется тогда, когда объединение индивидов рассматривается им как необходимое для достижения какой-то специфической цели.

Далее Тённис продолжает: «К совокупности также применимы понятия общности и общества. Социальные совокупности имеют общностный характер постольку, поскольку те, кто в них входит, мыслят их данными от природы или сотворенными сверхъестественным волеием; самым простым и наивным образом это выражается в кастовом устройстве Индии»¹⁰². К этой второй форме (совокупности, группе) тоже (как в случае с социальными отношениями) применяется классификация человеческих отношений по критерию «господство – товарищество».

Третья форма, рассматриваемая ученым, – корпорация. Она возникает тогда, когда социальная форма обладает внутренней организацией, т.е. те или иные индивиды выполняют в ней определенные функции. «Ее (корпорации – Г.З.), – пишет социолог, – отличительной чертой является способность к единому волеию и деянию – способность, которая наиболее явно представлена в способности к принятию решений...»¹⁰³. Корпорация может возникнуть из естественных отношений (Тённис рассматривает в качестве примера кровно-родственные связи), из общего отношения к земле, из совместного проживания и взаимодействия как в сельской местности, так и в городе. Применительно к корпорации имеет место та же самая процедура рассмотрения человеческих отношений по критерию «товарищество – господство» с последующим членением типов социальных связей на общностные (общинные) и общественные.

Как видно, предложенная классификация социальных форм, включающая три перекрещивающиеся «группировки» понятий (первая: социальные отношения, совокупности, корпорации; вторая: товарищество, господство; третья – общность (община), общество), является достаточно сложной для понимания и объяснения исторического развития и актуального «среза» социальной действительности. Она позволяет лишь описать с позиций социологического «формализма» (увлечения формой, иногда в ущерб содержанию) некоторые изменения изучаемой социальной реальности.

Еще одна классификация Тённиса касается социальных норм, действующих в каждом типе социальной организации. Все нормы, по мнению немецкого социолога, делятся на:

- 1) нормы социального порядка;
- 2) правовые нормы;
- 3) моральные нормы.

¹⁰⁰ Тённис Ф. Общность и общество // Социол. журн. 1998. № 3/4. С. 219.

¹⁰¹ Тённис Ф. Общность и общество // Социол. журн. 1998. № 3/4. С. 223.

¹⁰² Тённис Ф. Общность и общество // Социол. журн. 1998. № 3/4. С. 219.

¹⁰³ Тённис Ф. Общность и общество // Социол. журн. 1998. № 3/4. С. 224.

Первые основаны на общем согласии, они определяются нормативной силой фактов. Вторые создаются либо на базе формального законодательства, либо возникают из обычаев. Третьи устанавливаются религией либо общественным мнением. Все три вышеназванных типа норм, в свою очередь, делятся на общинные (присущие только общине) и общественные. Таким образом, в трактовке проблемы норм и их типов действуют те же правила, что и в классификации основных социальных форм.

Основываясь на различиях социальных форм, Тённис утверждает, что по мере их развития от первоначального базиса совместной жизни возникает индивидуализм, который является провозвестником перехода от общности к обществу. Один из вариантов описания такого перехода, связанного с появлением индивидуализма, выглядит следующим образом: «...убавляется не просто социальная жизнь, а общностная социальная жизнь – развивается, приобретает все большую власть, и, наконец, получает превосходство другое, новое взаимодействие, происходящее из потребностей, интересов, желаний, решений действующих личностей. Таковы условия «гражданского общества» как радикальной формы разнообразных явлений, которые охватываются социологическим понятием общества и по своей тенденции безграничны, космополитичны и социалистичны»¹⁰⁴. Это общество – по существу речь идет о капиталистическом обществе – представляет собой совокупность семей и индивидов преимущественно экономического характера.

Учение о социальных формах является предметом рассмотрения чистой, или теоретической, социологии. Об этом следует специально сказать, учитывая, что Тённис пытался создать в социологии единую и логически стройную систему понятий, представить эту науку как многоуровневую. Он различал чистую (теоретическую), прикладную и эмпирическую социологию. Первая анализирует общество в состоянии статики, вторая – динамики, третья исследует факты жизни современного общества на основе статистических данных. Поэтому эмпирическая социология была названа им социографией.

Сам Тённис проводил эмпирические (социографические) исследования, касающиеся преступности, самоубийств, развития промышленности, демографических изменений, деятельности политических партий и др. Как видно, круг интересов немецкого социолога к эмпирическим проблемам был достаточно широким. Причем некоторые из его исследований были весьма скрупулезными.

2.4. Соотношение социологии и политики

Интерес в творчестве Тённиса представляет проблема соотношения социологии и политики. Он следовал в этом вопросе в фарватере позитивистских постановок. Это значит, что социология, во-первых, должна была постоянно оставаться объективной, во-вторых, независимой от практической социальной деятельности, в-третьих, свободной от политики и политических решений рассматриваемых в социологии вопросов.

Социолог не ставил цель полностью отделить и отдалить их друг от друга. Более того, выступая за независимость социологии от политики, он не считал, что также точно следует поступать и в политике. Ее необходимо постоянно «онаучивать» за счет овладения политиками социологических знаний и использования их в практике политической деятельности, считал Тённис. Следует сказать, что его взгляды на поставленную проблему на годы, даже десятилетия вперед определили позицию в этом вопросе многих социологов, особенно тех, кто проявлял высокую общественную активность в практической деятельности и оставался «чистым» теоретиком в сфере научных исследований.

Проблема взаимодействий между социологией и политикой имеет в своей основе другое, более широкое отношение – между социальной теорией и социальной практикой. Здесь вступает в силу ценностный аспект проблемы. Суть его в том, как относиться социологу к использованию оценок, ценностных суждений и социальных ценностей. Ценностных суждений и оценок необходимо по возможности избегать, а социальные ценности – изучать, потому что без них оказывается очень трудно исследовать научно обоснованные формы политической деятельности. Такова была точка зрения Тённиса.

¹⁰⁴ Тённис Ф. Общность и общество // Социол. журн. 1998. № 3/4. С. 226.

2.5. Значение социологического творчества Ф. Тённиса

Оценивая значение творчества Тённиса для последующего развития социологии, нужно иметь в виду, что оно способствовало ее самоопределению и институционализации. Это плодотворная попытка и интересный пример разработки социологии как науки, рассматривающей свой предмет независимо от его содержательных характеристик посредством использования многообразных аналитических построений. Стремление с помощью сложных классификаций формализовать социологическое знание было неоднократно воспроизведено в истории мировой социологии XX – начала XXI в.

Вместе с тем, позиция и влияние Тённиса противоречивы. Это касается идеализации общности (общины), которую он зачастую противопоставлял современному ему капиталистическому обществу, чья культура оценивалась им достаточно пессимистически. Социальные отношения общинного (общностного) типа рассматривались социологом исключительно в рамках понятий взаимопонимания, согласия, дружбы, сотрудничества и других сугубо положительных характеристик. Конфликтные же отношения в общине он игнорировал, равно как и факторы принуждения, которые, конечно же, не могли в ней не действовать.

Специалисты, исследовавшие творчество Тённиса, безусловно, заметили довольно резкую грань (а временами и пропасть) между общиной (общностью) и обществом. Несмотря на обилие самых разнообразных форм и классификаций, они не «схватывают» всей сложности, постепенно, поэтапно перехода от общины к обществу. Критика Тённисом последнего в лице современного ему капитализма и его культуры не требовала от социолога поиска диалектического перехода от общности к обществу. Ему достаточно было показать плюсы первой (общины) и минусы второго (общества). И хотя социальное развитие от общины к обществу представляло собой процесс возрастания рациональности как становление последнего, его подлинная динамика осталась где-то втуне.

Непосредственное влияние Тённиса на Зиммеля, Дюркгейма, Вебера очевидно. Он выдвинул оказавшую на них серьезное воздействие идею аналитического построения социологии (в противоположность историческому), что способствовало осознанию социологией самой себя как науки. В целом нельзя недооценивать социологическое творчество Тённиса, которого отдельные исследователи относят к «классикам второго эшелона»¹⁰⁵. В какой эшелон зачислять ученого – первый или второй – вопрос спорный; что же касается отнесения его к весьма немногочисленному кругу классиков социологии, то здесь предмета для дискуссий, похоже, не существует.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое классическая немецкая социология? Назовите ее основные особенности. Чем классическая немецкая социология отличается от классической немецкой философии?
2. Охарактеризуйте понятие «формальная социология». Кто был ее наиболее ярким представителем? Почему она так называлась?
3. Как понимал предмет социологии Тённис? В чем суть его социологической концепции?
4. Какие уровни социологической науки выделял ученый и почему?
5. Каким образом и почему Тённис различал общность (общину) и общество? Какие типы связей и отношений им рассматривались?
6. Раскройте содержание учения Тённиса о формах социальной жизни. Назовите эти формы и дайте краткую характеристику каждой из них.
7. Какие типы социальных норм выделял немецкий социолог? Как они соотносились с формами социальной жизни, отношениями в общности и обществе?
8. Как понимал Тённис соотношение социологии и политики? Какое значение он придавал этому вопросу?
9. Охарактеризуйте значение социологического творчества немецкого ученого.

ЛИТЕРАТУРА

- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.

¹⁰⁵ Шпакова Р.П. Фердинанд Тённис. Забытый социолог? // Социол. исслед. 1995. № 12. С. 139.

- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История теоретической социологии: В 4 т. Т. 1. М., 1997.
- История социологии. Минск, 1993.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Тённис Ф. Общность и общество. СПб., 2002.
- Тённис Ф. Общность и общество // Социол. журн. 1998. № 3/4.
- Тённис Ф. Эволюция социального вопроса // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.

ГЛАВА 8

ФОРМАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ Г. ЗИММЕЛЯ

-
1. *Краткий биографический очерк и общая характеристика творчества.*
 2. *Предмет формальной социологии.*
 3. *Классификация социальных форм.*
 4. *Анализ капиталистического общества.*
 5. *Социальная группа и индивид.*
 6. *Значение социологического творчества Г. Зиммеля.*

§ 1. КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСТВА

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ

1 марта 1858 г. – 28 сентября 1918 г.

Георг Зиммель (1858–1918) родился в Берлине в еврейской семье, закончил в этом же городе классическую гимназию и затем поступил на философский факультет Берлинского университета. Его преподавателями были знаменитые в то время обществоведы историки Моммзен, Дройзен, Трейчке, психологи Лацарус, Бастиан, Штейнталь, философы Харм, Целлер. Именно этими предметами – историей, психологией, философией – Зиммель больше всего интересовался в университете. В 1881 г. он получил докторскую степень за диссертацию о Канте. В 1885 г. стал приват-доцентом Берлинского университета, а в 1901 г. – его экстраординарным, т.е. внештатным профессором. Находясь на этой должности, он не получал никакого жалования, кроме студенческих взносов за лекции, им читаемые. Штатную должность профессора он получил лишь в 1914 г. в провинциальном университете г. Страсбурга, где, наряду с социологией, читал курсы истории философии, философии религии, этики, социальной психологии, философии искусства.

Как видно из приведенных кратких биографических данных, значительная часть жизни Зиммеля была связана с Берлином и его университетом. Период конца XIX – начала XX в. в Берлине прошел под знаком мощного духовного роста и превращения этого города в одну из крупнейших столиц мира, чему в значительной степени способствовало сосредоточение в нем крупных интеллектуальных сил, ученых, мыслителей с громадным диапазоном творческих интересов и способностей. Далеко не последнее место среди них занимал Зиммель. Он сам неоднократно отмечал, какую большую роль в его профессиональной деятельности, да и жизни в целом, сыграла научно-творческая и культурная среда Берлина.

Основные сферы его научной деятельности, помимо социологии, – философия, история культуры, социальная психология, с которыми социологические взгляды и теории Зиммеля были тесно связаны. В этом смысле социология была частью его общего интеллектуального творчества. Его перу принадлежат 30 книг. Полное собрание сочинений Зиммеля опубликовано в 24 томах. Основные работы социологического характера: «О социальной дифференциации» (1890; русский перевод: Зиммель Г. Социальная дифференциация. М., 1909), «Философия денег» (1900), «Социология» (1908), «Основные вопросы социологии» (1917).

Профессиональный путь Зиммеля демонстрирует совершенно парадоксальную ситуацию. С одной стороны, он был широко известен и популярен в академических кругах своими опубликованными трудами и международными связями как ученый. Наиболее тесные контакты он поддерживал с французскими и американскими социологами. С другой стороны, профессионально-педагогическая карьера его явно не удалась, о чем свидетельствует приведенное выше обстоятельство: место штатного профессора было получено им всего за 4 года до смерти. Объяснений этой неудавшейся карьеры обычно приводят два: антисемитизм немецких чиновников и сомнительный статус социологии в академических кругах. Поэтому не случайно Зиммелю приходилось читать в Берлинском и Страсбургском университетах в качестве основных не социологические, а философские курсы.

Как преподаватель и лектор он пользовался большим успехом, был одним из популярнейших социологов не только в Германии, но и в Европе. В значительной мере это объяснялось широким кругом его социологических интересов, которые включали в себя теорию социологии, изучение культуры, социологию искусства, власти, конфликта, религии, пола, науки, семьи, города, проблемы социальной дифференциации общества, моды. Несмотря на то, что сам Зиммель не вел эмпирических исследований, он мог дать глубокий и развернутый анализ конкретных социальных проблем и показать, как их следует изучать.

§ 2. ПРЕДМЕТ ФОРМАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Социологию Г. Зиммеля принято называть формальной. Главным в его творчестве было понятие формы, хотя он осознавал, что она возникает на основе связанного с ней содержания, которое, однако, без формы существовать не может. Форма выступала у Зиммеля как универсальный способ воплощения и реализации содержания, которое являло собой исторически обусловленные мотивы, цели, побуждения человеческих взаимодействий. В связи с этим он писал: «Во всяком личном социальном явлении содержание и общественная форма образуют цельную реальность; социальная форма так же не может приобрести существования, отрешенного от всякого содержания, как пространственная форма не может существовать без материи, формой которой она является. В действительности, все это неразрывные элементы всякого социального бытия и бытования; интерес, цель, мотив и форма или характер взаимодействия между личностями, через посредство которых или в образе которых это содержание становится общественной действительностью»¹⁰⁶.

Из приведенных суждений становится понятным, что проблема соотношения формы и содержания не могла его не волновать. Он хорошо понимал их диалектику, особую роль формы в ней, когда она способна ломать изоляцию частей целого. В ряде случаев он противопоставляет форму содержанию, в других же – видит тесную связь между ними, прибегая в анализе каждый раз к сравнению с геометрическими формами в связи с их противоречивым соответствием определенным телам, которые можно рассматривать как содержание этих форм. По этому поводу он пишет: «Прежде всего, должно оказаться, что одна и та же форма обобществления появляется при совершенно различном содержании, для совершенно различных целей, и обратно, что тот же самый по содержанию интерес облекается в совершенно различные формы обобществления, являющиеся его носителями или типами реализации: так одинаковые геометрические формы встречаются на различных телах, и одно тело представляется в самых разнообразных пространственных формах, и так же обстоит дело между логическими формами и материальными содержаниями знания»¹⁰⁷.

Одним из базовых в социологической теории Зиммеля было понятие взаимодействия. Его немецкий социолог считал основной «клеточкой» общества. Он писал, что «общество вообще представляет собой взаимодействие индивидов. Взаимодействие всегда складывается вследствие определенных влечений или ради определенных целей. Эротические инстинкты, деловой интерес, религиозные импульсы, защита или нападение, игра или предпринимательство, стремление по-

¹⁰⁶ Зиммель Г. Проблема социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 419–420.

¹⁰⁷ Зиммель Г. Проблема социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 421.

мочь, научиться, а также множество иных мотивов побуждают человека к деятельности для другого, к сочетанию и согласованию внутренних состояний, то есть к оказыванию воздействий и, в свою очередь, их восприятию. Эти взаимные воздействия означают, что из индивидуальных носителей побудительных импульсов и целей образуется единство, «общество»¹⁰⁸.

Подчеркивая ключевую роль взаимодействия в социологической концепции Зиммеля, достаточно сказать, что центральная категория социологии – общество – рассматривалась им как совокупность взаимодействий формы и содержания. В этом отношении большое значение приобретает следующее положение социолога, ставшее по существу хрестоматийным: ««Общество», в каком бы смысле теперь ни употреблялось это слово, становится обществом, очевидно, только благодаря указанным видам взаимодействия. Известное число людей образуют общество не потому, что в каждом из них живет какое-либо конкретно определенное или индивидуально движущее им жизненное содержание; лишь в том случае, если жизненность этих содержаний приобретает форму взаимных влияний, если происходит воздействие одного из них на другого – непосредственно или через посредство третьего, – из чисто пространственного соседства или временной смены людей рождается общество»¹⁰⁹.

Однако общество немецкий социолог рассматривал не только в связи с взаимодействием. Еще в своей первой крупной социологической работе «О социальной дифференциации» он подробно анализирует проблему соотношения общества и индивидов, считая при этом подлинной реальностью лишь последних; что же касается общества как такового, то его понятие как объекта науки «улетучивается». Прочитав на этот счет самого Зиммеля: «Если общество есть такое соединение отдельных людей, которое представляет собой только результат нашего способа рассмотрения, а настоящими реальностями являются эти отдельные люди, то они и их поведение образуют настоящий объект науки, и понятие общества улетучивается. И это, видимо, действительно так и есть. Ведь ощутимо только существование отдельных людей, их состояния и движения; поэтому речь может идти лишь о том, чтобы понять их, тогда как возникшая только в результате идеального синтеза совершенно неощутимая сущность общества не может быть предметом мышления, направленного на исследование действительности»¹¹⁰. Следовательно, основной акцент социология должна делать на изучении индивидов, их взаимодействий, которые и позволяют представить в своей совокупности общество.

Зиммель акцентировал внимание в социологическом анализе общества на формы социального взаимодействия, имеющие «сквозной» для человечества характер. Рассматривались прежде всего такие формы, как конфликт, конкуренция, подчинение, главенство, подражание, разделение труда, образование партий, авторитет, представительство, договор и др. Универсальность этих форм обосновывалась также их наличием в самых различных сферах жизни и деятельности. Вот лишь один, но достаточно типичный образец, касающийся конкуренции. По поводу этой всеобщей формы социальных связей социолог пишет: «О конкуренции, например, мы узнаем из самых различных областей: политика, как и народное хозяйство, история религий, как и искусство, рассказывают бесчисленные случаи ее. На основании этих фактов нужно установить, что означает конкуренция как чистая форма человеческих отношений, при каких обстоятельствах она возникает, как она развивается, какие модификации вызывает в ней своеобразие ее объекта, какие одновременные, формальные и материальные условия общества усиливают или ослабляют ее, чем отличается конкуренция личностей от конкуренции между группами, – словом, что представляет она как форма отношения людей между собою...»¹¹¹.

Коль скоро речь зашла о зиммелевской трактовке общества, необходимо отметить два основных значения этого понятия. Во-первых, общество, как подчеркивает социолог, – это «комплекс обобществленных личностей», «общественно-оформленный человеческий материал». Во-вторых, оно представляет собой сумму тех форм отношений, благодаря которым из личностей и образуется общество в указанном выше смысле слова¹¹². Общество непрерывно порождается взаимодействием. Индивиды соединяются в общество, то есть «обобществляются». Таким образом, с термином «общество» у немецкого социолога тесно связан другой ключевой термин – «обобществление». Отдельные отечественные исследователи творчества немецкого социолога, например, автор многих работ о нем Л.Г. Ионин, используют вместо обобществления другой термин – «социация»; нам он представляется не очень удачным вследствие неясности его содержания.

¹⁰⁸ Зиммель Г. Проблема социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 170–171.

¹⁰⁹ Зиммель Г. Проблема социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 420.

¹¹⁰ Зиммель Г. Социальная дифференциация // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 311.

¹¹¹ Зиммель Г. Социальная дифференциация // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 425.

¹¹² Зиммель Г. Проблема социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 422–423.

Задача социологии как науки и состоит, по Зиммелю, в том, чтобы изучать различные формы обобществления, классифицировать и анализировать формы социальной жизни. Если есть наука, предметом которой является общество и ничто другое, – а таковая есть, считает он, и эта наука имеет название социологии, – то ее единственной целью может быть только исследование взаимодействий, видов и форм обобществления. «Все прочее, – утверждает ученый, – что еще находится внутри «общества» и реализуется благодаря ему или в его рамках, это не само общество, а только содержание, которое вырабатывает себе такую форму сосуществования (или которое вырабатывается этой формой), хотя, конечно, оно лишь с нею вместе создает реальное образование, называемое «обществом» в широком и обычном смысле слова. Что оба эти элемента, в действительности неразрывно соединенные, разделяются в научной абстракции, что формы взаимодействия или обобществления объединяются между собой в логической отрешенности от содержаний, которые лишь через них становятся общественными, что эти формы методически подчиняются цельной научной точке зрения, – в этом обстоятельстве, кажется, и заключается единственная и притом полная возможность обоснования специальной науки об обществе, как таковой»¹¹³. Понятно, что в приведенном выше фрагменте речь шла о социологии и ее предмете.

Почему предметом социологии должно быть изучение форм социальной жизни, а не ее содержания? Дело в том, что, по Зиммелю, социальное содержание не требует специального социологического рассмотрения, потому что является предметом внимания многих наук об обществе. Изучением же социальных форм они не занимаются. Поскольку социология возникла позднее, чем большинство из этих наук, ей осталось (и досталось) именно это предметное поле.

Помимо приведенной, у социолога есть еще и другие трактовки предмета социологии. Так, в одной из них немецкий мыслитель рассматривает в этом качестве социальные отношения в их динамической и противоречивой природе, причем характеризуются не общество как система, не его структуры и институты, а процессы их становления и воспроизводства. Такой метод, подход к их изучению, связанный с выявлением форм этих процессов, Зиммель также обозначил термином «обобществление».

Обобществление как процесс характеризуется рядом признаков. Один из них – количество участвующих. Обобществление возможно, если во взаимодействии участвуют два или более индивидов, если они соответствующим образом относятся друг к другу. Здесь Зиммель проводит идею, которая очень похожа на теннисовскую, о том, что каждое взаимодействие может быть понято и истолковано как обмен. Он, правда, идет дальше, доказывая, что взаимодействие – понятие более широкое, чем обмен. Последний является изначальной формой и функцией межиндивидуальных отношений. Еще один признак обобществления состоит в том, что оно требует своей локализации в определенном пространстве.

Анализ процессов обобществления должен привести, по мнению Зиммеля, к вычленению в социальных явлениях не наблюдаемых в чистом виде факторов. Эти «чистые формы обобществления» и становятся предметом социологии. «Обобществление, следовательно, – писал он, – есть в бесконечно разнообразных видах осуществляющаяся форма, в которой на основе этих – чувственных или идеальных, мгновенных или длительных, сознательных или бессознательных, причинно движущих или телеологически влекущих – интересов личности срастаются в некоторое целое и внутри которого эти интересы находят свое осуществление»¹¹⁴.

Немецкий ученый отмечал, что социологический метод вычленяет из социальных явлений момент обобществления так, как грамматика отделяет чистые формы языка от содержания, в котором эти формы живут. Социология должна не только выявлять эти чистые формы, но и систематизировать их, давать их психологическое обоснование и описание в историческом изменении и развитии. Именно таким образом социология превращается в понимающую социологию.

Зиммель рассматривал понимающую социологию как социологическую теорию познания, как теорию исторического понимания. С ее позиций требуется выяснение того, как связано изучаемое явление с интересами самого исследователя или социальной группы, которую он представляет. В рамках теории понимания (понижающей социологии) особое внимание обращается на роль субъективных компонентов познания в социальных науках, т.е. на роль исследователя, творчески и заинтересованно рассматривающего динамические, развивающиеся социально-исторические явления.

Немецкий исследователь различал общую и чистую, или формальную социологию. Под общей социологией он понимал применение социологического метода в различных общественных науках. Что касается формальной социологии, то она рассматривалась как описание и систематизация чистых форм обобществления. Кроме того, в систему социологического знания Зиммель включал социологическую теорию познания и социальную философию (он ее называл социальной метафизикой).

¹¹³ Зиммель Г. Проблема социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 420.

¹¹⁴ Зиммель Г. Проблема социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 419.

§ 3. КЛАССИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФОРМ

Выше уже говорилось, что формальная социология сопряжена с выявлением определенных форм, их классификацией и анализом. Будучи ярким представителем формальной социологии, Зиммель в ряде работ стремится конкретизировать свое учение об обществе с помощью классификаций социальных форм и их детального рассмотрения. Образцы такой классификации и анализа он дает в «Социологии». Исследователи творчества немецкого социолога отмечают, что одна из них включает в себя социальные процессы, социальные типы и модели развития.

К социальным процессам Зиммель относит подчинение, господство, примирение, соревнование и др. Вторая категория социальных форм охватывает социальные типы, означающие систематизацию некоторых существенных характерных качеств человека, не зависящих от взаимодействий между людьми (аристократ, бедняк, циник, кокетка, купец, женщина, чужой, буржуа и т.д.). Третья группа социальных форм включает в себя модели развития и характеризует социальную дифференциацию, взаимосвязи группы и индивидуальности. Зиммель пишет, что усиление индивидуальности ведет к деградации группы (чем меньше группа, тем ее члены менее индивидуальны и, наоборот, с увеличением группы ее члены становятся более непохожими друг на друга).

В рамках названных выше форм социальной жизни (социальные процессы – социальные типы – модели развития) ученый дает очень интересный и глубокий анализ многих социальных процессов. Так, в качестве одного из них он исследует моду. Ей посвящено блестящее эссе, которое до сих пор не потеряло своей актуальности и читается так, будто написано только сегодня. «Сущность моды состоит в том, – пишет Г. Зиммель, – что ей следует всегда лишь часть группы, группа же в целом находится только на пути к ней. Как только мода полностью принята, т.е. как только то, что первоначально делали только некоторые, теперь действительно совершается всеми без исключения, что и произошло с некоторыми элементами одежды и форм общения, это больше не называют модой»¹¹⁵.

Мода, считает Зиммель, одновременно предполагает и подражание, и индивидуализацию. Невозможность моды без индивидуализации он доказывает на примере примитивных обществ, где социальная однородность делала всех равными и не обуславливала стремления выдвинуться из общей массы. Точно также венецианские нобили, относящиеся к правящей олигархии, не желая продемонстрировать свою исключительность перед всеми остальными гражданами, ходили только в черном. Социолог говорит о двух конститутивных характеристиках моды – отличиях одной группы (одного круга, одного слоя) от другой и потребностях в соединении (объединении) людей, без чего моды быть не может¹¹⁶.

Очарование моды состоит в том, что она одновременно нова и преходяща. Мода дает ощущение настоящего, течения времени. Как только что-либо становится модным (одежда, вещи, манеры, идеи, выражения и т.д.), оно тут же начинает «выходить из моды». Однако, несмотря на преходящий характер той или иной конкретной моды, сама она как форма социальной жизни постоянна, существует всегда, во все времена.

Раскрывая содержание такой формы, как социальный тип, Зиммель использует пример аристократа. Так, бытие аристократа представляет собой единство двух взаимоисключающих характеристик. С одной стороны, он целиком поглощен своей социальной группой, ее фамильной традицией, отнесением к аристократическому роду. С другой – он абсолютно отделен от этой группы, ибо каждый аристократ стремится осознать свою собственную автономность, силу, могущество и не хочет ощущать зависимость от определенного круга лиц.

Зиммель много писал о так называемых игровых формах. Они «чисты», поскольку лишены конкретного содержания, например, «наука для науки», «искусство для искусства». Люди занимаются этими видами деятельности как самоцелью, и именно для того, чтобы получать наслаждение от занятий ими, а не для достижения каких-либо конкретных целей и результатов в сферах научного творчества либо искусства.

В качестве еще одной игровой формы он рассматривает свободное общение («общение ради общения»). У этой формы только одна цель – дать возможность насладиться общением, побыть с другими. Это – абстрактная модель социального процесса, не наполненная каким-либо реальным, конкретным содержанием. Люди включаются в такое общение как «формальные» индивиды, «на равных». Средством обеспечения этого равенства служит «такт» (тактичное поведение). Он ограничивает некоторые стремления и импульсы участников общения. Например, бестактно говорить на вечере о делах, демонстрировать свое богатство и т.д. Такт, следовательно, есть игровая форма социальных норм.

¹¹⁵ Зиммель Г. Мода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 274.

¹¹⁶ Зиммель Г. Мода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 273.

Зиммель рассматривает и такую игровую форму социальных отношений, как флирт. В данном случае речь идет об особом типе социальных контактов и связей - сексуальных отношениях. Флирт, или кокетство – это игровая форма, не наполненная каким-либо реальным эротическим содержанием. Главное в этой форме – не тема, не содержание разговоров между людьми, а наслаждение, удовольствие, получаемое от свободного общения, общения ради общения. Анализируя подобным способом игровые формы, в первую очередь свободное общение, Зиммель таким образом наиболее полно и последовательно продемонстрировал идею чистой, формальной социологии.

§ 4. АНАЛИЗ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Выработанный метод получения формального знания немецкий социолог применил к анализу капиталистического общества. В этом вопросе он в ряде случаев шел за К. Марксом. На Г. Зиммеля оказала глубокое влияние Марксова концепция отчуждения при капитализме. Он также доказывает наличие всеобщего отчуждения в этом обществе, используя концепцию денег. Свои идеи на сей счет он развил в книге «Философия денег» (ее объем – 600 страниц), которую считают его самой «социологической» работой. Небезынтересно отметить, что при жизни ученого далеко не все специалисты обратили внимание на «социологический» характер книги, исходя из ее названия, которое на первый взгляд представляется философско-экономическим. «Философия денег», изданная на рубеже двух веков и двух тысячелетий (1900), по существу открыла серию книг о капитализме, его «духе», кризисе, будущем; вслед за ней были опубликованы работы В. Зомбарта «Современный капитализм», М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», чуть позже – О. Шпенглера «Закат Европы» и др.

Зиммель, показывая наличие всеобщего отчуждения в обществе, стремится доказать, что оно сопровождается ростом индивидуальной свободы. Главная его идея в этом анализе состоит в том, чтобы убедить читателя в тесной и неразрывной связи отчуждения и свободы, которые выступают, по его мнению, двумя сторонами одной медали, называемой обществом. В «Философии денег» он писал: «Если свобода есть независимость от воли другого вообще, то прежде всего она предполагает независимость от воли определенного другого. Независим не одинокий отшельник германских или американских лесов – независим в позитивном смысле слова человек современного большого города, который, хотя и требует для себя бесчисленного количества производителей, доставщиков, помощников, соединен с ними лишь вещным, т.е. деньгами опосредуемым, образом»¹¹⁷.

Формирование и развитие капитализма сопряжено с наличием двух основных его характеристик: интеллекта и денег. Социолог рассматривает их как одни из главных форм обобществления, которые тесно связаны с ростом свободы и усилением тенденции индивидуализации членов общества. Эти формы позволяют Зиммелю подробно анализировать развитие денежного хозяйства и интеллектуализма как социального явления.

В связи с проведенным анализом социальной функции денег ученый обнаруживает, что их господство определяет совокупность социальных явлений современного ему капитализма. На самом деле все обстоит как раз наоборот: деньги выполняют ту роль, которую им предписывают соответствующие общественные отношения. Говоря о том, что власть денег приводит к отчуждению, немецкий социолог подчеркивает, что в этом процессе всеобщего, универсального отчуждения люди теряют свои индивидуальные, специфические качества, переходят в «одномерное» состояние.

Символом межлических отношений в таких условиях становится проституция. Зиммель считал, что природа денег и природа проституции аналогична. Деньги, как и женщины легкого поведения, никак не связаны с каким-либо одним субъектом. Деньги покидают его с такой же завидной легкостью, с какой женщины определенного сорта поведения, исключая всякое сердечное движение, уходят от своих клиентов. Так же без особого труда и безразлично деньги переходят к своим новым временным хозяевам, как «делают» это женщины соответствующего поведения. Приведенное сравнение стало уже хрестоматийным в социологической литературе и позволяет лучше понять не только социальную роль и функции денег, особенности их использования в капиталистическом обществе, но и специфику общественных отношений в нем, на которую деньги накладывают глубокую печать.

¹¹⁷ Цит. по: История социологии в Западной Европе и США. М., 2001. С. 132.

§ 5. СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА И ИНДИВИД

Еще одна социологическая проблема, которую Г. Зиммель ставил, начиная с первой социологической работы «О социальной дифференциации» и к которой неоднократно обращался в последующих трудах («Социология» и «Основные вопросы социологии»), – социально-групповая структура общества и место в ней индивида. Здесь он сформулировал ряд очень важных положений, которые впоследствии сыграли значительную роль в становлении социальной психологии и социологической теории групп. Немецкий социолог рассматривал социальную дифференциацию общества под углом зрения существующих и развивающихся в нем социальных групп (социальных кругов) и включения в них индивида.

Сама социальная дифференциация представляла основную модель развития в социологической теории Зиммеля. В ней он указывал, что с увеличением размеров группы ее члены все более разнятся между собой, поскольку получают возможности для проявления индивидуализма. Малая группа стесняет индивида как жестким контролем, так и своей численностью. Зиммель писал, что «более широкая группа предъявляет нам меньше требований, меньше заботится об отдельных людях и поэтому ставит меньше препятствий для полного развития даже самых извращенных влечений, чем более узкая группа»¹¹⁸.

Немецкий социолог считал, что число различных групп, к которым принадлежит тот или иной человек, является показателем высоты культуры. Чем больше групп, в жизнь которых включен (или может быть включен) человек, тем более развитым является общество. Сам же индивид входит во множество групп и оказывается на их скрещении. «Если современный человек, – писал Г. Зиммель, – принадлежит прежде всего к семейству своих родителей, потом к семье, основанной им самим, а вместе с тем и к семье своей жены; если, далее, он принадлежит своему профессиональному кругу, что уже само по себе часто включает его в несколько кругов с различными интересами ...; если он осознает себя гражданином своего государства, сознает свою принадлежность к определенному социальному сословию, если он, кроме того, – офицер запаса, состоит членом нескольких союзов и общается с людьми самых различных кругов, – то это является уже очень большим разнообразием групп ...»¹¹⁹.

Но дело не только в показателях культуры общества. Расширение кругов социальных отношений, т.е. количества социальных групп, в которые вовлечен человек, делает его более свободным, дает возможность выбора, выражения собственной воли. Другими словами, увеличиваются возможности проявления индивидуальности, что и является главным критерием свободы по Зиммелю. Проблема свободы была одной из доминирующих в его социологическом творчестве. Но он не успел по ней написать специальной крупной работы. Исследователи Зиммеля отмечают, что эта работа была последней из задуманных им и начатых, но к моменту смерти он написал всего 30 рукописных страниц.

Изложение основных социологических позиций немецкого ученого будет неполным, если не коснуться проблемы конфликта в его творчестве. Зиммеля считают одним из основоположников социологии конфликта. Он стремился доказать, что социальные конфликты являются всеобщими и универсальными, пронизывая все сферы жизни общества. Ему принадлежит так называемый «парадокс Зиммеля», согласно которому наиболее эффективное средство сдержать конфликт заключается в том, чтобы выяснить сравнительную силу конфликтующих сторон. Если сделать это до наступления фактического конфликта, то антагонистические интересы можно урегулировать бесконфликтным способом.

Конечно же, социолог не мог не говорить в первую очередь о конфликте между формой и содержанием, в качестве последнего у него на самом общем уровне выступали жизнь и культура. Он считал, что во многих явлениях «обнаруживается конфликт, неизбежный для жизни, культурной в широком смысле слова, т.е. активно творящей или пассивно воспринимающей. Жизнь должна или создавать формы, или развиваться в определенных формах. Мы – сами жизнь, и с этим связано неопишное чувство бытия, силы и известной ориентации, но мы ощущаем это лишь в определенной форме. ... Таким образом возникает противоречие с самым существом жизни, динамикой ее вечного движения, ее судьбами и неудержимой дифференциацией каждого отдельного ее момента»¹²⁰. Это же касается конфликта жизни и культуры, поскольку он изначально заложен в природу отношений между ними.

¹¹⁸ Зиммель Г. Социальная дифференциация // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 356.

¹¹⁹ Зиммель Г. Социальная дифференциация // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 412.

¹²⁰ Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. М., 1996. С. 513.

§ 6. ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА Г. ЗИММЕЛЯ

В заключение необходимо коротко определить значение творчества Г. Зиммеля. Оно (творчество) оказалось емким и многообразным. Немецкий мыслитель выступал по очень широкому спектру проблем, что порой создавало у его современников впечатление отсутствия единой и стройной концепции. Это мнение стойко держалось благодаря весьма противоречивым оценкам творчества Зиммеля со стороны крупных социологов конца XIX – начала и середины XX в. М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина.

Сам Зиммель при жизни пользовался большой известностью – и в Европе, и в США. Однако после смерти в Европе о нем стали быстро забывать, в Америке его ценили гораздо больше. Особенно это касается Чикагской социологической школы, наиболее видные представители которой – А. Смолл, Р. Парк, Э. Берджесс и другие – активно использовали его идеи, касающиеся социологии города, социальной дезорганизации, динамики человеческих групп и др.

Сейчас же интерес к социологии Зиммеля резко возрос вновь. По словам известного современного американского социолога Л. Козера, Зиммель «продолжает стимулировать социологическое воображение столь же мощно, как Дюркгейм или Вебер»¹²¹.

Его значение в социологии состоит в том, что он одним из первых привлек внимание к микросоциальным процессам (на уровне межличностного, группового взаимодействия), из которых, собственно говоря, и складываются макросоциальные, крупномасштабные образования. Изучение этих процессов он считал одной из важнейших задач социологии. Зиммель оказался тонким и наблюдательным социальным психологом, теоретиком взаимодействия, его различных видов. Немецкий социолог блестяще проанализировал процесс деградации культурных норм и образа жизни в условиях капитализма, причем этот процесс описал изнутри, как его участник. Вклад Зиммеля в развитие социологии дал основание многим исследователям поставить его в один ряд с Вебером.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему социологию Г. Зиммеля принято считать формальной? Подробно аргументируйте свой ответ.
2. Почему Г. Зиммель основной «клеточкой» общества считал взаимодействие? Как он трактовал его роль?
3. Какие формы социального взаимодействия выделял и характеризовал Зиммель?
4. Расскажите, как немецкий социолог рассматривал общество, какое содержание вкладывал в него.
5. Как определял предмет и задачи социологической науки Зиммель? Что означала общая и чистая (формальная) социология в его понимании?
6. Что нового, по вашему мнению, внес Зиммель в теорию и методологию социального познания по сравнению с представлениями позитивизма и органицизма в социологии?
7. Дайте (вслед за Зиммелем) интерпретацию таких форм социальной жизни, как социальные процессы, социальные типы, модели развития.
8. Что вы могли бы рассказать о зиммелевской трактовке моды? Почему мы ее считаем глубоко современной?
9. О каких игровых формах социальных отношений писал Зиммель? Назовите некоторые из них и расскажите, что вам известно на этот счет.
10. Каким образом Зиммель рассматривал социально-групповую структуру общества и взаимодействие с ней индивида?
11. Зиммеля по праву считают одним из основоположников социологии конфликта. Почему? Ответ аргументируйте.
12. Проведите – вслед за немецким социологом – анализ капиталистического общества, используя для этого понятия отчуждения, свободы, денег.
13. Раскройте значение социологического творчества Зиммеля.

ЛИТЕРАТУРА

- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.

¹²¹ Coser L.A. Masters of Sociological Thought. N.Y., 1977. P. 215.

- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зиммель Г. Философия денег // Теория общества. М., 1999.
- Зиммель Г. Избранное. Т. 1, 2. М., 1996.
- Зиммель Г. Социальная дифференциация. Проблема социологии. Конфликт современной культуры // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996.
- Зиммель Г. Как возможно общество? Человек как враг // Социол. журн. 1994. № 2.
- Зиммель Г. Общение: пример чистой или формальной социологии // Социол. исслед. 1984. № 2.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История теоретической социологии. В 4 т. Т. 2. М., 1998.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.

ГЛАВА 9

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО М. ВЕБЕРА

1. *Краткий биографический очерк и общая характеристика социологического учения.*
2. *Теория социального действия.*
3. *Понимающая социология М. Вебера.*
4. *Учение об идеальных типах.*
5. *Учение о типах господства.*
6. *Принцип рациональности и теория капитализма М. Вебера.*
7. *Социология религии.*
8. *Значение социологического творчества М. Вебера.*

§ 1. КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ

МАКС ВЕБЕР

21 апреля 1864 г. – 14 июня 1920 г.

Великий немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) родился в Эрфурте. Его отец был юристом, выходцем из семьи промышленников и купцов, занимавшихся в Вестфалии текстильным делом. Мать была высокообразованной и культурной женщиной, много занималась проблемами религии и социальными вопросами. До самой смерти (умерла за год до кончины Вебера, в 1919 г.) она сохраняла тесный духовный контакт со своим сыном, постоянно стимулируя его потребность в религиозной вере. Когда Максу исполнилось пять лет, семья переехала в Берлин. Этот город, как и в жизни Г. Зиммеля, сыграл большую роль в судьбе Вебера. Здесь он избирался в муниципальный сейм, затем в сейм Пруссии и рейхстаг. В салоне своих родителей молодой Вебер познакомился со многими представителями творческой интеллигенции – философами, историками, экономистами, правоведами, психологами. Среди них были Дильтей, Моммзен, Трейчке, Зибель и др. Несомненно, эти знакомства и встречи способствовали пробуждению поистине энциклопедических интересов будущего ученого.

В 1882 г. Вебер поступает на факультет права в один из лучших немецких университетов того времени – Гейдельбергский. Наряду с юриспруденцией, он изучает философию, историю, экономику, теологию, т.е. те дисциплины, в рамках которых он впоследствии будет заниматься научным творчеством, причем очень серьезно в каждой из них. Это затем позволит утверждать

экономистам, что Вебер был крупным экономистом, правоведам – то же самое в отношении права, соответственно философам, историкам, теологам – что он достойно представлял в мире науки их сферы знания. В студенческие годы он принимал также активное участие в жизни студенческой корпорации. Проучившись три семестра, Вебер был призван на военную службу. Он проходил ее в течение года в Страсбурге сначала солдатом, а затем офицером имперской армии, чем всегда очень гордился. В 1884 г. он возобновляет учебу – сначала в Берлинском, а затем – в Геттингенском университетах.

В 1886 г. Вебер сдает первые университетские экзамены по юриспруденции. Вслед за этим он начинает активно заниматься политикой, вступив в «Общество социальной политики», куда входили представители университетской интеллигенции, интересовавшиеся соответствующими вопросами жизни общества. В 1890–1892 гг. по просьбе «Общества» Вебер проводит эмпирическое социологическое исследование – опрос о положении крестьян и сельскохозяйственных рабочих в Восточной Пруссии. Он показывает, что крупные землевладельцы ради сокращения расходов на заработную плату не стеснялись ввозить в свои поместья русских и поляков, принуждая таким образом к миграции на западные земли и в индустриальные города коренных немцев. Вебер проводил идею о дегерманизирующей восточную часть Пруссии деятельности юнкеров. При этом сам характер исследования и написания отчета по нему не содержал в себе оценочных характеристик, тем более – эмоциональных аспектов, связанных с трудным положением сельскохозяйственных рабочих. Проблемы их жилья, заработной платы, бытового устройства волновали Вебера меньше всего, главным было выяснение тенденций развития немецкой нации и того, как процессы в восточных землях способствуют (препятствуют) этому.

В 1889 г. он защищает в Берлине диссертацию, посвященную истории торговых обществ в Средние века. Это была его первая диссертация. Через два года он пишет и защищает еще одну, на тему «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права». Блестящая защита сыграла важную роль в приглашении Вебера на должность профессора одной из кафедр факультета права Берлинского университета. В 1893 г. он женился на Марианне Шнитгер, а в 1894 г. стал профессором кафедры политической экономии Фрайбургского университета. В этом же году вышла его книга по материалам исследования 1890–1892 гг. под названием «Тенденции к изменению положения сельскохозяйственных рабочих Восточной Германии». В 1896 г. он принимает руководство кафедрой в Гейдельбергском университете.

Следующий год в жизни Вебера омрачился тяжелым нервным расстройством. Его причиной, вероятно, стало бурное объяснение с отцом, которого после разговора с сыном поразил инсульт. Четыре года Вебер не работает, чтобы обрести душевный покой. Он путешествует по Италии, Швейцарии, Корсике. В 1902 г. он возобновляет преподавательскую деятельность в Гейдельбергском университете, а в 1903 г. вместе с В. Зомбартом создает журнал «Архив социальной науки и социальной политики».

В 1904 г. состоялась поездка Вебера в США, в г. Сент-Луис, где он участвовал в конгрессе социальных наук и выступил с лекцией о капитализме и сельском обществе в Германии. США производят на него очень глубокое впечатление. В этом же году в созданном им журнале Вебер публикует первую часть «Протестантской этики и духа капитализма», в следующем году – вторую часть этой работы. Внимание немецкого социолога привлекает русская революция 1905 г. и, чтобы ознакомиться с материалами о ней в оригинале, он изучает русский язык. В 1906 г. в свет выходит серия его статей, посвященных России (о буржуазной демократии, мнимом конституционализме и др.).

В 1907 г. Вебер получает наследство и возможность полностью посвятить себя науке. Он создает свой салон в Гейдельберге, который посещает большинство известных немецких ученых (философов, социологов, историков, экономистов) того времени: Виндельбанд, Зиммель, Трельч, Зомбарт, Науман, Тённис, Михельс и др. В 1908 г. М. Вебер организует Немецкую ассоциацию социологов и издает серию работ по социальным наукам. В 1909 г. он начинает писать свою главную социологическую книгу «Хозяйство и общество», которая будет издана после смерти ученого его женой. В 1910 г. он участвует в конгрессе Немецкого общества социологов (возглавляемого Ф. Тённисом) и выступает на нем с четкой антирасистской позицией. Вебер избирается в состав руководящего комитета общества, однако в 1912 г. выходит из него из-за теоретических расхождений по вопросу «о свободе от оценки» (он отстаивал необходимость такой свободы для социолога). В 1913 г. была опубликована очень важная с точки зрения теоретической социологии статья ученого «О некоторых категориях понимающей социологии».

С началом Первой мировой войны Вебер поступает на военную службу, став руководителем группы госпиталей Гейдельбергского района (вплоть до конца 1915 г.). В 1916–1917 гг. он выполняет ряд различных официальных миссий в столицах европейских государств – Вене, Будапеште, Брюсселе, стремясь убедить руководителей Германии в необходимости избегать расширения войны, однако считает, что страна не должна уступать своих лидирующих позиций в мировой политике.

В годы войны ученый пишет и публикует очень значимые работы, касающиеся прежде всего социологии религии. Это «Хозяйственная этика мировых религий» (1915), несколько глав «Социологии религии» (1916). Вообще все социологические исследования религии у Вебера были объединены в трехтомник, в котором были рассмотрены протестантизм, иудаизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, индуизм. Он планировал выпустить четвертый том, посвященный исламу, но смерть помешала сделать это.

В 1918 г. Вебер едет в Вену читать лекции на летних курсах университета, в которых излагает свое понимание социологии политики и религии. Зимой того же года он получает приглашение сделать два доклада в Мюнхенском университете: «Наука как призвание и профессия» и «Политика как призвание и профессия». В следующем, 1919 г. он принимает кафедру общественно-экономических наук в этом университете и руководит ею до середины 1920 г. В Мюнхене социолог продолжает работать над книгой «Хозяйство и общество», первые части которой были отпечатаны осенью 1919 г., а весь текст – в 1922 г. В университете он читает студентам лекции, посвященные социологическому учению о категориях, а также курс «История хозяйства» (напечатан в 1924 г. в виде отдельной работы). Их (лекций) содержание было опубликовано в качестве вводной части в книге «Хозяйство и общество». В июне 1920 г. Вебер умирает.

Круг научных интересов Вебера был необыкновенно широким. Это античная, средневековая и новая история; история хозяйства, права, религии и даже искусства; природа и история капитализма; капиталистическая урбанизация и история города; социология религии; хозяйственная этика; методология социального познания; общие проблемы социологии, ее понимания; теория социального действия и учение об идеальных типах. В учебнике будет представлена лишь социологическая часть творчества Вебера.

Осмыслить ее не так просто, ведь немецкий ученый не настаивал на необходимости институционализации социологии так, как это делали некоторые его коллеги (Тённис, Зиммель). Отсюда – позиция части «вебероведов», которые считают, что творчество ученого нужно рассматривать только как цельное и целостное, видеть многослойность его мышления и следовать ей, не выделяя специально в качестве предмета изучения исключительно социологические взгляды. Нам представляется более предпочтительной иная позиция, которая позволяет вычленять отдельные стороны (социологическую, правовую, историческую, экономическую и др.) действительно многослойного творчества Вебера в качестве предмета самостоятельного изучения. Поэтому перейдем к анализу конкретных аспектов социологического учения выдающегося немецкого ученого.

Возникает вопрос: с чего Вебер начал и как он пришел к необходимости работать в области социологии? Находясь под влиянием И. Канта, его последователей – неокантианцев Г. Риккерта (непосредственного учителя Вебера) и В. Виндельбанда, с одной стороны, и К. Маркса – с другой, он начал с изучения экономической истории (о чем свидетельствует его диссертация). Исследуя проблемы взаимоотношения экономики с другими сферами человеческой деятельности – политикой, правом, религией и т.д., Вебер пришел к выводу о необходимости специально заняться социологией, в основном социологией экономического поведения людей. Причем его интересовала деятельность не больших групп людей, а индивидов, именно их экономическое поведение и его мотивация. Это поведение он и считал социальным действием. Так родилась идея необходимости создания одной из наиболее фундаментальных концепций социологической науки за все время ее существования – теории социального действия как инструмента для объяснения поведения различных типов людей.

§ 2. ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Анализируемая теория представляет собой «ядро» социологии М.Вебера. По его мнению, социология должна рассматривать в качестве исходного пункта своих исследований поведение индивида или группы индивидов. Отдельный индивид и его поведение является как бы «клеточкой» социологии, ее «атомом», тем простейшим единством, которое само уже не подлежит дальнейшему разложению и расщеплению.

Вебер четко связывает предмет этой науки с изучением социального действия: «Социология ... есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»¹²². Далее, правда, ученый утверждает, что «социология занимается отнюдь не одним «социальным действием», но оно являет собой (во всяком случае, для той социологии, которой мы здесь занимаемся) ее центральную проблему, конститутивную для нее как для науки»¹²³.

¹²² Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 602.

¹²³ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 627.

Понятие «социальное действие» в трактовке М. Вебера производно от действия вообще, под которым понимается такое человеческое поведение, в ходе, процессе которого действующий индивид связывает с ним или, точнее, вкладывает в него субъективный смысл. Стало быть, действие – это осмысление человеком его собственного поведения.

Вслед за этим суждением сразу же следует разъяснение того, что такое социальное действие: ««Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»¹²⁴. Значит, социальное действие не просто «самоориентировано», оно ориентировано прежде всего на других. Ориентацию на других М. Вебер называет «ожиданием», без которого действие не может считаться социальным. Здесь важно уточнить, кого следует относить к «другим». Конечно, это индивиды, но не только. Под «другими» понимаются «социально общие» структуры, такие как государство, право, организации, союзы и т.д., т.е. те, на кого может и реально ориентируется индивид в своих действиях, рассчитывая на их определенную реакцию по отношению к ним.

Всякое ли действие является социальным? Нет, утверждает Вебер, и приводит ряд конкретных ситуаций, убеждающих читателя в справедливости его отрицательного ответа. Так, не является социальным действием молитва (поскольку она не рассчитана на ее восприятие другим человеком и его ответное действие). Если на улице идет дождь, приводит еще один пример «несоциального» действия Вебер, и люди одновременно раскрывают зонты, то это вовсе не означает, что индивиды ориентируют свои поступки на действия других людей, просто их поведение в равной мере вызвано потребностью спрятаться от дождя. Значит, нельзя считать социальным действие, если оно определяется ориентацией на какое-либо природное явление. Вебер не считает социальным и чисто подражательное действие, совершаемое индивидом в толпе как ее «атомом». Еще один образец «несоциального» действия, который он приводит, касается действия, ориентированного на ожидание определенного «поведения» со стороны не других индивидов, а вещественных предметов (явлений природы, машин и др.).

Понятно, следовательно, что социальное действие включает в себя два момента: а) субъективную мотивацию индивида (индивидов, группы людей); б) ориентацию на других (другого), которую Вебер называет «ожиданием» и без чего действие не может рассматриваться как социальное. Его основным субъектом является индивид. Коллективы (группы) социология может рассматривать только как производные от составляющих их индивидов. Они (коллективы, группы) представляют собой не самостоятельные реальности, а, скорее, способы организации действий отдельных индивидов.

Социальное действие у Вебера выступает в четырех типах: целерациональном, ценностно-рациональном, аффективном, традиционном. Целерациональное действие – это действие, в основе которого «лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели»¹²⁵. Рациональное по отношению к цели, целерациональное действие – это действия: инженера, который строит мост; спекулянта, который стремится заработать деньги; генерала, который хочет одержать военную победу. Во всех этих случаях целерациональное поведение определяется тем, что его субъект ставит перед собой ясную цель и применяет соответствующие средства для ее достижения.

Ценностно-рациональное действие основано «на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет»¹²⁶. Рациональный по отношению к ценности, ценностно-рациональный поступок совершил, например, капитан, который утонул, отказавшись покинуть свое судно при крушении, или немецкий социалист Ф. Лассаль, убитый на дуэли. Оба этих поступка оказались ценностно-рациональными не потому, что были направлены на достижение определенной, внешне фиксированной цели, а вследствие того, что покинуть тонущий корабль или не принять вызова на дуэль было бы бесчестьем (ценностью здесь выступает честь). Субъект поступает рационально, идя на риск не ради достижения внешне фиксированного результата, а из верности собственному представлению о чести.

Аффективное действие – это действие, обусловленное аффектами или эмоциональным состоянием индивида. Как считает Вебер, аффективное действие «находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознанно ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычное раздражение»¹²⁷. Действие, поведение, поступок, которые Вебер называет аффективными, обусловлены исключительно душевным состоянием

¹²⁴ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 603.

¹²⁵ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 628.

¹²⁶ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 628.

¹²⁷ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 628.

или настроением индивида. Мать может ударить ребенка, потому что тот невыносимо себя ведет. В этом случае поступок определяется не целью или системой ценностей, а эмоциональной реакцией субъекта в определенных обстоятельствах.

И, наконец, традиционное действие – это действие, основанное на длительной привычке. Вебер пишет: «Большая часть привычного повседневного поведения людей близка данному типу, занимающему определенное место в систематизации поведения...»¹²⁸. Традиционное поведение диктуется обычаями, верованиями, привычками, ставшими второй натурой. Субъект действия поступает по традиции, ему нет нужды ни ставить перед собой цель, ни определять ценности, ни испытывать эмоциональное возбуждение, он просто подчиняется укоренившимся в нем за долгую практику рефлексам.

Рассматривая веберовские четыре типа действия, необходимо отметить, что последние два из них не являются в строгом смысле слова социальными, поскольку мы не имеем здесь дела с осознанным смыслом аффективного и традиционного поведения. Вебер говорит, что они находятся «на самой границе, а часто даже за пределом того, что может быть названо «осмысленно» ориентированным действием».

Приведенная классификация типов социального действия оказалась «сквозной» для всего творчества Вебера. Ее можно рассматривать применительно к анализу современности, а можно использовать для трактовки исторического процесса. Основным направлением последнего является рационализация социального действия. Вебер доказывает, что роль первого типа – целерационального действия – непрерывно усиливается. Это проявляется в рациональной организации хозяйства, управления, образа жизни в целом. Возрастает социальная роль науки, представляющей наиболее чистое воплощение принципа рациональности. Все прежние, докапиталистические, типы обществ Вебер считает традиционными, поскольку в них отсутствует формально-рациональное начало. Его наличие связано с веберовским пониманием капитализма, с тем, что поддается точному и строгому учету и исчерпывается количественной характеристикой.

Вместе с тем, Вебер понимает, что его классификация типов поведения в определенной степени ограничена и не исчерпывает все варианты и виды действия. В этой связи он пишет: «Действие, особенно социальное, очень редко ориентировано только на тот или иной тип рациональности, и самая эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентаций действия; они являют собой созданные для социологического исследования понятийно чистые типы, к которым в большей или меньшей степени приближается реальное поведение или – что встречается значительно чаще – из которых оно состоит»¹²⁹.

Степень распространенности каждого из названных выше типов социального действия в эмпирической реальности ясна не в полной мере. Понятно, что целерациональный тип не является преобладающим, равно как и то, что традиционный встречается повсеместно и постоянно. Однако выявление соотношения, пропорций всех четырех типов между собой в конкретном обществе – задача социологического исследования. «Для нас доказательством их целесообразности, – как считает Вебер, – может служить только результат исследования»¹³⁰.

§ 3. ПОНИМАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ М. ВЕБЕРА

Свою социологию М. Вебер, а вслед за ним его последователи и исследователи, определяет как понимающую. Почему? Идея немецкого социолога состоит в следующем. Объясняя явления природы, люди прибегают к суждениям, подтвержденным человеческим опытом, чтобы иметь ощущение того, что они их понимают. Здесь понимание достигается через определение понятий и установление связей между ними, так сказать, «опосредованным» путем. Тем более, что сами эти явления природы, как таковые, смысла не имеют.

Другое дело – человеческое поведение. Здесь понимание оказывается непосредственным: профессор понимает поведение студентов, слушающих его лекции; пассажир понимает, почему шофер такси не едет на красный свет. Человеческое поведение, в отличие от «поведения» природы, представляет собой внешне проявленную осмысленность, связанную с тем фактом, что люди наделены разумом. Социальное поведение (социальное действие) содержит осмысленное построение, которое социологическая наука в состоянии понять и исследовать.

¹²⁸ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 628.

¹²⁹ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 630.

¹³⁰ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 630.

Принцип понимания оказывается критерием, с помощью которого сфера, важная для социолога (имеющая для него существенное значение, релевантная), отделяется от той, что не может быть предметом его исследования. Поведение индивида социолог понимает, а «поведение» клетки – нет. В равной степени, по Веберу, социолог не понимает «действия» народа или народного хозяйства, хотя вполне может понять действия составляющих народ индивидов. Другими словами, возможности социологического понимания ограничиваются действиями и поведением индивидов.

Речь идет о том, что специфическим объектом понимающей социологии Вебер провозглашает не внутреннее состояние или внешнее отношение человека как таковое, взятое само по себе, а его действие. Действие же – это всегда понятное (либо понимаемое) отношение к тем или иным объектам, отношение, которое характеризуется тем, что оно предполагает наличие определенного субъективного смысла.

Раскрывая главные особенности понимающей социологии, Вебер останавливается на трех из них, характеризующих наличие объясняемого поведения человека и придаваемого ему смысла. В этой связи он пишет: «Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с поведением других людей, во-вторых, определено также этим его осмысленным поведением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно объяснено»¹³¹.

Понимание в чистом виде имеет место там, где есть целерациональное действие. Но здесь возникает вопрос: что именно мы понимаем в случае этого действия – смысл действия или самого действующего индивида? Допустим, мы видим человека, который рубит в лесу дрова. Мы можем сделать вывод, что он делает это либо для заработка, либо для того, чтобы заготовить себе топливо на зиму, либо, чтобы помочь кому-то, либо отдыхая от других дел и т.д.¹³² Рассуждая таким образом, мы стремимся понять смысл действия, а не самого лесоруба. Если индивид сам ясно осознает поставленную им цель и только стремится скрыть это от других, то это нетрудно понять: такую ситуацию вполне можно подвести под схему целерационального действия. Но если речь идет о таком поведении, когда индивид не отдает себе отчета в том, что он делает, тогда возникает вопрос: имеет ли социолог достаточные основания утверждать, что он понимает действующего индивида лучше, чем тот понимает сам себя?

В целерациональном действии для Вебера смысл действия и самого действующего совпадает: понять смысл действия – это и значит в данном случае понять действующего индивида, а понять его – значит понять смысл его поступка. Такое совпадение Вебер считал идеальным случаем, от которого должна отталкиваться социология как наука.

В понимающей социологии Вебера важное место занимает проблема ценности и оценки. В этом вопросе на него оказали значительное влияние неокантианцы, в первую очередь Г. Риккерт. М. Вебер разграничивает два акта – отнесение к ценности и оценку. Оценка имеет субъективную природу, тогда как ценность превращает наше индивидуальное мнение в объективное и общезначимое суждение. Наука, по Веберу, должна быть свободна от оценочных суждений. Но значит ли это, что социолог (или иной ученый) должен вообще отказаться от собственных оценок и суждений? Нет, не значит, но они не должны «вторгаться» в его собственный научный анализ, а высказывать их он может лишь как частное лицо (но не как ученый).

Отсюда у Вебера родилось понятие ценности как интереса эпохи. Что такое интерес эпохи и установка эпохи как ценность? Это нечто более устойчивое и объективное, чем частный интерес того или иного социолога. Это некий «абсолют» времени. Каждое время рождает свои ценности, свои «абсолюты». В этом смысле они историчны, изменчивы и относительны.

Разграничивая оценочное (ценностное) суждение и отнесение к ценности, Вебер имел в виду, что первое – это субъективное утверждение морального или жизненного порядка, тогда как второе – содержание объективной науки. В этом разграничении можно увидеть разницу между политической и научной деятельностью и одновременно – общность интересов политика и ученого. На индивидуально-личностном уровне, в рамках собственной жизненной судьбы Вебер хотел быть ученым, но в то же время он стремился и к политической деятельности.

Поскольку узловой категорией понимающей социологии является понимание, представляет интерес его веберовская трактовка. В ней выделяется непосредственное понимание и объясняющее понимание. Первое означает рациональное непосредственное понимание мыслей и предполагаемого смысла действия. Мы непосредственно понимаем действие дровосека, рубящего лес, или охотника, прицеливающегося, чтобы выстрелить в зверя. Объясняющее понимание означает выявление

¹³¹ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 497.

¹³² Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 608.

мотивационного смысла действий. Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом, не только непосредственно, но и мотивационно, объясняя, для чего человек делает это, а не то, делает так, а не иначе и т.д.

Трактуемое таким образом понимание, считает Вебер, означает интерпретирующее постижение:

а) реально предполагаемого в отдельных случаях (если речь идет об историческом анализе событий);

б) предполагаемого, взятого в среднем и приближенном значении (если речь идет о социологическом рассмотрении массовых явлений);

в) смысла или смысловой связи в научно конструируемом чистом типе какого-либо часто повторяющегося явления.

Далее Вебер указывает: «Подобными идеально-типическими конструкциями служат, например, разработанные чисто теоретическим экономическим учением понятия и «законы». Они показывают, каким было бы определенное человеческое поведение, если бы оно носило строго целерациональный характер, было бы свободно от заблуждений и аффектов и если бы оно ориентировалось на совершенно однозначную цель (экономику). Реальное поведение чрезвычайно редко (например, в ряде случаев на бирже), и то только приближенно, соответствует конструкции идеального типа»¹³³.

§ 4. УЧЕНИЕ ОБ ИДЕАЛЬНЫХ ТИПАХ

Как видно, понимание в социологии М. Вебера тесно связано с категорией идеального типа, выступающей в качестве базовой для всей системы научных понятий, которыми оперирует ученый. Идеальный тип – это проявление своеобразного «интереса эпохи», мыслительная конструкция, своеобразная теоретическая схема, которая, строго говоря, не извлекается из эмпирической реальности. Поэтому не случайно Вебер называет идеальный тип утопией. Он указывает: «По своему содержанию данная конструкция носит характер утопии, полученной посредством мысленного усиления определенных элементов действительности»¹³⁴.

Идеальный тип не встречается в самой повседневной действительности (например, капитализм, город, христианство, экономический человек и т.д.). Он создается ученым как инструмент для познания исторической реальности и современного мира. Для Вебера образование абстрактных идеальных типов выступает не как цель, а как средство научного познания и понимания. В этом отношении значительный интерес представляет следующее рассуждение немецкого социолога: «В исследовании идеально-типическое понятие – средство для вынесения правильного суждения о каузальном сведении элементов действительности. Идеальный тип – не «гипотеза», он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и изображения действительности, но представляет для этого однозначные средства выражения»¹³⁵.

Идеально-типические конструкции имеют особое значение для эмпирической науки, и это обстоятельство Вебер подчеркивает специально. Он указывает на необходимость отказаться от претензии идеального типа на выполнение функции долженствования, точно также как от этого отказывается эмпирическая социология. «Эмпирическая наука никого не может научить тому, что он должен делать, она указывает только на то, что он может, а при известных обстоятельствах на то, что он хочет совершить»¹³⁶. Аналогичен подход М. Вебера к идеальному типу по вопросу о его значении для эмпирической социологии, который он поднимает в связи с трактовкой понятия капиталистической культуры. «Прежде всего следует подчеркнуть, – пишет он, – что надо полностью отказаться от мысли, будто эти “идеальные” в чисто логическом смысле мысленные образования, которыми мы здесь занимаемся, в какой бы то ни было мере носят характер долженствования, “образца”. Речь идет о конструировании связей, которые представляются нашей фантазии достаточно мотивированными, следовательно, “объективно возможными” ...»¹³⁷.

Из сказанного выше становится понятной одна из причин того, почему идеальный тип нужно отличать от оценочных суждений. «“Идеальный тип” в нашем понимании... есть нечто, в отличие от оценивающего суждения, совершенно индифферентное и не имеющее ничего общего с каким-либо иным, не чисто логическим “совершенством”»¹³⁸.

¹³³ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 609.

¹³⁴ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 389.

¹³⁵ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 389.

¹³⁶ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 350.

¹³⁷ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 391.

¹³⁸ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 399.

Конечно, Вебер понимал, что идеальный тип является определенным упрощением и идеализацией социальных явлений и процессов. Но он шел на это совершенно сознательно. Более того, он считал, что чем более абстрактным и нереалистичным является идеальный тип, тем лучше он способен выполнить свои методологические функции, тем полезнее использовать его в качестве средства классификации конкретных явлений и процессов как в историческом разрезе, так и в особенности в изучении актуального общества. Вебер писал: «Идеальный тип определенного общественного состояния, сконструированный посредством абстрагирования ряда характерных социальных явлений эпохи, может – и это действительно часто случается – представляться современникам практическим идеалом, к которому надлежит стремиться, или, во всяком случае, максимой, регулирующей определенные социальные связи»¹³⁹.

Вебер на нескольких примерах и рассуждениях стремится показать, как образуются, создаются и оказываются взаимосвязанными идеальные типы. Один из этих примеров соединяет три идеальных типа: «ремесло», «капиталистическое хозяйство», «капиталистическая культура». Вначале создается в виде утопии «идея ремесла» за счет соединения определенных черт, диффузно встречающихся у ремесленников самых различных эпох и народов и доведенных до их полного логического предела в едином идеальном образе. «Далее, – рассуждает Вебер, – идеальному типу «ремесла» можно, абстрагируя определенные черты современной крупной промышленности, противопоставить в качестве антитезиса идеальный тип капиталистического хозяйства и вслед за тем попытаться нарисовать утопию «капиталистической» культуры, т.е. культуры, где господствуют только интересы реализации частных капиталов. В ней должны быть объединены отдельные, диффузно наличные черты материальной и духовной жизни в рамках современной культуры, доведенные в своем своеобразии до лишнего для нашего рассмотрения противоречий идеального образа. Это и было бы попыткой создать “идею” капиталистической культуры...»¹⁴⁰. В ней отражены, продолжает свои рассуждения Вебер, известные, значимые в своей специфике черты культуры капитализма, взятые из действительности и объединенные в идеальном образе.

Одна из главных и противоречивых проблем веберовской социологии состоит в ответе на вопрос: как конструируется идеальный тип – из сознания или из эмпирической реальности? С одной стороны, ученый говорит, что идеальный тип – это утопия, наша фантазия (в том смысле, что его нет в конкретном, индивидуальном виде; кто, например, видел капитализм в «натуральную величину»?). С другой – идеальные типы берутся из самой действительности за счет выделения, усиления таких сторон, которые кажутся исследователю типическими. Так, К. Маркс, характеризуя капитализм, выделял в качестве его основных черт наличие эксплуатации, частной собственности на средства производства и др.

Чтобы разрешить противоречие, касающееся происхождения идеальных типов (из сознания или из реальности), ученый вводит их разграничение на исторический и социологический. Первый имеет дело с живой историей, из которой и выводятся «идеально-типические» понятия, второй – социологический идеальный тип – означает выведение понятий в качестве теоретических конструкций непосредственно из мышления ученого.

Социологические идеальные типы Вебер называл чистыми социальными типами. Они имеют более общий, чем исторические типы, характер, являются инструментом социологического исследования. Чистые типы пригодны в исследовании тем больше, чем они «чище», т.е. чем дальше отстоят от действительных, эмпирически существующих явлений. Один из самых фундаментальных примеров, даже образцов чистого идеального типа – целерациональное действие. Как идеальный тип, оно в чистом виде редко встречается в действительности. Но это не эмпирически всеобщее явление.

Иное дело – исторические, или генетические, идеальные типы. Вот лишь некоторые из них, рассматриваемые Вебером: средневековый город (но не город вообще, поскольку это – социологический идеальный тип), культура капитализма, ремесло, христианство, кальвинизм и др. Исторические идеальные типы образованы благодаря подчеркиванию, выделению одной из сторон эмпирически данных фактов. Эти идеальные типы служат средством раскрытия генетической связи исторических явлений.

Как видно, генетические идеальные типы отличаются от социологических (чистых) не только по природе, характеру происхождения, но и по степени общности. Генетический тип применяется локально во времени и пространстве, тогда как социологический имеет универсальную, а не локальную применимость; первый служит средством выявления связей, которые имели место разово или несколько раз, тогда как второй используется для выявления связей, существующих всегда.

Таким образом, можно сказать, что противоречия, возникшие у Вебера в связи с образованием идеально-типических понятий, связаны с различными функциями и различным происхождением идеальных типов в истории и социологии. В социологии идеальный тип выполняет функцию обнаружения типического, закономерного в явлениях и процессах.

¹³⁹ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 395.

¹⁴⁰ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 390–391.

§ 5. УЧЕНИЕ О ТИПАХ ГОСПОДСТВА

М. Вебер внес большой вклад в развитие социологии управления и социологии власти и сделал это прежде всего благодаря разработке учения о содержании и типах господства. Под господством он понимал взаимное ожидание: тех, кто приказывает – тому, что их приказы будут выполняться, а им будут повиноваться; тех, кто повинуется – тому, что приказы будут иметь характер, соответствующий их ожиданиям. Отсюда все рассуждения ученого о господстве – это рассуждения о легитимном господстве, т.е. таком, которое признается управляемыми индивидами.

Вебер говорит о трех типах легитимного господства, выделяемых в соответствии с тремя основными мотивами повиновения. Первый мотив – это интересы повинующихся, т.е. их целерациональные соображения. Это основа называемого Вебером «легального» типа господства, которое можно встретить в развитых буржуазных государствах – Англии, Франции, США и других странах. В них подчиняются не личности (скажем, президента и других должностных лиц), а законам, притом подчиняются все – управляемые и управляющие (чиновники). Здесь господствует «формально-правовое» начало.

Самым чистым типом легального господства является бюрократия. Вебер первым в научной литературе разработал это понятие. Он рассматривал бюрократическое управление как господство посредством знания, в чем и заключался его (управления) специфически рациональный характер. При этом он идеализировал бюрократию, считая ее машиной, не подверженной коррупции, дешевой и не имеющей каких-либо особых интересов. Он писал о ней: «Никакая машинерия мира не может работать с такой четкостью, как эта человеческая машина, и к тому же стоить так дешево!».

Бюрократическое господство у социолога означало власть чиновников, причем повсюду: в хозяйственной жизни, в политических движениях, но главное – в управлении обществом. Поскольку бюрократия рассматривалась Вебером как аппарат легитимной власти, к ее (бюрократии) деятельности предъявлялись определенные требования. Это были своего рода заповеди бюрократии. Вот некоторые из них. Должностные лица являются лично свободными людьми и выполняют лишь определенные функции. Они отбираются на основе профессиональных качеств. Они назначаются, а не избираются. Чиновники вознаграждаются фиксированной зарплатой в деньгах и получают право на пенсию. Чиновник не имеет никакой собственности на средства администрации и работает без пожизненного присвоения своей позиции. Он подчиняется строгой дисциплине и контролю за поведением на службе. Предусматривается система профессионального продвижения чиновника по службе (карьера). Как видно, многие аспекты деятельности бюрократии как разновидности легального типа господства были детально расписаны и регламентированы.

Второй тип легитимного господства основан на иной мотивации повиновения – вере не только в законность, но даже в священность издавна существующих порядков и властей. Он базируется на повседневных нравах, привычках к определенному поведению. Этот тип Вебер называет традиционным господством. Самый чистый тип такого господства (идеальный тип по Веберу) – патриархальный («господин» – «подданные» – «слуги»). Патриархальный тип во многом сходен со структурой отношений господства – подчинения в семье. Сходство традиционного типа господства и отношений в семье определяется также личной верностью и преданностью. Дело в том, что при традиционном типе господства в любой сфере деятельности при назначении на должность характер отношений всегда сугубо личный.

Третий тип господства имеет аффективную основу мотивации, он получил у Вебера название харизматического. Понятие харизмы у немецкого социолога очень широкое. Он писал: «Харизмой» следует называть качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям. Она рассматривается как посланная богом или как образец»¹⁴¹. Таким образом, означая в переводе с древнегреческого «божий дар», харизма представляет собой особую способность, выделяющую индивида среди остальных, причем не просто личную способность, а то, что как бы даровано от бога, дано судьбой. Харизматические качества – это во многом магические качества, к числу которых можно отнести пророческий дар, выдающуюся силу слова и мысли.

Харизмой обладают герои, полководцы, пророки, маги, выдающиеся политики и государственные деятели, основатели мировых религий (Будда, Иисус, Магомет). Харизма, по Веберу, это великая революционная сила, на которой держится господство и управление. Он исследует харизму безотносительно того содержания, которое за ней стоит. Поэтому харизматиками являются и Перикл, и Александр Македонский, и Цезарь, и Чингисхан, и Наполеон. Такое методологически аморфное рассмотрение типа господства, когда форма довлеет над содержанием, приводит и к политической противоречивости позиции Вебера.

¹⁴¹ Вебер М. Харизматическое господство // Социол. исслед. 1988. № 5. С. 139.

Немецкий социолог видит общее и различное между харизматическим и традиционным типами легитимного господства. Общее состоит в том, что и тот, и другой опираются на личные отношения между господином и подчиненными. В этом плане оба типа противостоят первому – формально-рациональному, где царят безличные отношения. Различия между двумя названными типами господства заключаются в том, что, если традиционный тип основан на привычке, привязанности к раз и навсегда заведенному, то харизматический опирается на нечто необычайное, никогда ранее не признававшееся. При харизматическом господстве нет установленных (рационально или по традиции) правил, решения по всем вопросам выносятся на основании личного примера, творчества, деяния, от случая к случаю. В этом смысле харизматический тип легитимного господства авторитарен, он базируется на силе харизматика.

Три типа господства приблизительно соответствуют трем из четырех типов социального действия. Легальный тип господства соотносится с целерациональным действием, традиционный – с традиционным действием, харизматический – с аффективным действием. Случайно ли это? Вероятно, нет, поскольку в основе и типов господства, и типов действия лежит мотивация. Что касается ценностно-рационального действия, то это понятие иногда фигурирует как одно из оснований легитимности (например, честь), но не присутствует в типологии видов господства, поскольку не является абстрактным типом.

Итак, существуют достаточные основания говорить о корреляции двух основных классификаций Вебера – идеальных типов и типов господства. Последние по существу также являются идеальными типами, но не столь универсальными, сколь исторические (генетические) и – особенно – социологические. Типы господства реализуются лишь в сфере политической власти, управления и поэтому не могут быть столь же широкими и универсальными, как те идеальные типы, о которых шел разговор чуть выше.

§ 6. ПРИНЦИП РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ТЕОРИЯ КАПИТАЛИЗМА М. ВЕБЕРА

Как известно, М.Вебер расположил четыре описанных им типа социального действия в порядке возрастания рациональности – от чисто традиционного к целерациональному¹⁴². Сделал он это, конечно, не случайно. Социолог был убежден, что рационализация социального действия – это тенденция самого исторического процесса. Что она означает? Прежде всего то, что рационализируются способ ведения хозяйства, управление во всех областях жизни, образ мышления людей.

В результате действия тенденции рационализации в Европе возник впервые новый тип общества, который современные социологи определили как индустриальный. Главный его признак, по Веберу, – господство формально-рационального начала, т.е. того, чего не было во всех предшествовавших капитализму традиционных обществах. Стало быть, основной критерий, позволяющий отличать докапиталистические типы общества от капиталистического, согласно Веберу, состоит в отсутствии формально-рационального начала. Формальная рациональность – это рациональность как самоцель, взятая сама по себе, рациональность ни для чего конкретно и, вместе с тем, для всего в целом. Формальной рациональности противостоит «материальная» рациональность как рациональность для чего-либо, для каких-то целей, лежащих за пределами экономики.

Как считает Вебер, в направлении формальной рационализации движется весь исторический процесс. Понятие формальной рациональности – это идеальный тип, и в эмпирической реальности в чистом виде встречается крайне редко. Формальная рациональность соответствует преобладанию целерационального типа действия над другими. Она присуща не только организации хозяйства, управления, образа жизни в целом, но и характеризует поведение индивида, социальной группы. Таким образом, формально-рациональное начало становится основным принципом капиталистической организации общественной жизни. Учение о формальной организации – это, по существу, веберовская теория капитализма. Она тесно связана с теорией социального действия и учением о типах господства.

Эпоха поставила перед ученым центральный вопрос о том, что такое современное капиталистическое общество, каково его происхождение и в чем состоят пути развития, какова судьба индивида в этом обществе. На поставленный вопрос он ответил характеристикой типа целерационального действия. Наиболее чистым его образцом и конкретным проявлением он считал поведение индивида в экономической сфере. И примеры целерационального действия он приводит, как правило, из этой сферы. Это или обмен товаров, или биржевая игра, или конкуренция на рынке и т.д.

¹⁴² Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 628–629.

Главное в капитализме для Вебера – это способ, тип ведения хозяйства. «Капиталистическим, – пишет он, – мы здесь будем называть такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного (формально) приобретательства»¹⁴³. Поскольку такое ведение хозяйства имело место, по Веберу, в древности и в Вавилоне, и в Индии, и в Китае, и в Риме, можно говорить о первом этапе (типе) развития капитализма. Однако возникший на Западе в XVI в. капитализм оказался иной организацией общественной жизни, потому что появились новые формы, типы и направления его развития. Они оказались связанными с торговлей, деятельностью капиталистических авантюристов, денежными операциями и т.д. Это был второй этап (тип) капитализма. Наконец, современный Веберу этап (тип) его развития характеризуется тем, чем никогда ранее не мог быть отмечен – рациональной капиталистической организацией свободного (формально) труда¹⁴⁴.

Современная рациональная организация капиталистического предприятия ориентирована на товарный рынок. Она, по мнению Вебера, «немыслима без двух важных компонентов: без господствующего в современной экономике отделения предприятия от домашнего хозяйства и без тесно связанной с этим рациональной бухгалтерской отчетности»¹⁴⁵. Не случайно формально-рациональное начало, по Веберу, – это то, что поддается количественному учету и без остатка исчерпывается количественной характеристикой. Но точная калькуляция, по мнению немецкого социолога, возможна лишь при использовании свободного труда. Поэтому понятно, почему Вебер в качестве одной из основных характеристик капитализма рассматривает рациональную организацию именно свободного труда.

Говоря о веберовской теории капитализма, специально следует отметить, что она включает в себя в качестве важнейшей составляющей рассмотрение немецким ученым социальной структуры общества вообще, капиталистического – в особенности и в первую очередь. Нужно сказать, что в социологии существует много концепций и теорий, объясняющих природу, причины возникновения, характер и другие аспекты социальной структуры. Но только две из них (Маркса и Вебера) дали начало основным подходам (парадигмам), которые условно можно назвать классовым и стратификационным. Условно потому, что Маркс не отвергал существования в социальной структуре общества определенных слоев, тем более Вебер не отрицал наличия классов. Однако главными элементами социальной структуры для Маркса выступали классы, и вся его концепция общества базировалась на признании их в качестве основы этой структуры. Для Вебера же, наряду с наличием классов в их Марксовом понимании, определяющую роль играли статусные, престижные, властные (наличие или отсутствие власти), материальные (связанные с получаемым доходом) и иные различия между слоями общества.

Вебер характеризовал классовые проблемы как чрезвычайно важные для разработки теории социальной структуры, однако марксовое деление общества на классы считал узким, экономическим, не отражающим сложности и глубины реальной социальной дифференциации. Принимая концепцию Маркса об экономических факторах как наиболее важных в образовании и существовании классов, он считал, что последние нельзя рассматривать только в зависимости от отношений собственности на средства производства.

Источники экономических различий в социальной структуре включают в себя, по Веберу, профессиональное мастерство, квалификацию, знания, навыки, которые ценятся весьма высоко и оказывают существенное влияние на место и положение человека (группы) в обществе. А это означает, что подлинными профессионалами своего дела могут получать большие доходы, даже не обладая собственностью на средства производства (скажем, юристы, менеджеры, врачи), вследствие чего они попадают в группы с высоким статусом.

Таким образом, согласно Веберу, профессиональные знания, умения, навыки, наличие диплома, ученой степени определяют уже не столько классовые, сколько слоевые различия, или различия между стратами (от лат. *stratum* – слой, пласт; термин, который ранее использовался в геологии и географии для описания структуры земной коры, а затем получил применение и в социологии для характеристики структуры общества; отсюда название подхода – стратификационный). Они имеют в значительной мере статусный характер. Сам статус определяется через различия между индивидами и социальными группами по социальному престижу, которым они обладают относительно друг друга.

¹⁴³ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 48.

¹⁴⁴ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 50–51.

¹⁴⁵ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 51.

Из приведенных выше положений вытекают сравнения между классовыми и статусными различиями. Если первые даны объективно, то вторые зависят от субъективных оценок людьми социальных различий. Если классы берут начало в экономических факторах, связанных с собственностью и доходами, то статусы связаны с различными образами жизни, которые ведут те или иные индивиды либо их группы¹⁴⁶.

Концепция социальной структуры Вебера была тесно связана с его теорией социального действия. В соответствии с ней развитие общества есть процесс рационализации действий индивидов, усиления целерационального типа поведения, одним из основных компонентов которого является достижение профессионального мастерства и соответствующего статуса. Немецкий социолог делает вывод о быстром росте слоя людей, не имеющих собственности, но обладающих высоким профессионализмом, позволяющим им получать большой доход. Этот слой и создает основу «среднего класса».

Отсюда – неприятие Вебером идеи Маркса об усилении поляризации классов в условиях капитализма. Наоборот, по его мнению, увеличение удельного веса целерационального типа действия ведет не к размежеванию классов и групп, а к их сотрудничеству. Впоследствии этот аргумент нашел очень сильное практическое подтверждение в жизни развитых капиталистических стран. Появившийся в них мощный средний класс включает в себя и собственников средств производства, и людей, не обладающих ими, но получающих значительный доход в силу собственной профессиональной компетентности и успешной ее реализации в производственной или иной деятельности.

Практическое доказательство справедливости и истинности идей Вебера привело к тому, что его концепция социальной структуры оказала очень большое воздействие на развитие социологии. С определенными модификациями идеи этой концепции используются и сегодня.

Не следует думать, что Вебер идеализировал капиталистическое общество. Он осознавал его многомерность, сложность и противоречивость, особенно классовых и групповых отношений. Вебер анализировал социальные группы, в первую очередь по признакам их престижа, власти и статуса, и описывал конфликты между ними. Он видел усиление чиновничества и бюрократического аппарата и предсказывал установление их диктатуры, полемизируя в то же время с положением Маркса о перспективах диктатуры пролетариата.

§ 7. СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Капиталистическое общество, отношения в нем и хозяйственная деятельность рассматриваются М. Вебером в тесной связи с религией. Если для подавляющего большинства предшественников и современников немецкого ученого анализ религии принимал самодовлеющий и самодостаточный характер, то в его творчестве социологическая наука впервые столкнулась с выявлением тесной связи между религией и общественной, прежде всего экономической организацией жизни людей. Веберовский социологический анализ религии требует специального рассмотрения в силу его необычности, оригинальности, глубокого влияния на последующее развитие социальной мысли, а главное – вследствие сохранения его актуальности и по сей день.

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1904) Вебер впервые устанавливает связь между религией и экономикой. Он показывает, как воздействуют религиозно-этические установки на характер и способ осуществления экономической деятельности, на ее мотивацию и как те или иные типы ведения хозяйства изменяют религиозно-этические принципы. Он стремится доказать, что именно религиозные убеждения, религиозная этика оказались основными стимулами развития капиталистической экономики и обеспечили формирование таких черт личности как трудолюбие, бережливость, расчетливость, честность, активность. Не случайно сегодня западная социология обнаруживает большой интерес именно к этой стороне творчества Вебера. В развитых капиталистических странах многие считают, что дух капитализма и религиозной этики утрачивает свой стимулирующий потенциал, и обращаются к наследию ученого в поисках рецептов реанимации этого духа.

Действительно, в социологии религии Вебера четко выражена соотнесенность духа капитализма и духа протестантизма. Одна из основных заповедей последнего состоит в том, что в этом греховном мире верующий должен трудиться во благо дела Божьего. Этика труда протестантизма

¹⁴⁶ См. подробнее о стратификационном подходе Вебера, трактовке им классовых и статусных различий: Вебер М. Основные понятия стратификации // Социол. исслед. 1994. № 5. С. 147–156.

и потребности развития капиталистического общества совпадали по существу. Моральная и религиозная ответственность становились весьма близкими. Обнаружение и анализ связи между ними является характерным для всей социологии религии Вебера.

Немецкий социолог противопоставляет протестантизм в качестве антитрадиционной религии католицизму как традиционной форме религиозности. Различие здесь в том, что протестантизм возлагает на индивида общение с Богом без посредников и без магического элемента. Человек здесь самостоятелен и должен лишь следовать основной заповеди: «Работай и молись, молись и работай!». Религия протестантизма помогает понять экономическое поведение людей и вписывается очень органично в «ткань» поведения людей в обществе в целом. И хоть религиозное восприятие мира получает у Вебера самостоятельное, самоценное и самодостаточное значение, тем не менее оно (религиозное толкование мира) становится у него частью общей картины поведения людей в обществе. В этом смысле рассмотрение протестантизма было своего рода моделью социологического анализа религии, которую Вебер затем удачно использовал при изучении индуизма, иудаизма, конфуцианства, буддизма, ислама, христианства.

На протяжении всего творчества немецкого социолога идея взаимовлияния религии и экономики сохраняет свое значение, более того, усиливается от первой крупной работы в области социологии религии – «Протестантской этики и духа капитализма» к последней – «Хозяйственной этике мировых религий» (1916–1919). При этом автора интересуют не только различные формы христианства (в первую очередь, конечно, протестантизм), но и по существу все развитые мировые религии.

Поскольку религиозно-этические принципы (в плане их реализации в хозяйственной и экономической жизни) в них были разными, важно было найти основание для сравнения. В этом качестве выступила степень рационализации экономической деятельности, допускаемая той или иной религиозной этикой. Вебер сумел доказать (особенно убедительно он это сделал в «Хозяйственной этике мировых религий» на материалах сравнительного анализа различных религий), что степень рационализации обратно пропорциональна силе магического элемента, в разной мере присутствующего в каждой религии.

Учение о религии становится у Вебера не чем-то прикладным, дополнительным в его общей концепции понимающей социологии, а ее важнейшей составной частью, очень близкой к теории социального действия. Именно с помощью социологии религии ученый пытался раскрыть суть этой теории, поскольку и в той, и в другой предметом их рассмотрения является субъективно понимаемый смысл, вкладываемый людьми в свои действия и поступки, и его понимание (постижение). Так же как в общей концепции Вебера интересовало прежде всего понимание поведения индивида, при исследовании религии он исходил из принципа изучения отдельного индивида и его переживаний, целей, представлений.

Он характеризует религию и религиозную этику в связи не только с экономической и хозяйственной жизнью и деятельностью, но и правом, искусством, философией, наукой, властью и т.д. Главное здесь для социолога – понять смысл совершаемых индивидом действий, то есть мотивов человеческого поведения с учетом религиозного момента. При этом Вебера интересуют только те мировые религии, которые предполагают сравнительно высокий уровень социальной дифференциации, значительное интеллектуальное развитие людей.

С чем связан такой избирательный интерес к религиям? Несмотря на то, что в религиях развитых обществ, как и в иных, неразвитых, также содержится немало обрядов и ритуалов, в них все же возрастает значение догматических и этических элементов. А это значит, что ослабевает роль группового начала и усиливается значение индивидуального. Здесь Вебер на основе эмпирических наблюдений и сопоставлений дает глубокий сравнительный анализ высокоразвитых форм религиозной жизни, показывая, где и среди каких социальных и профессиональных групп доминирует ритуальное, обрядовое, культовое начало, либо интеллектуально-догматическое содержание. Так, он доказывает, что магические элементы характерны больше для земледельческих народов, для крестьянства, вера в судьбу присуща религии народов – завоевателей и военного сословия, рационалистический характер отличает религию городских сословий и ремесленников, которые меньше зависят от внешних, природных условий и больше – от ритмически, рационально организованного трудового процесса.

Вебер характеризовал индивидуальный облик мировых религиозно-этических систем и давал их классификацию в соответствии с тем, какие социальные слои были главными носителями этих систем. Носителем конфуцианства он считал организующего мир бюрократа, носителем индуизма – упорядочивающего мир мага, носителем буддизма – странствующего по миру монаха-созерцателя, ислама – покоряющего мир воина, христианства – бродячего ремесленника.

Одна из центральных в религиозной этике проблем, интересовавших Вебера, – спасение. «Потребность в спасении, – пишет социолог, – сознательно культивируемая в качестве содержания религиозности, всегда и повсюду возникала как следствие попытки систематической практической рационализации реальностей жизни, хотя такое соотношение не во всех случаях было одинаково различимо»¹⁴⁷.

Вебер анализирует религиозно-этические установки в зависимости от того, какие способы спасения они предлагают. Здесь речь идет о двух вариантах: один – спасение через собственные действия (например, буддизм), другой – с помощью посредника-спасителя (иудаизм, ислам, христианство). В первом случае методами спасения являются культовые действия, церемонии, социальные акции (например, благотворительность), самоусовершенствование. Во втором случае спасение осуществляется через веру (иудаизм, лютеранство), милость предопределения (ислам, кальвинизм), принадлежность к церкви (католицизм, православие). Наконец, в рамках проблемы спасения стоял еще один вопрос, рассматривавшийся Вебером, – о путях спасения. Он различал два главных: либо через активное этическое действие, либо через мистическое созерцание.

Как видно, социологический анализ религии позволил ученому рассмотреть не только ее внутренние проблемы, но и выйти на уровень широких социальных связей и взаимодействий религии с общественными институтами, явлениями и процессами, в первую очередь экономическими и хозяйственными. Именно через последние Вебер «выводил» религию на все остальные формы общественной жизни.

§ 8. ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА М. ВЕБЕРА

Подводя итог рассмотрению социологических идей и взглядов М. Вебера, следует отметить, что они, пожалуй, как никакие другие из наследия конца XIX – начала XX в., привлекают внимание современных ученых. Вебер не оставил после себя, как Э. Дюркгейм, школы, у него не было личных авторитетных учеников, которые развивали бы его взгляды. Но сами по себе понимающая социология, учение об идеальных типах, теория социального действия, идея связи экономики, этики и религии оказались настолько созвучными задачам общества и времени, что имя Вебера прочно вошло в социологическую науку, заняв в ней достойное место.

Его идеи оказали огромное влияние на развитие социологии в XX в. Среди них: анализ социального поведения и социального действия, их типология, учение об идеальных типах и типах господства, сравнительная характеристика различных экономических, хозяйственных, политических, религиозных, этических, культурных систем и многие другие. Трудовая этика, прописанная Вебером в тесной связи с анализом религиозно-этических принципов протестантизма, в наше время имеет не только теоретическое, но и практическое значение, особенно в связи со снижением трудовой мотивации, наблюдающимся повсеместно в развитых странах капитализма.

Вебер является сегодня одним из наиболее цитируемых социологов всех времен и народов. Несмотря на то, что прошло уже около столетия после его смерти, интерес к его творчеству не ослабевает. Все это дает основание присоединиться к выводу, который делают сегодня многие социологи: Вебер – наш современник. Именно так назвал заключительный раздел своего очерка о нем один из блестящих его знатоков и интерпретаторов Р. Арон¹⁴⁸.

Когда в 1964 г. в Гейдельберге проводился конгресс, организованный Немецкой социологической ассоциацией по случаю 100-летия со дня рождения Вебера, один из трех заглавных докладов о его творчестве делал Арон (два других принадлежали также крупнейшим социологам середины – второй половины XX в. Т. Парсонсу и Г. Маркузе). Арон справедливо утверждал, что Вебер еще больше наш современник, чем Э. Дюркгейм или В. Парето. «Он является им прежде всего потому, что его творчество, как и всех великих мыслителей, настолько богато и двусмысленно, что каждое новое поколение прочитывает его, изучает и истолковывает по-разному. Его труд, возможно, уже превзойден, но остается актуальным»¹⁴⁹.

Многие положения социологии Вебера получают разную интерпретацию среди социологов. Так, отдельные авторы полагают, что его политические взгляды и политическая практика не соответствовали друг другу. Одни считают, что Вебер теоретически предсказал появление тоталитар-

¹⁴⁷ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 338.

¹⁴⁸ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 562.

¹⁴⁹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 569.

ных режимов и предостерегал относительно его возможных последствий; другие обвиняют его в том, что он косвенно, теоретически способствовал возникновению этих режимов, в первую очередь, конечно, фашизма. Отдельные социологи, в том числе Арон, полагают, что практическая деятельность Вебера не обязательно соответствует его теории. Особенно это касается разграничения между оценкой и отнесением к ценности. Вызывает сомнение, считает Арон, что сам Вебер всегда воздерживался от оценочных суждений.

Но дело, в конце концов, не в этом. Без разных позиций не бывает ни социологии, ни социологов, поскольку они имеют дело с насыщенной противоречиями действительностью. Главу о Вебере хотелось бы завершить словами Арона, в которых, как нам кажется, схвачена суть творчества немецкого социолога. Он пишет, что социология Вебера принадлежит «человеку, который беспрестанно задавался важнейшими вопросами: о взаимоотношении знания и веры, о науке и практической деятельности, о церкви и пророчестве, о бюрократии и харизматическом вожде, о рационализации и личной свободе; который благодаря своей исторической, можно сказать чудовищной, эрудиции искал в наследии всех цивилизаций ответы на свои собственные вопросы и оказывался в результате такого рода поисков (а они по своему характеру не могли быть завершёнными в одиночестве) разрываемым сомнениями относительно выбора своей собственной судьбы»¹⁵⁰.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему теория социального действия представляет собой «ядро» социологии М. Вебера? Изложите существо этой теории.
2. Какие типы социальных действий называл М. Вебер? Дайте характеристику каждого из них.
3. Почему М. Вебер (и его последователи также) определял свою социологию как понимающую? Раскройте проблему ценности и оценки в понимающей социологии М. Вебера.
4. Что такое, по Веберу, идеальный тип? Как вы считаете, это априорная конструкция или эмпирическое обобщение? Охарактеризуйте исторический и социологический идеальные типы.
5. О каких типах господства говорил в своей социологии Вебер? Определите каждый из них. Обратите особое внимание на анализ Вебером бюрократии и покажите его современное значение.
6. Оцените вклад Вебера в создание теории социальной стратификации. Какие его идеи и методологические подходы наиболее ценны, с вашей точки зрения? Аргументируйте свой ответ.
7. В чем сходство и принципиальное различие позиций К. Маркса и М. Вебера в анализе социальной структуры общества?
8. В чем суть веберовского анализа капитализма? О каких типах экономического поведения людей говорит немецкий социолог?
9. Расскажите о концепции рациональности Вебера.
10. Обратите особое внимание на основные положения работы Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». В чем смысл связи, обнаруженной немецким социологом, между религией и экономикой?
11. Раскройте социологическое содержание веберовского учения о религии. Почему он занимался изучением мировых религий?
12. Р. Арон назвал М. Вебера нашим современником. Можете ли вы согласиться с таким утверждением? Ответ аргументируйте.
13. Охарактеризуйте значение социологического творчества М.
14. Вебера.

ЛИТЕРАТУРА

- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
Вебер М. Харизматическое господство // Социол. исслед. 1988. № 5.
Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация. Вып. 1. М., 1992.
Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.
Вебер М. Основные понятия стратификации // Социол. исслед. 1994. № 5.
Вебер М. Основные социологические понятия. О некоторых категориях понимающей социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996.

¹⁵⁰ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 570.

Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.

Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: социология Макса Вебера и веберинский ренессанс. М., 1991.

Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.

Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.

Ионин Л.Г. Понимающая социология. М., 1984.

История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.

История социологии. Минск, 1993.

История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.

История теоретической социологии: В 4 т. Т. 2. М., 1998.

Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.

Козер Л. Мастера социологической мысли. М., 2006.

Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.

Кравченко А.И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М., 1997.

Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.

Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.

Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992.

ГЛАВА 10

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Э. ДЮРКГЕЙМА

-
1. *Краткий биографический очерк и общая характеристика социологического учения.*
 2. *Предмет социологии и трактовка общества.*
 3. *Правила социологического метода Э. Дюркгейма.*
 4. *Общественная солидарность и разделение труда.*
 5. *Социологическая концепция морали Э. Дюркгейма.*
 6. *Мораль и религия в социологическом творчестве Э. Дюркгейма.*
 7. *Личность и общество.*
 8. *Проблема самоубийства.*
 9. *Воспитание и образование как социологическая проблема.*
 10. *Значение социологического творчества Э. Дюркгейма.*

§ 1. КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ
15 апреля 1858 г. – 15 ноября 1917 г.

Один из выдающихся представителей социологической науки Эмиль Дюркгейм (1858–1917) родился во французском городе Эпиналь в семье раввина. Здесь он закончил колледж, отсюда отправился для продолжения обучения в Париж, где провел большую часть своей жизни, написал многие свои труды, создал кафедру социологии Сорбонны и умер (прямо по французскому афоризму: «Поэты рождаются в провинции, а умирают в Париже»). В парижском Лицее Людовика Великого Дюркгейм готовился к конкурсному экзамену для подготовки в Высшую нормальную школу, куда поступил в 1879 г. В это время в пансионе Жоффре он познакомился с Ж. Жоресом, будущим руководителем Французской социалистической партии, страстным борцом против колониализма, милитаризма и войны. В Высшей нормальной школе, одном из наиболее сильных учебных заведений Франции, он слушал лекции знаменитых ученых того времени историка Ф. де Куланжа и философа Э. Бутру. Сдав в 1882 г. экзамен на звание преподавателя философии, он на три года уехал преподавать эту дисциплину в Санс и Сен-Кантен.

В 1885–1886 гг., взяв годовой отпуск для занятий общественными науками, Дюркгейм, как говорят в наше время, «повышал квалификацию» в Париже, а затем в Германии у известного социального психолога В. Вундта. Это позволило ему в течение следующего года написать и опубликовать сразу три статьи, после чего решением министра в 1887 г. он был назначен профессором педагогики и социологии в университете г. Бордо. Курс, который читал здесь Дюркгейм, был первым курсом социологии во французских университетах. И еще одно обстоятельство нужно здесь отметить: именно с этого периода социология и педагогика оказались тесно связанными в теоретической и практической (педагогической) деятельности французского ученого. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. Дюркгейм продолжает преподавать и пишет статьи на самые разные темы: об убийстве и рождаемости, о дефиниции социализма и др.

Последнее десятилетие XIX в. можно определить как самый плодотворный – с точки зрения написания работ крупной формы – этап в творчестве Дюркгейма. В 1893 г. он защищает докторскую диссертацию на тему «О разделении общественного труда» – вместе с диссертацией на латинском языке «Вклад Монтескье в становление общественной науки». Первая диссертация была опубликована в этом же году в виде книги. Вслед за ней, в 1895 г., он издает следующую свою монографию – «Правила социологического метода» (в русском переводе книга получила название «Социологический метод»), а еще через два года, в 1897 г. – новую работу под названием «Самоубийство». Помимо трех наиболее фундаментальных своих работ (как выяснилось впоследствии), Дюркгейм написал и опубликовал несколько крупных статей в «Философском обозрении» и основанном им в 1896 г. «Социологическом ежегоднике». Так что, действительно, десятилетие (а, точнее, семилетие, начиная с 1893 г.) стало необыкновенно результативным в творческом отношении.

Новый этап в деятельности, прежде всего педагогической, начинается с 1902 г., когда его приглашают внештатным сотрудником в Сорбонну на кафедру педагогики филологического факультета. Помимо вопросов образования и воспитания, которые его очень привлекают не только как теоретика, но и практика – педагога, он все больше и больше занимается религиозной проблематикой. Многолетний интерес к последней в конце концов находит свое отражение в еще одном фундаментальном произведении Дюркгейма – «Элементарные формы религиозной жизни» (1912), которое многие специалисты по творчеству социолога считают самой значительной его работой. С 1906 г. он становится штатным профессором и руководителем названной выше кафедры, где преподает и социологию, и педагогику. В 1913 г. кафедра получает название кафедры социологии Сорбонны.

Все эти годы Дюркгейм посвящает много времени социологическим проблемам морального сознания, образования и воспитания. В этой связи следует назвать его знаменитую лекцию «Педагогика и социология» (изданную отдельной работой), сообщение во Французском философском обществе «Детерминация морального факта», лекционный курс в «Коллеж де Франс» «Выдающиеся педагогические учения во Франции начиная с XVIII в.», выступление на философском конгрессе в Болонье на тему «Суждение о реальности и ценностное суждение».

Начавшаяся в 1914 г. мировая война приносит Дюркгейму горе и страдание. В 1916 г. погибает на Салоникском фронте его единственный и горячо любимый сын, подававший большие надежды молодой социолог, в котором отец видел продолжателя своего дела. Смерть сына усугубила болезнь и ускорила кончину Э. Дюркгейма. Это произошло в ноябре 1917 г.

Французский ученый остро чувствовал кризис буржуазного общества и стремился противопоставить ему, снять его отрицательное влияние с помощью социологического обоснования планов общественного переустройства. Для достижения этой цели он активно использовал популярный в конце XIX – начале XX в. лозунг общественной солидарности, уделив немало внимания его теоретическому обоснованию. Будучи настроенным антиреволюционно и реформаторски, Дюркгейм приветствовал создание и организацию профессиональных корпораций, которые, по его мнению, существенно улучшают общественную мораль. Работая многие годы в области теории и практики педагогики, он считал, что существенной перестройке должна подлежать вся система образования и воспитания. Значительную положительную роль в этом процессе, по его мнению, призвана была сыграть социология.

Исследования Дюркгейма в области религии, развивавшиеся параллельно с изучением воспитания и обучения, привели его к пониманию необходимости борьбы против церковного влияния на школьное и университетское образование, против засилья клерикалов. Он внес немалый вклад в обоснование политики отделения церкви от государства и школы от церкви. Эта борьба, в которой ученый участвовал непосредственно, увенчалась успехом: во Франции в 1905 году был принят соответствующий закон.

Дюркгейм создал и оставил после себя мощную школу социологов, которая просуществовала вплоть до начала 1930-х гг. Его учениками были такие известные исследователи, как М. Мосс, М. Хальбвакс, Ф. Симиан, Э. Леви-Брюль, А. Юбер, А. Герц и др. Французский мыслитель был не чужд политических страстей, о его связях с французскими социалистами и дружбе с их вождем Ж. Жоресом достаточно много говорилось и писалось в свое время. Но его отношение к социализму как учению было неоднозначным. Достаточно сказать, что Дюркгейм рассматривал социализм как исключительно ошибочное экономическое учение, к тому же не уделяющее должного внимания моральным проблемам. Что же касается конфликта между классами, проблему которого социалисты считали едва ли не самой главной в обществе, то по этому вопросу французский социолог имел иное мнение. Он считал, что улучшение жизни рабочих наступит в результате реформ общественного устройства, которые будут приняты вследствие осознания их необходимости всеми классами общества, и, таким образом, оно окажется вне сферы социальных конфликтов. Теперь перейдем к рассмотрению конкретных проблем социологического творчества Дюркгейма.

§ 2. ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ И ТРАКТОВКА ОБЩЕСТВА

В понимании Дюркгейма («Правила социологического метода») социология есть исследование главным образом социальных фактов, а также их научное объяснение. Ученый стремился доказать, что социология может и должна существовать как наука объективная, предметом которой является социальная реальность, имеющая особые, присущие только ей одной качества. Элементы этой социальной реальности, по Дюркгейму, – социальные факты, совокупность которых составляет общество. Эти факты и являются предметом социологии.

Что такое социальный факт? Именно так называется первая глава «Социологического метода» Дюркгейма. В конце её французский социолог дает следующее определение: «...социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений»¹⁵¹.

Для того чтобы выделить и рассматривать социологию как особую науку, необходимо, по Дюркгейму, соблюдение, как минимум, двух условий:

- 1) она должна обладать особым предметом, отличающимся от предметов других наук;
- 2) этот предмет должен быть доступен наблюдению и поддаваться объяснению так и настолько, как и насколько оказываются наблюдаемыми и объяснимыми факты, с которыми имеют дело другие науки.

Из этого своеобразного двойного «социологического императива» следуют две знаменитые формулы учения Э. Дюркгейма:

- 1) социальные факты следует рассматривать как вещи;
- 2) эти факты обладают таким основным отличительным признаком, как принудительное воздействие на индивида.

Дюркгейм говорит, что до него социология почти исключительно рассуждала о понятиях, задача же заключается в том, чтобы перейти от них к изучению и характеристике социальных фактов, которые могут быть «приравнены» к вещам вследствие их объективности, независимости от индивида. В качестве социальных фактов следует рассматривать обычаи и законы, правила поведения, религиозные верования и обряды, язык, денежную систему и т.д., т.е. то, что человек застает готовым при рождении и что существует и функционирует независимо от него. Эти социальные факты оказывают на человека известное давление, принуждают его к определенным действиям и поступкам. Из таких социальных фактов и состоит влияние социальной среды, в структуру которой Дюркгейм включает как материальные, так и идеальные факторы.

Говоря о социальных фактах, Дюркгейм выделяет две их группы. С одной стороны, это морфологические факты, выступающие как формы общественного бытия. С другой – он говорит о фактах коллективного сознания, т.е. коллективных представлениях, являющихся сущностью морали, религии, права.

Социология выступает у Дюркгейма как сложное структурное образование, включающее три основные части: социальную морфологию, социальную физиологию и общую социологию. Задача первой состоит в изучении структуры общества и его материальной формы (социальной организации народов, географической основы их жизни, народонаселения, распределения его по террито-

¹⁵¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 421.

риям и т.д.). Задача второй характеризуется как изучение конкретных проявлений общественной жизни (религии, морали, права, экономики и др.). Что касается третьей – общей социологии, то она, по замыслу Дюркгейма, должна устанавливать, раскрывать наиболее общие законы жизни общества и синтезировать их в единое целое.

В концепции французского ученого особое место занимает вопрос о соотношении социологии с другими общественными науками, в первую очередь с философией. Социология занимает в его системе центральное место, поскольку вооружает все другие общественные науки методом и теорией, на базе которых могут и должны вестись исследования в различных областях общественной жизни. Задача социологии состоит в том, считает Дюркгейм, чтобы объединить представителей различных социально-гуманитарных дисциплин с помощью общей точки зрения на характер социальных фактов, совпадающих критериев их оценки, единого метода исследования. Только в этом случае социология перестанет быть абстрактной, метафизической наукой, а другие общественные дисциплины станут своеобразными ветвями, разделами социологического знания, изучающими коллективные представления в их конкретной форме – моральной, религиозной, экономической, правовой и др.

В вопросе о взаимосвязях социологии и других общественных наук особое значение имеет ее соотношение с философией. Дюркгейм исходит из того, что влияние социологии на философию должно быть не меньшим, чем философии – на социологию. Это влияние имеет сугубо позитивную направленность, поскольку нацелено на освобождение философии от ее спекулятивного и умозрительного характера и придание ей определенной конкретности, т.е. того качества, которое присуще социологии как науке. Такая постановка вопроса имела место едва ли не впервые и принадлежала именно Дюркгейму. По существу он ставил задачу поиска новых форм и видов связей между социологией и философией. Однако нельзя не обнаружить и иного требования французского ученого – об отделении социологии от философии и придании ей статуса совершенно самостоятельной науки. По всей видимости, можно говорить об определенной противоречивости трактовки соотношения социологии и философии во взглядах Дюркгейма.

Центральное методологическое место в его творчестве занимает теория общества, получившая название «социологизма». Два основных положения характеризуют «социологизм» Дюркгейма. Во-первых, это примат общественного над индивидуальным. Общество рассматривается как более богатая и значимая реальность, чем индивид. Оно выступает как определяющий деятельность человека фактор, а социальные факты при таком подходе должны «находиться» вне их индивидуальных проявлений. Поэтому Дюркгейм пишет, что «когда социолог предпринимает исследование какого-нибудь класса социальных фактов, он должен стараться рассматривать их с той стороны, с которой они представляются изолированными от своих индивидуальных проявлений»¹⁵².

Понятие общества было настолько значимым для Дюркгейма, что он его буквально обожествлял – не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Социолог называл общество Богом, подчеркивал его священный характер, наделяя при этом чертами одухотворенности. Тем самым он выражал, с одной стороны, идею всяческого превосходства общества над индивидом, с другой – подчеркивал земные, социальные корни религии (о чем далее еще будет сказано). Что касается отношений между индивидами в обществе, то они рассматривались социологом в виде отношений ассоциации, в результате которой возникает новое качество – социальная жизнь как процесс деятельности.

В соответствии с трактовкой соотношения общественного и индивидуального Дюркгейм проводил четкое различие между коллективным и индивидуальным сознанием. «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, – писал он, – образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать коллективным или общим сознанием»¹⁵³. Коллективное, или общее сознание он называл психическим типом общества и рассматривал условия его существования и способ развития, несводимый к материальной основе. Чтобы обозначить эмоционально окрашенные верования и идеи, Дюркгейм ввел термин «коллективные представления». Различая коллективное и индивидуальное сознание, французский социолог считал, что группа думает, чувствует, действует совсем не так, как делают это ее отдельные члены. Если исходить только из индивидуального сознания, мы никогда не поймем, утверждал Дюркгейм, того, что происходит в группе.

Второе главное положение «социологизма» формулируется как принцип объективного научного подхода к социальным фактам, связанный с требованием объяснять одни из них другими, но не сводить к биологическим либо психологическим явлениям и процессам. В этом смысле можно говорить о критике Дюркгеймом биологического и психологического редукционизма.

¹⁵² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 446.

¹⁵³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 80.

Но это вовсе не означает, что французский социолог недооценивал роль естественных наук. Скорее наоборот, будучи представителем позитивизма (здесь он следовал за О. Контом, чье творчество оказало на него сильное влияние), Дюркгейм стремился разрабатывать социологию по аналогии с естественными науками. Не случайно он особо выделял роль двух методов исследования – индуктивного и объективного наблюдения, которые наиболее активно использовались в то время в естественных науках. Эти методы должны были, по мнению социолога, наиболее полно способствовать реализации принципа объективного научного подхода к социальным фактам, т.е. второго главного положения «социологизма». В связи с этим Дюркгейм особое внимание обращал на правила сбора эмпирических данных, выявление эмпирически установленных отношений между социальными фактами, подчеркивал важность выдвижения гипотез и приведения их доказательства.

§ 3. ПРАВИЛА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА Э. ДЮРКГЕЙМА

Будучи позитивистом, Э. Дюркгейм уделял много внимания рассмотрению и применению конкретных методов научного исследования. Но они выступали у него не как самоцель, главное заключалось в том, чтобы с их помощью можно было реализовать социологический подход, или социологический метод изучения социальных фактов. Для этого французским ученым были сформулированы специальные правила социологического метода.

В его работе под таким названием (мы на нее уже неоднократно ссылались) приводятся многочисленные правила и дается их классификация. Социолог выделяет пять групп правил, относящихся: к наблюдению социальных фактов; к различению нормального и патологического; к построению социальных типов; к объяснению социальных фактов; касающихся доказательств. Среди этих многочисленных правил есть несколько основных.

Одно из них гласит: социальные факты нужно рассматривать как вещи, что на самом деле означало признание в первую очередь их независимого от субъекта существования и, стало быть, обеспечивало объективный подход к социальной действительности. По существу также следует относиться к коллективным состояниям сознания (идеям, верованиям и т.д.), о них можно судить на основании объективных данных о различных формах поведения групп людей и деятельности социальных институтов. Социология, таким образом, стремится «объективировать» общественное сознание, т.е. выразить его в объективных показателях.

С этим положением связано и второе правило, в соответствии с которым социолог должен изучать не отдельные и разрозненные социальные факты, а целые их классы. Дюркгейм сформулировал принцип, согласно которому «социальные факты тем легче могут быть представлены объективно, чем более полно освобождены они от индивидуальных фактов, в которых они проявляются»¹⁵⁴. При изучении же классов социальных фактов социолог должен стремиться к их рассмотрению вне индивидуальных проявлений тех или иных из них.

Описание и упорядочивание социальных фактов – это только начало социологического исследования. Главное – установить между ними более глубокие причинные связи и законы, что и составляет суть третьего основного правила. Реализуя его, социология становится вровень с другими науками, в первую очередь с естественными. Причинные связи касаются, прежде всего, анализа зависимости социальных явлений от социальной среды. Задача социологии, по Дюркгейму, состоит в том, чтобы находить свойства этой среды, оказывающие наибольшее воздействие на социальные явления.

Наконец, четвертое основное правило социологического метода состоит в том, чтобы социология, описывая и объясняя социальные факты, стремилась к их сравнительному, сопоставительному анализу. Дюркгейм считал, что сравнительная социология – это социология как таковая¹⁵⁵. Если она не будет стремиться к сравнению и на этой основе – к объяснению социальных фактов, то потеряет способность к их причинному анализу. Французский социолог постоянно сравнивал сам социальные явления в разных обществах и разных временных параметрах, без чего социологическое исследование, по его мнению, теряло свой смысл и научное значение.

Говоря о понимании Дюркгеймом метода в социологии, нельзя не коснуться его отношения к статистике. Он считал, что статистические данные помогают раскрыть неуловимые иным путем «течения» повседневной жизни. В статистических закономерностях (числа самоубийств, заключения браков, колебаний рождаемости и т.д.) социолог видел самое важное доказательство проявле-

¹⁵⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 445.

¹⁵⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 552.

ний некоего коллективного состояния. Поэтому не случайно он уделял много времени и внимания сбору статистических материалов. Без этого, конечно, никогда бы не появилось «Самоубийство», да и многие другие работы.

Для рассмотрения и объяснения социальных фактов Дюркгейм использовал два вида анализа: причинный и функциональный. О первом уже упоминалось чуть выше. Функциональный же анализ был сопряжен у социолога с выявлением соответствия трактуемого социального явления общественной потребности в нем. Функция разделения труда состояла в изучении его соответствия общественной потребности в данном явлении.

Дюркгейм одним из первых в социологии обосновал и использовал структурно-функциональный анализ. В этом ему помогла аналогия общества с организмом, которое он рассматривал как наиболее совершенную систему органов и выполняемых ими функций. Такой анализ помог ему определить понятия нормы и патологии, которые он затем применил к интерпретации ряда аномальных социальных явлений – преступности, кризисов и иных форм социальной девиации (социальной дезорганизации).

Но здесь он приходил в ряде случаев к совершенно парадоксальным заключениям. Так, поскольку он характеризовал норму как нечто общепринятое и широко распространенное, постольку ему пришлось признать преступление нормальным явлением, раз оно имело место во всех или в подавляющем большинстве обществ. Вместе с тем, рост числа самоубийств в конце XIX в., некоторые типы экономического кризиса рассматривались Дюркгеймом как патология, потому что не имели статистически подтвержденного широкого (повсеместного) распространения.

Заканчивая рассмотрение социологического метода Дюркгейма, можно сделать вывод о том, что его основные правила и постулаты исследования сохранили свое значение до настоящего времени. Они оказали существенное влияние на последующее развитие социологической науки, ее методологию. Что касается структурно-функционального анализа, обоснованного французским ученым, то он положил начало одной из первых социологических парадигм под аналогичным названием.

§ 4. ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Центральная проблема творчества Э. Дюркгейма, прошедшая через всю его жизнь, – социальная, или общественная солидарность. Один из главных вопросов, который постоянно интересовал французского социолога, состоял в том, чтобы выяснить, каким образом люди объединяются в общество, что заставляет их это делать. Ответ на этот вопрос был найден им в движущей силе их поведения, которую он определил как социальную солидарность. Последнюю Дюркгейм рассматривает в тесной связи с таким важнейшим социальным явлением, как разделение общественного труда.

Он говорит, что силой, создающей общественное целое, является разделение труда. «Разделение труда, – писал социолог, – состоит на самом деле в разделении функций, бывших ранее общими»¹⁵⁶. Под ним он понимает прежде всего профессиональную специализацию. Разделение труда – признак развитого общества, поскольку в нем существует необходимость обмениваться результатами деятельности, выполнять взаимодополняющие функции. «Действительно, – читаем у Дюркгейма, – с одной стороны, каждый тем теснее зависит от общества, чем более разделен труд, а с другой – деятельность каждого тем личнее, чем она более специализирована»¹⁵⁷.

Следовательно, разделение труда объясняет различия между индивидами, превращение каждого в личность. Сознание того, что любой человек зависит от другого, что все связано единой системой общественных отношений, создаваемых разделением труда, вызывает у людей не только чувство зависимости друг от друга, но и понимание своей связи с обществом, т.е. социальной солидарности.

Таким образом, связь между социальной солидарностью и разделением труда определяется прежде всего тем, что второе является источником первой. «Чтобы разделение труда производило солидарность, – считал Дюркгейм, – недостаточно ... того, чтобы каждый имел свое занятие; необходимо еще, чтоб это занятие ему подходило»¹⁵⁸. Социолог доказывает сформулированные выше положения достаточно четко. Занятия различных людей (социальных групп) теми или иными видами труда, необходимость выполнения многообразных функций в этой сфере деятельности заставляют людей солидаризироваться, объединяться для поддержания нормальной жизни. Социальная солидарность, по Дюркгейму, явление чисто моральное, не поддающееся само по себе ни точному наблюдению, ни особенно измерению. Но это не просто моральное явление. Социальная солидарность – высший моральный принцип, высшая ценность, которая является универсальной, потому что признается всеми членами общества.

¹⁵⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 258.

¹⁵⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 127.

¹⁵⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 348.

Дюркгейм пишет о двух формах социальной солидарности – механической и органической, каждая из которых характеризует различные типы связей и отношений между людьми. Механическая солидарность, согласно его терминологии, это «солидарность по сходствам», то есть вследствие сходства между людьми. Она существует в неразвитом, архаичном обществе, тогда, когда индивиды мало чем отличаются друг от друга. Механическая солидарность возможна за счет поглощения и даже подавления индивидуальности коллективом, общиной.

В развитом обществе на смену механической приходит органическая солидарность. Она возникает и существует в условиях развивающегося разделения труда, усиления дифференциации и различий между людьми. Она подчеркивает индивидуальность и личностное начало. Ученый назвал эту форму солидарности органической, потому что в развитом обществе каждый человек выполняет какую-либо специальную функцию в соответствии с разделением труда – подобно тем процессам, которые происходят в организме, когда каждый орган выполняет присущую лишь ему функцию. Следовательно, сравнение развитого общества со сложным организмом, имеющим свои особые структурно-функциональные характеристики, привело Дюркгейма к терминологической характеристике этой формы солидарности как органической.

Как становится возможным переход от одной формы солидарности к другой? Ответ социолога однозначен: на основе возникающего разделения труда. Его причиной социолог считал рост народонаселения и усиливающуюся в связи с ним интенсивность социальной жизни. Разделение труда становится едва ли не единственным средством и фактором сохранения и упрочения общества, которое происходит благодаря появлению социальной солидарности нового типа – органической. Профессионализация труда и специализация функций ориентируют общество в целом и конкретные социальные группы на стремление к единству.

Рассматривая органическую солидарность в условиях современного ему капиталистического общества и характерного для него разделения труда, Дюркгейм уходит от экономических характеристик последнего, от рассмотрения присущих капитализму противоречий между трудом и капиталом, пролетариатом и буржуазией. Зная работы Маркса и его идеи относительно принудительного характера труда при капитализме, французский социолог не следует им. Более того, он отказывается от Марксовой методологии анализа капитализма и присущего ему общественного разделения труда.

Французский социолог исследует разделение труда с моральных, а не с экономических позиций, т.е. с той точки зрения, которая позволяет ему в утратившем свое единство капиталистическом обществе показать его возможности и перспективы. Они заключаются, по мнению Дюркгейма, в установлении социальной (классовой) солидарности как той желательной общественной связи, которая преодолевает и компенсирует все недостатки, связанные с разделением труда.

Таким образом, возникая на основе общественного разделения труда, социальная солидарность становится стержнем его дальнейшего развития. Логика анализа Дюркгеймом связи разделения труда и социальной солидарности привела его к отказу от глубокого изучения экономической жизни капиталистического общества. Он, мягко говоря, подвергал сомнению основополагающий характер экономического фактора общественной жизни, прочность и устойчивость экономических связей как «сцепляющего» эту жизнь механизма.

Однако все это не означает, что Дюркгейм не видел кризисных явлений капитализма и его болезней. К ним он относил в первую очередь социальное неравенство, неадекватную организацию разделения труда и аномию. Под последней социолог понимал такое общественное состояние, при котором отсутствует четкая моральная регуляция поведения людей, а большинство членов общества относится к существующим социальным нормам негативно или равнодушно. Аномия возникает тогда, когда социальные функции в обществе не приспособлены друг к другу, между ними существует «разлад». Что касается социального неравенства, то, по мнению Дюркгейма, оно появляется в результате установления такой «неотлаженной» системы отношений, которая отнимает у многих трудящихся возможность реализовать свои способности и занять достойное место в обществе.

Таким образом, все эти «ненормальные» формы разделения труда (аномия, социальное неравенство) возникают как результат недостаточной отрегулированности отношений между основными классами капиталистического общества. Отсюда становится понятным ответ Дюркгейма на вопрос, что делать и как быть с болезнями капитализма. Со всей очевидностью из его позиции следует, что преодолевать эти болезни можно и нужно мирным, нереволюционным путем, на основе сохранения частной собственности и укрепления социальной солидарности между классами.

Некоторые исследователи творчества Дюркгейма спорят с такой позицией, обвиняя его в утопизме и отсутствии, как у Маркса, экономического детерминизма в объяснении общественного разделения труда, аномии и социального неравенства при капитализме. Но не следует забывать, что развитие капитализма подтвердило справедливость многих соображений Дюркгейма о возможности установления солидарности между различными социальными слоями в условиях общества разделенного труда.

§ 5. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОРАЛИ Э. ДЮРКГЕЙМА

Из изложенных выше суждений Э. Дюркгейма видно, какое значение он придавал моральным обстоятельствам, моральным правилам, в целом фактору морали в жизни общества и конкретных индивидов. Мораль неотделима от социальной солидарности, а разделение труда выполняет нравственную функцию в качестве наиболее значимой. Раскрывая проблему моральной ценности разделения труда, социолог отмечает: «Благодаря ему индивид начинает сознавать свое состояние зависимости по отношению к обществу; именно от него происходят сдерживающие и ограничивающие его силы. Словом, так как разделение труда становится важным источником социальной солидарности, то оно вместе с тем становится основанием морального порядка»¹⁵⁹. Эта идея взаимосвязи социальной солидарности, морали и разделения труда оказалась центральной для всей книги «О разделении общественного труда» и нашла наиболее концентрированное свое выражение в ее «Заключении».

Раскрывая проблему связи нравственности и солидарности, Дюркгейм пишет: «... характерная черта моральных правил заключается в том, что они выражают основные условия социальной солидарности. ... Морально, можно сказать, все то, что служит источником солидарности, все, что заставляет человека считаться с другими, регулировать свои движения не только эгоистическими побуждениями. И нравственность тем прочнее, чем сильнее и многочисленнее эти узы»¹⁶⁰. Как видно из приведенной цитаты, социолог достаточно жестко определяет критерий нравственного: это то, что служит источником социальной солидарности. Поскольку движение к ней всегда связано с определенными ограничениями, Дюркгейм выступает против определения нравственности через свободу и полемизирует с подобной точкой зрения, имеющей место в литературе.

Далее он подходит к проблеме морали с другой стороны – взаимосвязи нравственности, общества и индивида: «... человек моральное существо только потому, что он живет в обществе, ибо нравственность состоит в том, чтобы быть солидарным с группой, и она изменяется вместе с этой солидарностью»¹⁶¹. Он характеризует нравственность как реалию, которая «встречается только в общественном состоянии и изменяется только как функция социальных условий».

Но затем социолог переходит от рассуждений о социальном характере нравственности к выявлению существа ее индивидуальных проявлений, связывая их с выполнением обязанностей человека по отношению к обществу. В тексте книги читаем: «Обязанности индивида по отношению к самому себе суть в действительности обязанности по отношению к обществу; они соответствуют известным коллективным чувствам...; в этом и заключается вся сущность так называемой индивидуальной нравственности»¹⁶².

Дюркгейм рассматривал мораль как систему объективных правил поведения, отличительной чертой которых была их императивность, принудительность, необходимость выполнения. Основным признаком морали он считал долг, следование которому делает поведение человека моральным. Источником и объектом морали выступает общество, превосходящее индивида по своей силе и авторитету. Именно оно требует от индивида проявления моральных качеств, особо важными среди которых, а, следовательно, обязательными компонентами морали считались готовность к самопожертвованию и личное бескорыстие. Французский социолог отмечал: «Люди не могут жить вместе без взаимных соглашений и, следовательно, взаимных жертв, без того, чтобы не соединяться друг с другом сильным и продолжительным образом. Всякое общество – моральное общество»¹⁶³.

Дюркгейм трактовал мораль как реальную, действенную, практическую силу. Она оказывалась таковой потому, что любые социальные решения, поступки и действия были окрашены в «моральные» тона, то есть содержали в себе важные нравственные стороны и основания. Те решения и действия были наиболее эффективными, которые затрагивали глубинные нравственные ценности общества.

Этот вывод Дюркгейма имеет сегодня в высшей степени актуальное значение. Среди политиков и экономистов идут нескончаемые споры о том, что важнее и приоритетнее – политика или экономика. Но мало и редко кому приходит в голову, что любой проект, любое преобразование, любая реформа, любой закон имеют колоссальное нравственное значение. Моральные (а нередко, к сожалению, и аморальные) последствия этих шагов требуют постоянного учета и взвешивания – таков один из важных выводов, который может быть сделан из учения Дюркгейма о морали и который не потерял своего значения по сей день.

Трактовка моральных проблем современного ему капиталистического общества опиралась у социолога на его теорию двойственности человеческой природы. Он считал, что биологическая природа человека, его импульсы, биологические функции, способности, страсти и др. находятся в противоречии с его социальной природой, создаваемой путем воспитания с помощью моральных

¹⁵⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 371–372.

¹⁶⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 369.

¹⁶¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 370.

¹⁶² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 370–371.

¹⁶³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 369.

и религиозных норм, ценностей, идеалов. Вследствие этого в человеке, а, стало быть, и в обществе поддерживается постоянная напряженность. Общество, по Дюркгейму, должно предпринимать непрестанно усилия для того, чтобы сдерживать биологическую природу человека, вводить ее в определенные рамки с помощью морали и религии.

В противном случае возникает дезинтеграция общества и индивида, т.е. то, что Дюркгейм определил термином «аномия». Аномия – это прежде всего моральный кризис, когда в результате социальных потрясений перестает нормально функционировать система общественного регулирования потребностей человека. Как следствие такого процесса, личность теряет равновесие. Создаются предпосылки для девиантного (отклоняющегося) поведения.

Противоположностью аномии, по мнению социолога, являются моральный порядок, моральное регулирование, моральный контроль, т.е. то, что характеризует нормальное состояние общества. Дюркгейм верил (иногда эта вера приобретала утопический характер) в возможность регулировать общественные и индивидуальные потребности с помощью морали, поскольку она выступала для него основным фактором, соединяющим человека с обществом и, наоборот, общество с индивидом. Не случайно он рассматривал мораль как основной регулятор механизма выхода общества из кризиса.

В этой связи обращает на себя внимание самый последний вывод, которым завершается книга «О разделении общественного труда». Ученый указывает: «... наш первейший долг – создать себе нравственность. Такое дело невозможно осуществить посредством импровизации в тиши кабинета; оно может возникнуть только самопроизвольно, постепенно, под давлением внутренних причин, благодаря которым оно становится необходимым»¹⁶⁴.

§ 6. МОРАЛЬ И РЕЛИГИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Э. ДЮРКГЕЙМА

Концепция морали в социологическом творчестве Дюркгейма была тесно связана с его концепцией религии, систематическому изложению которой он посвятил одну из четырех своих крупных работ («Элементарные формы религиозной жизни»). Здесь нельзя не сказать о личном отношении социолога к религии, связанном с его биографией. В изложении основных вех жизни ученого уже отмечалось, что он был сыном раввина. В детстве он изучал Талмуд, древнееврейский язык и готовился повторить жизненный путь отца. Однако это желание овладело им ненадолго, и уже в школе он отказался от первоначального стремления связать свою жизнь со служением религии. Став социологом, Дюркгейм сделал предметом своего научного интереса и исследования социальную и нравственную функции религии. Что же касается веры, то она была связана в его жизни с наукой, прежде всего социологической. Будучи человеком глубоко нравственным, в служении ей он видел долг своей жизни.

Для Дюркгейма религия – это, прежде всего, явление, имеющее глубокую общественную детерминацию и функциональные социальные последствия. Она выступает в концепции социолога как один из важнейших элементов коллективного сознания, в котором находили свое воплощение определенные специфические представления людей о социальной реальности. Дюркгейм рассматривал религию как продукт социальной среды, что предполагало выявление причинной связи и зависимости между обществом и религией. При этом приоритет, как и в случае с моралью, солидарностью и другими рассматриваемыми социальными явлениями, отдавался обществу. В этом смысле Дюркгейм характеризовал религию в качестве инструмента, средства деятельности определенных социальных сил, которые в специфической форме подчиняли себе индивидов.

Дюркгейм был сторонником подчеркивания социальных аспектов религии. Трактую ее как систему верований и обрядов, относящихся к священным, то есть запретным вещам, он связывал эти верования и обряды с какими-либо значимыми социальными объектами. В данном случае проявлялся его подлинно социологический подход к религии, в процессе реализации которого он стремился рассматривать ее в рамках широкого социального контекста, а не замыкать на сугубо внутренние, догматические аспекты. Поэтому саму религиозную деятельность он трактовал прежде всего как обрядовую и культовую. Главным компонентом религии становилось коллективное отправление обрядов.

Что же касается выявления функций религиозной деятельности, то Дюркгейм выделял следующие: цементирующую (состоит в укреплении социального единства среди верующих); воспроизводящую (заключается в осуществлении передачи социального наследия новому поколению); эйфорическую (реализуется в процессе создания радостного чувства социального благополучия);

¹⁶⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 381.

дисциплинарную (сводится к принуждению и контролю за действиями верующих). Главный же вывод Дюркгейма, который следует из анализа этих функций религиозной деятельности, состоит в том, что все они служат укреплению социальной солидарности, так же как и мораль.

Очень важной в дюркгеймовском анализе религии была постановка вопроса о ней как о символической системе, как о совокупности символов и знаков, на основе которых осуществлялись ее главные функции инструмента интеграции общества и средства передачи культуры. Дюркгейм доказывал, что религия активно способствует поддержанию социальной солидарности. В этом смысле она, как и мораль, выступает фактором, соединяющим личность (человека, индивида) с обществом. Перейдем к рассмотрению этой проблемы творчества французского социолога.

§ 7. ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

При всей приоритетности общества над индивидом, признание которой было характерно для Дюркгейма, он стремился показать в своем анализе их взаимозависимость, когда каждая из сторон оказывается заинтересованной в развитии другой. Смысл его подхода заключался в подчеркивании того, что общество не может развиваться и процветать, если человек угнетается и низводится до уровня машины. Превращение индивида в придаток машины – явление в высшей степени нежелательное для общества, считал французский социолог.

Поэтому он выступал за проявление индивидуальных способностей каждого человека. Именно в создании условий для этого, по мнению ученого, должна заключаться подлинная дифференциация общества. Она должна основываться не на социальных привилегиях, а на возможностях многообразных индивидуальных проявлений личности. По мнению Дюркгейма, «быть личностью – это значит быть самостоятельным источником действия. Человек приобретает это качество только постольку, поскольку в нем есть нечто, принадлежащее лично ему и индивидуализирующее его...»¹⁶⁵.

С одной стороны, человек становится свободным в своем собственном поведении и независимым от влияния окружающей социальной среды вследствие разделения труда. Как отмечает социолог, последнее «проникает» в личность, и «индивид все более становится независимым фактором своего собственного поведения. Разделение труда само способствует этому освобождению, ибо индивидуальные натуры, специализируясь, становятся сложнее и, в силу этого, отчасти избавлены от коллективного воздействия и от наследственных влияний...»¹⁶⁶.

С другой стороны, демонстрируемая человеком деятельность – «не его деятельность. Это общество, раса, действующая в нем и через него; он только посредник, через которого они осуществляются. Его свобода только кажущаяся, а его личность заимствована»¹⁶⁷. Как видно, проблему взаимодействия общества и личности Дюркгейм связывает с диалектикой свободы и несвободы последней, а роль связующего звена между ними играют разделение труда и социальная солидарность. Эти общественные явления (а также отражающие их соответствующие научные категории) и здесь выступают ключевыми.

Постоянно подчеркивая ведущую роль общества в его отношениях с личностью, французский социолог тем не менее стремился к выявлению реального места человека в системе его взаимосвязей с многочисленными социальными институтами. Более того, он говорил даже о существовании культа человека и возвеличивании личности. Дюркгейм считал, что «так как возвеличивание личности является единственной целью, которую можно преследовать коллективно, то она не может не приобрести в глазах всех исключительной важности»¹⁶⁸. Но при этом он постоянно предупреждает о недопустимости эгоистического индивидуализма и отрыва личности от общества. Крайний индивидуализм, по его мнению, не только благоприятствует возникновению причин, вызывающих самоубийство, но может сам считаться одной из причин такого рода. «Дело идет ведь не о том, – пишет он чуть ниже, – чтобы сосредоточить каждую отдельную личность на самой себе и на ее личных интересах, но о том, чтобы подчинить ее всеобщим интересам человеческого рода»¹⁶⁹.

Взаимоотношение между обществом и личностью социально по своей природе, а характер его таков, что может способствовать либо укреплению, либо разрушению социальных связей. Первое осуществляется на базе действия разделения труда, моральных факторов, принципов социальной солидарности. Разрушение социальных связей происходит в процессе общественных болезней. В качестве одной из них Дюркгейм анализировал самоубийство.

¹⁶⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 374.

¹⁶⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 374–375.

¹⁶⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 375.

¹⁶⁸ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 330.

¹⁶⁹ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 330.

§ 8. ПРОБЛЕМА САМОУБИЙСТВА

Его рассмотрению была посвящена специально большая работа французского социолога. Самоубийство исследуется социологом прежде всего как не индивидуальное, а социальное явление. «Так как самоубийство по самому своему существу носит социальный характер, – пишет Дюркгейм, – то следует рассмотреть, какое место занимает оно среди других социальных явлений»¹⁷⁰. И хотя первая часть социологического этюда «Самоубийство» (так определил жанр своей работы французский ученый) посвящена анализу факторов внесоциального характера, приводящих к самоубийству, основное внимание в книге уделяется социальным явлениям и процессам, ведущим к нему.

Дюркгейм отмечает, что «процент самоубийств зависит только от социологических причин и что контингент добровольных смертей определяется моральной организацией общества»¹⁷¹. Он говорит о том, что не следует относить эту социальную болезнь к «частному разряду фактов», поскольку вопросы самоубийства «совпадают с самыми важными практическими проблемами современности. Ненормальный рост самоубийств и общее тяжелое состояние современных обществ имеют общие причины. Это небывало огромное число самоубийств доказывает, что цивилизованные общества находятся в состоянии глубокого преобразования, и свидетельствует о серьезности недуга – можно даже сказать, что она измеряется этим числом»¹⁷².

Прежде всего следует отметить, что в соответствии с общей концепцией Дюркгейма самоубийство рассматривается в качестве социального факта. Главной его причиной как одного из наиболее ярких примеров разрушения социальных связей является негативное воздействие социальной среды на поведение личности и целых общественных групп.

Своим социологическим этюдом «Самоубийство» Дюркгейм демонстрирует блестящий образец использования официального статистического материала, который систематизируется строго определенным образом и позволяет выявить связи и зависимости между самоубийством и различными социальными факторами, воздействующими на него. Среди последних – факторы пола, семьи, религии, социального статуса, национальных и политических отношений и ряд других. Другими словами, процент самоубийств французский социолог рассматривает как функцию многих социальных переменных. Главной их чертой является степень социальной интеграции индивида в систему социальных связей и отношений, которая становится основным противостоящим самоубийству заградительным барьером.

Вместе с тем, Дюркгейм писал о факторах несоциального порядка, которые влияют на совершение самоубийств. Это психопатические состояния человека, а также различного рода физические факторы: климат, время года, возраст и т.д. По мнению социолога, они оказывают на процент самоубийств только косвенное влияние, «проходя» через состояние социальной среды.

Конкретный анализ воздействия различных факторов на процент самоубийств позволяет Дюркгейму открыть и сформулировать некоторые закономерности и тенденции частного характера, касающиеся самоубийств. Их процент выше среди мужчин, чем среди женщин; одинокие, вдовы, разведенные делают это чаще, чем женатые; солдаты чаще, чем гражданские лица; протестанты чаще, чем католики; процент самоубийств выше летом, чем зимой, и т.д. Приведем в качестве примера одно из суждений социолога, касающееся соотношения самоубийств у мужчин и женщин и выявления причин подобной ситуации: «Если число женщин, покончивших с собой, гораздо меньше, чем число мужчин, то это происходит оттого, что первые гораздо меньше соприкасаются с коллективной жизнью и поэтому менее сильно чувствуют ее дурное или хорошее воздействие»¹⁷³.

Дюркгейм выделяет три основных вида самоубийств: эгоистическое, альтруистическое и аномическое. Эгоистическое самоубийство возникает на почве социальной разобщенности, одиночества, безысходности, пустоты, социальной тоски. Альтруистическое самоубийство (типичное прежде всего для древних обществ, по мнению Дюркгейма, но, как нам кажется, становящееся особенно популярным в наше время среди отдельных религиозных конфессий) связано с выполнением определенных ритуалов, обычаев, когда человек приносит себя в жертву (в древности это были самосожжения жен после смерти мужей, самоубийства рабов после смерти хозяина и т.д.). С этим видом самоубийств связаны и так называемые фаталистические самоубийства, вызванные

¹⁷⁰ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 318.

¹⁷¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 287.

¹⁷² Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 330.

¹⁷³ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 286.

необходимостью выполнять требования жесткой дисциплины, регламентации поведения. Это действие в условиях отсутствия выбора его варианта. Аномические самоубийства связаны с периодами крупных общественных потрясений, кризисов, когда человек не может адаптироваться к новым социальным условиям жизни.

Нетрудно обнаружить, что выявленные и описанные Дюркгеймом виды самоубийства и их причины характерны и для нашего времени. Исследование французским ученым самоубийства представляет собой своеобразную модель изучения отклоняющегося поведения, что подтвердило дальнейшее развитие социологии. Доказательство этому – исследование различных форм аномии и девиантного (отклоняющегося) поведения, осуществленное известным американским социологом Р. Мертоном под влиянием идей Дюркгейма.

§ 9. ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Как уже указывалось выше, одна из проблем, которая привлекала внимание Дюркгейма на протяжении большей части его творческой жизни, – воспитание и образование. Источником многих его научных работ в этой области социологического знания была преподавательская деятельность, а отдельные труды рождались из лекционных курсов. Последние читались с большим успехом, пользовались у студентов популярностью. Лекции Дюркгейма, как и его научные труды, отличались глубокой логикой, четкостью и ясностью изложения, а по форме часто напоминали своего рода социологические проповеди.

Трактовка социологом проблем образования вытекала из рассмотрения им общества как сферы солидарности, сплоченности, согласия, одним из основных средств достижения которых он считал воспитание. В контексте всей концепции Дюркгейма оно трактуется очень широко, рассматривается как социальный институт и по сути дела включает в себя образование. Проблематика воспитания становится у него ядром предметного поля социологии образования, дополняясь идеями социализации молодого поколения, поскольку она осуществляется, по мнению французского ученого, именно через образование. Еще в работе «Самоубийство» Дюркгейм рассматривает воспитание «не больше как образ и подобие общества. Оно подражает ему, его воспроизводит, но не создает его. Воспитание бывает здоровым, когда сами народы в здоровом состоянии. Но оно портится вместе с ними и не может измениться собственной силой». И далее: «... воспитание может реформироваться лишь тогда, когда реформируется само общество»¹⁷⁴.

В соответствии со своей общесоциологической концепцией Дюркгейм рассматривает образование и воспитание в тесной связи с потребностями социального развития, общественного разделения труда и достижения органической солидарности в обществе. Две стержневые методологические линии тесно переплетаются в творчестве Дюркгейма, когда речь заходит об образовании и воспитании, – институционализм и функционализм.

В первом случае образование и воспитание изучаются как социальные институты, что вполне понятно, исходя из общего представления Дюркгейма о социологии как науки об «институтах, их генезисе и функционировании»¹⁷⁵. Что касается функционализма, то он проявляется у Дюркгейма при рассмотрении образования и воспитания с точки зрения выполнения ими определенных функций в обществе. Главной среди них является направленность этих институтов на достижение социальной солидарности, обеспечение в обществе согласия, сплоченности, порядка.

Французского социолога можно с полным основанием считать одним из основателей такой отрасли социологического знания, как социология образования. (Строго говоря, сама эта отрасль оформилась, конституировалась спустя четверть века после разработки Дюркгеймом проблем образования и воспитания). Основная его идея, определившая в значительной мере развитие социологии образования, – тесная связь педагогики и социологии, зависимость первой от второй. Во вступительной лекции курса, прочитанного в Сорбонне в 1902 г. (текст лекции под названием «Педагогика и социология» был опубликован в январе 1903 г. в журнале «Метафизическое и моральное обозрение»), Дюркгейм подчеркивал: «... я считаю как раз основой всякого теоретического построения в педагогике положение о том, что воспитание – явление главным образом социальное как по своим функциям, так и по происхождению, и, следовательно, педагогика зависит от социологии сильнее, чем от любой другой науки»¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 369–370.

¹⁷⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 405.

¹⁷⁶ Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 245.

Ученый просит обратить внимание на эту фундаментальную аксиому, поскольку она, как правило, не признается. Он говорит о том, что вплоть до самого последнего времени воспитание рассматривалось как явление главным образом индивидуальное, а педагогика – как непосредственное и прямое следствие, результат только психологии. «В качестве очевидной истины утверждалось, – читаем у Дюркгейма, – что существует одно, и только одно воспитание, которое, исключая любое другое, подходит одинаково ко всем людям, каковы бы ни были исторические и социальные условия, от которых они зависят; и именно этот абстрактный и единственный идеал теории воспитания стремились определить»¹⁷⁷.

С этим положением французский социолог в корне не согласен. Он утверждает, что «не бывает воспитания, повсеместно пригодного для всего человеческого рода; более того, не бывает, в известном смысле, общества, где бы различные педагогические системы не сосуществовали и не функционировали параллельно»¹⁷⁸. Французский социолог доказывает, что во всех цивилизованных странах воспитание имеет тенденцию дифференцироваться и специализироваться, и эта специализация постоянно становится все более ранней.

Воспитание характеризуется определенным педагогическим идеалом, который, в свою очередь, объясняется социальной структурой общества. Воспитание, делает вывод Дюркгейм, «относительно не имеет единственной и главной целью индивида и его интересы, оно есть прежде всего средство, с помощью которого общество постоянно воспроизводит условия своего собственного существования»¹⁷⁹.

Поскольку любой человек, по Дюркгейму, выражает определенное социальное существо, постольку цель воспитания – сформировать его в каждом из нас. В этом смысле воспитание состоит прежде всего в целенаправленной социализации молодого поколения. Педагогу, следовательно, далеко недостаточно иметь в качестве ресурса одну лишь психологию, поскольку главную роль в определении целей воспитания играет социология. Более того, не только цели, но и средства, которыми эти цели могут быть достигнуты, необходимо должны иметь тот же социальный характер, а, следовательно, также определяться с помощью социологии.

Воспитательные институты Дюркгейм сравнивает с социальными и приходит к выводу, что нет ни одного из первых, который нельзя было бы уподобить вторым. В качестве примера рассматривается школа, которая воспроизводит в уменьшенной форме и как бы сокращенно черты социального института. В школе существует дисциплина, так же как и в обществе. Правила, определяющие обязанности школьника, подобны правилам поведения взрослого человека. Наказания и поощрения, связанные с выполнением обязанностей школьником, сходны с аналогичными санкциями взрослого.

Для Дюркгейма школьная жизнь – это только зародыш социальной жизни. Раз последняя – лишь продолжение и развитие первой, то основные способы функционирования одной обнаруживаются в другой жизни. «Можно, стало быть, ожидать, – считает Дюркгейм, – что социология, наука о социальных институтах, поможет нам понять, чем являются, или предположить, чем должны быть воспитательные институты. Чем лучше мы знаем общество, тем лучше мы сможем объяснить себе все, что происходит в том социальном микрокосме, каковым является школа»¹⁸⁰.

Примечателен подход французского социолога к рассмотрению соотношения педагогических целей, средств (методов) и социальных состояний в обществе. Он рассматривает две крайние ориентации общества – на индивидуализм и коллективизм, характеризуемый им как жесткий конформизм. Если общество ориентируется в направлении индивидуализма, все воспитательные средства должны быть, по логике, отвергнутыми, поскольку каждое из них будет означать насилие над индивидом, непризнание его внутренней свободы. Если же, наоборот, общество почувствует необходимость навязать всем более жесткий конформизм, тогда все, что может вызвать интеллектуальную инициативу сверх меры, будет запрещаться.

Отсюда напрашивается вывод, который сам Дюркгейм не делает в работе: крайности одинаково нежелательны для общества и педагогики. Что касается умозаключения ученого, то оно выглядит следующим образом: «Итак, с какой бы стороны мы ни рассматривали воспитание, оно везде обнаруживает один и тот же характерный признак. Идет ли речь о преследуемых им целях или об используемых им средствах, оно отвечает социальным потребностям, оно выражает коллективные идеи и чувства. Конечно, сам индивид находит это выгодным для себя. Мы ясно признали, что воспитанию мы обязаны лучшим в себе. Но дело в том, что эта лучшая часть нас самих имеет социальное происхождение. Поэтому следует всегда обращаться к исследованию общества; только в нем педагог может найти принципы своих теорий»¹⁸¹.

¹⁷⁷ Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 246.

¹⁷⁸ Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 247.

¹⁷⁹ Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 254.

¹⁸⁰ Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 261.

¹⁸¹ Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 262–263.

С этой центральной идеей всей концепции воспитания Дюркгейма перекликается, а скорее всего тесно связан заключительный парафраз его «Педагогика и социологии». Если бы не знать, что приводимые ниже рассуждения имели место в 1902 г., их вполне можно было бы считать за сегодняшние, причем на том же, а, может быть, даже на более высоком уровне актуальности. Дюркгейм говорит: «Глубокие трансформации, которые испытали или испытывают современные общества, требуют соответствующих трансформаций в сфере национального воспитания. Но хотя мы хорошо понимаем, что изменения необходимы, мы плохо знаем, какими они должны быть. Каковы бы ни были убеждения отдельных индивидов или партий, общественное мнение продолжает пребывать в состоянии нерешительности и беспокойства. Поэтому мы не можем решать педагогическую проблему так же безмятежно, как люди XVII в. Речь теперь идет не о том, чтобы пускаться в ход уже усвоенные идеи, а о том, чтобы найти идеи, которые бы нас направляли»¹⁸².

Вопрос состоит в том, как же их обнаружить. Дюркгейм считает, что существует только один способ сделать это: обратиться к обществу как источнику воспитания. Но что это значит? По мнению французского социолога, это означает необходимость знать и удовлетворять потребности общества. «Обращать наши взоры только внутрь самих себя, – говорил Дюркгейм, – это значит отворачивать их от той самой реальности, которую нам нужно постигнуть; это значит сделать для нас невозможным что-либо понять в движении, которое увлекает за собой окружающий нас мир и нас вместе с ним»¹⁸³.

С учетом такой четко зафиксированной позиции, которая многим сегодня покажется весьма спорной, Дюркгейм делает вывод о необходимости серьезной социологической подготовки для воспитателя. Он считает, что социология в состоянии дать воспитателю систему ведущих идей, «которые способны одухотворить нашу практику и быть ее опорой, придать смысл нашей деятельности и основательно связать нас с ней; а это составляет необходимое условие для того, чтобы эта деятельность была плодотворной»¹⁸⁴. Верой в такую возможность Дюркгейм завершает работу, посвященную связи педагогики и социологии, а по существу – анализу проблем образования и воспитания с точки зрения социологического подхода к ним.

§ 10. ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА Э. ДЮРКГЕЙМА

Говоря в целом о значении социологического творчества французского ученого, следует отметить, что он оставил после себя цельную и стройную социологическую систему, которая не потеряла актуальности и в наши дни. Как отмечает один из лучших отечественных исследователей творчества Дюркгейма и переводчик ряда его работ А.Б. Гофман, идеи социолога «могут оказаться весьма полезными и сегодня, особенно в обществах, находящихся в переходном состоянии, переживающих бурные социальные изменения и радикальное обновление социальных институтов»¹⁸⁵. Как известно, к числу таких стран в конце XX – начале XXI в. в полной мере относится Россия. Поэтому для нашей страны анализ концепций и идей Дюркгейма представляет особый интерес, в том числе и когда речь заходит о различных проявлениях аномии, аморальных явлениях, разрушениях социальных связей, дефиците социальной солидарности, социальных болезнях (например, самоубийстве) и др.

Но актуальность и значение творчества Дюркгейма определяются не только и даже не столько этим обстоятельством. Главное в том, что ни одно из направлений социологической науки, ни одна из ее школ, ни один из социологов не могли не испытать на себе влияния целостной концепции общества французского мыслителя, принципов его «социологизма», теорий разделения общественного труда и социальной солидарности, правил социологического метода, идей морали и религии, образования и воспитания.

Дюркгейм оставил социологии разработанную целостную систему. Главными ее характеристиками, и это особенно важно, были:

а) понимание общества как саморегулирующегося, обладающего структурой и выполняющего определенные функции, организма (что означало провозглашение и конституирование структурного функционализма как одной из первых социологических парадигм);

¹⁸² Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 263.

¹⁸³ Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 264.

¹⁸⁴ Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 264.

¹⁸⁵ Гофман А.Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 559.

- б) анализ в качестве основы этого саморегулирующегося организма разделения общественного труда и базирующейся на нем социальной солидарности;
- в) трактовка социального порядка как нормального состояния общества;
- г) рассмотрение в качестве главного регулирующего механизма общества морали и признание ведущей роли в его функционировании социальных институтов воспитания.

Значение творчества Дюркгейма для последующего развития социологии и влияние на нее определялись не только его работами, но и мощной школой исследователей, которая осталась после него и просуществовала без малого три десятилетия. Идеи учителя и учеников – и по сей день в активе социологической науки.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем видел предмет социологии Дюркгейм? Как он характеризовал социальный факт?
2. Расскажите о правилах социологического метода Дюркгейма.
3. Как вы трактуете смысл понятия «социологизм»?
4. Почему проблема социальной солидарности оказалась центральной в социологическом творчестве Дюркгейма?
5. В чем вы видите взаимосвязь между общественной солидарностью и разделением труда в концепции Дюркгейма?
6. Раскройте существо социологической трактовки морали у Дюркгейма и ее взаимосвязь с его концепцией общества.
7. В чем заключался подход Дюркгейма к религии? Почему она оказалась тесно связанной с моралью в творчестве французского социолога?
8. Как вы полагаете, не потеряли ли своей актуальности идеи Дюркгейма о социальной солидарности как высшем моральном принципе в обществе? Ответ аргументируйте.
9. В чем видел Дюркгейм основную социальную причину социальных отклонений? Можно ли объяснить этой причиной и возрастание девиаций (отклонений) в современном российском обществе?
10. Охарактеризуйте взгляды Дюркгейма на образование и воспитание.
11. Почему работа Дюркгейма «Самоубийство: социологический этюд» вызывает и сегодня повышенный интерес?
12. Сформулируйте основные социологические идеи Дюркгейма. Какие из них, на ваш взгляд, выглядят сегодня особенно актуальными?
13. В чем состоит значение социологического творчества Дюркгейма?

ЛИТЕРАТУРА

- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.
- Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России. М., 2001.
- Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
- Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
- Дюркгейм Э. Социология. М., 1995.
- Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Самоубийство // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История теоретической социологии. В 4 т. Т. 1. М., 1997.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Осипова Е.В. Социология Э. Дюркгейма. М., 1978.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В. ПАРЕТО

-
1. *Краткий биографический очерк и общая характеристика учения.*
 2. *Общество как система.*
 3. *Теория нелогического действия.*
 4. *Концепция элиты.*
 5. *Значение социологических взглядов В. Парето.*

§ 1. КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЧЕНИЯ

ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО

15 июля 1848 г. – 19 августа 1923 г.

Вильфредо Парето (1848–1923), известный итальянский социолог, родился в Париже в знатной семье. Его отец, итальянский маркиз, был выслан из Италии за свои либеральные и республиканские убеждения. Мать была француженкой. С детства, свободно разговаривая на обоих языках, он все же ощущал себя гораздо больше итальянцем, чем французом. Тем более, что в 1850 г. семейству было разрешено вернуться в Италию, и дальнейшая жизнь будущего социолога (детство, юность, молодость, часть зрелого периода) оказалась связанной именно с этой страной. Парето получает классическое среднее образование, как гуманитарное, так и техническое. Проявляет склонность и интерес к математике. Учится в Политехническом университете в Турине и получает диплом инженера. В 1869 г. защищает диссертацию на тему «Основные принципы равновесия твердых тел». Впоследствии понятие равновесия станет одним из центральных в его социологических и экономических работах.

Следующий период жизни Парето прошел во Флоренции, куда он был приглашен на должность инженера путей сообщения. Затем он становится главным управляющим металлургических заводов всей Италии. В это время он выступает против милитаристской политики итальянского правительства и высказывает демократические и либеральные взгляды. В 1889 г. женится на Александре Бакуниной, русской по происхождению. Но в 1901 г. жена оставляет его и уезжает в Россию. В 1902 г. он связывает свою личную жизнь с Жанной Режи. Именно ей Парето посвятил главный труд своей жизни – «Трактат по общей социологии» (написан в 1912 г., издан в 1916 г. во Флоренции).

В 1891 г. произошло знакомство Парето с работами двух крупнейших итальянских экономистов того времени – М. Панталони и Л. Вальраса. Развиваемая ими теория экономического равновесия оказала неизгладимое влияние на мировоззрение Парето и стала впоследствии основой его социологической системы. В начале 1890-х гг. происходит постепенный перелом в убеждениях итальянского мыслителя, он переходит на позиции консерватизма и антидемократизма. В 1892–1894 гг. публикует ряд материалов по экономической теории.

Новый период жизни Парето начинается в 1893 г., когда он становится профессором политэкономии и руководителем кафедры в Лозаннском университете в Швейцарии. На этом посту он сменяет Л. Вальраса – известного экономиста, на чьих работах учился и по приглашению которого приехал в Лозанну. Он много занимается научными исследованиями и публикует ряд сочинений. Здесь же выходит в свет его «Курс политэкономии» на французском языке (1896–1897). В 1897 г. Парето начал читать курс социологии в Лозаннском университете параллельно с преподаванием политэкономии. Вскоре, в 1898 г., он получает от дяди в наследство колоссальное состояние, а в 1901 г. приобретает на берегу Женевского озера в Селиньи виллу «Ангора» – любимое место работы и отдыха. В 1902 г. в Париже была издана его книга «Социалистические системы», а в 1907 г. в Милане – «Учебник политической экономии».

Болезнь сердца заставляет Парето прервать преподавательскую деятельность (1907). Почувствовав некоторое улучшение здоровья, он начинает работать над «Трактатом по общей социологии», который писал в течение пяти лет (1907–1912). Первая публикация «Трактата» на итальянском языке состоялась в 1916 г., а спустя три года он был напечатан на французском языке. В 1912 г. он прекращает чтение курса политэкономии и сохраняет за собой преподавание сокращенного курса социологии. С этого времени и до конца жизни Парето занимается научными исследованиями только в области социологии. В 1918 г. в Лозаннском университете пышно отмечается его семидесятилетний юбилей.

В начале 1920-х гг. итальянский социолог публикует несколько важных и интересных работ. Одна из них – «Трансформация демократии», вышедшая в Милане в 1921 г. (далее мы неоднократно будем на нее ссылаться, поскольку в ней в обобщенном виде изложены все его основные социологические идеи). В некоторых трудах социолог сочувствует итальянскому фашизму и выражает ему идеологическую поддержку. Как известно, именно в это время (1922) к власти в Италии пришел Муссолини. Новое правительство не скупилось на почести Парето, многие его члены (в том числе и сам дуче) считали себя учениками профессора Лозаннского университета. В 1923 г. Парето был удостоен звания сенатора Итальянского королевства. В этом же году он умер в Селиньи, где и похоронен.

Как отмечалось, итальянский ученый довольно поздно, будучи уже зрелым и широко известным специалистом в области политэкономии, обратился к социологии. С чем это связано? По всей видимости, с тем, что его перестала устраивать рационалистическая концепция «экономического человека», в рамках которой он работал долгие годы, исследуя монополистический рынок, распределение доходов и другие экономические проблемы. Еще в работах, написанных в конце XIX – начале XX в., он проявляет интерес к новой модели человека и новым объяснениям социальных процессов. Этот интерес оказался реализованным в полной мере в «Трактате по общей социологии» – гигантской по объему и наукообразной по стилю изложения работе (2000 страниц текста большого формата, 13 глав, 2612 параграфов, да еще и приложения).

На его социологические взгляды большое воздействие оказали идеи и работы Н. Макиавелли, Г. Лебона, Г. Тарда, французского социолога Ж. Сореля (прежде всего его концепция насилия), итальянского политического мыслителя Г. Моски (теория деления общества на два класса – господствующий и подчиненный) и др. К этому нужно добавить влияние собственных знаний Парето в области математики, технических наук, экономики, его «инженерного» опыта практической деятельности.

Следует также учитывать эволюцию взглядов самого итальянского социолога – от демократических, либеральных, гуманистических убеждений молодости и начального периода зрелости до разочарования в прежних идеалах, пришедшего после 1900 г. в результате наблюдений за экономической и политической жизнью европейского общества, а также неудач в личной жизни и политической карьере. Пессимизм и цинизм прочно входят в «ткань» мировоззрения мыслителя, усиливая негативистский настрой и желание «срывать маски» и разоблачать все и вся. Социология превращается у Парето в средство именно такой деятельности.

Не случайно он отказывается от рационалистической модели человека (ее сторонником ученый был многие годы), в соответствии с которой индивид сначала обдумывает свои действия сообразно поставленным целям и задачам, а затем совершает цепь поступков для их достижения. Как полагает Парето, на самом деле все происходит наоборот. Человек сначала совершает действия

(под влиянием чувств и определенных интересов), а затем объясняет их, стремясь к правдоподобности и обоснованности собственных интерпретаций. Собственно говоря, на этом базируется одна из основных концепций Парето – теория нелогического действия.

Но он не переходит с позиций рационализма на иррационалистические трактовки действий. Наоборот, он стремится усилить рационализм за счет «ультрарационализма», включая в дискурс, в систему рассуждений не только логику, но и эксперимент и наблюдения для того, чтобы разоблачать иллюзии, с помощью которых люди обманывают себя и других, скрывая действительные мотивы своих действий и поступков. Это дает основания считать В. Парето сторонником позитивизма, хотя и непоследовательного, поскольку он у него связан с волюнтаризмом, отрицающим объективный характер законов общественного развития.

§ 2. ОБЩЕСТВО КАК СИСТЕМА

Рассмотрим основные концепции В.Парето, касающиеся его трактовки общества, понимания предмета социологии как науки, теорий нелогического действия и элиты. Начнем с анализа взглядов социолога на общество, поскольку именно его интерпретация во многом определила все остальные взгляды, теории и суждения.

Для итальянского мыслителя общество – это социальная система, находящаяся в состоянии динамического равновесия. «Общественный порядок, – писал он, – никогда не бывает совсем неподвижным: он находится в непрерывном движении. Но превращения могут происходить с разной скоростью»¹⁸⁶.

Применяя понятие системы к обществу, Парето рассматривает последнее скорее как механизм, чем организм. Основными факторами, влияющими на состояние системы общества в тот или иной конкретный период его существования, итальянский социолог считал внешние природные условия, внешние социальные (точнее, неприродные) условия, внутрисистемные социальные условия.

Все элементы социальной системы у итальянского социолога взаимосвязаны и взаимозависимы на основе действия многофакторных влияний, что обеспечивает достижение равновесия в обществе. Эта идея была заимствована Парето из экономической теории Л. Вальраса, а также из химии и механики, которыми социолог много занимался в молодом возрасте. При этом нужно учитывать, что Парето имеет в виду прежде всего механическое равновесие и механическую взаимосвязь элементов, что не позволяло ему в полной мере объяснить особенности функционирования общества как определенной целостности на основе выделения доминантных социальных факторов его изменения и эволюции.

Равновесие, о котором пишет социолог – не статическое, а динамическое, поскольку общество постоянно эволюционирует. Кроме того, динамизм равновесия определялся, согласно его позиции, тем, что изменения, происходившие в одной части системы, передаются немедленно другой ее части. Однако, признавая эволюцию общества, Парето «отказывает» ему в прогрессе. Он считает, что эволюция и равновесие, связанные между собой, имеют маятниковый и циклический характер. Это значит, что общество, испытывая на себе влияние конкретных ритмических колебаний, каждый раз возвращается к определенному равновесному состоянию. Циклический характер развития общества итальянский ученый связывает в значительной мере с циклами развития элиты, описанными им в широко известной социологическому сообществу концепции, ей посвященной.

Идеи Парето о системном подходе к обществу находились в русле тех социологических традиций, в соответствии с которыми главной задачей социального организма было обеспечение стабильности социальной системы и порядка в ней. При этом требовался учет целого ряда переменных, функционально взаимодействующих между собой. На них исследователь обращал особое внимание.

Наиболее подробно и детально итальянский социолог проанализировал такую подсистему общества, как экономика. Это и понятно: ведь Парето был профессиональным экономистом, прошедшим серьезную школу итальянской политэкономии (М. Панталеони, Л. Вальрас) и оставившим свой заметный след в этой области знания, причем именно в теории равновесия экономической жизни. По мнению Парето, экономическая подсистема общества включает в себя в качестве основных элементов индивидов, ставящих конкретные экономические цели и действующих на основании экономических потребностей и интересов, в основе которых лежат определенные чувства людей.

¹⁸⁶ Парето В. Трансформация демократии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 157.

Именно здесь мы сталкиваемся с той логикой рассуждений и доказательств итальянского ученого, которая привела его от экономической науки к социологии, к системному подходу, анализу действий и взаимодействий людей, базирующихся на их психических склонностях и предрасположенностях (диспозициях), имеющих врожденный характер и толкающих индивида на не поддающиеся здравому логическому смыслу поступки.

Общество для Парето – это не просто социальная система, включающая соотносимые и взаимодействующие части (структуры). Это прежде всего система взаимодействия людей. Каждый индивид осуществляет действие, наблюдаемое извне. Объективной основой этого действия социолог считает психическое состояние человека, поскольку оно дано человеку изначально, независимо от его желаний, чувств, эмоций, стремлений и т.д. Более того, выступая определяющим объективным фактором действий людей, их психические состояния тем самым детерминируют многие социальные процессы. Под субъективной основой действия исследователь понимал те суждения и аргументы, которые выдвигает действующий индивид.

В. Парето критиковал своих предшественников, в первую очередь О. Конта и Г. Спенсера, за то, что они совершенно не учитывали психическое состояние индивидов как объективную базу их деятельности, а тем самым и функционирования общества в целом. Социолог, считает Парето, не в состоянии раскрыть и проанализировать сущностный, необходимый характер связей между социальными фактами, поскольку это ему не дано в тех методах, которые он использует.

Будучи сторонником позитивизма, итальянский ученый критиковал априорные суждения и понятия в социологии, которыми увлекались многие его предшественники и современники. Социология, считал он, должна давать эмпирически обоснованное знание. Главное в этой науке – описание социальных фактов, поскольку именно оно и дает знание об обществе. Что касается законов социологии, то их задача – устанавливать функциональные зависимости между фактами. По мнению Парето, подлинное социологическое (он характеризовал его как логико-экспериментальное) исследование должно быть связано с выявлением и изучением психических установок и психического склада людей, определяющих подавляющее большинство их действий и взаимодействий. Но эта детерминация, указывает социолог, оказывается не прямой, а опосредованной, через чувства человека.

Итак, психический склад индивида обуславливает его чувства, определяющие характер действий. Последние были названы В.Парето «нелогическими» (подробнее о них будет сказано ниже, в связи с разработанной ученым специальной концепцией), и именно они и составляют предмет социологического исследования. Поскольку общество представляет собой, с точки зрения Парето, систему взаимодействия индивидов, а для последних типичными и характерными являются нелогические действия, постольку социология выступает наукой прежде всего об этих действиях. Само же социальное действие трактуется социологом преимущественно на психологическом уровне и уровне чувств.

Подчеркивая динамичный характер общества как социальной и исторической системы, Парето полагал, что в основе этого динамизма находятся чувства и эмоции, но отнюдь не социально-экономические факторы. Именно чувства являются движущими силами человеческой истории, основным механизмом ее изменения. Социолог писал: «Выражения чувств и интересов могут быть различны, как различаются их логические последствия. Эти выражения и последствия обычно служат предметом изучения для историков. Среди современных отраслей истории те, которые занимаются происхождением государственных и общественных структур, очень высоко ценятся» и далее: «...история в действительности никогда не повторяется. Бесконечное число сочетаний может рождаться из составляющих их человеческих поступков, а история ведет только хронику этих сочетаний»¹⁸⁷.

Таким образом, любое конкретное общество, взятое в историческом развитии, рассматривается как динамичная социальная система, вне зависимости от ее социально-экономической «начинки». Это выглядит внешне странным, учитывая, что многие годы, даже десятилетия жизни Парето были посвящены занятиям экономической наукой, где он заметно преуспел. Приоритет, отданный чувствам и иррациональной психической жизни перед социальными факторами общественной и индивидуальной деятельности, – такова одна из основных особенностей социологии Парето. Не случайно именно в этом подходе итальянского социолога к трактовке социальной системы и источников ее движения многие его исследователи и критики усматривали психологический и даже биологический редукционизм.

¹⁸⁷ Парето В. Трансформация демократии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 156–157.

§ 3. ТЕОРИЯ НЕЛОГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Характеристика социологии как науки, специфика ее понимания изложены В. Парето в теории нелогического действия. Под социологией он понимал науку, дающую и обеспечивающую эмпирически обоснованное знание об обществе. Ее задача – описывать факты и формулировать законы, характеризующие функциональные зависимости между этими фактами. Сами зависимости, по мнению Парето, могут быть выражены как в логической, дискурсивной, так и в математической форме.

В качестве основных фактов, описываемых социологией, выступают действия, поступки людей, отражающие их социальное поведение. Эти действия имеют как логический, так и нелогический характер (логические и нелогические действия). Первые (логические) действия являются предметом и содержанием естественных наук, технологий, юриспруденции, экономической науки и некоторых других областей знания, поскольку они характеризуются рациональным выбором средств, наиболее подходящих для достижения поставленной цели.

Но большинство действий имеет нелогический характер, они-то и выступают предметом и содержанием социологической науки. Поэтому главная социологическая концепция Парето и получила название теории нелогического действия. Нелогическими являются такие действия, которые основаны не на научном методе и принципах рационального мышления, а на чувствах. Итальянский социолог писал: «Чувства и интересы постояннее всего, и потому они – самые важные составляющие сущности явлений»¹⁸⁸. Чувства обусловлены психическим складом людей и служат источником функционирования общества как системы. Собственно, общество, по Парето, и есть система взаимодействия индивидов, наделенных чувствами. В нелогических действиях людей есть тоже своя логика – логика чувств. Эту логику и сами нелогические действия изучает социология.

В процессе совершения нелогических действий, считает Парето, люди не могут установить объективные связи между многими фактами и явлениями и таким образом не в состоянии логически соединить цель действий и средства ее достижения. Когда же они пытаются это делать, то соединение оказывается иллюзорным и не отражающим его действительную суть. Так, чтобы получить от Бога в качестве его милости дождь (цель), люди используют жертвоприношения (средство). Но для настоящей науки очевидно, что такое соединение цели и средств надуманно. Социология как раз призвана показать людям нелогичность их поведения.

Чтобы преодолевать домыслы и предубеждения людей, она должна стать логико-экспериментальной наукой. Социолог пишет в этой связи: «Люди смотрят на факты сквозь собственные предубеждения. ... Больше того, для них естественно высказывать домыслы о том, почему и как что-то происходит. Логическая экспериментальная наука позволяет нам отвечать на вопросы в определенных рамках. Но люди презирают случайности и отказываются принимать такие рамки. С тех пор как люди редко стали изучать общества экспериментальным путем, настоящую науку заменяет псевдонаука в поисках абсолютных ответов, которых страстно желают люди. Толкование фактов определяется чувствами, желаниями, предрассудками и интересами, которые очень часто незаметно для человека мотивируют его действия»¹⁸⁹.

Возлагая надежды на логико-экспериментальный метод как средство преодоления псевдонаучных теорий, Парето тем не менее не абсолютизирует его возможностей, поскольку изначально, по определению они ограничены. Например, социолог с помощью этого метода не может вскрыть сущностные связи между изучаемыми им социальными фактами. Строго говоря, установление таких связей и не является задачей социологии, поскольку выходит за пределы описания функциональных связей между фактами, в качестве которых чаще всего выступают чувства.

Их анализу Парето уделяет очень большое внимание. Все рассматриваемые чувства (нелогические действия) он классифицирует, выделяя среди них неизменные, постоянные и производные. Социальное равновесие в обществе определяется именно первой группой чувств (нелогических действий), которые были названы социологом «резидуями», в отличие от производных, получивших название «дериватов». Термины, прямо скажем, необычные и могущие показаться достаточно странными. У первого («резидуи») происхождение явно «химического» характера (итал. «residuo» означает осадок, т.е. то, что выпадает в результате химической реакции и определенное время сохраняется в нерастворимом виде). Что касается «дериватов» (от лат. «derivation» – отклонение, отведение), то они рассматриваются как производные от чувств и нужны для того, чтобы скрывать истинные побудительные мотивы действий.

¹⁸⁸ Парето В. Трансформация демократии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 156.

¹⁸⁹ Парето В. Трансформация демократии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 156.

Парето выделял шесть классов «осадков» (они же остатки, «резидиу»). Строго говоря, это не сами чувства и эмоции, а их врожденная, естественная основа. «Осадки» детерминируют социальное поведение человека. К первому классу «осадков» он относил остатки «инстинкта комбинаций». Это склонность человека собирать, комбинировать вещи, лежащая в основе всех социальных изменений. Второй класс «осадков» получил название «Настойчивость в сохранении агрегатов». Остатки «постоянства агрегатов» – это консервативное чувство, касающееся неприятия новых связей и изменений и стремления сохранить старые. Третий класс «осадков» связан с чувством собственности (он называется «Потребность в проявлении своих чувств посредством внешних актов»). Четвертый класс – это «Осадки, связанные с социальностью». Пятый класс «осадков» («Единство индивида и того, что ему принадлежит») характеризуется стремлением проявлять свои чувства в общественных действиях и поступках. Шестой класс связан с половым инстинктом («Сексуальный осадок»).

Следует отметить, что столь неординарная, мягко говоря, классификация «осадков» не вызвала большого энтузиазма у западных социологов, она оказалась непопулярной и не воспринятой научным социологическим сообществом того времени. Если учесть, что каждый класс «осадков» содержит в себе многочисленные их подклассы, ясно, что создается очень громоздкая система, практическое применение которой для анализа нелогического поведения людей явно затруднено.

Как отмечалось выше, другим центральным понятием теории нелогического действия стали «деривации» – «производные», представлявшие эквивалент того, что определяют как идеология или оправдательная теория. «Производные» происходят от «осадков» и через них связаны с «чувствами», но при этом, указывает Парето, первые строго не соответствуют вторым. Более того, особенность «производных» состоит в том, чтобы скрывать породившую их основу. ««Дериваты», – пишет социолог, – могут быть очень разными. Они часто разноцветны и переливаются всеми цветами радуги. Они одновременно и олицетворяют, и затемняют социальные факты»¹⁹⁰. «Производные» как бы еще более субъективны, чем «осадки», на которых они базируются. По существу они и нужны для того, чтобы скрывать истинные побудительные мотивы действий людей.

Парето делит все «деривации» на четыре класса. К первому классу относятся абсолютные истины, аксиомы или догмы. Это простые утверждения типа: «так надо, потому что так надо». Так мать говорит своему ребенку, требуя от него послушания. Второй класс «дериваций» содержит в себе некомпетентные суждения и аргументы, опирающиеся на какой-то авторитет (личности, обычая, традиции). Это – убеждение авторитетом. Так, мать говорит ребенку: «Ты должен слушаться, потому что этого хочет папа». Третий класс «производных» содержит апелляции к общепринятым принципам или воле сверхъестественных сил. Здесь возникают запреты и императивы. Продолжая серию примеров обращения матери к ребенку, можно привести относительно третьего класса «дериваций» следующее: «Нельзя так делать, потому что дед Мороз обидится, рассердится, не поздравит тебя, не даст подарка». Наконец, четвертый класс «дериваций» – это чисто словесные доводы, вербальные доказательства, не имеющего объективного эквивалента. Например, определенный политический режим объявляется демократическим, потому что он действует в интересах народных масс.

Такие «производные» нелогического характера имеют место сплошь да рядом и базируются на весьма сомнительных политических заявлениях лидеров стран и партий. Но реальных доказательств подлинного демократизма подобных режимов, как правило, нет. Собственно говоря, к использованию таких «производных» зачастую сводится вся пропагандистская работа, именно в этом состоит механизм манипулирования массовым сознанием. Кстати, эти «производные» широко используются не только в политике, но и в судопроизводстве.

«Деривации» четвертого класса имеют значение постольку, поскольку, говорил Парето, они охотно принимаются каждым человеком, даже самым большим невеждой, который готов повторять приводимые аргументы снова и снова. Не случайно эту идею очень активно использовали фашистские режимы в Италии и Германии и их пропагандистские машины. Именно они создавали многочисленные идеологические мифы, которые сыграли заметную социальную и политическую роль, хоть и не соответствовали действительности.

Итальянский исследователь считал, что идеология – это теоретическая форма маскировки и сокрытия нелогического характера действия, которая часто облачена в демагогические одежды. Наличие многочисленных идеологий, которые, как правило, рождаются господствующим классом (здесь Парето намного опередил идеи немецкого социолога К. Маннгейма, высказанные в его главном труде «Идеология и утопия»), по мнению итальянского социолога, вызвано существующими общественными потребностями. Они заключаются в необходимости скрыть, затушевать, закамуфлировать подлинную сущность политики, религии, морали. Поэтому не случайно Парето относит идеологии к четвертому классу «дериваций». Понимая и подчеркивая их логическую несостоятельность, он не мог не показать социальную ценность и значение этих идеологий как для общества в целом, так и для отдельных социальных групп и слоев, в первую очередь для правящего класса – элиты.

¹⁹⁰ Парето В. Трансформация демократии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 157.

§ 4. КОНЦЕПЦИЯ ЭЛИТЫ

В соответствии с учением Парето в обществе существует социальная неоднородность (гетерогенность), определяемая изначально неравенством индивидов. Оно проявляется в физической, интеллектуальной, нравственной, психической сферах жизни. Существующую социальную неоднородность ученый считал естественным и очевидным социальным фактом. В силу этого обстоятельства в каждой сфере существует группа людей, обладающая наиболее высокими показателями деятельности. Это и есть элита.

В обществе все его члены относятся либо к элите, либо к остальному, незлитарному массиву населения. Сама элита, в свою очередь, делится также на две части – ту, которая управляет обществом («правлящая элита», «правлящий класс»), и неуправляющую элиту, занятую преимущественно в науке и художественно-творческой сфере деятельности. Как видно, социальная структура общества выглядит у Парето достаточно просто. Если ее сравнить с пирамидой, то верхушку составит немногочисленная элита, все остальное пространство «займет» основная масса населения – не-элита.

Элита отличается от остального населения прежде всего своими качествами: умением убеждать людей, опираясь на человеческие чувства и эмоции; способностью применять при необходимости силу; высокой степенью самообладания; умением использовать для достижения своих целей слабости людей и др. Некоторые из этих качеств противоречат друг другу, например, умение убеждать и способность применять силу. Именно эти два качества Парето считал важнейшими, и если у действующей элиты их нет, она должна уступить место другой элите.

Процесс обновления элиты происходит регулярно, социолог называет его циркуляцией. Без циркуляции («круговорота») элиты общество не в состоянии поддерживать социальное равновесие, вне которого социальный организм обречен на разрушение. Элита и есть тот слой, а ее циркуляция – тот механизм общества, который поддерживает последнее в нормальном, функционирующем состоянии. Круговорот (циркуляцию) элиты Парето считает одним из основных законов существования человеческого общества.

Согласно концепции итальянского социолога, каждой элите соответствует свой стиль правления, базирующийся на доминировании одного из двух названных выше главных ее качеств – умении убеждать и умении принуждать силой. Первое из этих качеств основывается на «инстинкте комбинаций» («осадки первого класса»), второе – на «постоянстве агрегатов» («осадки второго класса»). Тот тип правителей, у которых преобладает умение убеждать, Парето называл «лисицами», ту же часть элиты, которая действует силой – «львами». Не трудно понять, что «лисицы» – это символ хитрости, коварства, вероломства, «львы» – силы, мужества, непримиримости.

Если «львы» и «лисицы» характеризовали два типа элиты в политическом отношении, то в экономическом и финансовом плане каждому из них соответствуют типы рантье и спекулянтов. Рантье – это вкладчики, живущие на фиксированные доходы, боящиеся совершить опрометчивые шаги в финансовом вопросе, спекулянты – это бизнесмены, комбинаторы, предприниматели, ловкие воротилы. Парето считал, что преобладание в стране спекулянтов обуславливает ее экономическое и социальное развитие, доминирование же рантье – свидетельство стабилизации общества, переходящей затем в его загнивание, поскольку в этом случае не создается необходимых условий для активного экономического и финансового развития.

Важно отметить, что концепция элиты у Парето оказывается связанной с теорией нелогического действия, о чем свидетельствует использование им понятия «осадков» и их классификации для обоснования типологии элиты. В начале каждого периода развития того или иного конкретного общества к власти приходит элита первого типа, в основе деятельности которой – «осадки» первого класса. Это означает, что она властвует на основе убеждения, подкупа, обмана, иногда прямого одурачивания масс (власть «лис»). Происходит, следовательно, усиление «осадков» первого класса и ослабление «осадков» второго класса.

Как указывает Парето, на этом этапе господства элиты первого типа материальные интересы довлеют над идеальными, интересы индивида – над интересами социальных групп, интересы ближайшего будущего – над интересами отдаленного будущего. Это означает, что правящая элита первого типа заботится о настоящем больше, чем о будущем. Такая ситуация постепенно вызывает неудовлетворенность ее деятельностью. Эта неудовлетворенность усиливается, доходит до высшей точки и в результате политической революции на смену элите первого типа приходит элита второго типа (власть «львов»), в основе деятельности которой – «осадки» второго класса. Характерными становятся агрессивность, авторитарность, упорство и др. Таким образом, описывая круговорот элит, Парето говорит о постепенной замене «лис» «львами», которые, в свою очередь, в определенных обстоятельствах сами окажутся смещенными с пьедестала власти «лисами».

Основным состоянием общества, как уже отмечалось, итальянский социолог считал равновесие. Его обеспечение – цель властвующей элиты, которая ради этого может и должна использовать любые средства. Парето любил повторять афоризм итальянского политического мыслителя конца XV – начала XVI в. Н. Макиавелли «Цель оправдывает средства».

Чтобы осуществлять успешное управление обществом, правящий класс, по мнению социолога, должен постоянно заботиться о своем обновлении за счет здоровых сил и лучших представителей низшего класса. Необходима социальная мобильность, которая должна проявляться в изгнании из правящего класса наиболее разложившихся членов и переходе в его состав энергичных и жизнеспособных людей из не-элиты. Только в этом случае действующая элита окажется способной к длительному господству. Иначе ей обеспечена деградация и, как следствие, наступление политической революции.

Парето полагал, что политические революции осуществляются в результате замедления круговорота элиты и создания таких негативных условий, при которых наиболее достойные представители низших классов не в состоянии перейти в правящий класс. Это происходит исключительно вследствие действия самой правящей элиты, которая начинает себя оберегать от появления в ее составе новых, чужеродных элементов. Таким образом, причиной разложения и гибели действующей элиты является поведение самого правящего класса. Суть политической революции, по Парето, – в насильственной замене одной правящей элиты другой.

Не следует думать, будто социолог считал, что процесс циркуляции, круговорота элит является результатом изменений личного характера либо борьбы группировок за власть. Этот процесс отражает наиболее важные потребности общества в радикальных изменениях своих основных структур – профессиональных, социальных, духовно-идеологических. Поэтому смена властвующих элит является отражением процесса чередования экономических и политических циклов в развитии общества. С этими циклами Парето связывает и развитие циклов духовного производства (религиозного, художественного, интеллектуального и др.). Здесь также происходит циклическая смена периодов веры и скепсиса, в основе которых лежат «остатки» чувств.

В отличие от концепции нелогического действия, теория элит оказала большое влияние на последующее развитие социологии. Она дала возможность исследовать механизмы власти с новых теоретических позиций, обращаясь к психологии человека и социальных групп. Популярной была идея социолога о манипулировании сознанием групп людей с помощью идеологий, создаваемых правящими элитами и направленных на маскировку и сокрытие подлинных их намерений.

§ 5. ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В. ПАРЕТО

В целом значение социологического творчества В.Парето достаточно велико, хотя и не было сразу осмыслено мировой социологией. Признание к его работам стало приходиться после 1935 г., когда впервые был издан на английском языке «Трактат по общей социологии». Немало способствовал росту интереса к творчеству итальянского мыслителя американский социолог Т. Парсонс, пытавшийся реанимировать некоторые его идеи системного и структурно-функционального подхода к обществу и придать им универсальное значение. Сейчас Парето безоговорочно относят к числу классиков мировой социологии.

Итальянский ученый создал в социологии свой весьма специфический, неповторимый стиль анализа и изложения материала, что позволило ему занять особое место в мировой общественной науке. Этому способствовали, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, Парето отличался негативным отношением ко всей предшествующей социологической мысли, начиная с О. Конта и Г. Спенсера. Во-вторых, тем самым он добился того, к чему стремился изначально, – теоретической самоизоляции.

Парето мало волновало, насколько его идеи будут поняты и приняты мировым сообществом социологов. Он ставил цель создания своей собственной социологической схемы (модели), и именно стремление к ее достижению позволяло ему строить вычурные наукообразные конструкции (типа теории нелогического действия с «резидуями» и «дериватами»).

Тем не менее значение социологического наследия Парето сегодня очевидно. Оно сводится по меньшей мере к трем главным позициям.

1. Была сформулирована концепция социальной системы, базирующейся на динамическом равновесии элементов общества, её составляющих (это положение явилось одним из основных для обоснования парадигмы структурно-функционального анализа).

2. Была создана теория элиты, своеобразно объясняющая социальную структуру общества, закономерности его политической жизни и изменений в ней.

3. Социологии как науке был придан критически-негативистский пафос, а ее основной функцией считалось не только (а иногда и не столько) утверждение нового, но и разоблачение социальных и политических намерений, поступков, снятие с них покровов, их «верхней одежды», критика практических действий. Данное обстоятельство определяло пессимистический в значительной степени характер всего учения Парето.

В этой связи симптоматичным и знаменательным оказалось его отношение к фашизму. Оказав ему идеологическую поддержку, социолог предупреждал его представителей (как и течение в целом), рвавшихся к власти, об опасности милитаризма, военных авантюр, репрессий, санкций в области свободы и демократии. В этом сказалось непонимание итальянским теоретиком фашизма, поскольку то, против чего он выступал, было сутью его (фашизма) идеологии и политики. Ниспровергая всю жизнь различные теории и идеологии с позиций концепции нелогического действия, социолог в конце концов сам совершил такое действие, оказавшись в плену одного из самых чудовищных изобретений людей – фашизма.

Парето не возлагал больших надежд, подобно Дюркгейму, на роль и возможности социологии в преобразовании общества. Согласно его точке зрения, эта наука в лучшем случае может поставить диагноз, но не в состоянии подсказать, как излечить больное общество. «Я не буду убеждать буржуазию, – писал В. Парето, – пойти по другому пути или проповедовать реформы обычаев, вкусов или предрассудков. Так же, и даже в большей степени, я не буду заставлять людей верить, будто у меня есть рецепт исцеления от той болезни, которой страдает буржуазия и, шире, все общество. Как раз наоборот. Я открыто объявляю, что ни одно такое лекарство, выдуманное для того, чтобы поспорить, мне совершенно неизвестно. Я похож на врача, который распознал, что у пациента чахотка, но не знает, как излечить его. ... пока общественные науки не продвинулись вперед, эмпиристы и люди-практики будут иметь больше мнений о том, как излечить общественный организм, чем врачи и ученые...»¹⁹¹.

Остается только добавить, что со времен Парето социология значительно продвинулась вперед, однако болезни общества, порой весьма тяжелые и смертоносные, время от времени поражают его, заставляя каждый раз искать все новые и новые лекарства для исцеления. Социологи старательно стремятся их найти и «прописать» «больному» обществу, но к его лечению их, как правило, не допускают.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем суть трактовки общества итальянским социологом? Согласны ли вы с характеристикой общества как динамичной системы?
2. Как понимал предмет и задачи социологии В. Парето? За что он критиковал О. Конта и Г. Спенсера?
3. Раскройте содержание и дайте анализ концепции нелогического действия Парето. Воспроизведите его классификацию нелогических действий.
4. Разделяете ли вы идею Парето об алогичном характере человеческих действий? Аргументируйте свой ответ.
5. Почему концепция элиты Парето вызвала значительный интерес не только у социологов-теоретиков, но и у политиков-практиков? Покажите существо этой концепции.
6. О каких типах элиты говорит итальянский социолог? Насколько созвучными нашей эпохе вы их считаете?
7. Какой политико-экономический строй предпочитал Парето?
8. Идеологи фашизма при обосновании своих человеконенавистнических идей ссылались на теорию олигархического правления Парето и использовали его аргументы. Как вы полагаете, можно ли считать Парето одним из идеологов фашизма?
9. Как вы считаете, почему Парето оказался на некоторое время забыт в мировой социологии, а затем вновь «восстановлен в правах» классика?
10. В чем состоит значение социологических идей Парето?

ЛИТЕРАТУРА

- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.

¹⁹¹ Парето В. Трансформация демократии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 158.

- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.
- Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История теоретической социологии. В 4 т. Т. 2. М., 1998.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.
- Парето В. Трансформация демократии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996.
- Парето В. О применении социологических теорий // Социол. исслед. 1995. № 10; 1996. № 1, 2, 7, 10.
- Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

-
1. *Понятие эмпирического социального исследования.*
 2. *Предыстория эмпирической социологии.*
 3. *Социальная статистика и роль А. Кетле в ее становлении.*
 4. *Моральная статистика и социальная гигиена.*
 5. *Эмпирические социальные исследования во Франции во второй половине XIX – начале XX в.*
 6. *Эмпирические социальные исследования в Англии в конце XIX в.*
 7. *Эмпирические социальные исследования в Германии во второй половине XIX – начале XX в.*

§ 1. ПОНЯТИЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

До сих пор, рассматривая основные направления развития социологии в XIX – начале XX в. и идеи ее наиболее крупных и известных представителей, мы обращали внимание прежде всего на их теоретические исследования. В них характеризовались концепции общества, взгляды на предмет социологии как науки, теоретические воззрения на основные социально-экономические и политические линии развития человеческого мира. Теоретическое знание объясняло социальную реальность сквозь призму общих и специфических тенденций ее существования и развития, ориентировало на выявление механизмов их действия и форм проявления в различных сферах общественной жизни.

Однако социологическая наука – это не только теоретические, но и эмпирические исследования, которые дают уже не общее, а конкретное знание об обществе. Эмпирическое исследование связано с получением детальной, развернутой информации относительно тех или иных социальных явлений и процессов. Оно опирается на статистический анализ, использование специальных методов их изучения. До поры до времени, пока происходило становление социологии как науки, большой потребности в таком знании не ощущалось. Вначале необходимо было сформулировать общие подходы и принципы новой науки. Но сказать, что потребности в конкретном изучении общества не существовало вообще, было бы серьезной ошибкой.

Уже в XVII–XVIII вв. осознавалась необходимость проведения переписей населения, сбора статистического материала, проведения исследований по актуальным проблемам жизни общества (рост народонаселения, рождаемость и смертность, развитие семей, благосостояние, богатство и бедность и т.д.). Такие социальные исследования – а они составили предысторию эмпирической социологии – проводились по нарастающей от века к веку, а в XIX – начале XX в. – от десятилетия к десятилетию.

При этом на ранних этапах появления социологии теория и эмпирические исследования развивались параллельно и были слабо связаны друг с другом. Речь идет о том их периоде, когда они непосредственно не нуждались в объединении усилий и совместных разработках. Затем, в XX столетии, ситуация существенно изменилась. Но об этом должен идти специальный разговор в ходе анализа истории социологии XX в. Сейчас же задача состоит в том, чтобы дать понятие эмпирических социальных исследований.

Это необходимо сделать потому, что именно они послужили основой для появления в начале XX века особой области (иногда говорят – особого направления, особой линии) развития социологической науки, связанной с получением фактографического знания, – эмпирической социологии. Под эмпирическим социальным исследованием будем понимать целенаправленное изучение конкретных социальных проблем, связанное с решением преимущественно практических задач (часто

социально-статистического и демографического характера), регулированием межгрупповых и внутригрупповых отношений и социальных процессов. Эмпирические исследования ориентированы на сбор и анализ социальных фактов и выявление ситуаций общественной жизни с использованием для этой цели специальных методов их изучения.

К социальным фактам (а это ключевое понятие социологии, и мы ранее уже неоднократно его использовали в связи с рассмотрением взглядов О. Конта, Э. Дюркгейма и др.) обычно относят, во-первых, реальные результаты и продукты человеческой (общественной) деятельности; во-вторых, поведение индивидов и действия социальных общностей; в-третьих, суждения, мнения, взгляды людей, т.е. то, что принято характеризовать как их вербальные действия. При этом следует иметь в виду, что в границах предистории эмпирической социологии (до первых десятилетий XX в.) далеко не все из этих составляющих социальных фактов оказывались предметом конкретных социальных исследований, тем более одновременно, в рамках какого-то одного из них.

§ 2. ПРЕДИСТОРИЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Первые исследования эмпирического характера, в значительной мере предопределившие возникновение целого направления социологической науки, приходится на XVII–XVIII вв. Они появились как ответ на потребность общества (государства) в получении информации о населении и материальных ресурсах для более эффективного социального управления. Уже в XVII в. проводились переписи населения и правительственные обследования. Так, во Франции первая перепись населения была осуществлена в 1697 г. Регулярные же переписи в Западной Европе стали проводиться только в XIX в.

Начавшиеся в XVII–XVIII вв. процессы урбанизации и индустриализации породили серьезные социальные проблемы в условиях роста городов – бедности, жилищного вопроса, образования, здравоохранения, рождаемости и смертности и т.д. Эти проблемы привлекли внимание государства и его органов, филантропов, социальных реформаторов, наконец, общественных организаций. Стали проводиться первые эмпирические исследования статистического и социально-демографического характера.

Главное отличие эмпирических исследований XVII–XVIII вв. от тех, которые проводились в XIX в., состоит в ограниченном использовании методов конкретного изучения социальных явлений и процессов. Из всей большой палитры эмпирических методов основной интерес привлекали статистический (социально-статистический), демографический (тесно с ним связанный) и метод наблюдения. Что касается различных форм и видов опросов, других методов, связанных с получением картины вербального поведения и действия людей (выявление их мнений, суждений, взглядов), то все они появились и стали частично использоваться гораздо позднее, в конце XIX – начале XX в. Поэтому эмпирические социальные исследования XVII–XVIII вв. можно определить как начальный этап, своеобразную предисторию эмпирической социологии, когда создавались необходимые условия для последующего их развития во второй половине XIX – начале XX в., т.е. в период формирования уже непосредственных предпосылок эмпирической социологии.

Среди представителей начального этапа эмпирических социальных исследований необходимо назвать прежде всего двух ирландских статистиков и историков, Джона Граунта (1620–1674) и его друга Уильяма Петти (1623–1687). В середине XVII в. Дж. Граунт произвел, вероятно, первый эмпирико-социальный анализ, результаты которого опубликовал в 1662 г. в книге «Естественные и политические наблюдения по поводу данных о смертности». Его и Петти считают основателями так называемой политической арифметики – направления социальных исследований официальных данных для целей оптимизации государственного управления (сам термин «социальная арифметика» принадлежит Петти; видимо, по аналогии с ним в XIX в. появилось понятие «социальная физика», которое О. Конт затем трансформировал в понятие «социология»).

Граунту удалось раньше других поставить вопрос о соотношении рождаемости мальчиков и девочек и выявить, что первых рождалось больше, чем вторых. Он также установил, что в городе смертность превышает рождаемость (14 и 13 человек на 1000 жителей), а в сельской местности – наоборот (52 и 63 человека на 1000 жителей). Им был статистически вычислен и зафиксирован еще один социальный факт: население Лондона растет втрое быстрее, чем всей остальной Англии. Граунту принадлежит первая таблица смертности, построенная им на основании возрастного распределения умерших. Этой таблицей пользовались в демографических расчетах вплоть до XIX в.

Через 10 лет после выхода в свет книги Граунта – в 1672 г. – была опубликована работа Петти «Политическая анатомия Ирландии», явившаяся значительной вехой в использовании статистики для изучения преимущественно социально-экономических явлений. В ней были осуществлены сотни всевозможных расчетов, с их помощью анализировались: социальный состав населения страны, стоимость имущества различных групп людей, рост населения в Лондоне, смертность в Дублине, последствия ирландского восстания в середине XVII в. и др. Так, Петти установил число жертв этого восстания, которое составляло со стороны ирландцев 504 тыс. и англичан – 112 тыс. человек.

Он довольно детально для своего времени определил род занятий населения Ирландии. По его расчетам, трудоспособная часть составляла 780 тыс. человек, из них немалая доля была занята работой в питейных домах. Так, в Дублине на 4 тыс. семейств насчитывались 1180 питейных домов и 91 общественная пивоварня. Всего же этим промыслом в стране занималось 180 тыс. человек.

Особенно любопытным является использование Петти некоторых количественных показателей как характеристик благосостояния населения. В качестве одного из таких показателей, к примеру, он рассматривал количество дымовых труб в доме. Понятно, что чем больше труб над домом, тем больше сам дом и, стало быть, тем более богатым является его владелец. В ходе расчетов выяснилось, что в Ирландии из 200 тыс. семейств 160 тыс. не имели постоянного очага, 24 тыс. семейств имели в доме лишь одну дымовую трубу и 16 тыс. – более одной трубы. На всю столицу – г. Дублин – было 164 дома, имевших более 10 дымовых труб. Петти также пытался подсчитать, как распределяются слуги между домами с различным числом дымовых труб.

Особенностью его работ было обращение к сравнительной статистике. Живя и работая в Ирландии, он осуществлял анализ полученных им данных социально-экономического характера по этой стране, сравнивая их с аналогичными материалами, касающимися Великобритании, Франции, Голландии и других европейских стран.

Традиции социальных исследований конкретных проблем жизни общества с использованием данных статистики рождались и в других европейских странах. В Германии проведение первых эмпирических социальных исследований связывают с именем Иоганна Зюсмилх (1707–1767), немецкого теолога, который опубликовал в 1741 г. книгу «Божественный порядок изменений в роде человеческом, подтверждаемый данными о происходящих в нем процессах рождаемости, смертности, размножения». Главное значение для последующего развития немецкой социологии имел, конечно, не божественный порядок, а собранные И. Зюсмилхом с подлинно немецкой скрупулезностью данные – богатый фактический материал о движении народонаселения как в Германии, так и в соседних Голландии, Швейцарии, Дании, Швеции. Только по одному Бранденбургу были обработаны метрические записи 1056 церковных приходов, касающиеся рождений, смертей, браков. И. Зюсмилх составил первую для Пруссии таблицу смертности, попытался количественно спрогнозировать рост численности населения в мире. Работа Зюсмилха была первой «ласточкой», заметное же распространение прикладных социальных исследований в Германии падает на последнюю треть XIX – начало XX в.

В целом необходимо сделать один весьма важный вывод: приведенные выше и некоторые другие материалы, характеризующие первые эмпирические социальные исследования в XVII–XVIII вв. с использованием данных статистического и демографического характера, были существенно значимой предпосылкой развития таких исследований в XIX в., а в последующем – появления эмпирической социологии.

§ 3. СОЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА И РОЛЬ А. КЕТЛЕ В ЕЕ СТАНОВЛЕНИИ

АДОЛЬФ КЕТЛЕ

22 февраля 1796 г. – 17 февраля 1874 г.

Развитие эмпирических социальных исследований нельзя представить без появления и оформления такой науки, как социальная статистика, поскольку весь первичный документальный материал, на котором строятся постановка изучаемой проблемы и проведение самого исследования, имеет в первую очередь статистический характер. В этой связи переоценить роль социальной статистики в возникновении и развитии эмпирической социологии невозможно.

Фундамент социальной статистики был заложен в XIX в. франко-бельгийским ученым Адольфом Кетле (1796–1874), открывшим ряд статистических закономерностей общественной жизни. Исследователи творчества А. Кетле называют его и математиком, и статистиком, и социологом, и даже астрономом. Будучи учеником известного французского ученого П. Лапласа, Кетле одним из первых стал использовать в статистике достижения математики и ее методы, прежде всего теорию вероятности, которую применил в процессе анализа социальных явлений. Основной характеристикой этих явлений он считал их неповторимость и специфичность. Но по одному явлению, одному социальному факту выводы делать нельзя, нужны статистические данные о возможно большем количестве случаев.

Кетле сформулировал основные методологические принципы изучения социальной статистики. Первый состоял в том, что социальные явления имеют регулярный и возобновляемый характер. Это, по мнению ученого, дает основание для характеристики эмпирически устанавливаемых закономерностей и тенденций, действующих среди изучаемых социальных явлений. Он доказал, что даже кажущиеся случайности общественной жизни вследствие их периодической возобновляемости обладают внутренней необходимостью.

Другой методологический принцип изучения социальной статистики состоял в том, что для получения более надежных результатов в анализе социальных явлений необходимо рассматривать большие величины, т.е. многочисленные и частые повторения этих явлений (в соответствии с математическим законом больших чисел). Отсюда следовало очень важное заключение о том, что научное исследование общественной жизни для получения строгих и точных результатов должно базироваться на применении математических количественных методов.

Поскольку Кетле, как и некоторые ученые первой половины XIX в. (в том числе, а, может быть, в первую очередь и О. Конт), рассматривал социальную физику как естественную науку об обществе, постольку он проводил аналогии между физическими фактами и средними социальными величинами, выявляя тесную связь между действием физических законов и социальных закономерностей. В свою очередь, последние оказывались у него связанными с наличием тех или иных социальных условий, которые он конкретизировал в соответствии с временем и местом действия социальных процессов и явлений. В этом заключался третий методологический принцип изучения и применения социальной статистики.

Мы говорим о принципах Кетле, касающихся социальной статистики, потому, что они весьма близки к принципам, на которых базируется эмпирическая социология, в немалой степени обязанная своим появлением его работам и исследованиям. Для нее оказалось важным, что он (первым) ввел понятие средних величин в социальных науках, разработал концепцию «среднего человека». Ее суть состоит в том, что человек в ней характеризуется не в качестве конкретной личности, а в виде элемента статистического ряда. В соответствии с позицией Кетле «средний чело-

век» рассматривается как показатель определенных качеств той или иной социальной общности. Эти идеи были изложены им в книге «О человеке и развитии его способностей, или опыт социальной физики», изданной в 1835 г.¹⁹².

Изучая устойчивые числовые корреляции между видами преступлений и социально-демографическими характеристиками преступников (их полом, возрастом, происхождением, местом проживания), Кетле приходит к выводу, что преступность (в ее количественно-статистическом выражении) присуща обществу с такой же необходимостью, с какой действуют законы природы. Некоторые установленные им в этой области статистические распределения сохранили свою устойчивость и до наших дней. Это, в частности, касается использования различных орудий преступления. В наше время, как и в середине XIX в., при совершении преступных деяний колющие и режущие предметы используются в 40–50% случаев от общего количества преступлений.

Кетле исследует средние физические свойства человека, постоянные нормы браков по различным возрастным группам, нормы рождаемости и факторы, на нее влияющие, постоянный средний процент самоубийств и преступности и на основе полученных данных формулирует среднестатистические закономерности. Свои выводы и заключения ученый делал на основании проведения ряда конкретных статистических исследований по этим и некоторым другим проблемам. В 1831 г. он опубликовал одну за другой две книги, в которых нашли отражение материалы этих работ: «Исследования о распространении преступности среди лиц различных возрастов» и «Исследования о законе рождаемости человека». Многие положения этих работ не потеряли актуальности по сей день, а отдельные из них приобрели афористический характер. Так, в первой из указанных книг ученый утверждал: «Общество подготавливает преступления, а преступник есть только орудие их осуществления».

Работы Кетле оказали значительное влияние на последующее развитие социологической науки и ее отдельных крупных представителей. Здесь в первую очередь следует назвать Э. Дюркгейма и его исследование самоубийства. Дюркгейм не мог не оценить значение теории среднего человека Кетле, оставшейся, по его мнению, единственной систематической попыткой дать объяснение той поразительной регулярности, с которой известные социальные явления повторяются в течение тождественных периодов времени¹⁹³. Вместе с тем, со многими конкретными положениями Кетле относительно анализа самоубийств Дюркгейм не соглашался и отмечал, что его теория среднего человека покоится на неправильном допущении о равномерном распределении средней склонности людей к самоубийству. Однако «тот факт, – писал Дюркгейм, – что столько-то процентов лишают себя жизни, не доказывает еще того, что остальные в каком бы то ни было размере подвержены этой возможности, и не может нам дать никаких указаний относительно природы или интенсивности причин, вызывающих самоубийства. Таким образом, теория о среднем человеке не решает поставленной нами проблемы»¹⁹⁴.

Значение Кетле определяется тем, что он развил концепцию специфического метода науки об обществе – статистического (в отличие от Конта, который в это же время обосновывал необходимость использования в новой науке – социологии – методов естественных наук). Его социальная статистика оказалась связанной с переходом от сбора и количественных описаний данных к установлению постоянных закономерностей, проявляющихся в соотношениях показателей определенных групп (рядов) общественных явлений. Ученый рассматривал эти соотношения, выявленные с помощью математического вероятностного анализа, как объективные социальные законы.

Кетле сумел разработать методики статистического анализа применительно к данным социального характера, используя при этом материалы различных стран для сравнения полученных результатов. Это, несомненно, помогло ему стать одним из создателей Международного статистического общества и организатором ряда международных статистических конгрессов, в том числе самого первого (1853, Брюссель). Разработанное Кетле понятие средних величин в социальных науках и «среднего человека» получило затем широкое распространение в мире. Подходы Кетле используются и сегодня в деятельности многих международных организаций, занимающихся изучением и решением социальных проблем, поддающихся статистическому анализу: ООН, ЮНЕСКО, МОТ (Международная организация труда) и др.

¹⁹² В русском переводе: Кетле А. Социальная физика или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев, 1911; на русском языке опубликована еще одна работа ученого: Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. СПб., 1895.

¹⁹³ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 288.

¹⁹⁴ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 293.

§ 4. МОРАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ГИГИЕНА

Эмпирические социальные исследования во Франции, Англии, Германии (именно в этих странах эмпирические изыскания достигли заметных результатов в XIX – начале XX в.) первоначально имели разрозненный, несистематический характер, проводились энтузиастами, а не государственными учреждениями. Но данное обстоятельство не только не умаляет значения имевших место исследований, но, наоборот, поднимает его до того уровня, когда их проведение стало признаваться необходимым в государственных и академических структурах.

Этому немало способствовало развитие моральной статистики и социальной гигиены. Если в XVII–XVIII вв. эмпирические социальные исследования осуществлялись в форме так называемой политической арифметики (о чем выше уже говорилось), то с середины XIX в. они проводились в рамках моральной статистики и социальной гигиены.

Моральная статистика – это особое направление статистических обследований, смысл которых заключался в сборе количественных данных о моральных (нравственных) и интеллектуальных характеристиках различных слоев населения, преимущественно городских низов, а также об условиях их жизни и труда. С появлением моральной статистики возникла возможность дифференциации социально-статистической информации, опирающейся на достоверные количественные данные о конкретных проблемах социальной реальности. Тем самым закладывались основы для базы данных будущих эмпирических социологических исследований.

Представители моральной статистики (А. Вагнер, А. Герри и др.) особое внимание уделяли анализу бедности как социального явления, показывали низкий уровень образования слоев населения, относимых ими к бедным, и, наоборот, высокий уровень преступности, характерной для них. Это давало основания исследователям ставить вопрос об улучшении условий жизни целых групп и слоев населения, которое могло бы способствовать снижению уровня и показателей их девиантного (отклоняющегося) поведения.

В рамках моральной статистики – с точки зрения близости к социологии – была написана книга Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845). Будучи сыном фабриканта, которому принадлежала текстильная фабрика, и получив ее в наследство, Энгельс имел возможность анализировать жизнь и быт рабочего класса не только на основании статистических данных, которые он активно использовал, но и в результате собственных наблюдений. Эти исследования, несомненно, способствовали его переходу на позиции коммунистической идеологии и осмыслению необходимости коренного преобразования положения рабочих, превращению их из угнетаемого в господствующий класс.

Очень близким к моральной статистике направлением сбора эмпирических данных стала социальная гигиена, тесно связанная с медицинской гигиенической статистикой. Дело в том, что в связи с урбанизацией и индустриализацией и значительным усложнением жизни трудящихся города понадобились исследовательские усилия и практические шаги, направленные на улучшение положения городских низов. Возникли массовые заболевания в связи со скученностью населения, неудовлетворительными условиями жизни и труда его большей части в крупных городах. Причем проблема состояла не только и даже не столько в борьбе с эпидемическими заболеваниями, сколько подчас просто в необходимости соблюдения элементарных санитарных условий в общественных учреждениях и личной гигиены. Изучение этих вопросов и поиск способов их решения выходили за пределы медицинской статистики и упирались в постановку проблем социального характера.

Официальная государственная информация о положении городских низов была очень скупой и неполной. Понадобились специальные усилия для восполнения данных и сбора необходимых материалов. Исследованиями такого характера занимались во всех ведущих европейских странах. Наиболее яркими и крупными представителями социальной гигиены были Л. Виллерме (Франция), Э. Чедвик (Англия), Р. Вирхов (Германия).

§ 5. ЭМПИРИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Говоря о предыстории эмпирической социологии в XIX в., следует отметить особую роль французского ученого и политического деятеля Фредерика Ле Пле (1806–1882). Он придавал особое значение сбору конкретных социальных фактов, только на основе которых считал возможным делать обоснованные выводы. Главная работа Ф. Ле Пле – «Европейские рабочие» – была издана в 1855 г. В ней содержатся результаты изучения рабочих семей, их бюджетов, которые для французского исследователя выступали в качестве основного показателя уровня и образа жизни. Ле Пле исследовал с помощью статистических методов различные источники доходов рабочих, на основании полученных результатов предлагал свою программу социального реформирования их положения. Его подход до сих пор не потерял своего значения при подготовке и проведении эмпирического социального исследования тех или иных профессиональных групп населения.

Основная сфера научного интереса Ле Пле – изучение семьи. Он был одним из первых ее исследователей с помощью эмпирических методов. Главными среди них были статистические. Однако Ле Пле прибегал к использованию и других, в частности, прямого наблюдения отдельных частных случаев и их последующего описания. Семью французский исследователь рассматривал как основную единицу социальной системы общества, в которой оно себя в полной мере воспроизводит.

Ле Пле разработал методологию и методику теоретического и эмпирического исследования семьи. В рамках первого – теоретического – направления он разработал типологию семьи, включающую три основных ее разновидности: патриархальную, нестабильную, промежуточную. Первый тип – это традиционная трехпоколенная семья с общей собственностью и господством отца (патриарха), характерная для села и крестьянства. Нестабильный тип – это двухпоколенная нуклеарная изолированная семья, наиболее часто встречающаяся в верхних слоях общества и среди промышленного рабочего класса. Промежуточный тип – это разновидность патриархальной семьи, в которой один из наследников владеет домашним хозяйством, а остальные получают свою денежную долю, что создает для них возможность работать в другом месте. При этом связи с родительским домом не обрываются, он продолжает оставаться «крепостью», в которой всегда можно укрыться от трудностей и потрясений жизни.

В теоретическом анализе семьи Ле Пле обращал внимание на нее как основной фактор социального контроля. Он считал, что государство может проводить свою внутреннюю политику и успешно решать основные задачи по управлению, только опираясь на семью и создавая необходимые условия для ее функционирования и стабильного развития.

Что касается методики эмпирического исследования семьи, то она получила наиболее полное выражение в рамках разрабатывавшегося Ле Пле монографического метода, одним из основателей которого он является. В книге «Европейские рабочие» Ле Пле оставил описание образа жизни 57 семей, занятых в различных сферах деятельности – сельскохозяйственной, ремесленной, кустарной, промышленной, проживающих в ряде регионов нескольких европейских стран, различающихся по уровню своего экономического развития. Основное внимание в этом описании было уделено семейному бюджету, структуре доходов и расходов, т.е. тому, что можно было четко выразить в количественных показателях.

Монографический метод исследования противостоял развитому в то время историческому методу. Суть первого состояла в сочетании теоретического анализа семьи с конкретными данными и материалами о ее жизни, т.е. с тем, что мы сейчас назвали бы данными полевого исследования. При этом акцент делался на рассмотрении факторов социального окружения семьи, которые оказывали на нее глубокое воздействие. Здесь и место проживания, и характер трудовой деятельности членов семьи, и уровень доходов и т.д. Особенно много сделал в плане использования монографического метода для исследования семьи ученик Ле Пле Анри де Турвиль.

В целом Ле Пле был горячим сторонником сохранения и укрепления семьи, причем в ее традиционных формах. Для этого он предлагал принять серию законов, направленных против дробления семейного имущества и семейной собственности, стимулирующих развитие семейного производства. Особое значение он придавал сохранению семейной собственности, которая выступает как не только средство производства, но и сильный моральный фактор и инструмент развития семейной преемственности. Поскольку он считал, что семья является единственной структурной единицей общества, которая способна защитить работника от колебаний рынка, а человека – от социальных бурь и невзгод, постольку реформы общества, к осуществлению которых он призывал, должны коснуться, по его мнению, в первую очередь семьи.

Рассматривая развитие эмпирических социальных исследований во Франции XIX – начала XX в., нельзя пройти мимо работ в этой области научных изысканий Г. Тарда. Они связаны прежде всего с изучением социальных аспектов преступности, выяснением ее причин как социального явления и анализом эффективности пенитенциарной системы Франции. Предмету такого внимания и интереса Тарда не следует удивляться, нужно учитывать то обстоятельство, что он в течение 25 лет работал в органах юстиции, в основном в судах, и тщательно изучал проблемы криминологии. Результатом его теоретических и эмпирических изысканий был «портрет» – как физический, так и социальный – уголовного преступника. Он содержал в себе целый ряд черт и особенностей (как физического, так и социального характера) делинквентного (преступного) типа личности, что явилось результатом анализа большого количества уголовных дел.

На основании обобщения значительного статистического материала о совершенных преступлениях Тард также рассматривал вопрос о распространенности и социальных особенностях отдельных видов преступлений не только во Франции, но и в мире в целом. В частности, он сделал вывод о том, что количество совершаемых кровавых преступлений в странах с теплым климатом растет, а с холодным – уменьшается. Работы Тарда имели значение для последующего развития не только эмпирической социологии, но и криминологии, представители которой и сегодня высоко оценивают идеи и работы французского ученого.

§ 6. ЭМПИРИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АНГЛИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В Англии значительную роль в становлении эмпирической социологии сыграл Чарльз Бут (1840–1916), исследователь, предприниматель-судовладелец, общественный деятель, реформатор. Он и его сотрудники много сделали для изучения населения города, анализируя изменения в структуре занятости, семейные бюджеты, условия труда. Эта большая работа выполнялась с помощью разных методов, в том числе включенного наблюдения (с участием исследователя в наблюдаемых процессах и событиях). Такое исследование позволило Буту изучить жизнь города изнутри. Его результатом явилось вначале трехтомное, а затем и семнадцатитомное сочинение «Жизнь и труд людей в Лондоне».

В этом издании, в отличие от первого, появилось три серии книг: «Бедность», «Промышленность», «Религиозные влияния». Чтобы лучше знать рабочие семьи, их быт, образ жизни, проблемы, Бут некоторое время сам жил среди них. Помимо включенного наблюдения, он использовал и иные методы, прежде всего статистический анализ и изучение демографических характеристик различных профессиональных групп. Рассматривая те или иные области социальных явлений, Бут стремился к их многофакторному анализу. Так, выявляя причины бедности, он разделил их на три группы. Одна была связана с работой, другая – с различными обстоятельствами жизни, третья – с привычками людей.

Анализируя дифференциацию классов («низший», «средний», «высший»), Бут в качестве критериев рассматривал количество комнат, занимаемых семьей, и число нанятых слуг. В результате «классовая структура» Лондона 1880-х гг. выглядела следующим образом. К низшему классу относилось 54% населения (те, кто не имели слуг и жили в комнате, где находилось более одного человека), к среднему – 30% (один слуга приходился на 4 человека и на каждого – от одной до четырех комнат), к высшему – 16% (все остальные).

По существу Бут заложил основы изучения социальной экологии города. Одним из первых он ввел социальные карты городских районов и улиц Лондона с обозначением дислокации бедных и богатых групп населения столицы Великобритании. Впоследствии (1920-е гг.) его опыт и материалы исследования были использованы Чикагской социологической школой при разработке проблем социальной экологии. Бут изучал дифференциацию религиозных влияний на жителей города, занимался статистическим анализом соотношения норм рождаемости и смертности в столице, сыграл большую роль в организации и проведении переписей населения.

Исследования Бута имели не просто большой резонанс, но и послужили своеобразным стимулом для принятия ряда законодательных актов об улучшении положения бедняков, в частности, о выплате пособий по безработице, о минимуме зарплаты, о пенсионном обеспечении. Эта практическая сторона эмпирического изучения населения оказалась впоследствии крайне важной особенностью прикладных социологических исследований.

§ 7. ЭМПИРИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГЕРМАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В Германии во второй половине XIX – начале XX в. эмпирические социальные исследования были связаны прежде всего с работами Э. Энгеля, А. Вагнера, А. Левенштайна. Эрнст Энгель (1821–1896) занимался преимущественно социально-статистическими исследованиями, находясь под влиянием научных подходов А. Кетле и Ф. Ле Пле. Вместе с Кетле он был одним из главных организаторов Первого Международного статистического конгресса в 1853 г. Выведенный Энгелем и известный в социальной статистике закон обнаруживает наличие, независимо от общей величины семейного бюджета и размера семьи, определенного приоритета так называемых витальных (жизненных) потребностей в еде, одежде, жилье и т.д. Обследуя бюджеты семей в Бельгии и Франции, Энгель дал типологию семей по уровню доходов и потребления. Он одним из первых доказал, что чем ниже уровень доходов и беднее семья, тем выше доля расходов на питание. Значение работ Энгеля определяется также тем, что он заложил основы практики индексации доходов, которая активно применялась в XX в. в ряде стран, в том числе в 1990-х гг. в России.

Широкую известность не только в Германии, но и далеко за ее пределами получили исследования Адольфа Вагнера (1835–1917), касавшиеся анализа статистики самоубийств в связи с целым рядом факторов: возрастом, профессией, семейным статусом, религиозной принадлежностью. При этом многие положения и выводы Вагнера предвосхитили исследования Э. Дюркгейма, но теории самоубийства как социального явления немецкий социолог так и не создал. Вагнер был также известен тем, что много занимался проблемами обработки эмпирических данных и предложил методику поиска тенденций и закономерностей при большом разбросе этих данных.

Наконец, следует назвать еще одного автора и его исследование эмпирического характера, проведенное в 1907-1911 гг. Это – Адольф Левенштайн. Его книга «Рабочий вопрос» отражает результаты исследования, проведенного методом анкетирования среди шахтеров, металлургов, текстильщиков в восьми индустриальных районах Германии. Из разосланных 8000 анкет (в каждом районе по тысяче) возвратилось 63%. В анкете содержалось пять блоков вопросов: «паспортчика» (социально-демографические данные об опрашиваемом); отношение к работе; мысли во время работы; надежды, связанные с работой; проведение свободного времени. К сожалению, исследование оказалось неудачным вследствие трудности обработки первичной социологической информации: 26 вопросов анкеты были «открытыми», т.е. не содержали в себе предлагаемых вариантов ответов. Все же следует отметить эту работу как одну из наиболее интересных попыток широкомасштабного изучения конкретной проблемы.

Большую роль в развитии эмпирических исследований в Германии сыграла основанная в 1872 г. университетскими профессорами, чиновниками и предпринимателями «Лига за социальную политику». Ее активными членами были Ф. Теннис, М. и А. (его брат) Веберы, Г. Шмоллер и другие известные ученые. «Лига» была главным центром организации и проведения эмпирических исследований в Германии в 1880–1890-х гг. Они касались положения ремесленников, кустарей, занятых в торговле, на коммерческом флоте, транспорте, и других тем, исключая проблемы индустриальных рабочих (правительство Бисмарка не разрешало их касаться). В ходе и по результатам исследований изучалась методология анкетирования, что было очень важно для становящейся на ноги эмпирической социологии. Идейным лидером «Лиги за социальную политику» был М. Вебер, который так же, как и иные участники организации, проводил собственные эмпирические исследования.

Первая работа Вебера такого рода (1892) посвящалась изучению условий труда и жизни сельскохозяйственных рабочих Германии к востоку от Эльбы. Затем, уже в начале XX в., в 1908 г. он исследует динамику профессиональной карьеры рабочих, проблемы производительности их труда и особенности образа жизни. Результатом этого исследования была его книга «К психофизике индустриального труда» (1909).

Здесь следует специально сказать, что в проведении эмпирических социальных исследований, подготовивших появление эмпирической социологии в XX в., большую роль сыграли работы и других классиков социологии (помимо Вебера), в частности, Э. Дюркгейма и Ф. Тенниса.

Об исследовании проблем самоубийства Дюркгеймом, использовании им в этих целях колоссального статистического материала уже говорилось в соответствующей главе книги, посвященной его социологическому творчеству. Да и в этой главе мы также ссылались на оценку Дюркгеймом вклада Кетле в изучение самоубийства. Помимо материалов статистического характера, связанных с проблематикой самоубийства, Дюркгейм тщательно собирал и анализировал статистику, касавшуюся вопросов развития обучения и воспитания. Это позволило ему показать динамику образовательного процесса во Франции и выявить перспективы его качественного изменения.

Что касается эмпирических изысканий, проводившихся Тённисом, то необходимо сказать о широком спектре его исследовательских интересов. В нем оказались представленными проблемы преступности, самоубийства, демографических изменений, промышленного роста, деятельности политических партий и движений. Тённис изучал социально-экономические условия жизни некоторых групп населения в Гамбурге (моряков, грузчиков, проституток), подвергая критике государство и его структуры за забвение их интересов. Другими словами, проблемы, поднятые им, были достаточно типичными, они привлекали особый интерес многих исследователей в конце XIX – начале XX в. и подлежали конкретному эмпирическому изучению.

Специально следует обратить внимание на изучение Тённисом преступности. Он анализировал это социальное явление на выборке в 3500 человек, совершивших преступные деяния. О каждом из них немецкий социолог собирал тщательнейшим образом данные, хранившиеся в исправительных учреждениях и архивах полиции. Его интересовали: происхождение преступника, тип поселения, в котором он жил до совершения преступного деяния, семейные условия, образование, профессия, фактическое занятие, профессия родителей (в первую очередь отца), место постоянного проживания и т.д. По существу Тённис собрал все необходимые данные для того, чтобы «нарисовать» социальный портрет преступника и охарактеризовать преступность как широкое социальное явление. Причем, если до него преступность получила многократные описания статистического характера, то его анализ имел больше социологический крен и оказался прообразом того подхода к исследованию преступности, который стал превалирующим в рамках эмпирической социологии XX в.

Подводя итог рассмотрению эмпирических социальных исследований в XVII–XVIII вв., а затем в XIX – начале XX в., следует подчеркнуть, что они были в целом достаточно разрозненными, не имели разработанной методологии и методики их подготовки и проведения. Существовавшие в то время социологические теории не способствовали проведению таких изысканий, поскольку напоминали по своему характеру глобальные историко-эволюционные схемы, проверить которые на микроуровне оказывалось принципиально невозможно.

Однако свою роль эмпирические социальные исследования, несмотря на все трудности их организации, проведения, обработки полученных материалов и собранной информации, сыграли. Они подготовили появление в XX в. особой линии (направления) социологической науки – эмпирической социологии.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое эмпирическое социальное исследование?
2. Расскажите о первых исследованиях эмпирического характера в XVII–XVIII вв. Почему мы их характеризуем как предысторию и предпосылку эмпирической социологии?
3. Какие проблемы ставились и изучались в ходе первых эмпирических социальных исследований? Охарактеризуйте роль статистических и демографических данных в этих исследованиях.
4. Определите роль социальной статистики в возникновении эмпирической социологии.
5. В чем состоят заслуги А. Кетле перед социологией? Какие методологические принципы изучения социальной статистики он сформулировал?
6. Что такое моральная статистика и социальная гигиена? Почему их появление и развитие было важным для развития эмпирических социальных исследований?
7. Что вы можете рассказать о творчестве Ф. Ле Пле и его значении для эмпирической социологии? Что собой представлял монографический метод, обоснованный им при изучении семьи? Какие типы семей выделял французский исследователь?
8. Какова роль Г. Тарда в развитии эмпирических социальных исследований?
9. Раскройте особенности деятельности Ч. Бута, имевшие наиболее важное значение для эмпирической социологии.
10. Охарактеризуйте эмпирические социальные исследования, проводившиеся в Германии во второй половине XIX – начале XX вв. Назовите их авторов.
11. Что вам известно об эмпирических исследованиях, проводившихся М. Вебером и Ф. Теннисом?
12. Постарайтесь обобщить эмпирические социальные исследования, имевшие место в XVII – начале XX вв., покажите их значение и объясните, почему без них не могла бы появиться эмпирическая социология.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляева Л.А. Эмпирическая социология в России и в Восточной Европе. М., 2004.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История социологии. Минск, 1993.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Лапин Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе. М., 2004.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

-
1. *Классический этап развития социологии: основные итоги.*
 2. *Основные направления западной социологии в рамках ее классического этапа.*
 3. *Общие черты западной социологии в границах ее классического этапа.*
 4. *Первые школы в социологии.*
 - 4.1. *Французская социологическая школа Э. Дюркгейма.*
 - 4.2. *Чикагская социологическая школа.*

§ 1. КЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

Эта глава посвящена подведению итогов первого, классического этапа становления и институционализации социологической науки на Западе и выявлению его значения для последующего ее развития.

Рассмотрение процесса становления и утверждения социологии как науки в XIX – начале XX в. показывает, что она прошла не простой и достаточно длительный путь, пока не получила общественного признания. Временной лаг, отделяющий признание обществом ее научного статуса от провозглашения социологии в качестве самостоятельной науки (О. Конт), имеющей свой предмет, метод, «гнездо» центральных и актуальных для общества проблем, круг основных понятий (категорий), составляет примерно три четверти века (с 1830-х гг. до рубежа 1910–1920-х гг.). Именно в конце XIX – начале XX в. стали появляться социологические кафедры и факультеты в университетах, издаваться первые социологические журналы, возникать ассоциации и сообщества социологов, что означало на деле институционализацию социологической науки, т.е. общественное признание ее ценности и необходимости.

Почему XIX – начало XX в. считают классическим этапом в становлении и развитии мировой социологической науки?

Во-первых, потому, что в рамках этого этапа были сформулированы идеи и концепции, которые стали «классическими», т.е. своего рода инвариантными для социологической науки, ее своеобразным неделимым и неразменным фондом, фундаментом для дальнейших теоретических и эмпирических построений. Вне идей и концепций О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и ряда других представителей социологической науки ее дальнейшее развитие в XX, а теперь уже и в XXI вв. было бы невозможным.

С учетом этого обстоятельства важнейшее значение истории западной социологии XIX – начала XX в., ее классического этапа состоит в том, что в его рамках возникли основные социологические школы и течения, направления и концепции, которые составили базис развития социологии в XX в. и, есть все основания надеяться, в XXI в. также. По существу речь идет о трех основных парадигмах, которые определили последующее развитие социологической науки: позитивизме, марксизме, веберизме.

Во-вторых, потому, что на этом этапе социологии появились и получили научно-статусное утверждение ее основные понятия и категории. К их числу могут быть отнесены: общество, социальный факт, социальная связь, социальное отношение, социальная система, социальное действие, социальное поведение, социальный институт, социальная группа, социальная структура, социальное взаимодействие, социальная общность, социальная функция и др. Подавляющее большинство названных понятий и категорий появилось, и это нетрудно обнаружить, путем прибавления слова «социальный» – на чисто этимологическом уровне, а в содержательном плане – в силу необходи-

мости изучать проблемы действия, поведения, функционирования и т.д. различных субъектов деятельности в системе социальных связей и отношений. Следует отметить, что в XX в. упомянутые понятия и категории были обогащены новым содержанием.

Названные выше понятия и категории рассматривались в основном в рамках теоретической социологии, которая оставалась на протяжении всего классического этапа доминирующим направлением развития. Однако они уже содержали в себе возможность их использования в процессе перехода к эмпирическим исследованиям. Именно это произошло в 1920–930-е гг., когда эмпирическая социология стала очень активно утверждать себя в десятках, сотнях конкретных изысканий.

В-третьих, потому, что в процесс становления и развития мировой социологии оказались вовлеченными, иногда независимо друг от друга, различные страны «классического» капитализма. Это в первую очередь Англия, Франция, Германия, затем – Италия, Австрия, США. Процессы возникновения и институционализации социологии проходили в них относительно синхронно, но они достаточно различались между собой. В одних случаях их патронировало государство, в других – благотворительные организации и спонсоры, одни университеты приветствовали создание социологических структур, в других не хотели даже слышать и принимать термин «социология».

Так, в конце XIX – начале XX в. появились первые социологические кафедры и факультеты в Чикагском университете (США), Сорбонне (Франция), Лондонском университете (Англия). Они возглавлялись соответственно А. Смоллом (Чикаго), Э. Дюркгеймом (Париж), Л. Хобхаузом (Лондон). Если в США (там уже в 1901 г. курсы социологии предлагались студентам в 169 университетах и колледжах) и во Франции создание кафедр и факультетов социологии осуществлялось путем их государственной поддержки, то появление в 1907 г. кафедры социологии в Лондонском университете и утверждение академического статуса этой дисциплины происходило за счет благотворительной деятельности. Вместе с тем, в этой же Англии в университетах Кембриджа и Оксфорда социологические подразделения открылись гораздо позднее, поскольку предпочтение было отдано антропологии и этнографии. Социологические курсы стали читаться в них с большим опозданием – в сравнении со многими другими университетами.

Что касается Германии, то в ней ситуация с преподаванием социологии выглядела еще хуже, поскольку на философских факультетах (а именно там было сосредоточено изучение всех гуманитарных наук) существовало «табу» на эту науку. Несмотря на работы Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера, имевшие антипозитивистскую направленность, в целом в университетах Германии социология воспринималась как исключительно позитивистская дисциплина, к тому же связанная с пропагандой социалистических взглядов, а это было недопустимо в условиях крайнего теоретико-идеологического консерватизма.

В упомянутых выше европейских странах и США возникали первые центры социологических исследований: Лондонское социологическое общество – 1903 г., Немецкое социологическое общество – 1909 г., Американское социологическое общество – 1905 г. Это способствовало социологическому сближению различных стран и созданию способов и форм их международного сотрудничества. В 1894 г. в Париже состоялся первый конгресс Международного института социологии, на котором было провозглашено создание этого учреждения (Международный институт социологии существует и сейчас, и также как и раньше, проводит свои конгрессы). На первом конгрессе присутствовали Ф. Тённис, Г. Зиммель, Л. Уорд, Л. Гумплович, Г. Тард, А. Смолл, Ф. Гиддингс, русский социолог М. Ковалевский и др. У Института был свой печатный орган – «Международное социологическое обозрение» («Revue Internationale de Sociologie»), впервые опубликовавшее свои материалы в 1893 г.

В-четвертых, потому, что в рамках рассматриваемого этапа происходило формирование идентичности европейской социологии. Именно в это время складываются, как говорит об этом французский социолог Раймон Будон¹⁹⁵, специфические особенности европейской социологии, характеризующие ее в качестве определенной единой и идентичной системы, имеющей общее направление развития. Это те особенности, которые отличали европейскую социологию от американской. В качестве главной из них можно назвать интерес к выявлению закономерностей развития общества, его глобальным теоретическим проблемам.

Чтобы лучше понять значение классического этапа социологической науки для последующего ее развития, можно попробовать провести некоторую аналогию между процессами, которые происходят в социологии и иных науках, прежде всего естественных. Возьмем для примера физику. Современные ее представители практически никогда не ссылаются на И. Ньютона, сформулировавшего основные физические законы для макромира (законы механики), крайне редко ссыла-

¹⁹⁵ Boudon R. European Sociology: The Identity Lost? // Sociology in Europe. In Search of Identity. Berlin – N.Y, 1993. P. 28.

ются на А. Эйнштейна, автора теории относительности и многих открытий в области квантовой теории света. Но представить физика наших дней, который не изучал бы того и другого, невозможно. Оба ученых, их труды и открытия – в том самом золотом запасе физической науки, которым определяется становление ее потенциала.

Нечто похожее происходит сегодня и в социологической науке, хотя, к примеру, Конта по его значению для нее трудно сравнить с Ньютоном и его местом в физике, а, скажем, Вебера с этой же точки зрения – с Эйнштейном. Конта в социологии цитируют пока еще значительно чаще, чем Ньютона – в физике, а без ссылок на Вебера редко когда обходится серьезная социологическая публикация. Но, вероятно, в социологии наступит такое время (судя по тенденциям ее развития, это может произойти в первой половине XXI в.), когда Конта, действительно, будут вспоминать очень мало и редко. Однако его идеи, прежде всего сформулированные им положения и принципы позитивизма навсегда останутся неотъемлемой частью золотого запаса науки, которой он посвятил всю свою жизнь.

§ 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В РАМКАХ ЕЕ КЛАССИЧЕСКОГО ЭТАПА

Подводя итоги классического этапа развития социологии, следует остановиться в первую очередь на характеристике сложившихся в его границах основных направлений (парадигм) с точки зрения их значения для последующего развития этой науки. Начнем с позитивизма как одного из основных направлений, течений, как одной из парадигм, моделей подхода к изучению социальных явлений, появившейся в социологии раньше других, и именно в границах классического этапа ее развития.

Это значение определяется стремлением вывести социологию на уровень естественных и даже точных наук. Попытки применить различные методы естественных наук (в том числе математические) к анализу социальных явлений и процессов, имевшие место в XIX – начале XX в., активизировались в социологии XX в. Противопоставление этих методов (наблюдения, эксперимента, сравнительного) методам получения абстрактного, зачастую спекулятивного, умозрительного знания (обеспечивающего лишь общие рассуждения об обществе), появившееся на классическом этапе развития социологии, усилилось в XX в.

В границах классического этапа развития социологии позитивизм (иногда его называют ранний позитивизм) означал в то же время редукционизм, проявлявшийся в натурализме, органицизме, эволюционизме. В одних формах редукционизма акцентировалось статичное состояние общества (органицизм), в других – динамичное (эволюционизм), в третьих проводились излишне жесткие, иногда даже вульгарные аналогии между обществом и биологическим организмом (социальный дарвинизм), обществом и механическим агрегатом (социальный механицизм).

Одновременно и параллельно с позитивизмом утверждала себя в рамках классического этапа социологии еще одна модель видения общества – марксизм, которой также суждено было сыграть значительную роль в XX в., причем не только в рамках ее теоретических истолкований, но и практического применения. Речь идет о реализации идей марксизма в осуществлении социалистических революций и создании социалистических государств. Однако в наши задачи рассмотрение этого аспекта марксизма не входит. Мы ограничимся его характеристикой как определенного социологического направления, социологической парадигмы, оказавшей значительное влияние на развитие науки об обществе в XX в.

Суть марксистской модели подхода к изучению общества состоит в материалистическом истолковании общественно-исторического процесса, базирующемся на признании приоритета экономического базиса его развития. Положив в основу социологического анализа общества экономические факторы, связанные с развитием общественного производства, марксизм теоретически определил тесную зависимость от него социальной, в первую очередь классовой структуры, а также духовной жизни.

Еще одна линия марксистского социологического анализа, предложенная науке, заключалась в признании жесткой логики развития процессов: от противоречий между производительными силами и производственными отношениями, которыми всегда наполнено общественное бытие, к классовому противоборству, являющемуся отражением этих противоречий на уровне отношений между классами, разрастанию этого противоборства до состояния конфликта между ними и его разрешению в ходе социальной революции. Марксизм первым среди течений общественной мысли

и социологических направлений провозгласил социальный конфликт основным типом межгрупповых и классовых взаимодействий в жизни общества, базирующихся на различных отношениях их субъектов к средствам производства.

Поскольку здесь речь идет о марксизме как о направлении социологической науки классического этапа ее развития, следует сказать о разных взглядах ученых на признание этого обстоятельства. Среди отечественных и зарубежных специалистов бытует точка зрения, в соответствии с которой неправомерно считать К. Маркса представителем социологической науки, а марксизм – ее направлением и, тем более, – парадигмой. Основные аргументы, которые выдвигаются в защиту этой позиции, состоят в том, что, во-первых, сам Маркс никогда не считал себя социологом, во-вторых, он решительно противопоставлял свое учение буржуазной социологии, в-третьих, многие последователи и сторонники марксизма отреклись от своей причастности, тем более, принадлежности к миру этой науки.

Полемизируя с данной позицией, следует отметить, что главный пункт противоречий между разными подходами к вопросу о признании Маркса социологом, а марксизма – особым направлением социологической науки, на самом деле заключается не в субъективном отношении К. Маркса и его последователей к социологии как предмету собственной научной деятельности. Можно не считать себя социологом, но ставить и изучать социологические проблемы, более того, показывать пути их решения, что в полной мере характеризует творчество Маркса и его сторонников, т.е. тех, кого относят к марксистскому направлению в общественной мысли. При такой постановке вопроса вполне корректно считать многих приверженцев этого направления, и в первую очередь его основателя – самого Маркса, представителями социологической науки. Ведь проблемы общества, основных моделей, законов, тенденций и факторов его развития, социальной структуры, отношений между классами и группами людей, социальных противоречий и конфликтов и многие другие – это проблемы социологические. Да и сам их теоретический анализ имеет также социологический характер.

Существенную роль в развитии теоретической социологии сыграла парадигма эволюционизма, которая представила определенную модель видения общества с позиций основных этапов и фаз его развития. При этом обязательным условием теорий в рамках этой парадигмы выступала тесная связь между трактовками эволюции в обществе и природе. Эволюционизм базировался на принципе понимания общества как организма. Большое влияние на его появление оказала эволюционная теория происхождения человека Ч. Дарвина.

В эволюционистских теориях рассматриваются три вида эволюции – неорганический, органический, надорганический, соответствующие неорганической, органической природе и человеческому обществу. Наряду с общими законами эволюции, действующими во всех этих сферах, существуют законы, характерные для каждой из них. Причем эволюционные законы высших сфер бытия не могут быть сведены к законам низших сфер, поскольку в первых существуют явления и процессы, которые отсутствуют в последних.

Эволюция рассматривается как переход из одного состояния в другое, более развитое, в рамках одной социальной системы. Человек превращается в социальное существо, становится им в процессе длительной эволюции первобытных сообществ в социальные системы. Социология должна раскрывать действие всеобщих законов эволюции в ходе изучения социальных фактов, процессов, массовых типичных явлений. В этом плане единичное, случайное, индивидуальное социологическая наука должна отвергать.

Сторонники рассматриваемой парадигмы считают, что эволюционное развитие общества на каждом своем этапе в значительной степени зависит от окружающих природных и социальных условий. Сам процесс социальной эволюции жестко предопределен, а ее этапы с «железной» необходимостью следуют друг за другом – точно так же как осуществляется переход в жизни человека от детства к юности, от нее – к зрелому состоянию, от последнего – к старости.

Основатель парадигмы эволюционизма Г. Спенсер уделял большое внимание анализу как эволюции в целом, так и в особенности социальной эволюции. Первую он характеризовал как интеграцию материи, ее переход из одного состояния (бессвязной однородности) в другое (связанную однородность), а по существу – из неорганической природы в общество через органическую, живую природу. Что касается социальной эволюции, то она «вписывается» в представления Г. Спенсера об общественном прогрессе. Его критерием является рост свободы, которая своего наивысшего развития достигает в индустриальном обществе, поскольку именно в нем не личность подчиняется обществу, а, наоборот, общество служит (или, по крайней мере, должно служить) индивидам, удовлетворению их потребностей.

Рассмотрим еще одну парадигму и основное направление социологической мысли, возникшее в рамках классического этапа становления и функционирования социологии и оказавшее существенное влияние на последующие процессы в ней, – веберизм. Оно явилось закономерным результатом антипозитивистской линии развития социологии, сначала и прежде всего в Германии, а затем и за ее пределами, где идеи Вебера были восприняты и взяты на вооружение.

Центральное теоретическое положение веберизма состоит в том, что основной сферой социологического интереса является социальное поведение, которое должно стать предметом исследовательского понимания. Со времен Вебера его последователи стали трактовать социологию как науку о социальном поведении, которое необходимо понять и истолковать. Именно на понимании смысла и значения того, что думают и делают люди, т.е. их социальных действий, основывается творчество социолога. Сама социология должна быть понимающей потому, что действие индивида, как правило, им осмысливается, и науке, следовательно, необходимо «войти» в этот смысл, понять его. Отсюда – «понимающая социология» как главная линия веберизма.

Другая линия этого направления связана с концепцией социального действия и его типологией. Введение и обоснование Вебером понятия социального действия и его типологии, включающей целерациональное, ценностнорациональное, аффективное и традиционное действия, сыграло значительную роль в развитии социологической науки XX в. Одна из наиболее разработанных социологических теорий – концепция социального действия Т. Парсонса (ее рассмотрение выходит за пределы классического этапа социологии и будет осуществлено во второй части учебника) – содержит в качестве базовых основные веберизмские положения.

Третья основная линия веберизма связана с социологическим анализом механизмов власти и бюрократии. Он оказался сопряженным с выявлением трех типов господства – легального (легитимного), традиционного и харизматического, соответствующих основным типам социального действия. Политическая социология XX в., а в значительной мере и некоторые другие отрасли социологии (экономическая социология, социология организаций) испытали и продолжают испытывать по сей день сильное воздействие веберизма.

Анализ влияния идей Вебера можно применить и при рассмотрении иных отраслей социологического знания, активно развивавшихся в XX в.: социологии религии, социологии права, социологии культуры, социологии истории и т.д. Более того, этот анализ может быть распространен на соседние с социологией сферы научного исследования: философию, этику, эстетику, историю, право, экономику, политику и др. Все это свидетельствует о мощном методологическом потенциале веберизма и его значительных возможностях.

Рассмотренные четыре основных направления классического этапа развития социологии – позитивизм, эволюционизм, марксизм, веберизм – стали ее первыми парадигмами, основными моделями и подходами к исследованию как общих, так и конкретных проблем социальной жизни. Не случайно в XX в. каждая из них стала обновляться, модернизироваться. Перед названиями этих направлений появилась сначала приставка «нео» (что означало новый позитивизм, новый эволюционизм, новый марксизм, новое веберизмство), затем – приставка «пост» (что значило уже развитие каждого направления после его очередного обновления). При очередной теоретической модернизации в XX в. от содержания этих направлений, утвердившихся в социологии XIX – начала XX в., оставалось все меньше и меньше исходных, базовых положений. Тем не менее охарактеризованные выше парадигмы и сейчас признаются как имеющие определенное значение в социологической науке.

Определив и рассмотрев четыре направления в качестве основных для социологии XIX – начала XX в., необходимо осознавать, что они находились не в идейном вакууме, не в ситуации, когда каждое из них «консервировалось в собственном соку». Названные выше направления определенным образом «относились» друг к другу. Общая характеристика этих «взаимоотношений» может быть обозначена как неприятие в целом каждым другого на уровне их лидеров. Кроме того, можно много говорить о конфронтации с социологическими воззрениями Маркса (но при этом в основном уважительном отношении к его фундаментальным идеям), о взаимном нежелании Дюркгейма и Вебера признавать значение идей другого, о негативном отношении Парето к своим социологическим предшественникам и современникам и полном отрицании им концепций Дюркгейма, Тенниса, Зиммеля, Вебера и т.д. Вероятно, для последующего развития социологии такая ситуация тоже имела значение в плане того, как не нужно относиться к социологическому творчеству других.

§ 3. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В ГРАНИЦАХ ЕЕ КЛАССИЧЕСКОГО ЭТАПА

Однако при всем при этом «классикам» мировой социологии (отнесем к ним в первую очередь О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето) были присущи общие черты. Конечно, они по-разному проявлялись в их творчестве с точки зрения глубины, выраженности, влияния на социологическую концепцию в целом. Тем не менее некоторые общие черты можно назвать.

В первую очередь речь должна идти о высоком уровне теоретического мышления, который проявился в историко-эволюционном подходе каждого социолога к анализу общества в целом (как системы) и его конкретных подсистем – политики, экономики, религии, культуры, идеологии, морали, образования. Этот подход у многих социологов (особенно у Маркса, Тённиса, Вебера, Дюркгейма, Парето) часто сопрягался со структурным анализом общества, в ряде же случаев имели место попытки дополнить последний эмпирическими исследованиями (Тённис, Дюркгейм, Вебер).

К тому же не следует забывать, и это тоже общая черта «классиков», что все они были по существу энциклопедистами, специалистами во многих областях знания: истории, экономике, праве, философии, религии, политике, культуре, педагогике, антропологии, этнографии и др. Не случайно в смежных с социологией отраслях знания ее представителей считают собственными «классиками»: Маркса и Парето – в политэкономии, Конта – в философии, Вебера – в религиоведении, истории, экономике, праве, Дюркгейма – в педагогике, этике, религиоведении и т.д.

Практически все «классики» характеризуются в своей методологической ориентации на науку, на достижение объективности, на использование уже апробированных методов научного познания и исследования. Вместе с тем, по существу все наиболее крупные представители социологии XIX – начала XX в. считают недостаточным использование только этих методов как простой экстраполяции на процесс изучения социальной реальности и выступают за создание собственно социологической методологии.

С названной общей чертой тесно связана еще одна: социологи – «классики» (исключая Маркса) были сторонниками организационного «отделения» социологии от философии, разрыва «пуповины», их связывающей, исключительно в целях провозглашения и институционализации первой как самостоятельной науки. Но они вовсе не выступали за отказ от анализа философской проблематики в изучении социальной реальности, в том числе таких вопросов, как взаимоотношения общества и личности, природа общества, специфика социального познания и др.

Еще одна общая черта наиболее выдающихся представителей классического этапа социологии, о которой нельзя не упомянуть, – их критическое отношение к капитализму, разочарование в его видимых достижениях и вера и надежда в светлое будущее этого социального строя (последнее положение абсолютно не характерно для Маркса, который надежды общества связывал с ликвидацией капитализма и победой коммунизма). Тённис отмечал разрушение общинных связей при капитализме и в этом смысле – наличие кризиса отношений между людьми и их группами, Зиммель обращал особое внимание на кризис культуры, Маркс – на жестокую эксплуатацию трудящихся, Дюркгейм много писал о проявлениях аномии при капитализме, Парето – об иррациональных характеристиках социального поведения и т.д.

Развитие социологии в XIX – начале XX в. показало наличие своего рода «сквозных» проблем, характерных для основных направлений и школ, творчества ведущих ученых. Такими сходными, а подчас едиными, оказались проблемы общества, его классификации и структуры, деятельности различных социальных институтов и организаций, социальной общности (в том числе группы), личности. Разумеется, способы анализа и решения социальных, системно-структурных, институциональных, «общностных» и личностных проблем были весьма дифференцированы. Но важно отметить другое: в рамках классического этапа социология постепенно, сначала как бы «ощупью», затем все более уверенно поднимала эти вопросы в качестве центральных для себя. Свою «стержневую» содержательную роль они будут выполнять и в дальнейшем.

§ 4. ПЕРВЫЕ ШКОЛЫ В СОЦИОЛОГИИ

Значение классического этапа в развитии социологической науки заключалось в том, что уже в его рамках стали возникать первые социологические школы. Здесь необходимо сказать о двух – французской социологической школе Э. Дюркгейма и Чикагской социологической школе (США).

За всю более чем полторавековую историю социологии существовало всего лишь несколько крупных школ. Значительная научная школа – явление в социологии не такое уж частое и распространенное. Для возникновения подобной школы необходимо наличие нескольких совпадающих по времени, месту, содержанию и направленности обстоятельств. Речь идет о каком-то конкретном периоде и его определенной продолжительности. Как правило, он занимает не менее 20 лет; это тот срок, в течение которого школа должна сформироваться как некоторое объединенное на основе общих методологических принципов и подходов научно-творческое неформальное сообщество и проявить себя соответствующим образом в социологической деятельности. Школа характеризуется наличием ярко выраженного лидера (лидеров), институционального статуса (к примеру, принадлежность к университету), центра для обмена научными идеями и творческих встреч (теоретический семинар, издание журнала), общих профессионально-этических установок ее представителей. Именно этим требованиям отвечали появившиеся в границах классического этапа две упомянутые выше школы.

4.1. Французская социологическая школа Э. Дюркгейма

При рассмотрении творчества Дюркгейма уже говорилось о том, что он оставил после себя многочисленных учеников, ряд из которых после его смерти (а некоторые – еще при жизни) стали известными не только во Франции, но и далеко за ее пределами исследователями. У школы был центр, вокруг которого объединились ее представители. Им оказался журнал «Социологический ежегодник», который был создан по инициативе Дюркгейма и издавался при его жизни в период с 1898 по 1913 гг. (после смерти основателя школы имела место попытка восстановить издание журнала – в 1925–1927 гг., а роль ее лидера перешла к ученику Дюркгейма М. Моссу). В состав школы входило до 15 социологов, среди них такие известные как Л. Леви-Брюль, С. Бугле, М. Хальбвакс, Р. Герц, А. Юбер, П. Фоконне, Ж. Дави, П. Фавр и др. Эта школа начала свою деятельность на рубеже XIX–XX вв., а распалась уже в 1930-х гг.

Особенности французской социологической школы состояли в следующем. В теоретическом плане ее представителей сближало использование в качестве методологии социологического анализа позитивизма. Центральной, интегрирующей идеей стала концепция социальной солидарности Дюркгейма и стремление ее реализовать в либеральных позициях социал-реформаторского характера (мирное разрешение классовых противоречий, учет интересов беднейших слоев населения, антиклерикальная направленность). С точки зрения определения векторов деятельности заслуга школы состояла в институционализации социологии во Франции. Сам Дюркгейм, как известно, работал в Сорбонне, там же работали многие его последователи, но некоторые из них заведовали кафедрами и были профессорами Бордоского, Тулузского и других университетов. Деятельность школы в конечном счете привела к тому, что в 1923 г. изучение социологии стало обязательным во всех вузах Франции, готовивших педагогов.

Основными направлениями исследований школы были: общая социология, ее теоретические проблемы, особенно социальная морфология (структура общества); социология религии; социология права; социология морали. Ее представители тесно сотрудничали с экономистами, правоведами, лингвистами, историками культуры и т.д. В этом нашла свое отражение реализация замысла Э. Дюркгейма о превращении социологии в систему социальных наук. Для школы был характерен не только высокий уровень научной интеграции (хотя не все идеи Э. Дюркгейма разделялись в полной мере участниками творческого сообщества), но и наличие дружеских связей и регулярного общения между ее представителями.

Школа организовала и провела ряд серьезных научных дискуссий: о предмете социологии как науки, о социологических проблемах религии, образования, экономики, политики, права, сравнительных исторических исследований и т.д. Специалисты, изучавшие деятельность школы, свидетельствуют о бойцовском, прямо-таки задиристом характере ее представителей, проявлявшемся в ходе дискуссий. Дюркгеймовское движение, как часто называли школу за рубежом Франции, вызывало большой интерес, а в Сорбонну и иные университеты, где работали социологи, приезжали учиться из США, Германии, других европейских стран.

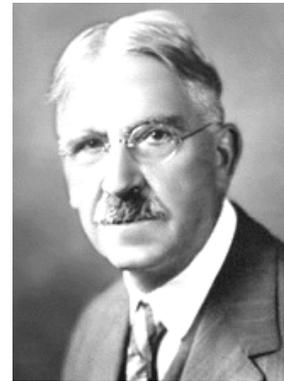
4.2. Чикагская социологическая школа

В США социологической школой, начавшей свою деятельность во время классического этапа и продолжившей ее уже за его границами, была Чикагская. Под Чикагской школой принято понимать направление научной социологической деятельности теоретических и преимущественно эмпирических исследователей, сотрудничавших на кафедре социологии (социологическом факультете) Чикагского университета в период между 1892-м и 1935 г. В рамках этого периода в деятельности школы можно выделить два этапа: подготовительный и этап активного функционирования, на который падает пик ее творчества. Рассмотрение второго этапа, связанного с возникновением и развитием зарубежной эмпирической социологии в 1920–1930-е гг., будет осуществлено в специальной главе второй части учебника.

Здесь же предлагается характеристика лишь первого этапа, связанного с появлением Чикагской социологической школы (1892–1915), т.е. с момента основания социологического факультета Чикагского университета до оформления центральных идей эмпирической социологии лидерами школы Р. Парком и Э. Берджессом. Небезынтересно отметить, что термин «Чикагская социологическая школа» появился во время приближающегося ее кризиса, в 1930 г., принадлежит он исследователю работ школы Л. Бернарду, сами же основатели и наиболее яркие представители этого направления «школой» себя не называли.

Рассматриваемый этап существования Чикагской школы характеризуется стремлением к созданию единой исследовательской программы, которую, однако, сформулировать полностью так и не удалось. Зато были решены другие задачи, которые позволили собрать вокруг кафедры социологии и социологического факультета университета немало сторонников соединения теоретических и эмпирических исследований. Так, в 1895 г. был создан первый в мире социологический журнал – «Американский журнал социологии» («American Journal of Sociology»). В отличие от «Социологического ежегодника», выходившего во Франции раз в год, периодичность американского журнала составила один номер в месяц. Следует отметить, что этот журнал продолжает под таким же названием выходить и сейчас и является, таким образом, старейшим социологическим периодическим изданием в мире. Через 10 лет после выхода его первого номера, в 1905 г., возникло Американское социологическое общество, впоследствии Американская социологическая ассоциация (АСА). Она также продолжает свою работу по сей день. Первым ее президентом и основателем был известный американский социолог Л. Уорд. Затем на этом посту побывали почти все известнейшие американские социологи XX в. (по положению, президенты ассоциации избираются на каждый год новые).

На возникновение и деятельность Чикагской социологической школы большое влияние оказали идеи американской философии прагматизма. Это были концепции Ч. Пирса, У. Джемса, Дж. Дьюи. Кстати, интересно отметить, что первой Чикагской научной школой в области социального знания была не социологическая, а философская школа прагматизма и инструментализма, которую возглавлял Дьюи. Его взгляды, особенно в области развития личности, образования, воспитания, оказали значительное воздействие на содержание социологических трактовок многих социальных проблем. В частности, одна из центральных идей Дьюи заключалась в том, что общество можно создавать и развивать только посредством воспитания людей, цель же последнего – формирование у человека стремления к достижению успеха как универсального образца поведения. Для молодой американской социологии эта теоретическая позиция стала одной из ключевых, особенно с учетом того обстоятельства, что развитие США на рубеже веков было тесно связано со стремлением всего общества, каждого конкретного человека к практической полезности действий и достижениям в любой сфере деятельности как самоцели.

В рамках первого, или подготовительного этапа школы тон задавала так называемая «большая четверка» ее отцов-основателей: А. Смолл (основатель социологического факультета), Ч. Хендерсон, Дж. Винсент, У. Томас. Из этой четверки на последующем этапе развития и расцвета школы лишь Томас усилил свое влияние благодаря написанию совместно с польским социологом Ф. Знанецким ставшей впоследствии знаменитой пятитомной работы «Польский крестьянин в Европе и Америке».

Поскольку деятельность школы группировалась вокруг социологического факультета Чикагского университета, необходимо сказать хотя бы кратко о ее направленности и подготовке социологов-профессионалов, которая здесь велась. Основной особенностью школы уже на подготовительном этапе было стремление к постановке, анализу и решению конкретных социальных

проблем, поскольку именно в этом состояла потребность бурно развивающегося американского индустриального общества, переживавшего на рубеже веков мощный экономический подъем, приток громадного количества эмигрантов и ярко выраженные процессы урбанизации.

Руководители созданного в конце XIX в. Чикагского университета и прежде всего его основатель У. Харпер считали, что в первую очередь необходимы эффективные социальные реформы, направленные на оптимизацию жизни быстро растущего города Чикаго. Поскольку половину его населения составляли эмигранты (ирландцы, итальянцы, поляки, немцы, скандинавы, евреи и т.д.), переживавшие серьезные трудности адаптации к абсолютно новым для них условиям жизни, постольку нужны были, с одной стороны, меры социального контроля, с другой – усилия по установлению согласия между различными группами населения. Отсюда вытекала суть проблемы, стоявшей перед социологами, – прояснить и объяснить до конца ситуацию и наметить пути ее оптимизации.

На выработку реформистского подхода к решению этих задач была нацелена подготовка и деятельность социологов. Здесь проявилась еще одна существенная особенность зарождающейся Чикагской школы: академическое образование, обучение студентов тесно увязывалось с проведением исследований под руководством профессоров. По существу процесс обучения в значительной своей части осуществлялся в ходе подготовки и проведения исследований, обработки полученных данных и написания соответствующих материалов. При этом сами исследования, что было обязательным требованием к ним, посвящались исключительно конкретным проблемам жизни города и социальных общностей (групп), обитавших в нем. Но, несмотря на эмпирический характер многих исследований, о проблемах социологической теории также не забывали, уделяя им определенное, хотя и не такое, как конкретным изысканиям, внимание.

Этому способствовали опубликованные отцами – основателями Чикагской школы книги и статьи, в том числе и первый учебник по социологии, изданный в 1894 г. в Чикаго (авторы – Смолл и Винсент). Он был небольшим по объему, написан в виде брошюры, в которой излагались в основном теоретические взгляды Смолла. Следующие, более фундаментальные учебники появились спустя четверть века (в частности, книга Парка и Берджесса «Введение в науку социологию» была издана в 1921 г.).

Уже на подготовительном этапе Чикагской школы стали практиковаться социологические семинары, в которых участвовали не только преподаватели и студенты факультета, но и заинтересованные в изучении конкретных проблем лица. Это могли быть работники государственных и муниципальных структур, члены политических партий и движений, бизнесмены, представители спонсорских, благотворительных и филантропических фондов и т.д. Постепенно складывался образ творческого содружества, который в полной мере реализовался уже в рамках второго этапа работы Чикагской социологической школы.

В результате в ходе подготовительного этапа удалось добиться главной цели – привлечь внимание американского (и не только, но его в первую очередь) общества к социологии, реализовать задачу ее институционализации и создать все необходимые предпосылки для плодотворных творческих исследований на следующем этапе деятельности школы. На раннем этапе были сформулированы профессионально-этические установки социологической деятельности и обучения ей. Американская социология (в лице Чикагской школы) оказалась подготовленной к появлению, вслед за теоретической линией развития, эмпирической ветви исследований в качестве самостоятельного их направления. Благодаря работам школы на ее подготовительном этапе американская, а вслед за ней и мировая социология оказались на пороге нового витка развития, связанного с полномасштабным проведением конкретных эмпирических исследований и разработкой методологии, методики и техники их осуществления. Социологическая наука постепенно вступает в новый этап своего развития.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой этап возникновения и развития социологии считают классическим и почему?
2. Дайте общую характеристику классического этапа социологии и расскажите, что означает ее институционализация.
3. Какие национальные центры развития социологии в Западной Европе и США вам известны? Охарактеризуйте их деятельность.
4. Назовите основные направления в западной социологии XIX – начала XX в., рассматриваемые как ее парадигмы. Почему эти направления выступают именно в таком качестве?

5. Вспомните общую характеристику позитивизма, которая давалась в самом начале изучения курса. Какие дополнительные знания этого направления у вас появились к концу изучения западной социологии XIX – начала XX в.?
6. Что главное, существенное вы можете выделить в марксизме как социологической парадигме?
7. Почему веберизм рассматривают как одну из наиболее значимых парадигм и в то же время одно из самых фундаментальных направлений в социологии?
8. Назовите и охарактеризуйте общие черты западной социологии XIX – начала XX в.
9. Что означает понятие социологической школы? Какие социологические школы конца XIX – начала XX в. вам известны?
10. Расскажите о социологической школе Э. Дюркгейма во Франции.
11. Как и почему зародилась Чикагская социологическая школа? Охарактеризуйте основные особенности этой школы и ее деятельность на начальном этапе возникновения и функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Арон А. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.
- Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История теоретической социологии. В 4 т. Т. 2. М., 1998.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX–XX вв. М., 1994.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

-
1. Исторические условия и предпосылки возникновения социологии в России.
 2. Предсоциологический этап. Взгляды П.Я. Чаадаева и К.Д. Кавелина.
 3. Периоды развития российской социологии во второй половине XIX – начале XX в.
 - 3.1. Первый период: господство субъективной социологии и позитивизма.
 - 3.2. Второй период: господство неокантианства.
 - 3.3. Третий период: господство неопозитивизма.
 4. Российская и зарубежная социология XIX – начала XX в.: специфика взаимосвязи.
 5. Особенности социологии в России во второй половине XIX – начале XX в.

§ 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

Социология в России возникает во второй половине XIX в., после реформы 1861 г., провозгласившей отмену крепостного права и означавшей начало новой эпохи в развитии не только экономических, но и социальных, политических, духовных процессов в жизни страны. В экономической сфере была открыта дорога развитию индустриального производства и капиталистических отношений. Стал возникать новый тип экономики как в городе, так и в деревне, потребовавший своего особого теоретического осмысления, поскольку уже имевшиеся на Западе концепции развития капитализма не вполне подходили для объяснения российской действительности. Наличие сильных остаточных феодально-крепостнических явлений, господство сельской общины как основы экономических и социальных отношений и многое другое привели к необходимости специальных научных трактовок. В них нуждалось и объяснение процессов усложнения и изменения социальной структуры российского общества в связи с появлением новых классов и слоев городской и сельской буржуазии, городского и сельского пролетариата, разночинцев и т.д.

Произошло значительное оживление социальной жизни, связанное с появлением революционных демократов, народников и иных общественных движений, как противостоявших правящему царскому режиму, так и поддерживавших его. В качестве важного социального явления возникает общественное мнение, изучать и учитывать которое становится необходимым для всех господствовавших и оппозиционных структур. Таким образом, оказываются налицо социально-экономические и политические предпосылки появления новой для России науки – социологии.

К ним в полной мере должны быть «добавлены» естественнонаучные и идейно-теоретические предпосылки, без которых ее возникновение было бы невозможным. В качестве первых необходимо назвать крупнейшие научные открытия середины XIX в. Это эволюционная теория Ч. Дарвина, клеточная теория Т. Шванна и М. Шлейдена, некоторые значительные достижения в области физики, астрономии, математики и химии. Открытие целого ряда фундаментальных законов природы, использование при этом строгих и точных методов получения естественнонаучного знания не могли не поставить аналогичных вопросов в отношении общества и методов его изучения.

Особую роль в возникновении социологии в России сыграли идейно-теоретические предпосылки, выразившиеся в существовании и влиянии отдельных социальных концепций, имевших как отечественное, так и зарубежное происхождение. Вначале коротко скажем о зарубежном идейно-теоретическом влиянии, а затем значительно подробнее остановимся на предсоциологическом этапе развития российской социальной мысли.

Одна из особенностей возникновения отечественной социологии состоит в том, что в России этот процесс происходил тогда, когда в Западной Европе социология уже активно развивалась благодаря трудам О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса и многих других представителей названной науки, не относимых к числу классиков, но внесших значительный вклад в ее конституирование. Временной лаг, отделяющий появление российской социологии от ее западноевропейской «старшей сестры», составляет приблизительно 30 лет.

Следовательно, работы поименованных выше социологов не могли не оказать влияния на те или иные концепции в России. Так, известно, что первым познакомил российского читателя с идеями О. Конта В.Н. Майков, опубликовавший в 1845 г. статью «Общественные науки в России», в которой вслед за французским социологом поставил задачу формирования новой общественной науки о законах социальной жизни людей и народов. Правда, в этой статье он оспаривал необходимость термина «социология», используя вместо него другой термин – «социальная философия». Но в данном случае значение имеет не это, а другое обстоятельство: стала внедряться в сознание общества идея плодотворности новой науки об обществе.

§ 2. ПРЕДСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТАП. ВЗГЛЯДЫ П.Я. ЧААДАЕВА И К.Д. КАВЕЛИНА

Теперь рассмотрим те отечественные идеи и теории, которые подготовили возникновение социологии и составили содержание ее так называемого предсоциологического этапа. Во временном отношении – это XVIII и первая половина XIX в. Именно в XVIII в., который принято в литературе называть веком просветительской философии, закладывались основы социальной мысли России. Конечно, в этом сыграли свою значительную роль петровские преобразования в стране. Их противоречивое влияние на последующее развитие общественной мысли очевидно. Главная проблема, которая была поставлена в «повестку дня» и которая, кстати сказать, по сию пору не «снята», – по какому пути развиваться России: должен ли это быть национальный, самобытный, отечественный путь или необходимо использовать в первую очередь европейский социальный опыт.

В XVIII в. предлагались различные варианты развития России, прежде всего в плане ее социально-политического устройства, характера власти и роли государства в жизни общества. Существовали идеи укрепления этой роли, вплоть до признания необходимости авторитарного и деспотического социально-политического управления (Ф. Прокопович, В. Татищев). Этим взглядам противостояли идеи либерального характера, сформулированные Д. Аничковым, С. Десницким, Я. Козельским, А. Радищевым. Они акцентировали внимание на отдельных сторонах развития России, связанных с деятельностью общины (Аничков), хозяйственными, экономическими и трудовыми процессами (Десницкий), уничтожением крепостничества и самодержавия (Радищев) и др.

В первой половине XIX в. формулируются новые концепции, сыгравшие немалую роль в появлении социологии. Они касаются обоснования идеи историзма (Н. Надеждин), революционного преобразования общества как необходимого условия его прогрессивного развития (П. Пестель), наконец, введения новой позитивной науки об обществе – социологии (В. Майков).

Одной из ключевых фигур в социальной мысли России в первой половине XIX в. был Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), внесший своим знаменитым философическим письмом 1829 г. заметный вклад в направление социологического поиска. Оно было первым среди восьми писем, написанных в 1829–1831 гг. и ходивших в рукописном варианте на французском языке по стране. В 1836 г. письмо было переведено на русский язык и опубликовано в журнале «Телескоп», вызвав при этом гнев и ярость императора Николая I. Журнал был запрещен, все, имевшие отношение к его выпуску, строго наказаны, самого же автора письма объявили сумасшедшим и заключили под домашний арест. Какие же его идеи вызвали столь непримиримую реакцию власть имущих?

В письме Чаадаев рассматривал роль и место русского народа в истории цивилизации, давая ему крайне негативную и низкую оценку. Он писал: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось... То, что у других составляет издавна самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение»¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 18.

Автор письма стремится доказать, что у России нет традиций, что все в этой стране основано на подражании и заимствовании, что она живет без правил и убеждений. В этом смысле она выпадает из единства исторического процесса и находится в стороне от общечеловеческого прогресса, живет вне мировых традиций, без прошлого и будущего. «Мы живем, – писал он в этой связи, – лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. ... выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и традиционных идей человеческого рода. А между тем на них основана жизнь народов, из этих идей вытекает их будущее и происходит их нравственное развитие. Если мы хотим, подобно другим народам, иметь свое лицо, мы должны сначала как-то переначать у себя все воспитание человеческого рода. К нашим услугам – история народов и перед нашими глазами – итоги движения веков»¹⁹⁷.

Трагическая и безысходная картина жизни России дополняется фиксацией ее полного одиночества в мире, бесцельности бытия в нем: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили»¹⁹⁸. Трудно нарисовать более мрачную реальность, из которой в то время Чаадаев не видел выхода. Правда, в последующем он занял более оптимистическую позицию, утверждая, что у России есть возможность более правильного социального выбора, связанного с решением проблем социального порядка и использованием плодотворных идей, накопленных человечеством.

Значение критических воззрений Чаадаева состоит в том, что они дали толчок для появления двух основных направлений социальной мысли в России – западничества и славянофильства, направлений, не только противостоявших друг другу на арене идейного столкновения и конфликта, но и превратившихся в тот духовно-теоретический стержень, вокруг которого стали впоследствии формироваться многие социологические концепции. Главный пункт противоборства состоял в понимании сущности и путей социального развития России.

Авторы западнических концепций признавали приоритет общечеловеческих социальных образцов и моделей на основе рационалистического западного идеала и доказывали необходимость их насильственного внедрения. Авторы славянофильских теорий, наоборот, отрицая такой путь, убеждали в необходимости естественного и органического развития отечественной культуры за счет доминирования национальных ценностей, образцов, идеалов и традиций. Наиболее яркие представители первого (западнического) направления – В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, второго (славянофильского) – К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков.

Нас эти направления интересуют не столько в плане определения их роли в духовной жизни России, сколько с точки зрения выявления содержащихся в них идей, имевших социологическое значение. Говоря о таких взглядах западников, отметим среди них: рассмотрение в качестве основного субъекта социально-преобразовательных процессов народов и классов; акцент на революционном характере изменений в обществе (особенно со стороны революционного крыла западничества); подчеркивание роли социальных конфликтов в жизни общества; стремление выявить единство мировой истории и определить ее закономерности и др. Что касается славянофилов, то для социологической науки в России имели особое значение такие их идеи как: признание особой роли духовной детерминации социального поведения людей; подчеркивание самобытности культурных типов; характеристика общины как основной экономической, социальной и культурной формы жизни в обществе; рассмотрение социальной эволюции как наиболее органичного типа развития и перехода общества от одного состояния к другому.

Различия в позициях западников и славянофилов попытался преодолеть Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885), и в этом его главное значение на пути «собирания» социологии в России. Стремясь преодолеть недостатки и ограниченность каждого из двух основных направлений отечественной социальной мысли, он своими идеями по существу завершает предсоциологический этап и создает необходимые предпосылки для непосредственного перехода к конституированию социологической науки. Его главная мысль состоит в необходимости нахождения таких форм и путей развития России, которые позволили бы органически сочетать лучшие достижения человечества (они в работах ученого выступают как европейские) и национальный опыт. То и другое, взятое порознь, ведет к негативным результатам. В статье «Наш умственный строй» Кавелин писал: «Принимая из Европы без критической проверки выводы, сделанные ею для себя из своей жизни, наблюдений и опытов, мы воображаем, будто имеем перед собой чистую, беспримесную научную истину, всеобщую, объективную и неизменную, и тем парализуем собственную свою деятельность в самом корне, прежде чем она успела начаться»¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 20.

¹⁹⁸ Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 25.

¹⁹⁹ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 316.

Чтобы этого не было, необходимо развивать самобытное начало собственной жизни, придающее ему «отличную от всех других физиономию», стремиться к высокой нравственности народа. «Только когда у нас разовьется индивидуальное начало, когда народится и на Руси нравственная личность, может измениться и наша печальная ежедневная действительность»²⁰⁰.

С личностью, прежде всего, ее внутренним саморазвитием, нравственностью и культурой связывал общественный прогресс Кавелин. Исследователи его творчества справедливо отмечают, что именно в трактовке прогресса как внутреннего саморазвития личности (а не изменения внешних социальных форм) оказался заложен переход к субъективной социологии, которая стала одним из доминирующих направлений развития этой науки в России.

§ 3. ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В чуть более полувековом развитии российской социологии (1860–1910–1920-е гг.) можно условно выделить три периода: первый – 1860–1890-е гг., второй – 1890-е гг. – начало XX в., третий – начало 1900-х – рубеж 1910–1920-х гг.).

3.1. Первый период: господство субъективной социологии и позитивизма

Первый период российской социологии, как и на Западе, был тесно связан с господством позитивистских идей. С ними близко соотносились положения субъективной социологии, составлявшей «российскую специфику». Вначале ощущалось довольно сильное влияние концепции О. Конта (работы П.Л. Лаврова, В.В. Лесевича, Д.И. Писарева), но затем оно оказалось преодоленным. На рубеже 1860–1870-х гг. появляются первые «чисто» социологические работы, выполненные в духе субъективной социологии и позитивизма. Они принадлежали П.Л. Лаврову и Н.К. Михайловскому. С этого времени, пишет известный российский социолог Н.И. Кареев (о котором далее подробно будет сказано), у нас «началось развитие социологической литературы»²⁰¹.

К появлению субъективной социологии и позитивизма как самостоятельных направлений в российской социологии следует относиться, по-видимому, неоднозначно. С одной стороны, нельзя отрицать влияния западно-европейских его основателей и принятия целого ряда их позиций. Это видно из работ российских авторов и в первую очередь из рецензии П.Л. Лаврова 1868 г. на книгу «Огюст Конт и положительная философия». С другой стороны, ряд положений «классиков» позитивизма подвергался ими критике.

Что привлекало российских исследователей в позитивизме? В первую очередь, стремление его сторонников создать новую науку об обществе, синтезировать научное знание, активно использовать методы естественных наук для анализа социальных процессов и явлений. Социология, вслед за Контом, рассматривалась как высшая наука в системе научного знания о мире, призванная открывать и разрабатывать наиболее общие социальные законы. Поэтому не случайно был проявлен громадный интерес к использованию самых разнообразных эмпирических данных о социальных процессах. Однако при этом объект и предмет социологии российскими исследователями не был выявлен достаточно четко, в результате чего социология и социальная философия оказались «неразмежевавшимися», а зачастую и просто причудливым образом соединенными.

В рамках первого периода российской социологии сложилось несколько направлений исследований. Это были: субъективная социология и тесно связанное с ней психологическое направление (Н.И. Кареев, Н.М. Коркунов, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков); позитивизм М.М. Ковалевского; натурализм в его различных формах (Н.Я. Данилевский, П.Ф. Лилиенфельд, Л.И. Мечников, А.И. Стронин), среди которых выделялись географический детерминизм и органицизм; экономический материализм и ортодоксальный марксизм (Г.В. Плеханов).

²⁰⁰ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 318.

²⁰¹ Кареев Н.И. Взгляд на современное состояние социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997. С. 32.

3.2. Второй период: господство неокантианства

Теперь перейдем к рассмотрению второго периода развития социологии в России. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. российский позитивизм (как ранее и западноевропейский) столкнулся с рядом трудностей и противоречий, связанных с натуралистическим и психологическим редукционизмом в социологии. В связи с этим были подвергнуты критике попытки сближения социологии с естествознанием и объяснения социальных процессов с помощью естественнонаучных методов. Возникает антипозитивистское течение в социальной мысли России, «ядром» которого стало неокантианство.

В его теоретико-методологических рамках, наряду с критикой вульгарного натурализма, эволюционизма и механицизма, доказывалось, что общественную жизнь в целом, в России в частности нельзя рассматривать как разновидность естественного, природного процесса. В ней необходимо видеть, с точки зрения неокантианства, в первую очередь культурно-ценностные аспекты человеческого поведения, обладавшие уникальными, неповторимыми особенностями. С подчеркиванием именно этой позиции было связано отрицание единства гуманитарного и естественнонаучного знания и признание доминирующего значения первого. Наиболее яркими представителями неокантианства в российской социологии были Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.М. Хвостов.

Возникновение неокантианства в российской социологии, впрочем, вовсе не означало отказа многих авторов, разделявших позиции позитивизма и субъективной социологии, от своих научных убеждений и взглядов. Но в результате появления философско-социологического «антипода» позитивизма – неокантианства стала усиливаться научная аргументация этих взглядов, что в конечном итоге способствовало идейно-теоретическому обогащению российской социологии. Продолжают успешно работать Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.Ф. Лилиенфельд, Е.В. де Роберти, сторонники экономического материализма и другие.

Трудности поджидали российскую социологию совсем с другой стороны, они касались ее общественного признания и институционализации. Новая наука в правящих кругах была встречена настороженно, если не сказать враждебно. Одна из основных причин – ее тесная связь с событиями и оценками политической жизни в стране и за рубежом и попытки включения в непосредственную политическую деятельность ряда социологов, особенно тех, кто требовал революционного ниспровержения существующего строя. Кстати, именно тесной связью с реальными политическими процессами и действиями отличалась российская социология (по крайней мере, ряд ее представителей, что бросало «тень» на всю науку) от западной, поскольку последняя формировалась в постреволюционных условиях и не была ориентирована на радикальное преобразование власти.

У российской социологии долгое время не было своих журналов, кафедр в университетах, профессиональных сообществ и учреждений. Вместе с тем, печатались книги социологов – при условии благополучного прохождения ими цензуры. Переводились на русский язык и издавались работы зарубежных социологов – также при соблюдении этого условия. Однако, если обнаруживалось их «враждебное действие на умы», книги могли быть изъяты и уничтожены. Ранее, в главе о психологическом направлении уже писалось о судьбе русского перевода второго тома «Динамической социологии» Л. Уорда, сожженного по специальному решению царского правительства, члены которого сочли эту книгу подрывной и враждебной его устоям. Сам Уорд, по словам Ковалевского, был уверен в том, что поводом к сожжению послужило смешение «динамизма» с динамитом.

Многие представители российской социологии были вынуждены работать и публиковаться за рубежом. В исследовании «Социология на Западе и в России» Ковалевский описывал случай, имевший место с ним на границе в начале XX в. при его возвращении на Родину. Жандармский полковник обратился к нему со словами: «Нет ли у Вас книг по социологии? Вы понимаете... в России – это невозможно»²⁰². Когда в 1908 г. при создании частного Психоневрологического института (во главе с академиком В.М. Бехтеревым) в нем была открыта первая в России кафедра социологии (ее возглавляли сначала М.М. Ковалевский, затем Е.В. де Роберти, позднее – П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев), министр народного просвещения Шварц заявил на приеме, что социология – это предмет, который компрометирует учебное заведение. Термин «социология» так и не прижился в дореволюционной России. Чтобы преподавать эту дисциплину в рамках учебного плана и включать ее в программы учебных заведений, для социологии подыскивались слова-заменители.

²⁰² Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997. С. 102.

Тем не менее результаты работы российских социологов были налицо. Они получили общественное признание за рубежом, где не только издавались их книги, но и проходили под эгидой Международного института социологии первые международные социологические конгрессы с участием российских ученых. Трое из них – Ковалевский, Лилиенфельд, Сорокин – избирались в разное время президентами института. Это свидетельствовало о международном признании российской социологии. Росту ее популярности и авторитета способствовало создание Ковалевским и де Роберти в 1901 г. в Париже «Высшей Русской школы общественных наук». Обязательным предметом в ней была социология, занятия же вели ведущие российские и западные ученые. В деятельности школы по существу отрабатывалась первая модель российского социологического факультета. Но школа, к сожалению, просуществовала недолго (до 1905 г.) и по требованию царского правительства была закрыта.

3.3. Третий период: господство неопозитивизма

В границах третьего периода развития российской социологии ведущим направлением становится неопозитивизм (А.С. Звоницкая, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев). Его представители считали необходимым исследование в первую очередь социального поведения, социальных связей, социального взаимодействия, социального общения. Они ратовали за превращение социологии в описательную науку с предельно объективным и точным изучением как на теоретическом, так и эмпирическом уровнях самых различных сторон социального поведения и взаимодействия.

Наряду с неопозитивизмом возникает так называемая «христианская социология» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.А. Франк). В качестве предмета социологии ее представителями, равно как и неопозитивистами, берется рассмотрение социального. Это позволяет социологии отмежеваться от других наук и выйти на уровень предметного самоопределения. Усиливается развитие как легального, так и ортодоксального марксизма и экономического материализма (Г.В. Плеханов, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, В.И. Ульянов). По существу сохраняются все остальные ранее утвердившиеся направления социологической мысли в России. Продолжает издаваться отечественная социологическая литература и публикуются переводы на русский язык социологических трудов зарубежных ученых. Заметным явлением становятся четыре выпуска сборника «Новые идеи в социологии», подготовленные кафедрой социологии Психоневрологического института.

Таким образом, развитие российской социологии во второй половине XIX – начале XX в. шло по пути наращивания научного потенциала и усложнения структуры за счет появления все новых и новых направлений и течений. Тенденция к нарастанию была заметной и относительно процесса институционализации социологической науки. В 1912 г. была открыта социологическая секция на историческом факультете Петербургского университета. В 1916 г. учреждается Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского. В 1917 г. вводится ученая степень по социологии, создаются кафедры социологии в Ярославском и Петроградском университетах. В 1920 г. в последнем открывается факультет общественных наук (первый в России), включавший в себя социологическое отделение во главе с П.А. Сорокиным.

Однако новая тоталитарная социальная система не нуждалась в социологической науке. После высылки П.А. Сорокина за рубеж в 1922 г. по указанию В.И. Ленина начался разгром российской социологической науки, который был довершен И.В. Сталиным. Отечественная социология погрузилась в черную ночь забвения. (Подробнее об этом см. во второй части учебника).

Выше были охарактеризованы периоды исторического развития отечественной социологии, в ходе краткого обзора которых обращалось внимание на появление направлений, течений и отдельных социологов, сыгравших заметную роль в становлении и конституировании этой науки в России. Сейчас речь пойдет о ее содержательном рассмотрении, которое будет осуществлено в рамках трех ориентаций, хронологически совпадающих с периодами исторического развития социологии²⁰³.

Первая из ориентаций в литературе получила название синтетической. Поскольку она совпадает с господством позитивизма в российской социологии, постольку ее содержание определяется стремлением к синтезу естественнонаучного и социального знания. Синтетическая ориентация получила отражение в создании позитивистской модели общества как целостного организма. При этом особое внимание в российской социологии обращалось на такие аспекты жизни общества, как его культура, моральная среда, политический и этический идеал. В центре внимания социологов оказываются проблемы соотношения индивида и общества, индивида и группы, индивида и социальной среды, вопросы социального действия и взаимодействия.

²⁰³ См. об этом подробнее: Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000. С. 25–28.

В конце XIX в., в связи с актуализацией антипозитивизма и распространением неокантианства, в российской социологии усиливается аналитическая ориентация. Общество рассматривается уже не как организм, а в качестве организации духовно-нормативного характера, для изучения и развития которой необходим социокультурный анализ и знание ценностей. Расширяются круг социологических проблем и фактологическая база науки, поскольку приобретает интерес изучение социальной структуры, типов социального поведения и социальных институтов. Основными проблемами становятся: соотношение индивида, нормы, культуры; мотивация социального действия; взаимосвязь реального и идеального в обществе.

Наконец, третья ориентация – аналитико-синтетическая – возникла как взаимодополнение первых двух (синтетической и аналитической) на этапе развития российской социологии в начале XX в. Известно, что критика позитивизма (на первом этапе) неокантианством (второй этап) показала ограниченность каждого из них. Это стало ясно в ходе развития неопозитивизма и христианской социологии (третий этап). Внешне не принимая друг друга, оба направления стремились к одной и той же цели – определению статуса социологии и ее границ как науки. В результате синтеза реализма и номинализма, стремления к методологическому объективизму, описания общества как целостного организма, в котором все элементы связаны функционально, российская социология достигла большего уровня зрелости, вышла на новые рубежи теоретического анализа, пришла к осознанию необходимости интеграции социального знания.

§ 4. РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ СОЦИОЛОГИЯ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ: СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ

Рассмотрев предпосылки возникновения, периоды развития и ориентации российской социологии во второй половине XIX – начале XX в., мы имеем необходимые основания для характеристики в целом ее особенностей в эти шесть – семь десятилетий. Их можно смело рассматривать как классический этап в развитии российской социологической науки. В ходе этого этапа оказались сформулированными основные социологические идеи, синтезировавшие лучшие достижения мировой (европейской) социологии с концептуальными положениями отечественных исследователей, в которых был дан анализ специфических социальных проблем российского общества. Классический этап оказался непродолжительным по времени, но богатым по содержанию. В сравнении с классической западно-европейской социологией российская «классика» оказалась не столь протяженной (в Европе этот период продолжался на 30 лет больше) и менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями.

Укажем в этой связи, что процессы институционализации в российской социологии так и не осуществились в полной мере, в результате чего не удалось добиться настоящей университетской подготовки кадров профессиональных социологов. Российская социология оказалась обделенной проведением эмпирических исследований (хотя бы на примитивном уровне). В ней не сложилось предпосылок для появления настоящих научных школ. Наконец, Россия не дала человечеству ни одного социолога крупного, «классического», мирового масштаба. Вряд ли можно отнести к их числу Питирима Сорокина, который стал ученым такого уровня, работая многие годы уже не в России, а в США.

Одна из особенностей российской социологии состояла в одностороннем характере ее связей с западной социологической наукой вплоть до начала XX в., пока ситуация не стала понемногу меняться в лучшую сторону. Если работы западных исследователей в России активно переводили и публиковали, то деятельность российских социологов была мало известна их коллегам на Западе. Исключение составляли Г.Н. Вырубов, М.М. Ковалевский, Я.А. Новиков, Е.В. де Роберти, жившие достаточно продолжительное время за границей. Дело в том, что они писали и публиковали свои работы (по крайней мере, отдельные) на французском, немецком, английском языках. Г.Н. Вырубов, помимо этого, вместе с учеником О. Конта Э. Литтре издавал во Франции с конца 1860-х гг. журнал «Позитивная философия» (его ввоз в Россию до 1881 г. был запрещен). В нем иногда публиковались работы российских социологов. В остальном же их достижения не были известны западным ученым. Плохая информированность за рубежом о состоянии российской социологии не способствовала росту ее авторитета и развитию в своем отечестве.

В результате определенной изоляции, а также вследствие негативного отношения к ней со стороны правящего режима социология в России длительное время развивалась благодаря активной деятельности отдельных ученых, подлинных энтузиастов новой науки. Круг социологических проблем, исследовавшихся ими, оказался тем же самым, что и у западных ученых: предмет, методы, понятийный аппарат социологии, ее соотношение и взаимодействие с другими науками,

в первую очередь с психологией, проблематика социальной структуры общества и социального поведения. Так же, как и на Западе, велась активная полемика по поводу позитивизма, его перспектив в социологии.

Здесь сделаем одно маленькое «отступление в будущее». Сказанное выше о российской социологии XIX в. удивительно напоминает ситуацию «сто лет спустя». С учетом этого обстоятельства можно говорить: о таком же тридцатилетнем отставании отечественной социологии в конце XX – начале XXI в.; о многочисленных препятствиях, которые чинили социологам власти в стране на протяжении нескольких десятилетий; об одностороннем характере связей с зарубежной социологией, работы представителей которой гораздо лучше известны в России, чем достижения отечественной науки – за границей; о тех же общих для мировой и отечественной социологии проблемах; об отсутствии в России социологических «звезд первой величины» и т.д. Воистину повторяется не только история, но и история социологии. Весь вопрос – в каком виде: трагедии, комедии, фарса или еще как-то.

Специфика российской социологии второй половины XIX – начала XX в. проявлялась в возникновении новых направлений и течений, не характерных для западного научного мира. Среди них – народничество, легальный (неортодоксальный) марксизм, христианская (православная) социология. Были в отечественной социологии и темы (проблемы), не привлекавшие внимания на Западе, но получившие широкое поле для дискуссии в России. Это проблемы интеллигенции, социализма, политической истории, политического идеала и некоторые другие.

В качестве примера рассмотрим эволюцию взглядов российской социологии на интеллигенцию. Еще Д.И. Писарев определил ее как «мыслящий пролетариат». Затем интеллигенцию рассматривали как внеклассовую и даже надклассовую социально однородную группу, призванную выполнить роль лидера в духовном и социальном прогрессе страны. Далее появляется концепция «критически мыслящей личности» П.Л. Лаврова, в которой интеллигенции отводится особое место в жизни общества и его преобразовании. Наконец, российские социологи рассматривают взаимодействие интеллигенции с другими классами и социальными слоями общества. Небезынтересно отметить, что тема интеллигенции оказалась вообще сугубо российской, она так и не привлекла внимания западных социологов, зато «сто лет спустя» в отечественной социологии превратилась в одну из наиболее дискутируемых.

Строго говоря, процессы запаздывания социологического развития в России в сравнении с Западом были как бы «запрограммированными» в силу ее отставания в сфере промышленного производства и развития экономических отношений, присущих капиталистическому обществу. Конечно, прямой и жесткой связи между экономическими характеристиками общества и состоянием социологической науки в принципе не существует, но в рамках данного исторического контекста экономическое отставание общества так или иначе сказалось на развитии социологии. Тем более, что в России в середине – второй половине XIX в. наблюдалось причудливое сочетание, даже переплетение экономических и социальных отношений индустриального и патриархального типа, тормозившее в целом развитие капитализма, что не могло не сказаться на общем состоянии социальной мысли.

§ 5. ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Обозначенная выше ситуация в значительной мере обусловила процессы становления российской социологии как чрезвычайно самобытной науки, возвращенной на отечественной почве и несшей на себе особенности социально-экономических, политических и культурных отношений в стране. Данное обстоятельство привело ее к стремлению моделировать различные варианты развития общества, два из которых оказались основными – западный и свой, отечественный, национально-специфический.

Как следствие сказанного выше возникла еще одна особенность российской социологии, связанная с рассмотрением в качестве центральной проблемы прогресса в обществе. Что считать прогрессом: развитие общества либо человека и как к нему идти: революционным или эволюционным путем – эти два вопроса были характерными для российской социологии. В связи с поиском «формулы прогресса» и путей его достижения особое значение российские социологи уделяли вопросам социальной мотивации, социального поведения, социального взаимодействия. Отсюда в качестве постоянно присутствующей – проблема взаимоотношения личности и группы. Здесь российская социология воспроизводила одну из центральных линий развития мировой социологии.

Постановка названных выше проблем сама по себе свидетельствует еще об одной важной особенности российской социологии – ее тесной связи и по существу переплетении с социально-философским анализом. Российская социология в своей национально-специфической форме прошла путь, характерный в целом для мировой социологии: от философии к социальной философии и далее через социальную теорию к теоретической социологии.

Особенность российской социологии заключалась в постоянном противоборстве двух тенденций – реалистической и утопической. Каждая из них получала свое воплощение не только в теоретических аргументах, но и в политических программах целых общественных движений – либерализма и радикального народничества. Реалистические идеи либералов находили свое социологическое выражение в концепции многофакторного развития общества, в рамках которой общество рассматривалось в состоянии сложного динамического равновесия между социальными субъектами и основными социальными формами их жизни. В названной концепции получили отражение идеи социального плюрализма, равнозначности и равноценности общества и личности, необходимости установления между ними отношений солидарности.

Что касается утопических идей, то социологи, утверждавшие их в своих работах и в практике деятельности на стороне революционного народничества, исходили из одномерного представления об обществе как агрегате, который требует своего социального переустройства. Для этого нужно, по их мнению, создание хорошего научного социального проекта революционного преобразования общества, которое можно осуществить исключительно на основе активности субъективного фактора, т.е. воли и желания людей изменить мир. При этом речь шла об активности не столько общества в целом, сколько группы наиболее мыслящих социальных субъектов, к тому же обладающих для достижения этой задачи важными чисто личностными качествами: храбростью, неустранимостью, последовательностью в реализации поставленных целей, волей и т.д.

Нельзя не сказать о довольно сильном влиянии на российскую социологию христианской философии, без чего особенности становления первой будут поняты не до конца. В России, как хорошо известно, влияние религиозного мировоззрения было весьма сильным и не могло не сказаться на развитии социологии. В этом плане достаточно назвать лишь несколько «знаковых» имен: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.А. Франк, определивших возникновение христианской социологии. Несомненно, под влиянием религиозной философии и социологии происходило обращение к жизненному миру конкретного человека, выражавшееся в стремлении описать структуру его сознания на базе применения методов «понимающей» науки.

Отсюда может быть выведена еще одна особенность российской социологии – наличие в ней двух парадигм: объективной и субъективной. В западноевропейской классической социологии эти парадигмы, как известно, были связаны с именами наиболее ярких их выразителей – Э. Дюркгейма и М. Вебера. В российской социологии ситуация оказалась более сложной и не столь заметно выраженной – как с точки зрения персоналий, так и в плане социологического анализа. Правда, на начальном этапе возникновения социологии дихотомия «объективизм – субъективизм» была весьма заметной, что объяснялось исходной ориентацией этой науки в России на общественную практику и обслуживание ее интересов. Отсюда субъективная парадигма была представлена гораздо сильнее. Но по мере развития социологической науки и движения ее к поиску национально-особенного пути развития общества обе парадигмы стали сближаться в рамках тенденции их синтеза.

Так сформировалась еще одна особенность российской социологии, которую в литературе характеризуют в качестве органического подхода к обществу. Речь идет о стремлении представить мир «как некое иерархизированное целое, где общество и человек хотя и своеобразные, но только элементы системы. Этим определялась склонность российских мыслителей к широчайшим социологическим обобщениям на основе принципа единства микрокосма и макрокосма и включения социальной эволюции в общемировую»²⁰⁴.

Несмотря на теоретический и практический интерес к миру и обществу как его органичной части, центром притяжения социологического внимания в российской науке всегда оставался человек. Проблема человека традиционно считалась ключевой. Антропологизм как один из основных методологических принципов составлял важную особенность российской социологии. Отсюда в ней проявлялся большой интерес к этическим проблемам жизни общества, которые в работах социологов были тесно связаны с поведением человека.

Завершая главу, отметим, что российские ученые внесли свой достойный вклад в развитие социологической науки. Он еще не очень хорошо изучен и плохо известен и нам, и Западу. Но можно с уверенностью сказать, что в России было несколько течений и направлений в социологии, которые, взаимодействуя, хотя и весьма своеобразно, с западноевропейской и американ-

²⁰⁴ Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000. С. 14.

ской наукой, сумели отличиться «лица необщим выраженьем». В работах российских социологов отражались взгляды различных классовых и идейно-политических сил – от революционно-демократических до консервативных. При этом нужно отличать мыслителей, в мировоззрении которых социологические взгляды существовали наряду с иными, от стремившихся работать в области социологии профессионально. Мы будем обращаться преимущественно к творчеству последних.

Теперь перейдем к рассмотрению основных направлений российской социологии. Среди них особое внимание обращается на субъективную социологию, позитивизм, натурализм, неокантианство, неопозитивизм как наиболее развитые и влиятельные течения российской социологии XIX – начала XX в.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Раскройте исторические условия возникновения социологии в России.
2. Когда, как и почему возникла отечественная социология?
3. Охарактеризуйте идейно-теоретические предпосылки возникновения социологии в России. Назовите представителей «предсоциологического» этапа.
4. Почему идеи П.Я. Чаадаева считаются одними из важнейших среди тех, которые обусловили появление социологии в России? Проанализируйте эти идеи.
5. Какими идеями обогатили процесс формирования молодой российской социологии теоретические положения «западников» и «славянофилов»?
6. Покажите, в чем состоит значение идей К.Д. Кавелина для конституирования российской социологии.
7. Дайте краткую характеристику основных периодов развития российской социологии во второй половине XIX – начала XX в. Назовите доминирующие в границах каждого из них направления и течения социологической мысли, а также их наиболее ярких представителей.
8. В чем состоит суть основных теоретических ориентаций российской социологии в рамках всех трех периодов ее развития?
9. Как бы вы охарактеризовали специфику взаимосвязей российской и зарубежной социологии в XIX – начале XX в.? Что вы можете сказать о влиянии этих связей на характер развития отечественной социологии?
10. Назовите и охарактеризуйте основные особенности российской социологии во второй половине XIX – начале XX в.
11. Согласны ли вы с тем, что российская социология в XIX – начале XX в. оказалась «опаздывающей» по отношению к достижениям этой науки на Западе? Если это так, то каковы причины ее отставания?
12. Как бы вы определили в самом общем виде вклад российской социологии XIX – начала XX в. в мировую науку?

ЛИТЕРАТУРА

- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.
- Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб., 2002.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Здравомыслов А.Г. Социология: история, теория, практика. М., 2008.
- История социологии. Минск, 1993.
- Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989.
- Кареев Н.И. Взгляд на современное состояние социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.
- Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000.
- Сорокин П.А. Русская социология в XX веке // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1). Тексты. М., 1997.
- Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989.

СУБЪЕКТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ

-
1. *Общая характеристика субъективной социологии.*
 2. *Жизненный путь и творчество представителей субъективной социологии: краткий обзор.*
 3. *Предмет социологии.*
 4. *Субъективный метод социологии.*
 5. *Теория личности.*
 6. *Теория прогресса.*
 7. *Психологическое направление в российской социологии.*
Творчество Е.В. де Роберти.

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

В российской социологии одним из наиболее развитых направлений, наряду с позитивистским, было субъективное. С конца 1860-х гг. – времени его возникновения – до начала 1920-х гг. оно проделало значительную эволюцию. Это становится понятным, если учесть, что к числу наиболее видных представителей субъективной социологии относятся П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, Н.И. Кареев. Что сближало этих достаточно разных социальных мыслителей? На каких основаниях исследователи относят их к одному социологическому направлению?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо дать самую общую характеристику субъективной социологии как одного из направлений российской социологии. При этом следует иметь в виду, что творчество некоторых из названных выше социологов (в первую очередь Кареева) не может быть целиком отнесено к данному направлению. Подобная ситуация будет встречаться нам и при рассмотрении иных направлений.

Вначале несколько слов о самом названии этого направления. В литературе его называют по-разному – и субъективной школой, и этико-субъективной школой, и этико-психологической социологией и т.д. Представляется, что понятие «школа» в данном случае не соответствует тому, что на самом деле было. Ранее (при рассмотрении французской социологической школы Э. Дюркгейма и Чикагской социологической школы) мы уже давали характеристику школы в социологии, подчеркивая необходимость существования целого ряда признаков, таких как наличие неформального научного сообщества (объединенного на основе единой методологии), ярко выраженного лидера (лидеров), определенного статуса, центра для обмена научными идеями и т.д. Ничего этого не было в российской социологии, поэтому говорить о существовании субъективной школы (равно как и других) вряд ли правильно. Мы будем придерживаться более общего и широкого термина для характеристики близких (родственных, совпадающих по существу) взглядов определенной группы социологов – направления.

Субъективная социология – это специфически российское социологическое направление. В основе его лежит использование социологом в качестве основного инструмента исследования субъективного метода, а предметом изучения общества и человека является привносимый в социальную жизнь субъективный элемент. Субъективный метод рассматривался как подлинно социологический – в отличие от объективного, естественнонаучного. Поскольку основной единицей общества считалась личность (но не класс и не социальная группа), постольку социолог должен был исследовать ее помыслы и внутренние устремления. Именно они оказывают определяющее влияние на ее деятельность, а не объективные, внешние факторы. Поэтому для изучения деятельности личности нужен был в первую очередь субъективный метод, включавший в себя принцип «сопереживания» социолога исследуемому объекту.

Представители этого направления особое внимание уделяли роли такого субъекта исторического процесса как личность, причем не просто личность, а критически мыслящая, осуществляющая творческую деятельность. Понятие личности стало центральной категорией субъективного направления. С тематикой личности оказались тесно сопряженными проблемы ее взаимодействия с массами, героев и толпы, социального прогресса, характера и путей изменения общественного строя, места и роли интеллигенции в жизни общества и др. Во всей этой проблематике представители субъективного направления всегда искали и видели нравственное начало, этическую сторону любой деятельности. Этот поиск был сопряжен с решением одной из главных задач, которую ставили перед собой российские социологи, – исследовать и выявлять такие возможности личности, такой ее потенциал, который мог бы быть направлен на улучшение, совершенствование как общества в целом, так и конкретных человеческих отношений.

Субъективное направление, как и вся российская социология, было тесно связано с общественно-политическими течениями и движениями, в первую очередь с народничеством. Последнее представляло собой внутренне противоречивую систему самых различных взглядов, идей и ориентаций (политических, экономических, философских, социологических), обращенных к народу (в России это было прежде всего крестьянство) с целью изменения, улучшения – нравственного, религиозного, политического, экономического – его жизни.

При этом общей идейной платформой народничества (несмотря на наличие в нем двух течений – революционного и либерального) было признание социально-экономической самобытности России и возможности, минуя капитализм как регрессивный общественный строй, перейти к социализму. Основой этого перехода считалась крестьянская община, которую многие идеологи народничества рассматривали как готовую ячейку социализма. Они не видели значительных трудностей и проблем, связанных с ее функционированием и начинающимся разложением, в том числе и тех процессов социального расслоения, которые в ней активно происходили.

Прежде чем перейти к анализу основных идей, определявших суть направления, с учетом конкретных взглядов наиболее крупных его представителей по тем или иным проблемам социологии, дадим самую краткую и общую характеристику жизненного пути и творчества мыслителей.

§ 2. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ТВОРЧЕСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Основателя этого направления Петра Лавровича Лаврова (1828–1900) многие исследователи считают основоположником русской социологии. Он родился в дворянской семье в Псковской губернии. Окончил Петербургское артиллерийское училище, преподавал в военных учебных заведениях. Стал профессором математики. С середины 1850-х гг. много публиковался, участвовал в общественной деятельности. В 1862 г. вступил в народническую подпольную революционную организацию «Земля и воля», был арестован и сослан в Вологодскую губернию. В 1869–1870 гг. были опубликованы «Исторические письма» Лаврова, сделавшие его широко известным и очень популярным среди молодого поколения российской интеллигенции. В 1870 г. он нелегально эмигрировал из России, в 1871 г. стал участником Парижской коммуны. Входил в 1 Интернационал. Был лично знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом, высоко оценивал влияние экономических идей первого на свое творчество.

Лавров по своему духу, складу характера и стилю жизни был скорее кабинетным ученым, чем практическим участником революционной борьбы. Он оставил после себя большое количество работ, многие из которых до сих пор в полной мере не осмыслены и не истолкованы. Это касается и тех, в которых содержатся социологические взгляды мыслителя. К их числу следует отнести: «Задачи позитивизма и их решения» (1868), «Опыт истории мысли» (1875), «Задачи понимания истории» (1898), «Важнейшие моменты в истории мысли» (1903)²⁰⁵.

В своих социологических работах Лавров разделял основные взгляды О. Конта и позитивизма в целом (откуда и были почерпнуты идеи субъективного метода), хотя не со всеми из них соглашался. Так, он подвергал критике претензии позитивизма на абсолютизацию естественнонаучного знания и разума и его механический перенос на рассмотрение социальных процессов. Лавров придерживался синтетической ориентации в своих социологических взглядах, стремясь создать

²⁰⁵ Основные его философские и социологические труды собраны и опубликованы в книге: Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. М., 1965.

целостное учение о мире, обществе в нем и личности в обществе. Его постоянно волновала проблема единства понимания и действия, главным «фигурантом» которого была Личность. Мы написали это слово с большой буквы потому, что Лавров писал о личности особого типа – критически мыслящей и творчески действующей, образец которой являл он сам.

Николай Константинович Михайловский (1842–1904), также как и П.Л. Лавров, был одним из основателей российской социологии. Пожалуй, наиболее емкая его характеристика как «будильника мысли» принадлежала Н.А. Бердяеву. Родился Михайловский в небогатой дворянской семье в Калужской губернии. Учился в Петербургском горном институте, но не закончил его из-за участия в студенческих волнениях. В 1869–1884 гг. работал в журнале «Отечественные записки», где публиковались многие социологические работы российских ученых, в том числе и самого Михайловского. Как писал впоследствии Н.И. Кареев, журнал во многом благодаря деятельности ученого и публициста превратился в своего рода первую социологическую кафедру в России. Его статья «Что такое прогресс?» (1869) стала таким же манифестом интеллигенции, как «Исторические письма» Лаврова. В 1890-е гг. Михайловский возглавил журнал «Русское богатство», где и проработал до конца жизни.

К числу основных социологических трудов Н.К. Михайловского можно отнести следующие: «Что такое прогресс?», «Аналогичный метод в общественной науке» (1869), «Теория Дарвина и общественная наука» (1870–1873), «Борьба за индивидуальность» (1875–1876), «Записки профана» (1875–1877), «Герои и толпа» (1882), «Патологическая магия» (1887), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893). В 1998 г. в России были опубликованы труды Михайловского по социологии в двух томах²⁰⁶.

Социологические взгляды Михайловского (также, как и Лаврова) несут на себе печать глубокого влияния позитивизма и идей Конта. Однако российский социолог видел и недостатки этого учения, главный среди которых, по его мнению, заключался в отрыве субъективного метода от решения практических вопросов социальной жизни. Социологическое творчество Михайловского очень тесно соприкасалось с этическими идеями нравственного обогащения российской действительности, центральной среди которых было обоснование необходимости выработки единой и целостной системы правды – истины. По существу это была концепция, в которой соединились представления о соотношении сущего и должного, теории и практики. Главной в творчестве ученого была идея формирования целостной личности и создания для этого необходимых социальных условий.

Еще один представитель субъективного направления в российской социологии – Сергей Николаевич Южаков (1849–1910). Учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета, который не сумел окончить из-за болезни. Публиковал свои главные социологические работы в 1870-е гг. Они были изданы целиком в двухтомнике избранных сочинений С.Н. Южакова «Социологические этюды» (1891–1896). Особое внимание в своих работах он уделял обоснованию этических факторов, действующих в обществе и реализуемых личностью, считал, что по мере развития цивилизации их роль будет заметно возрастать. Что касается отношения Южакова к субъективному методу, то оно было неоднозначным. Известна полемика по поводу использования этого метода (а по существу даже признания его как такового) между ним и Лавровым. Но в целом она не мешает относить его к числу приверженцев субъективного направления.

Последний из наиболее крупных и известных представителей субъективного направления российской социологии – Николай Иванович Кареев (1850–1931). Кстати, именно ему социология в России обязана появлением термина «субъективная школа». Ковалевский дал Карееву очень краткую, но впечатляющую характеристику – «пионер русской социологии». Он, действительно, является одним из крупнейших российских теоретиков среди исследователей социальных проблем, написавшим за свою большую творческую жизнь более 450 работ (до сих пор не все из них опубликованы).

Кареев родился в Москве в бедной дворянской семье. Окончил в 1873 г. историко-филологический факультет Московского университета. Приобрел широкую известность в научных кругах как не только социолог, но и один из основоположников российской исторической школы. В 1879–1884 гг. работал профессором Варшавского университета, а с 1885 г. в течение 37 лет – Петербургского университета. Первым с 1891 г. стал читать в России систематический курс социологии. Написал первое в стране учебное пособие по социологии «Введение в изучение социологии» (1897), которое затем дважды переиздавалось – в 1907 и 1913 гг. В начале XX в. некоторое время читал лекции в Высшей русской школе общественных наук в Париже. Избирался депутатом первой Государственной думы от партии кадетов. После Октябрьской революции перестал заниматься социологическим творчеством и сосредоточился на занятиях историей.

²⁰⁶ Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избр. труды по социологии: В 2 т. СПб., 1998.

Главные социологические труды Кареева (помимо названного выше учебного пособия): «Основные вопросы философии истории» (1883), «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» в 8 томах (1889–1890), «Историко-философские и социологические этюды» (1895), «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (1896), «О. Конт как основатель социологии» (1903), «Общие основы социологии» (1918).

Основной предмет социологического интереса Кареева – личность как субъект исторического процесса, взятая в единстве психологического, антропологического и социального начал. Он много работал над системой наук о природе, обществе и культуре, а в системе социальных наук определил достойное место для социологии. Для развития последней он считал наиболее значимой позитивистскую методологию. Сам он воспринял как адекватный для социологии субъективный метод, в основном разделял по этому вопросу взгляды Лаврова и Михайловского (с первым из них его связывали личные дружеские отношения).

Выделяя четыре главных социологических подхода – органический, дарвинистский, экономико-материалистический, социально-психологический, Кареев особое внимание обращал на последний, считая его наиболее значимым. Вообще он большое внимание уделял изучению истории мировой и отечественной социологии, считаясь по праву одним из наиболее крупных представителей историко-социологического знания.

§ 3. ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Теперь рассмотрим круг центральных для субъективной социологии вопросов. Первый из них – о предмете социологии и ее месте в системе социогуманитарного знания. Для всего направления было характерно стремление систематизировать (классифицировать) определенным образом науки и найти среди них место социологии. Так, П.Л. Лавров выделял два ряда наук: феноменологические (исследующие законы повторяющихся процессов и явлений) и морфологические (изучающие распределения предметов и форм). Социология, наряду с психологией, этикой и др., относилась к числу первых.

Несколько иную позицию занимал Н.И. Кареев, который выделял три рода наук: феноменологические (затем он заменил этот термин на идиографические), номологические и типологические. Первые имеют дело с явлениями, управляемыми законами, вторые – с категориями законов, третьи изучают и обобщают на основе сравнительного метода признаки какой-либо группы предметов и занимают промежуточное положение между науками, относящимися к первому и второму родам. Среди наук первого рода выделяется история, второго – социология и психология, третьего – политэкономия, право, политика.

Говоря о месте социологии среди других наук и рассматривая ее взаимосвязи с ними, представители субъективного направления особо подчеркивали две тесно сопряженные с нею научные дисциплины – этику и историю. Именно они «ближе» всего к человеку, тем более, что стоит задача, как считал Лавров, создания о нем единой науки. Нет в обществе знания, не относящегося к личности, к конкретному человеку.

Предметом социологии как науки провозглашалось изучение общества. Весь вопрос состоял в том, что под этим понималось, включая проблему его познания. Здесь нужно иметь в виду, что взгляды на предмет социологии и общество у представителей субъективной социологии эволюционировали в течение их творчества. П.Л. Лавров, характеризуя социологию как науку об обществе, отмечал: «Общество не есть только собрание реальных единиц; это формы их взаимодействия, инстинктивно или сознательно ими созданные для удовлетворения своих потребностей; это – продукт практического творчества мысли»²⁰⁷. В других работах Лавров писал об обществе «как солидарном сожительстве сознательных особей для коллективной деятельности в виду общих целей». Здесь на первое место в трактовке общества выходят уже не вопросы социального взаимодействия ради удовлетворения потребностей, а проблемы социальной солидарности.

У Михайловского понимание общества было связано с характеристиками социального взаимодействия, поскольку речь шла об исследовании «отношений различных форм общежития к судьбам личности»²⁰⁸. Вообще же, рассматривая предмет социологических исследований, он выделял два их типа: одни исходят из судеб общества, другие от судеб личности,

²⁰⁷ Лавров П.Л. О методе в социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 210.

²⁰⁸ Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избр. труды по социологии: В 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 250.

но при условии, что эти последние тесно зависят от общества, которое должно строить свою деятельность в расчете на удовлетворение потребностей людей. Второй тип исследований социологу был гораздо ближе первого.

Говоря о взглядах Кареева на предмет социологии, необходимо отметить вначале, что он видел ее задачу в интеграции выводов специальных общественных наук для постижения законосообразности общего социального консенсуса. В своей последней крупной работе о социологии он, определяя ее предмет, пишет, что «социология есть общая абстрактная наука о природе и генезисе общества, об основных его элементах, факторах и силах, о характере процессов, в нем совершающихся, где бы и когда бы все это ни существовало и ни происходило»²⁰⁹.

Характеризуя социологию как науку, обеспечивающую всесторонний взгляд на общественный процесс во всех его проявлениях, Южаков понимал под обществом «общезитие активных особей, создавшее свою особую общественную среду, или культуру, и слившееся с ней в одно сложное тело. Короче говоря, общество есть активно-культурное общезитие»²¹⁰. Как видно, Южаков тесно связывал в единой предметной зоне социологии общество, культуру, активность, личность.

§ 4. СУБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

Уделяя особое внимание такому субъекту социального процесса как личность, по существу все представители рассматриваемого направления считали субъективный метод ведущим в понимании этого процесса. В полемике с С.Н. Южаковым П.Л. Лавров так разъясняет особенности субъективного метода: «...мы изучаем не самые предметы, а наши представления и понятия о них, самих же предметов воспринимать не можем. ... Все восприятия, ощущения, представления, понятия о предметах, входящие в круг чисто механической системы мира, суть понятия, составляющие для нас огромную область объективного. Все мыслимое нами, в связи или с предметами отдельно от них, но отличное по способу восприятия от чисто механической системы, – субъективно»²¹¹. Следовательно, субъективное и объективное – это не более чем категории нашего мышления, которые по-разному отражают наши способы восприятия объектов в соответствии с особенностями последних. Субъективный метод имеет место тогда, когда в процессе восприятия мира (особенно общества и людей) наше отношение к нему начинает выполнять функции его понимания и истолкования.

Углубляет понимание субъективного метода Михайловский. Полемизируя со спенсеровской идеей о необходимости для социологии объективных методов социального познания, он считает, что оно имеет принципиально предвзятый характер. Социологи находят только то, что ищут. В этом смысле речь должна идти о наиболее характерном и полезном для социологии субъективном методе, поскольку исследователь сам отбирает нужные для него факты на основе имеющегося у него жизненного и научного опыта и нравственного уровня.

Анализ и применение субъективного метода привели Михайловского к постановке вопроса о соотношении истины, правды и справедливости. Он ввел ставшие широко известными после его работ два понятия – «правда – истина» и «правда – справедливость». В значении слова «правда» сливаются в одно целое, в единство истина и справедливость, считал Михайловский. Смысл этого единства определяется тем, что справедливость – это отражение истины в практической жизни, а истина – это отражение справедливости в теории. Поэтому истина и справедливость не могут и не должны противоречить друг другу. Использование этих понятий направлено на обоснование системы Правды.

Необходимость субъективного метода была подвергнута сомнению (но не отрицанию) Южаковым. В полемике с Лавровым он выступал против абсолютизации этого метода, не соглашаясь с его тезисом о неповторимости исторических явлений и невозможности объективной оценки социальных процессов. По существу Южаков доказывал важность и объективного, и субъективного методов²¹².

²⁰⁹ Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1918. С. 9.

²¹⁰ Цит. по: Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000. С. 73.

²¹¹ Лавров П.Л. О методе в социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 207.

²¹² Южаков С.Н. Субъективный метод в социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 190–199.

Вмешиваясь в дискуссию о субъективном методе и его соотношении с объективным, Кареев стремился доказать, что правильнее говорить не о двух разных методах, а об объективном и субъективном элементах в процессе познания. Он утверждал, что социология не может обойтись без субъективного элемента, сам же субъективизм может быть законным и случайным. От последнего социолог должен отказаться, первый же необходим потому, что позволяет, познавая объективные социальные факты, понимать поступки человека, его действия, мотивы поведения. По существу это были элементы понимающей социологии.

В целом, говоря о трактовках представителями субъективной социологии субъективного метода, мы должны отметить, что ни в одной из них не содержится четкого и ясного понимания, что он собой представляет и каковы его познавательные возможности. Вероятно, самый общий смысл этого понятия состоит в том, что наблюдающий и познающий субъект ставит себя в ходе познания на место наблюдаемого и познаваемого объекта, то есть субъективный метод – это такой способ познания, при котором мыслящий субъект «сливается» в этом процессе с мыслящим объектом, результатом чего оказывается достижение истины.

§ 5. ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ

Субъективный метод ориентировал социологов прежде всего на изучение личности. Так, у Н.К. Михайловского «фокус» его концепции был сосредоточен на индивиду, индивидуальности, личности, человеке. Мерилом прогресса общества являлось для него развитие личности. Источник этого процесса он связывал с преодолением отчуждения личности от общества, ее отказом от роли его простого придатка. Трактовка личности Михайловским в целом была следствием подхода социолога к пониманию самых разных социальных процессов – от разделения труда, процессов его кооперации до идеала будущего общественного устройства.

Социолог одним из первых не только в отечественной, но и в мировой литературе подчеркнул возможность рассматривать личность на трех уровнях – биогенном, психогенном, социогенном. Первый означает анализ процесса выживания человека как живого существа, для чего главным оказалось приспособление среды к удовлетворению его потребностей. Психогенный уровень анализа личности предполагает выявление характера взаимодействия индивида и толпы (о чем далее будет сказано подробнее в связи с его концепцией героев и толпы). Третий уровень – социогенный – представляет собой рассмотрение личности сквозь призму ее включения в общественное (экономическое) разделение труда, кооперацию и сотрудничество.

Особое значение в развитии личности социолог придавал простой кооперации, поскольку она, по его мнению, была наиболее адекватной природе человека, соединяя равных и независимых индивидов, преследующих общие цели и интересы. Социологическая теория личности Михайловского предполагала синтез всех трех уровней анализа личности.

Органическим продолжением теории личности ученого была его теория героев и толпы, изложенная им в ряде работ 1880–1890-х гг. «Героем, – пишет автор теории, – мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело». «Толпой, – читаем чуть дальше, – будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным»²¹³.

Михайловский сравнивал понятия «герой» и «великая личность». «Герой» становится «великой личностью» только тогда, когда его действия получают положительную оценку с точки зрения общественного идеала. Эти действия должны соответствовать ценностям эпохи, чтобы «герой» был признан «великой личностью». Что касается толпы, то она может быть не только «преступной», но и «благородной».

С помощью теории героев и толпы Михайловский стремился объяснить особенности поведения людей в больших социальных группах, равно как и причины поведения самих этих групп и их взаимодействий с лидером. Как видно, социолог не идеализирует «героя». Для него важно не то, хороший он человек или негодяй, а его способность вести за собой толпу. Ее поведение он характеризовал с помощью механизма подражания, причины которого делил на психологические и социологические. К последним он относил экономические, политические и нравственные факторы, которые рассматривал зачастую как «бессознательно» действующие, т.е. не отражаю-

²¹³ Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избр. труды по социологии: В 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 5–6.

щиеся непосредственно в повседневном сознании и поведении людей. Готовность людей к подражанию возникает вообще, считал Михайловский, не вследствие сознательно действующих причин, а прежде всего благодаря фактору бессознательного. Здесь следует специально отметить, что в своих рассуждениях о механизме подражания российский социолог опередил Г. Тарда (книга Тарда «Законы подражания» была опубликована в 1890 г., трактат Михайловского «Герои и толпа» – в 1882 г.).

П.Л. Лавров, также как и Н.К. Михайловский, видел связь между различными аспектами деятельности личности и ее нравственным идеалом. «Выход» личности на общество ему представлялся в виде связующего механизма между ними, таковым он считал наличие общественной солидарности. Высший нравственный принцип деятельности личности – справедливость предполагает в качестве необходимого условия своей реализации установление и укрепление в обществе солидарности. Связь же между личностью и обществом оказывается, таким образом, не просто социальной, а нравственной.

Личность функционирует на основе социальной мотивации, считает Лавров. Он выделяет четыре группы мотивов действия: убеждения, интересы, аффекты, привычки (обычай). Высшим уровнем мотивации являются убеждения, которые свойственны сравнительно небольшой группе критически мыслящих личностей, т.е. тем представителям интеллигенции, которые опираются на социально-нравственный идеал и благодаря этому обеспечивают общественный прогресс. Самым распространенным мотивом поведения является интерес, которым руководствуется большинство людей ради достижения пользы. На третьем месте среди мотивов находятся аффекты, которые, строго говоря, иногда даже не столько мотивируют осуществление действий, сколько их тормозят. Наконец, обычаи выполняют, как правило, консервативную роль как мотив действия.

Приведенная классификация мотивов действия содержалась в «Исторических письмах» Лаврова, опубликованных в самом конце 1860-х гг. Возможно, будет определенной натяжкой утверждать (но мы рискуем это сделать), что в чем-то рассмотренная мотивация напоминает и превосходит, пусть отдаленно, веберовскую типологию социального действия – только в той ее части, где рассматриваются в качестве основных характеристик четырех типов действий «целерациональность», «ценностнорациональность», «аффективность», «традиционность». Некоторые сравнения и даже аналогии можно провести между убеждениями и целерациональной мотивацией, интересом и ценностнорациональной мотивацией (здесь параллель выглядит гораздо менее заметной), аффектами и аффективной мотивацией, обычаями (привычками) и традиционной мотивацией.

Однако разработка различных аспектов теории личности Лавровым на этом не кончается. За системой мотивации скрывается не менее, а даже более сложная система потребностей, которые во многом определяют деятельность личности и проявляются в мотивах. Одна из задач социологии заключается в их классификации и исследовании.

Лавров исходил из наличия первичных (личных) и вторичных (общественных) потребностей. Личные потребности в зависимости от их происхождения рассматривались в рамках:

- а) инстинктивных;
- б) возникающих на основе обычаев, привычек и традиций;
- в) сознательных.

Специально и подробно он рассматривал и классифицировал сознательные потребности, среди которых выделял природные и идеальные. К первым он относил потребности питания, безопасности, возбуждения нервов. Каждая из этих потребностей обуславливает развитие в обществе сферы жизни и деятельности. Так, потребность в питании реализуется в процессе развития экономической жизни, потребность в безопасности – политической, потребность в нервном возбуждении – эстетической и т.д. Что касается идеальных потребностей, то главной среди них, и вообще наивысшим типом потребностей, признавалась потребность личности в развитии.

В социологическом творчестве Кареева проблематика личности в ее взаимосвязи с обществом занимала ничуть не меньшее место, чем в работах Михайловского и Лаврова. Также, как и они, Кареев подходил к личности как системообразующему началу социальной жизни. Последнюю он часто рассматривал как социальную среду, в которой функционирует личность, и поэтому проблема «личность – общество» зачастую превращалась в проблему «личность – социальная среда». Их отношения характеризовались Кареевым в известном смысле как противоборство, в котором личность стремилась к самоопределению, а среда – к ее ассимиляции.

Разрабатывая проблемы взаимодействия личности и группы, показывая его многообразные формы, прежде всего такие как солидарность и борьба, действие и противодействие, Кареев во многом исходил из идей теории героев и толпы Михайловского. Эти идеи не прошли бесследно

и были поддержаны Кареевым в рамках анализа им проблемы выдающейся личности в истории, ее особой роли и отношений с массами. Величие выдающейся личности, указывал социолог, заключается прежде всего в том, что она понимает, как двигать массы в нужном направлении, придавать необходимое ускорение и силу их действиям.

Одна из наиболее важных особенностей подхода Кареева к рассмотрению личности состояла в том, что он его связывал с проблемой культуры и культурной истории человечества. Он стремился выявить роль личности в этом процессе и ответить на вопрос, осуществляются ли культурные перемены в обществе сами собой или они производятся людьми. Этот вопрос мог быть задан и в ином плане: является ли человек творцом культуры или только ее носителем и потребителем? Кареев допускал как равнозначные оба варианта ответа.

§ 6. ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА

В творчестве представителей субъективной социологии одно из основных мест (как и во всей российской социологии) принадлежало учению о прогрессе. Оно развивалось под знаком наличия в нем глубокого нравственного начала. Прогрессивно в обществе то, что нравственно, – могли бы мы, вероятно, сформулировать критерий общественного прогресса в интерпретации многих российских социологов. П.Л. Лавров прямо писал: «Теория прогресса есть приложение естественных законов нравственного развития к задачам социологии ... Теория прогресса дает нравственную оценку совершившимся событиям истории и указывает нравственную цель, к которой должна идти критически мыслящая личность, если она хочет быть прогрессивным деятелем»²¹⁴. В этой же работе («Исторические письма») Лавров обращается к следующей исходной формуле прогресса: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости»²¹⁵. В работах, написанных позднее, он связывал трактовку прогресса с ростом и укреплением солидарности между возможно большим количеством людей.

В целом же для субъективной социологии одним из основных факторов и условий общественного прогресса был численный рост критически мыслящих личностей, что означало возможность придавать, по мнению ее представителей, желаемую направленность историческому процессу.

Лавров считал, что пока социология не установит смысла прогресса, она как единая и цельная наука не сможет существовать. Вопрос о прогрессе – это главный вопрос и социологии, и истории. Истории потому, что прогресс – это понятие в основе своей историческое, охватывающее процесс развития, эволюции. Социологии – потому, что она должна воссоздать этот процесс как некую целостность.

В принципе такую же по сути своей позицию занимал Н.К. Михайловский, считавший, что основная задача российской социологии состоит в обосновании теории прогресса с учетом специфики и перспектив эволюции России. У него было несколько формул прогресса. Центральная и самая популярная среди них, данная в работе «Что такое прогресс?», гласит: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»²¹⁶.

С этой формулой Михайловского согласились далеко не все российские социологи, вступил в полемику с ней и Лавров. Он считал, что осуществление подобного прогресса нереально в силу недостижимости всеобщей разносторонности. Михайловский, усиливая свою точку зрения, отмечал, что дело не в том, чтобы каждый человек был специалистом во всех профессиях и занятиях. Важно создать такие условия, подчеркивал он, чтобы не было значительной социальной разницы между людьми. Другими словами, общественный прогресс он видел в движении к обществу определенной социальной однородности, которая вполне возможна даже при наличии специализации и разделения труда.

²¹⁴ Лавров П.Л. *Философия и социология*. Т. 2. М., 1965. С. 239.

²¹⁵ Лавров П.Л. *Философия и социология*. Т. 2. М., 1965. С. 54.

²¹⁶ Михайловский Н.К. *Герои и толпа*. Избр. труды по социологии: В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 139.

Михайловский критиковал Г. Спенсера за то, что тот не разграничивал прогресс общества и прогресс личности. Эти два вида прогресса не совпадают, более того, один может осуществляться за счет другого. Так, общественное разделение труда, являясь объективно прогрессивным процессом, может иметь место за счет ущемления и суживания возможностей индивида, превращения его в некую «односторонность». И наоборот, появление широкой, разносторонней, универсальной личности связано с преодолением разделения труда. Итак, одновременный прогресс общества и личности, по Михайловскому, практически невозможен.

Идею прогресса стремился обосновать С.Н. Южаков, используя для этого описание процесса развития форм общежитий и культуры. В прогрессе культуры он видел основу общественного развития. Прогресс есть приспособление физической среды к потребностям жизни и культуры. Конечную цель прогресса Южаков видел, как и Михайловский, в преодолении частичности, специализации человека, в приобретении им многосторонности и разносторонности.

Ряд идей социальной эволюции и социального прогресса, сформулированных Лавровым и Михайловским, развивал Н.И. Кареев. Он был сторонником теории социального эволюционизма, осуществлявшегося на базе природного развития. Социальная эволюция, имеющая объективный характер, по его мнению, зависит от наличия трех групп факторов: географических, антропологических (биологических, этнических), исторических (культурных). Успешное сочетание их всех создает благоприятные условия и предпосылки для эволюции данного общества, связанной с его интеграцией, укреплением связей между группами людей и индивидами. Что касается социальной эволюции не только отдельных стран, но и человечества в целом, то ее главной тенденцией является интернационализация, стремление к его единству. Мерой общественного прогресса служит, по мнению социолога, в первом случае, связанном с эволюцией отдельных стран, степень достигаемой их внутренней интеграции, во втором, касающемся развития и эволюции человечества – степень достигаемой интернационализации.

Главный же вопрос, возникающий в связи с рассмотрением социального прогресса, – во имя чего нужны интеграция и интернационализация? Являются ли они самоценными и самодостаточными или это только условия для достижения каких-то иных целей? Очевидно, что с позиций субъективной социологии ответ напрашивается сам собой: социальный прогресс лишь тогда чего-либо стоит, когда в обществе создаются предпосылки для развития личности. Так же, как Лавров и Михайловский, Кареев выдвигает свою формулу прогресса, в соответствии с которой целью последнего является создание условий для развития личности и обеспечения ее свободы.

Кареев выделяет пять фаз (этапов) общественного прогресса, отличающихся друг от друга уровнем свободы, равенства и солидарности, с одной стороны, ролью насилия в социальной жизни, с другой:

- 1) первобытные общества, характеризующиеся минимумом свободы, господством грубой силы и антагонизмами;
- 2) общества централизованные и дифференцированные, в которых деспотизм соединяется с анархией, сохраняется господство грубой силы и практически отсутствуют равенство и солидарность между людьми;
- 3) общества с заметным ослаблением качеств предыдущего этапа;
- 4) общества, в которых на передний план выходят правовые способы регулирования, возникает гражданское самосознание, силовые методы заметно ослабевают, появляются свобода и порядок;
- 5) идеальные общества, в которых господствуют солидарность, истина и справедливость. Обращают на себя внимание некоторая абстрактность и рыхлость периодизации социального прогресса, отсутствие связи с экономическими, политическими и иными определяющими факторами развития общества.

Зато эти факторы были использованы Кареевым при рассмотрении социального прогресса в его горизонтальном «рассечении». Он писал о том, что общее понятие прогресса можно разложить на пять частных понятий: прогресс умственный, прогресс нравственный, прогресс политический, прогресс юридический и прогресс экономический. Каждый из этих элементов общественного прогресса рассматривается Кареевым весьма детально, а основными критериями их выступают укрепление солидарности, нравственности, рост свободы, обеспечение правопорядка, достижение равенства.

§ 7. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ. ТВОРЧЕСТВО Е.В. ДЕ РОБЕРТИ

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ДЕ РОБЕРТИ
13 декабря 1843 г. – 24 апреля 1915 г.

Одно из направлений в российской социологии, сложившееся в 1890-е гг., – психологическое. К нему были близки многие социологи, в том числе и те, чье творчество уже рассматривалось: П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев и др. Представители этого направления главное внимание уделяли изучению психологического механизма и социальных форм проявления поведения индивидов и групп. Психологический подход к анализу социума превращался в творчестве сторонников этого направления в главный, доминирующий над другими.

В работах одних социологов рассматриваемого направления психологический редукционизм был выражен явно, заметно, в публикациях других он не столь бросался в глаза. Но практически у всех его представителей материальные отношения и связи между индивидами и социальными группами либо игнорировались вовсе, либо в значительной степени заменялись, а в ряде случаев подменялись отношениями духовными, психическими. Для всего психологического направления в российской социологии типичным было рассмотрение общества как совокупности психических связей, взаимодействий, явлений, процессов, характерных для межличностных отношений. Отсюда следовал показ зависимости общества от личности и провозглашение ее главным объектом социологического внимания.

Одним из наиболее ярких представителей психологического направления в российской социологии был Евгений Валентинович де Роберти (1843–1915). Он был широко известен как не только социолог, но и психолог и философ. На примере его социологического творчества, тесно связанного с психологическим, далее будут раскрыты некоторые наиболее значимые характеристики этого направления. Но вначале – несколько слов о жизненном пути социолога.

Де Роберти родился в Подольской губернии в дворянской семье. Получил хорошее философское и психологическое образование в университетах Йены и Гейдельберга. Начал публиковаться (первоначально на немецком языке) в 1870-е гг. В 1880 г. написал первую большую работу «Социология», посвященную творчеству О.Конта, где он впервые с ним полемизирует (соглашаясь по многим основным позициям его учения). Работа была встречена в основном негативно (особенно Михайловским и Лавровым). Книга была написана в материалистическом и антирелигиозном духе, что вызвало неприязнь к ее автору и со стороны властей. Работы его были запрещены, а одна из наиболее интересных социологических книг – «Прошедшее философии» (1886) – не только запрещена, но и уничтожена.

Переехав во Францию, де Роберти много сотрудничает с позитивистами, активно публикуется (на французском языке). Вместе с Ковалевским создает Высшую русскую школу общественных наук в Париже. В 1905 г. возвращается в Россию, а в 1908 г. также вместе с Ковалевским создает кафедру социологии в Психоневрологическом институте в Петербурге. Основные работы социологического характера (кроме названных выше): «Новая постановка основных вопросов социологии» (1909), «Энергетика и социология» (1910), «Неопозитивистская школа и новые течения в современной социологии» (1912), «Современное состояние социологии» (1913), «Социология и психология» (1914).

Главную задачу социологии де Роберти видел «в открытии законов, управляющих возникновением, образованием и постепенным развитием высшей, надорганической или духовной формы мировой энергии; той ее формы, которая, сочетаясь и сливаясь с органическим ее обликом, с жиз-

нию, дает начало совершенно определенным конкретным агрегатам и фактам ...»²¹⁷. Здесь ключевым понятием в социологии де Роберти выступает «надорганическое». В общем и целом оно рассматривается им как социальный факт, выражающийся в психологическом взаимодействии и требующий для своего объяснения постоянного обращения к социальной среде как совокупности надорганических условий.

Из этой сущностной характеристики надорганического следует выделение двух аспектов этого понятия, подчеркиваемых социологом. Во-первых, надорганическое – одна из форм мировой энергии, наряду с неорганической и органической. Во-вторых, это психическое взаимодействие, которое недопустимо смешивать с биосоциальным психологическим фактом.

К надорганическим явлениям де Роберти относил общественность, которую он рассматривал как непрерывное и многостороннее взаимодействие (синоним общества). Надорганическое выступает у него как своеобразное превращение органической множественности (род, племя) в особую форму единства (община, государство) и, наоборот, органического единства (эгоизм, паразитизм) в надорганическую множественность (альтруизм, кооперация, солидарность).

Развитие надорганического проходит две фазы (стадии): психофизических отношений (это его природная основа) и психологических взаимодействий. Вторая стадия оказывается определяющей для людей в условиях их совместного существования, трудовой деятельности, общения и т.д. На этой стадии возникает коллективное, групповое сознание, формируется социальный опыт. Создаются предпосылки формирования человеческой культуры и цивилизации. Основные фазы развития надорганического становятся одним из важнейших элементов эволюционной теории де Роберти.

Учение о социальной эволюции является центральным пунктом всей его социологии. Здесь следует отметить по меньшей мере две особенности подхода социолога к эволюционному процессу. Во-первых, он стремится к получению объективной картины, уходя от оценок того, как происходила эволюция. Во-вторых, ученый стремится осуществить функциональный анализ социальной эволюции, рассматривает факторы, воздействующие на нее, и определяет существующие генетические связи как своеобразные звенья единой генетической цепи.

Де Роберти пишет о том, что в обществе мы видим массу явлений и фактов, на первый взгляд никак не связанных между собой. Но более глубокий анализ позволяет социологу устанавливать наличие причин и следствий в отношениях между ними, другими словами, обнаруживать, как они следуют друг за другом.

Все социальные явления и процессы он выстраивает в один эволюционный генетический ряд, включающий семь общих категорий. Они охватывают без исключения все социальные факты. Ряд этот выглядит следующим образом: психологическое взаимодействие – общественные группы – личность – наука – философия (и религия) – искусство – практическая деятельность (действие). Последние четыре члена ряда стали основой его «теории четырех факторов культуры цивилизации» или «четырёх основных форм общественной мысли».

В этой теории наука, философия, искусство, практическая деятельность связаны между собой, находясь в последовательной зависимости и «вытекают» друг из друга. Они следуют друг за другом в строго причинном порядке. Философия зависит от науки и «следует» ей, искусство находится в таком же отношении к науке и философии; наконец, практическая деятельность зависит от науки, философии и искусства, представляя собой развитие экономики, политики, государства. Главное же в том, что вся деятельность людей ставится социологом в зависимость от идей и достижений в сферах науки, философии, искусства, практики. Здесь он в первую очередь говорит о значении научного знания, которое является источником и двигателем любого социального явления. Вместе с тем, при этом он признает большое значение различных психических факторов – эмоций, воли, чувств, желаний.

Де Роберти пишет, что «и наука, и религия, и философия, и искусство сами по себе как социальные факторы первостепенной важности, как могучие рычаги общественного движения составляют едва ли не наиболее ценное содержание социологии. Все эти области общественной или личной, т.е. общественно-индивидуальной, но отнюдь не биоиндивидуальной духовной жизни (которая у человека, как у животных, остается чуждой или, так сказать, непроницаемой для какой бы то ни было культуры), являются прямым и главнейшим предметом исследований социолога»²¹⁸.

²¹⁷ Де Роберти Е.В. Задачи социологии // Социология в России XIX – начала XX веков. Вып. 2: Тексты. М., 1997. С. 44.

²¹⁸ Социология в России XIX – начала XX веков. Вып. 2: Тексты. М., 1997. С. 167.

Отсюда ученый выводит структуру социологической науки, в которую должны войти как ее существенные составные части:

- 1) история наук и теория познания;
- 2) история религии и теория философских систем;
- 3) история изящных искусств и теория эстетического отношения к природе и человеку;
- 4) история техники и теория действия или поведения.

Как видно, четырехэлементная структура социологии опирается на ее более общий двухэлементный состав: «естественную историю общества» и «естественную теорию общества». В рамках первого уровня структуры осуществляются предварительные социологические обобщения фактов реального психического взаимодействия. Что касается второго уровня – естественной теории общества, то в его границах социологическое познание направлено на выявление законов сложных социальных явлений.

Социология, по мнению де Роберти, «есть основная наука о духе в природе, с его кульминационной точкой – познанием...»²¹⁹. Речь идет о познании законов психического взаимодействия и их описании. Описательный характер социологической науки для исследователя был самоочевидным. Однако для своего развития она нуждалась в первую очередь в методе. Присущие изначально социологии позитивизма методы были подвергнуты де Роберти критике за их эмпиризм. Взамен же он предложил в качестве ключевого средства научного познания индуктивный метод причинного объяснения. Социолог говорил о том, что вначале индуктивно мы устанавливаем некоторую эмпирическую закономерность, а затем даем рациональное объяснение фактов.

Проблема методов мышления и познания у де Роберти оказалась разработанной также в рамках его эволюционной теории, но уже в совершенно ином аспекте. Речь идет о методах, соответствующих последним четырем структурным элементам эволюционного генетического ряда. Эту часть своего учения о методе он формулирует, исходя из теории четырех основных форм общественной мысли. Также строго причинно, как выстроены эти формы (наука – философия – искусство – действие), рассматриваются методы мышления. Их последовательность предстает следующим образом: аналитический метод (наука) – синтетический метод (философия) – символический метод (искусство) – телеологический метод (действие).

Будучи российским социологом, де Роберти не мог не рассматривать социологию вне связи с нравственностью, поскольку эта связь – характерная черта отечественной общественной науки. Нравственное для ученого – значит социальное. Этика определяется им как «элементарная социология», нравственное содержание включается в последнюю. Поэтому неслучайно переход к надорганическому социологу связывает с формированием таких чисто человеческих качеств как альтруизм, кооперация, солидарность.

В его концепции большое значение придается социализации личности и роли группового опыта в этом процессе. Социализированная личность выступает результатом длительного развития общественности, и поэтому становится полноценным участником исторического действия. Личность оказывается главным двигателем социального процесса. В свою очередь его целью становится формирование нравственной личности, осуществляющееся через связь поколений. Личность выступает творцом социальной эволюции потому, что воплощает в своей деятельности сгусток коллективного опыта. Действиями личностей представлен процесс созидания культуры.

Исследователи творчества де Роберти отмечают, с одной стороны, интеллектуализм, с другой – жесткий формализм, излишнюю абстрактность и прямолинейность его социологической концепции. Причины таких оценок состоят в том, что он описывал скорее функционально-эволюционную модель общества, чем реальные социальные связи и процессы. Главным достоинством его теоретических построений был структурно-генетический подход к пониманию и объяснению общества и особенностей социологической науки. Уделяя значительное внимание социально-психологическому взаимодействию, де Роберти стремился прийти к синтезу субъективной и объективной социологии, психологического направления и позитивизма. Не случайно он говорил о движении социологии к неопозитивизму (этот термин одним из первых внедрил в социологию в начале 1880-х гг. де Роберти). Вероятно, ему был ближе (как типичному российскому социологу) субъективизм, но как настоящий и строгий ученый он не мог не искать достаточные объективные основания для анализа социальных процессов, обращенных как к прошлой истории человечества, так и к современному этапу его развития.

Подводя итог рассмотрению субъективной социологии и психологического направления, сделаем следующее резюме.

²¹⁹ Социология в России XIX – начала XX веков. Вып. 2: Тексты. М., 1997. С. 159.

В целом, несмотря на значительные результаты социологического анализа большого комплекса социальных проблем, в субъективной социологии имели место недооценка закономерностей общественного развития и тесно связанное с ней признание некоего социального идеала общества, являющегося результатом его конструирования личностью. Как выяснилось в ходе анализа концепций представителей субъективного направления, социология должна иметь дело не с объективными свойствами социальных явлений и процессов, а с целеполагающими и этическими факторами человеческой деятельности. В этом состояла еще одна важная траектория их (мыслителей) социологического творчества. Что касается идейно-политической «ангажированности» представителей субъективного направления, то, будучи в основном теоретиками народничества, они выражали прогрессивные взгляды русской буржуазной демократии.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Когда и в какой ситуации возникли идеи субъективной социологии?
2. Охарактеризуйте субъективное направление в российской социологии и его особенности. Кто из социологов наиболее ярко представлял это направление?
3. Почему субъективная социология оказалась наиболее тесно связана с народничеством?
4. Как бы вы охарактеризовали общее и отличное между субъективным направлением и позитивизмом в российской социологии?
5. Дайте трактовку предмета субъективной социологии и покажите разные точки зрения на него отдельных представителей этого направления.
6. В чем суть субъективного метода? Каковы его сильные и слабые стороны? За что его чаще всего критиковали? Попытайтесь определить собственное отношение к этому методу, аргументируйте свою позицию.
7. В чем суть теории личности Н.К. Михайловского?
8. Расскажите о трактовке проблемы личности П.Л. Лавровым и Н.И. Кареевым.
9. Почему теория прогресса стала одной из центральных для представителей субъективной социологии? Охарактеризуйте взгляды на прогресс, принадлежащие П.Л. Лаврову, Н.К. Михайловскому, Н.И. Карееву, С.Н. Южакову.
10. Почему социологическое учение П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского пользовалось большой популярностью в российском обществе в 1860–1880-е гг.?
11. Можно ли утверждать, что субъективное направление и есть национальная российская социология? Аргументируйте свои суждения.
12. Почему, на ваш взгляд, традиции субъективного направления не получили заметного развития в российской социологии XX в.?
13. В чем вы видите значение субъективного направления в российской социологии?
14. В чем вы усматриваете связь между субъективным и психологическим направлениями в российской социологии?
15. Охарактеризуйте социологические взгляды Е.В. де Роберти. Почему его считают наиболее видным представителем психологического направления в российской социологии?
16. Как вы оцениваете попытки Е.В. де Роберти найти синтез субъективной и объективной социологии, психологического направления и позитивизма?

ЛИТЕРАТУРА

- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.
- Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб., 2002.
- Де Роберти Е.В. Современное состояние социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Де Роберти Е.В. Задачи социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Здравомыслов А.Г. Социология: история, теория, практика. М., 2008.
- История социологии. Минск, 1993.
- Кареев Н.И. Происхождение социологии. Огюст Конт как основатель социологии. Взгляд на современное состояние социологии. Позитивизм в русской литературе // Социология в России XIX – начала XX веков (вып.1): Тексты: М., 1997.
- Кареев Н.И. Основы русской социологии. М., 1996.

- Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. М., 1965.
- Лавров П.Л. Позитивизм и его задачи // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Лавров П.Л. О методе в социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997.
- Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.
- Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избр. труды по социологии: В 2 т. СПб., 1998.
- Новикова С.С. История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996.
- Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000.
- Сорокин П.А. Русская социология в XX веке // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Хвостов В.М. Русская субъективная школа // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Южаков С.Н. Задачи социологии. Субъективный метод в социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997.

ПОЗИТИВИЗМ И НАТУРАЛИЗМ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

-
1. *Жизнь и творчество М.М. Ковалевского.*
 - 1.1. *Предмет и метод социологии.*
 - 1.2. *Генетическая социология и теория прогресса.*
 - 1.3. *Теория факторов.*
 2. *Органицизм в российской социологии.*
 - 2.1. *Творчество А.И. Стронина.*
 - 2.2. *Социологические идеи П.Ф. Лилиенфельда.*
 3. *Географическое направление в российской социологии.*
 4. *Социологические представления Л.И. Мечникова.*
 5. *Социологические взгляды Н.Я. Данилевского.*

§ 1. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО М.М. КОВАЛЕВСКОГО

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ
8 сентября 1851 г. – 5 апреля 1916 г.

В двух предшествующих главах говорилось о том, что позитивизм был очень влиятельным направлением в российской социологии. Рассматривая взгляды П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, мы доказывали, что они испытали на себе достаточно сильное влияние идей О. Конта, Г. Спенсера, да и в целом принципов позитивизма (хотя далеко не со всем и не всегда соглашались, более того, полемизировали и подвергали критике некоторые его положения). Творчество этих российских мыслителей вполне могло быть отнесено к позитивистскому течению, несмотря на то, что характеризовалось в рамках субъективного направления социологии. Обратим вновь внимание, что среди особенностей российской социологии в теориях отдельных ее представителей имеет место наличие взглядов и идей, относящихся к различным направлениям этой науки. В данной главе мы еще раз найдем подтверждение указанной выше особенности, в частности, при рассмотрении творчества М.М. Ковалевского, которого считают в литературе представителем и объективной социологии, и позитивизма.

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) родился в Харькове в состоятельной дворянской семье. Окончил в 1872 г. Харьковский университет, затем продолжал образование в Западной Европе (1873–1877), где готовился к магистерскому экзамену. За границей познакомился и систе-

матически встречался с Г. Спенсером и К. Марксом, российскими позитивистами Г.Н. Вырубовым, П.Л. Лавровым и Е.В. де Роберти, активно включился в позитивистское движение. В 1877–1887 гг. работал профессором Московского университета. Выезжал за границу для преподавания права, истории и социологии. Стал неформальным лидером молодой московской профессуры, а его лекции пользовались колоссальным успехом у студентов и коллег.

Деятельность Ковалевского вызывала серьезные нарекания со стороны властей, в конечном счете без всяких объяснений он был уволен из университета. Затем в течение 17 лет преподавал за рубежом в ведущих университетах Европы и США. В Париже стал одним из основателей Высшей русской школы общественных наук и ее лектором. В 1905 г. вернулся в Россию, преподавал в ряде вузов Петербурга (университете, политехническом и психоневрологическом институтах). Стал депутатом первой Государственной думы, активно включившись в политическую деятельность. Был членом Государственного совета. В 1914 г. его избрали академиком Российской Академии наук. В 1909–1916 гг. издавал журнал «Вестник Европы». Пользовался в стране непрерываемым авторитетом и громадной популярностью. Его смерть была воспринята интеллигенцией России как национальная утрата.

Социологическое творчество Ковалевского чрезвычайно разнообразно. Оно включает в себя анализ места и роли социологии в жизни общества и ее соотношения с другими науками, характеристику сравнительно-исторического метода, теорию прогресса в контексте генетической социологии, учение о факторах общественного развития и его закономерностях. Основные труды по социологии: «Теория заимствования Тарда» (1903), «Этнография и социология» (1904), «Современные социологи» (1905), «Социология» (в 2 т., 1910), «Развитие социологии на Западе и в России» (1913). В современной России недавно был издан двухтомник социологических работ Ковалевского²²⁰.

1.1. Предмет и метод социологии

Будучи сторонником и последователем Конта и Спенсера, Ковалевский принимает общую позитивистскую трактовку предмета и задач социологии как науки. Он считает, что даже спустя три четверти века после того как Конт впервые дал понятие социологии, его позиция не устарела. Главным в ней является признание порядка и прогресса человеческого общества как предмета этой науки. Сам Ковалевский в своей двухтомной «Социологии» так определяет ее предмет: «Социология, в отличие от истории, необходимо отвлекается от массы конкретных фактов и указывает лишь общую их тенденцию, никогда не теряя из виду основной своей задачи – раскрытия причин покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственной и причинной связи между собой»²²¹. Вместе с тем, он вводит некоторые уточнения в контовское понимание предмета социологии (на основании работ других авторов), полагая, что вместо порядка лучше говорить об организации, а вместо прогресса точнее использовать термин «развитие».

Большое внимание Ковалевский уделяет рассмотрению вопроса о соотношении социологии с другими науками, в первую очередь с историей, затем – с философией, этикой, психологией, биологией, этнографией, статистикой, политэкономией, государствоведением. Смысл подхода российского ученого к этому соотношению базируется на соблюдении правил «обмена услуг»: «...конкретные науки об обществе, поставляя социологии материал для ее умозаключений, в то же время должны опирать свои эмпирические обобщения на те общие законы существования и развития, какие призвана устанавливать социология как наука о порядке и прогрессе человеческих обществ ...»²²².

С самых первых шагов своего научного творчества Ковалевский проявлял громадный интерес к сравнительному анализу изучаемого материала и, вместе с тем, к историческим явлениям и процессам. В конечном итоге это привело его к использованию в качестве одного из основных методов научного исследования сравнительно-исторического. Суть его – в параллельном изучении общественной эволюции различных народов, как древних, так и современных, на основе которого возможно дать общую формулу поступательного движения общественной жизни.

²²⁰ Ковалевский М.М. Сочинения: В 2 т. СПб., 1997.

²²¹ Ковалевский М.М. Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 20.

²²² Ковалевский М.М. Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 39.

При этом Ковалевский говорит о необходимости эмпирической проверки любых выводов, полученных в ходе использования сравнительно-исторического метода. Поскольку оно возможно лишь на основе обнаружения определенного сходства в общественной жизни народов, его волновали источники этого сходства. Он отмечал наличие четырех таких источников:

- а) чистую случайность;
- б) единство происхождения;
- в) заимствование и подражание;
- г) общность культурных условий и стадий развития.

Сходство четвертого типа представляет для социолога, по мнению Ковалевского, особый интерес.

Помимо сравнительно-исторического метода, российский ученый говорил об использовании и других, тесно связанных с ним, способов и приемов анализа. Он писал о «методе пережитков», который базируется на наличии в поздних социально-культурных формах следов предшествующих форм и порядков. Изучая эти остаточные формы («пережитки»), социолог может делать выводы о предшествующих стадиях развития. Еще один «близкий» к этому метод – этнографический, связанный с изучением жизни и быта народов. Но ни один из названных методов, включая и статистический, полагал Ковалевский, не может решить проблем социологического анализа сам по себе, без взаимосвязи с другими.

Чтобы сравнительно-исторический метод был эффективно использован, необходимо соответствие его ряду требований:

- 1) основа для сравнения и сопоставления социальных фактов должна быть максимально широкая, включая не только европейские страны, но и США, страны Азии и Африки;
- 2) сравнение должно базироваться на представлении о системном характере общественной жизни, предполагающем взаимосвязь всех ее сторон;
- 3) необходимо использовать материалы, предоставляемые всеми науками в отношении анализа интересующей проблемы, при этом они должны быть сопоставлены с целью обнаружения в них повторяемости;
- 4) наконец, на основании применения сравнительно-исторического метода следует стремиться к выявлению общих закономерностей развития и получению практических рекомендаций, направленных на улучшение управления процессом укрепления человеческой солидарности.

1.2. Генетическая социология и теория прогресса

С использованием сравнительно-исторического метода тесно связано развитие так называемой генетической социологии Ковалевского, по существу его теории эволюционного развития. «Генетической социологией, – писал он, – называют ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право, входящие на первых порах в состав одного и того же понятия дозволенных действий в противоположность действиям недозволенным»²²³. Российский социолог говорит об особом интересе к проблеме происхождения и развития общественных институтов в России, поскольку в стране накоплен чрезвычайно богатый этнографический материал для изучения этого вопроса.

Генетическая социология призвана выявлять стадии социальной эволюции и законы, лежащие в ее основе. На этом базируется обращение Ковалевского к теории прогресса. Она всегда составляла «ядро» всей его социологии (равно как и позитивизма в целом). Сущность социального прогресса он усматривал в развитии солидарности как универсального средства сближения классов, социальных групп, народов, государств. Задача социологии, по мнению Ковалевского, состоит в анализе солидарности, ее сущности, форм и видов. Наряду с объективными процессами укрепления солидарности существуют и субъективные процессы усиления чувства солидарности, которые проходят, по его мнению, три ступени: сознание родового единства, патриотизм, космополитизм. Результатирующей роста социальной солидарности выступает у ученого расширение равенства и свободы личности.

²²³ Ковалевский М.М. Понятие генетической социологии и ее метод // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1967. С. 361.

Делая акцент на солидарности, российский социолог негативно относился к революции как источнику прогресса. Он считал революцию патологией, для прогресса чем-то случайным, не вытекающим из его природы и потребностей, своеобразным «искусственным перерывом». Если правительство идет по пути продуманных реформ, страна вполне может обойтись без революции, что для нее всегда к лучшему.

Рассматривая в рамках генетической социологии социальную эволюцию, Ковалевский исследовал ее этапы и фазы, начиная с древнейших. При этом он сам был непосредственным участником полевых исследований обычаев и нравов народов Кавказа. Работая профессором Московского университета, он три года подряд летом ездил туда с этнографическими экспедициями; полученный материал был им прекрасно описан и использован в работе «Генетическая социология как учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности» (1910).

Ковалевский анализировал в рамках историко-сравнительного исследования основные организации и институты эволюции, где первым значился род, затем – семья и, наконец, община. Он выделял три вида общины: родовую, семейную, сельскую. В отличие от многих российских социологов, Ковалевский рассматривал общину как исторически обреченную социальную форму жизни. Но он не считал нужной ее насильственную ломку, тем более что в ней он видел образец социальной солидарности.

На смену сельской общине приходит следующий этап социальной эволюции – феодальная организация общественной жизни, которая заменяется капитализмом. Рассматривая социальную эволюцию сквозь призму ее основных этапов, социолог обращался к анализу изменений во всех основных подсистемах общественной жизни – экономической, политико-правовой, нравственно-духовной. Он доказывал, что каждой стадии экономической эволюции соответствует определенная политическая форма и связанное с ней нравственное регулирование. Так, родовой стадии экономической эволюции соответствует племенное княжество, феодальной – сословная монархия и характерные для них нормы морали.

1.3. Теория факторов

С анализом эволюционных процессов общества тесно связанной оказалась проблема факторов, влияющих на них. Она вообще была традиционной для российской социологии. Суть проблемы формулируется следующим образом: существует ли один, главный фактор, определяющий социальные процессы, их ход, структуру, трансформации или речь должна идти о целом ряде причин (факторов), их обуславливающих. Ковалевский в своих работах делал акцент на втором подходе и тем самым обосновывал принцип плюралистической социальной причинности.

Он полемизировал с представителями ряда течений и направлений российской социальной мысли, отстаивавшими монистический подход и подчеркивавшими определяющую роль в общественной жизни какого-либо одного фактора. Это были в первую очередь сторонники географического направления, органицизма, экономического материализма. Так, рассматривая экономический материализм, Ковалевский писал, что его представители не стремятся вскрывать зависимость экономического развития, производства, техники от процессов умственных, нравственных, религиозных. Он выступал против того, чтобы все задачи социологии сводить к решению «уравнения с одним неизвестным», т.е. искать один определяющий фактор. В этой связи представляет интерес следующее его суждение: «... говорить о факторе, т.е. о центральном факте, увлекающем за собой все остальные, для меня то же, что говорить о тех каплях речной воды, которые своим движением обуславливают преимущественно ее течение»²²⁴.

Вместе с тем, все это не означает, что сам социолог не стремился видеть среди факторов социального развития более значимые и менее значимые. Так, одним из наиболее важных факторов, влияющих на социальный прогресс, для него всегда выступал демографический, позволявший ему обнаруживать зависимость между ростом народонаселения и формами экономической жизни. Рассматриваемый фактор он, с целью его глубокого анализа, изолировал, выделял из других, но, что называется, «не заикливался» на нем, а выстраивал целую цепь других, касающихся различных экономических, социальных, политических, духовных, нравственных процессов. Эта цепь в одном из вариантов выглядела так: рост населения – плотность населения – формы производства – распределение и порядок влечения – социальный порядок и т.д. В обозначенном подходе и состоял смысл плюралистической модели Ковалевского.

²²⁴ Ковалевский М.М. Соч.: В 2 т. Т. 1. СПб., 1997. С. 22–23.

Методология многофакторного анализа того или иного эволюционного процесса строилась российским социологом по следующей схеме:

- 1) определялся ведущий фактор (главная причина) эволюции анализируемого объекта;
- 2) для обоснования этого определяющего значения использовались различные методы (сравнительно-исторический, статистический, этнографический и другие);
- 3) выявлялись иные факторы, влиявшие на эволюционный процесс;
- 4) устанавливалась иерархия этих факторов. Отсюда, считал ученый, нужны в первую очередь не схемы, а монографические, всеобъемлющие, широкие исследования тех или иных эволюционных процессов.

Идея плюрализма в социологии была не новой. Она формулировалась еще О. Контом и Г. Спенсером. Но у Ковалевского эта идея получила наиболее полное воплощение. Он не только утверждал, что социологическое исследование социальных процессов требует учитывать множество факторов и связей между ними, но и последовательно реализовывал этот принцип в своих работах.

Значение социологического творчества Ковалевского нельзя недооценивать. Он выступил против субъективизма в социологии, обращая внимание на необходимость открывать объективные законы и тенденции социального развития, исследовать причины совершенствования общества, его устойчивости в разные эпохи. Как никто другой, он доказал наличие тесной связи между социологией и историей. В глазах современников Ковалевский был социологом среди историков и историком среди социологов. У него учились и считали себя сами его учениками многие видные и даже выдающиеся впоследствии социологи и экономисты: П.А. Сорокин, Н.Д. Кондратьев, К.М. Тахтарев. Несмотря на то, что долгие годы Ковалевский жил и творил за пределами России, он всегда оставался российским социологом, стремившимся, с одной стороны, придать отечественной науке европейские формы, с другой – развивать в ней многочисленные направления исследований, касающиеся чисто национальной проблематики. Вместе с тем, до конца жизни он оставался верным принципам позитивистского эволюционизма и теории многофакторного развития общества.

§ 2. ОРГАНИЦИЗМ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Также как и позитивизм, натурализм составлял содержание раннего этапа развития социологии. Одной из его основных форм стал органицизм. Органическое течение в российской социологии было характерным для 1860–1870-х гг., а его наиболее яркими представителями справедливо считаются А.И. Стронин (1826–1889) и П.Ф. Лилиенфельд (1829–1903).

2.1. Творчество А.И. Стронина

Александр Иванович Стронин окончил историко-филологический факультет Киевского университета, активно занимался просветительской деятельностью. За так называемый «украинский сепаратизм» был сослан в административную ссылку в Архангельскую губернию, где находился в период с 1863 по 1869 гг. Стронин изложил свое учение об обществе в работах «История и метод» (1869), «Политика как наука» (1872), «История общественности» (1886).

Он полагал, что учение об обществе должно быть подобно учению о биологической природе или, даже точнее, учению о биологическом организме. Основной метод, который должен применяться при изучении общества, – метод «социального естествознания». Смысл этого метода – трансформировать, точнее, перенести в обществоведение готовые и известные законы и аксиомы естественных наук. Если по отношению к природному миру действует, к примеру, закон тяготения, то применительно к обществу он будет проявлять себя как закон стремления к единению и взаимодействию.

Рассматривая общество как некую целостность, единый организм, Стронин изображал его в виде пирамиды, в которой существуют три яруса (класса): нижний (большинство общества, земледельцы, ремесленники), средний (капиталисты), высший (меньшинство общества, аристократия, судьи, законодатели, власть). Каждый социальный слой, по его мнению, реализует в своей деятельности те или иные конкретные задачи (по аналогии с биологическим организмом). Так, исключительной задачей аристократии является создание нравственных и интеллектуальных ценностей. В каждом обществе, как и в биологическом организме, существует определенный запас, ресурс сил, который рано или поздно должен иссякнуть. Социальный организм представляет собой высший тип биологического организма. Каждой части тела, каждому органу, нерву, мускулу и т.д. соответствуют аналогичные общественные органы.

Несмотря на определенную упрощенность (кто-то скажет – примитивность) такой аналогии, она позволила Стронину одним из первых в социологии осуществить попытку структурно-функционального анализа общества, рассмотреть его как взаимосвязанную совокупность элементов, зависящих и влияющих друг на друга, выявить пути достижения согласия между ними, социального равновесия. Аналогия с биологическим организмом привела ученого к социальному структурированию, выделению в обществе определенных социальных классов, групп и слоев.

Находясь под влиянием западноевропейского позитивизма и натурализма, Стронин выделяет и рассматривает три общих закона функционирования и развития общества («социального тела», как в ряде случаев он его называет): общий биологический закон, общий социологический закон и общий политический закон. Первый определяет условия жизни и смерти всякого общества. Он связан с выявлением периодов существования, развития, застоя, вырождения и смерти всякого общества. Все эти состояния определяются соотношением сил организма – общества и его среды. Вопрос в том, что перевешивает, выигрывает явно сильнее: если организм – он оказывается в состоянии развития, если среда, то он деградирует.

Общий социологический закон выступает у Стронина как закон соединения и разделения труда. Его действие определяет социальную иерархию в обществе, соотношение классов и групп. Интерес здесь представляет попытка мыслителя доказать, что процесс изменения и развития состоит из движения не вперед и назад (либо вправо и влево), а в глубину и в высоту. Влияют на это движение прежде всего субъекты социальных колебаний – общественные партии. В качестве типичных он называет радикалов, либералов, консерваторов, ретроградов, обскурантов (мракобесов, враждебно относящихся к прогрессу, просвещению, науке). С точки зрения общего социологического закона Стронин рассматривает причины болезней общества и видит их в нарушении социального равновесия, норм социальной иерархии. Чтобы этого не было, необходимо вырабатывать и соблюдать правила «социальной гигиены». Из общего контекста его учения со всей очевидностью вытекает, что он был ярким противником революций, радикальных изменений, переворотов и сторонником нормального, спокойного хода событий с помощью реформ.

Третий – общий политический – закон (закон «впечатления и рефлексии») направлен на характеристику реального социального взаимодействия между людьми и определение его «продуктов». Речь идет о выявлении последствий политических процессов, связанных с развитием права, нравов, гражданских возможностей. Рассматривая действие этого закона, Стронин обращает особое внимание на развитие среднего класса (вспомним среднее звено его пирамиды) и связывает действие закона прежде всего с ним. Будущее России, по его мнению, зависит от этого класса, интеллигенции, а также состояния просвещения и образования.

2.2. Социологические идеи П.Ф. Лилиенфельда

Идеи органицизма получили свое отражение также в работах Павла Федоровича Лилиенфельда, не только исследователя, но и видного государственного деятеля России (он был сенатором, вице-губернатором С.-Петербурга, губернатором Курляндии). Основная работа, опубликованная на русском языке, – «Мысли о социальной науке будущего» (1872).

Задачу социологии как науки Лилиенфельд видел в исследовании ею социальных и духовных процессов на базе знания биологических законов. Он ставил цель изучить воздействие этих процессов на основные формы деятельности в обществе, которое он определял как прямое продолжение жизни природы в виде наиболее совершенного живого организма. Сами общественные явления, по его мнению, определяются психикой человека.

В работе «Мысли о социальной науке будущего» ее автор задавал вопрос: «... к какой области человеческого знания относится социология; наука ли она по преимуществу умозрительная или же реальная?». Отвечая на него, он писал: «Если человеческое общество входит в состав окружающей нас природы, то социальная наука должна составить часть естествознания и к ней должен быть применен метод индуктивно-опытный; если напротив того общество основано преимущественно на началах нравственно-духовных, то социальная наука должна быть причислена к наукам умозрительным и к ней должен быть применен метод дедуктивно-синтетический»²²⁵. Для социолога приемлемым оказывается первое «если», а для социологии как науки применим лишь индуктивный метод.

Что нужно, чтобы общество стало предметом социологического изучения? «Для этого необходимо, – пишет П.Ф. Лилиенфельд, – чтобы в основании явлений природы и общественной деятельности лежали одни и те же общие законы, чтобы между причиной и следствием в проявлениях вещества и человеческого общества существовала постоянная связь, доступная человеческому наблюдению и пониманию»²²⁶.

²²⁵ Лилиенфельд П.Ф. Социология // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 7.

²²⁶ Лилиенфельд П.Ф. Социология // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 7.

Он часто проводил прямые аналогии между обществом и живым организмом. Он утверждал, что общество состоит из клеток – человеческих индивидов – так же, как из них (клеток) состоит любой живой организм. Между клетками существует «междуклеточная ткань», которая представляет собой естественную среду (климат, почва, полезные ископаемые) и все то, что создали сами люди (мы могли бы назвать это «второй природой»).

Развитие общества характеризовалось Лилиенфельдом в рамках понятий, присущих живым организмам и типичных для них (рождение, рост, смерть, болезни и т.д.). Отдельные общественные структуры также имели аналогии с биологическими органами: например, правительство рассматривалось как мозг с точки зрения выполнения им своих основных функций, экономическая сфера оказывалась аналогичной системе кровообращения, право играло роль нервной системы. Экономическая и политическая деятельность в обществе отождествлялась с физиологической и морфологической деятельностью живого организма.

Говоря об органицизме Лилиенфельда, нужно иметь в виду «присвоение» им обществу всех основных черт организма: его целостности, единства и взаимосвязи органов, их специализации на выполнении отдельных функций, накопления запасов и потенциальных сил и т.д. Таким образом, органицистский подход у Лилиенфельда выглядел еще более выражено, чем у Г. Спенсера (не говоря уже о А.И. Стронине). Вполне понятно, что при таком подходе социолог излагал теорию общества в понятиях «социальной физиологии».

Поскольку социолога постоянно волновало состояние социального организма, он не мог не ставить вопросы о его социальном здоровье и социальных болезнях. И здесь мы встречаемся с постоянными аналогиями между обществом и организмом. Болезни общества сравнивались с состоянием людей, характеризующихся различными заболеваниями: больная экономика рассматривалась как слабоумие, больное правительство – как паралич, больное право – как бредовое состояние. В этом контексте основное внимание Лилиенфельд уделял проблемам предотвращения болезней, т.е. терапевтическим мероприятиям, к которым необходимо постоянно прибегать обществу и власти.

Главное – не доводить дело до разложения и распада частей (точь-в-точь как в организме), иначе наступит смерть. Поскольку разложение в обществе вызывается как внутренними, так и внешними факторами, требуется постоянное отслеживание и внимательное наблюдение за их действием. Здесь значительную роль играют степень организованности общества, его культура и образованность, знания, существующие в нем и являющиеся достоянием широких социальных слоев.

Как и все российские социологи, Лилиенфельд обращался к идее прогресса и его критериев. Главный среди них – мера свободы общества (даже не индивида!), под которой понималась и экономическая, и политическая, и правовая свобода действовать властям от его имени в целях укрепления социального организма.

§ 3. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Л.И. МЕЧНИКОВА

Одним из весьма распространенных направлений натурализма в российской социологии было географическое. Это обстоятельство имело ряд причин. Главной среди них было, по всей видимости, геополитическое положение России. Рассмотрим основные позиции географического направления, или географического детерминизма, как его часто называют в литературе, на примере творчества Льва Ильича Мечникова (1838–1888).

Он родился в Петербурге, в дворянской семье, детство провел в Харькове. Получил медицинское образование, характерное для его семьи (брат Л.И. Мечникова, И.И. Мечников был знаменитым врачом и биологом). Знал более 10 иностранных языков. Служил переводчиком, торговым агентом в странах Ближнего Востока, что позволило ему изучить детально их историю и использовать полученные материалы при написании главного труда жизни – «Цивилизация и великие исторические реки» (опубликована после смерти автора сначала на французском языке, почти через 10 лет – на русском).

Мечников много путешествовал, участвовал в революционной борьбе гарибальдийцев в Италии. В течение двух лет жил в Японии, где занимался организацией университета (в этой стране до сих пор о нем вспоминают с благодарностью). Последние годы жизни провел в Швейцарии, в Невшательской Академии, где преподавал сравнительную географию и статистику. Помимо названной выше книги, для социологии представляют интерес еще две его работы: «Вопросы ответственности и нравственности» (1879) и «Школа борьбы в социологии» (1884).

Для Мечникова социология являлась наукой, изучающей явления солидарности. Ее установление и развитие в обществе было основным критерием прогресса. Солидарность, по его мнению, выступала в различных формах кооперации в зависимости от того, была она добровольной или осуществлялась по принуждению. Отличие здесь имело место в связи с разной степенью свободы индивидов. Чем выше мера свободы, тем добровольнее кооперация между людьми. Вместе с тем, добровольная кооперация обеспечивала более высокий уровень свободы человека.

Солидарность в обществе вытесняла борьбу за существование, характерную для живой природы. Солидарность рассматривалась Мечниковым в рамках теории эволюции и развития органического мира. Здесь он проводил определенные аналогии между солидарностью в обществе и солидарностью в живой природе. Однако в целом российский ученый выступал против сведения социологических законов к законам природы и считал недопустимым основывать социологию на дарвиновском законе борьбы за существование – точно так же, как нелегитимно разрешить вопрос о солнечных пятнах на основании теоремы Пифагора. Использование биологических законов не дает возможности объяснить с их помощью социальные явления и процессы, равно как механические законы не позволяют понять особенности органического мира.

Мечников считается по праву создателем одной из наиболее оригинальных концепций географического детерминизма. Он стремился рассмотреть историю человечества в целом, а историю развития отдельных обществ – сквозь призму влияния на них географической среды. Причем это влияние, по его мнению, имеет скорее опосредованный, чем непосредственный характер. Он не стремился (как некоторые представители географического направления, например, Г. Бокль или Ф. Ратцель) выявлять прямое воздействие географической среды на психологию и поведение человека. Смысл подхода Мечникова – в показе этого влияния на социальную жизнь, в которой происходит формирование личности. Он считал, что «... различная физико-географическая среда оказывает влияние на судьбы народов, предоставляя некоторым из них верховенство над другими народами»²²⁷.

Среди многих факторов воздействия географической среды на эволюцию общества и его историческое развитие он выделял как наиболее значимый водный фактор, гидросферу. Все цивилизации в истории человечества возникали на берегу рек, морей и океанов. Они определяли развитие человеческой культуры, ее содержание и особенности. Мечников не пытался вывести черты человеческого характера из ландшафта, специфики водной среды и др. Но он доказывал, что эта среда приводит к необходимости солидарности между людьми, установления отношений кооперации, без чего ни одно общество не сумело бы выжить. Жизнь вдоль рек (а затем на берегах морей и океанов) требовала от людей объединения их труда. Необходимо было возводить дамбы, рыть каналы, иначе люди столкнулись бы с большими проблемами. Реки, моря, океаны были кормильцами и врагами одновременно. Людям, а потом и странам нужно было объединять свои усилия, кооперироваться для использования всего положительного потенциала гидросферы и защищаться от действия стихийных факторов, с ней связанных.

Мечников выводит закон трех фазисов исторического развития. Первый из них связан с речной эпохой (четыре древнейших великих культуры – египетская, ассирийско-вавилонская, индийская и китайская – возникли на берегах рек: Нил, Тигр, Евфрат, Инд, Ганг, Хуанхэ, Янцзы). Второй фазис связан с морской (или Средиземноморской) эпохой (финикийская, греческая, римская культуры возникли на морском побережье). Наконец, третий фазис связан с океанической эпохой, являющей собой новое время. «Это разделение человеческой истории, – пишет Л.И. Мечников, – представляющей в действительности единый процесс, вполне соответствует также и трем последовательным фазисам социальной эволюции и трем восходящим ступеням органической эволюции в природе»²²⁸.

В историю российской социологии Мечников вошел как ученый, попытавшийся на интересном и оригинальном материале связать развитие общества, его различных сфер (в первую очередь материальной) с воздействием на него географической (прежде всего гидрологической) среды. Несмотря на определенный натурализм и известную односторонность в трактовке социального процесса, выразившуюся в явном гипертрофировании роли одного его фактора, такой анализ позволил ему весьма своеобразно обосновать идею поступательности и эволюционности социального прогресса и выявить некоторые важные закономерности общественного развития.

²²⁷ Мечников Л.И. Великие исторические периоды // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997. С. 275.

²²⁸ Мечников Л.И. Великие исторические периоды // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997. С. 275.

§ 4. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ДАНИЛЕВСКИЙ
28 ноября 1822 г. – 7 ноября 1885 г.

К начальному этапу российской социологии (1860–1890-е гг.), характеризующемуся доминированием позитивизма и натурализма, можно с определенной долей условности отнести творчество Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885). Он окончил Царскосельский лицей, затем физико-математический факультет Петербургского университета. Научные интересы его были достаточно широки и включали изучение статистики, этнографии, широких социальных проблем и даже ... ботаники, климатологии и ихтиологии. Основная работа Данилевского – «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому» – писалась в 1865–1868 гг. и была опубликована в 1869 г. Переиздание этой книги было осуществлено в 1991 г.²²⁹. Еще одна крупная двухтомная работа, посвященная критике теорий Ч. Дарвина – «Дарвинизм» – осталась незаконченной.

Социологические воззрения Данилевского отличались заметным своеобразием, их трудно отнести к конкретному направлению. Так, он считал, что существование какой-либо целостной и стройной теории общества невозможно в связи с тем, что социальные объекты оказываются очень разными. Поэтому должна иметь место не единая общая теория, а лишь сравнительная трактовка разных типов обществ. Отсюда обществознание может (и должно) быть исключительно национальным по своему характеру.

В основе этого положения лежит представление Н.Я. Данилевского об обществе как совокупности (сумме) национальных социальных организмов, развивающихся по собственным законам и относительно устойчивых по отношению к окружающей их и изменяющейся среде. С такой позицией связана и критика дарвинизма, который доказывал генетическое родство форм и видов, их единство и наличие исходной базы для всего живого. Данилевский полагал, что в обществе, как и в живой природе, не существует «общего знаменателя». Все виды живой природы и общественные формы являются, по его мнению, исключительно самобытными.

Одна из основных особенностей социологических взглядов Данилевского состояла в том, что, в отличие от господствовавшего в российской социологии эволюционизма, они характеризовались антиэволюционизмом. Об этом свидетельствовало его главное теоретическое детище – концепция культурно-исторических типов. По его мнению, история человечества не является единой целостностью, а «складывается» из крупных форм (в определенной мере аналогичных организмам). Эти формы и есть культурно-исторические типы. Они имеют обособленный, локальный характер, структурны, внутри каждого происходит собственное движение. Также типы характеризуются своеобразием социального, религиозного, бытового, политического, научного, промышленного, художественного развития. По существу культурно-исторический тип – это совокупность взаимосвязанных признаков крупного социального организма, характеризующегося в качестве основного интегративного показателя национальной культурой.

Каждый культурно-исторический тип проходит стадии, типичные для любого живого организма: рождение, возмужание, дряхление, смерть. Данилевский рассматривает эти стадии как четыре периода в развитии типа: этнографический, государственный, цивилизационный, период конца культуры. В течение первого создается запас сил для будущей активной деятельности народа, складывается национальный характер. Второй период – государственный – состоит в строительст-

²²⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

ве сильного государства как условия независимого самобытного развития. Третий, самый короткий, заключается в культурном творчестве в рамках цивилизации и постепенных растратах накопленного запаса. Наконец, четвертый означает возникновение неразрешимых противоречий и гибель культурно-исторического типа.

Данилевский называет и исследует 10 основных культурно-исторических типов: египетский, ассиро-вавилонский, индийский, китайский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, европейский (германо-романский). Особое место занимает славянский тип. Все эти типы выполняют в истории общества очень важную роль, обеспечивая его прогресс. Хотя Данилевский и говорит об относительно автономном развитии культурно-исторических типов, тем не менее он видит и преемственность между некоторыми из них; не случайно он разделяет их на «уединенных» и «преемственных». Историю общества социолог рассматривает как историю борьбы культурно-исторических типов между собой и с окружающей средой.

В основе развития каждого исторического типа лежит культурная деятельность (культура), которая включает в себя четыре главных, конкретизирующих ее, вида. Во-первых, это религиозная деятельность, составляющая основу нравственной деятельности; во-вторых, это политическая деятельность, выражающая взаимоотношения людей как членов народного целого; в-третьих, это общественно-экономическая деятельность, в которой проявляются отношения людей к предметам внешнего мира и условиям пользования ими; наконец, в-четвертых, это собственно культурная деятельность в строгом и узком смысле слова, в которой находят свое выражение отношения людей к науке, искусству, промышленности.

На основе такого подхода к культуре Данилевский рассматривал названные выше культурно-исторические типы. По его мнению, они могут быть одноосновными (если в основе типа – какой-либо один вид культурной деятельности), двухосновными (если два вида), трехосновными (если три). Лишь славянский тип является четырехосновным, поскольку в нем «присутствуют» все четыре вида культурной деятельности и впервые – общественно-экономический, который не был присущ ни одному из названных 10 культурно-исторических типов. Этим самым Данилевский стремится доказать исключительность славянского типа и его самый высокий уровень в сравнении с другими.

Славянский культурно-исторический тип, по мнению социолога, наиболее ярко был воплощен в русском народе. Идеи славянофильства автор концепции доводил до крайне консервативных выводов и призывов к борьбе русского народа и российского государства с другими народами для утверждения славянского типа. Не случайно либеральная социологическая критика в России (Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев) увидела в этом учении отход от гуманистических традиций российской общественной мысли и культуры.

В концепции Данилевского ставится вопрос об общественном прогрессе. Есть ли он? По всей видимости, да, только понятие прогресса у автора достаточно специфично. В соответствии с его точкой зрения «прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях...»²³⁰. Следовательно, каждый культурно-исторический тип вносит свою лепту в общий прогресс человечества.

Работы Данилевского представляют собой одну из первых и оригинальных попыток предложить новый подход к пониманию истории как нелинейного многовариантного процесса и дать социологическую трактовку некоторым его аспектам. Далеко не всё и во времена создания концепции, и сегодня в этой попытке устраивает. Но она дала толчок для теоретико-социологического исследования исторического процесса в рамках особого подхода, который впоследствии неоднократно применялся мыслителями.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем состояли причины популярности позитивистской социологии в российском обществе второй половины XIX в.?
2. Какие разновидности позитивистской социологии получили наибольшее распространение в России? Почему?
3. Как бы вы могли охарактеризовать роль М.М. Ковалевского в развитии российской социологии? Какие основные проблемы социологии он разрабатывал?
4. В чем суть генетической социологии М.М. Ковалевского? Почему она тесно связана с его теорией прогресса?

²³⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 87.

5. Раскройте существо теории факторов М.М. Ковалевского. В чем состоит отличие социологического плюрализма от социологического монизма?
6. Какие методы изучения общества использовал М.М. Ковалевский? Почему его называли историком в социологии и социологом в истории?
7. Почему в России в рамках натурализма получили развитие органицизм и географическое направление, а не социал-дарвинизм и расово-антропологическое направление?
8. Охарактеризуйте социологические взгляды А.И. Стронина и П.Ф. Лилиенфельда.
9. В чем состоит оригинальность концепции географического детерминизма Л.И. Мечникова?
10. Почему социологическую концепцию Н.Я. Данилевского трудно отнести к какому-либо одному конкретному направлению в социологии? Раскройте содержание его социологических идей.
11. Благодаря чему позитивизм стал магистральным направлением развития российской социологии во второй половине XIX – начале XX в.?
12. Сравните позитивистские взгляды и идеи О. Конта, Г. Спенсера и других западно-европейских авторов и их российских коллег. Что вы вынесли из этого сравнения?

ЛИТЕРАТУРА

- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.
- Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб., 2002.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Здравомыслов А.Г. Социология: история, теория, практика. М., 2008.
- История социологии. Минск, 1993.
- История теоретической социологии. В 4 т. Т. 1. М., 1997.
- Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России. Две жизни. Географическая школа в социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Ковалевский М.М. Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика. Понятие генетической социологии и ее метод // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997.
- Ковалевский М.М. Сочинения: В 2 т. СПб., 1997.
- Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Лилиенфельд П.Ф. Социология // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997.
- Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.
- Мечников Л.И. Великие исторические периоды // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.
- Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- Новикова С.С. История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996.
- Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000.
- Сорокин П.А. Русская социология в XX веке // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.

НЕОКАНТИАНСТВО В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

1. *Общая характеристика направления.*
2. *Социологические воззрения В.М. Хвостова.*
3. *Социологические взгляды П.И. Новгородцева.*
4. *Социологическое наследие Б.А. Кистяковского.*
5. *Социологическая теория Л.И. Петражицкого.*

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАПРАВЛЕНИЯ

На рубеже XIX–XX вв. в теоретической мысли России получило широкое распространение неокантианство. Идеи Г. Риккерта и В. Виндельбанда, наиболее ярких его представителей, относительно специфики социального познания и необходимости использования теории ценностей нашли благодатную почву среди российских социальных мыслителей – историков, философов, правоведов, политэкономов, социологов, которые привнесли немало своего в трактовку общества и различных сторон его жизни. Суть проблемы состояла в том, как осуществлять обобщающее социальное познание, когда в общественной жизни все имеет индивидуальный характер.

В российской социологии неокантианство имело ряд особенностей. Прежде всего его появление было связано не только с общими причинами научного интереса к нему, но и с положением дел в самой социологии, характеризовавшейся господством позитивизма и натурализма. Некоторые социологи выступили против сближения социологии с естествознанием, против исследования общества с помощью естественнонаучных методов, утверждая, что у социальной науки должны быть свои особые подходы к изучению реальности, свои методы познания.

Отсюда – неокантианская критика ситуации в социальной науке, признание ее кризиса в области методологии. Речь шла о том, что позитивистская и натуралистическая социология, опираясь лишь на факты, их наблюдение, фиксацию, описание и объяснение, неспособна понять, что за ними скрывается. Этот кризис усугубляется тем, считали неокантианцы, что стремление социологов к целостному охвату общества приводило к забвению его отдельных сторон, в первую очередь человеческого поведения, игнорированию его культурно-ценностного аспекта. Цель исследования, утверждали они, состоит не в объяснении явлений, а в их оценке, осуществляемой с учетом прежде всего абсолютной ценности нравственного должноствоания. Таким образом, на передний план выдвигалась ценность личности. Что же касается различных проектов социального переустройства общества, то их следует оценивать с точки зрения «личностной» направленности, т.е. возможности использовать результаты общественных преобразований для совершенствования личности.

Отсюда становится понятной еще одна особенность российской неокантианской социологии – присущий ей психологизм, акцент на изучении социально-психологических взаимодействий, к которым зачастую сводилась вся социальная реальность. Неокантианство в социологии было связано с ее психологическим направлением гораздо более тесно, чем с другими течениями социологической мысли России.

Если общество, по словам одного из наиболее известных российских социологов неокантианского направления П.И. Новгородцева, существует только в лицах в качестве единственной социальной реальности, то отношения между ними, неизбежно приобретающие нормативный характер, должны соответствующим образом изучаться. Так возникает еще одна особенность российского социологического неокантианства – повышенное внимание, уделяемое ключевой категории – норме. Не случайно среди представителей этого направления оказалось много очень известных российских правоведов: Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.М. Хвостов. Обратимся к характеристике их социологических взглядов.

§ 2. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В.М. ХВОСТОВА

Владимир Михайлович Хвостов (1868–1920), известный российский социолог, правовед, историк, окончил юридический факультет Московского университета, с 1889 по 1911 гг. был профессором этого же университета. В 1911 г. вместе с группой профессоров вышел в отставку в знак протеста против ущемления правительством университетской автономии. Вернулся в университет в 1917 г. Основные работы, в которых рассматривались проблемы социологии: «Общественное мнение и политические партии» (1906), «Нравственная личность и общество. Очерки по истории и социологии» (1911), «Социология. Т.1» (1917), «Основы социологии» (1920). Научные интересы Хвостова отличались значительным диапазоном, включая теорию и метод социологии, закономерности общественной жизни, проблемы личности и социальной группы, вопросы этики, культуры, психологии (в том числе психологии женщин) и др.

Социологию Хвостов рассматривал как одну из наиболее общих наук об обществе по отношению к таким частным наукам как экономика, право, политика (подобно тому как биология является столь же общей относительно ботаники, зоологии, анатомии, физиологии). Ее предметом является общество. «Обществом в самом широком смысле этого слова, – писал Хвостов, – можно назвать всякое взаимодействие живых существ, выражающееся в происходящем между ними в той или иной форме обмене духовными содержаниями и в совершении на этой почве совместных актов и поступков»²³¹.

Не меньшее значение для социологии имеет исследование человека. Однако оно может осуществляться только в связи с изучением общества, поскольку человек по своей природе является общественным существом. Коль скоро это так, «вне общественных групп люди никогда не существовали и существовать не могли. Самая разумность человека ... создалась на почве общественности и общество, можно сказать, древнее человеческой личности в том смысле, что разумная и сознающая себя личность, развитая индивидуальность выросла только на почве общественных процессов в результате благоприятных для этого условий общественной жизни»²³². Итак, личность и общество с точки зрения социологии следует рассматривать в единстве и не противопоставлять друг другу. Но при этом главное в личности принадлежит духовному.

Еще одна часть предметного поля социологии – культура, которая появляется рядом с миром природы как мир, переработанный человеческим сознанием. Хвостов говорит о том, что при изучении общества и человека необходимо проводить различие между натурой (природой) и культурой. Здесь «вмешивается» в анализ психологический аспект проблемы, потому что «правильная постановка вопроса о природе человеческого общества ... возможна только на психологической почве».

Отсюда следует дополнительная расшифровка в духе психологизма того, что такое общество. «Под именем общества, – объясняет социолог, – мы разумеем единый процесс общения, который происходит между индивидуальными процессами духовной жизни, именуемыми душами отдельных людей. Ввиду присущей процессу духовного общения и взаимодействия самостоятельной закономерности, он может быть рассматриваем как особая цельность и составляет предмет особого изучения. Вот почему должна существовать особая социологическая наука»²³³.

В свете изложенного о социологии как науке, ее предмете становится понятной трактовка Хвостовым социальных законов как общих схем порядка протекания человеческого общения. По существу они тождественны законам социальной психики, а сама социальная психология рассматривается с учетом этого обстоятельства как составная часть социологии. Социальное познание отражает мир не как таковой, а с точки зрения определенной теории, построенной на сформулированных социологом законах.

Не меньше, чем проблема предмета, волновал Хвостова вопрос о методе социологии. Он считал социологию обобщающей наукой, ее задача – «вскрыть для нас ту общую закономерность, которая проявляется в общественной жизни, формулировать те законы природы, которым подлежит ход общественных процессов»²³⁴. Метод социологии по существу одинаков с методом любой обобщающей науки. Наряду с теоретическими абстракциями и положениями, социология должна располагать фундаментом из фактов для получения обобщений, но в достаточной степени еще его не имеет, в чем исследователь усматривает ее слабость.

²³¹ Хвостов В.М. Предмет и значение социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 115.

²³² Хвостов В.М. Предмет и значение социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 116.

²³³ Хвостов В.М. Предмет и значение социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 122.

²³⁴ Хвостов В.М. Метод социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 276.

Эти факты социология может получать из исторических источников, данных этнографического характера (т.е. результатов наблюдений за жизнью и бытом народов). Наконец, говорит Хвостов, «социолог должен производить и непосредственные наблюдения над фактами социальной действительности ... в форме простого присутствия при общественных процессах ... или же они собираются путем опроса лиц, переживавших известные события или близко к ним стоявших»²³⁵. Что касается использования такого метода, как эксперимент, то в социологии, считает ученый, он мало применим, поскольку общественные процессы слишком сложны для того, чтобы его можно было правильно ставить в большом масштабе; в более же скромной форме эксперимент в социологии возможен.

Следует отметить, что учение Хвостова о методах социологии как науки весьма близко к современным трактовкам и значительно отличается от представлений о методике исследований, господствовавших в российской социологии на рубеже XIX–XX вв., не говоря уже о более ранних. Вместе с тем, он говорил и о другой методике, скорее психологической, нежели социологической, касающейся изучения процесса и возможностей психологического вживания в исследуемую ситуацию – на основании того, что о чужом «я» мы судим сообразно собственному «я».

Одна из «сквозных» проблем российской социологии – ее отношение к прогрессу. Хвостов воспринимал негативно это понятие на том основании, что критерии его не ясны и оно не вполне научно. Поэтому он предложил использовать вместо прогресса понятие духовного процесса, взятого в его динамике и развертывании и проходящего циклы собственного развития во временном и пространственном аспектах. В развертывании духовного процесса социолог видел три стадии:

- а) скрытое состояние новой идеи за порогом общественного сознания;
- б) появление у идеи большого числа сторонников (возникновение их «критической массы»);
- в) победа духовной инновации в борьбе с традицией.

На этой последней фазе идея трансформируется и достигается ее компромисс с традицией. Появляется новый общественный идеал («дух времени»), который определяет дальнейшее развитие духовного процесса.

В целом Хвостов создал концептуальную схему развития социологии как на ее теоретическом (макросоциологическом), так и микросоциологическом уровнях. Остается сожалеть, что он не сумел реализовать весь свой замысел, и второй том его «Социологии» так и не увидел света.

§ 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П.И. НОВГОРОДЦЕВА

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) известен больше как юрист и философ (преподавал юридические дисциплины в Московском университете с 1904 г.), нежели социолог. Более того, зачастую он весьма пессимистически оценивал перспективы и возможности социологии как науки. Тем не менее в своих работах («Нравственный идеализм в философии права», 1903; «Социальные науки и право», 1916; «Об общественном идеале», 1917) высказал ряд положений, имеющих социологический характер в рамках их неокантианской трактовки.

Новгородцев известен своей достаточно резкой критикой позитивистской социологии за ее акцент на необходимости изучения общества, за утверждение об объективном характере изучаемых социальных фактов и связей между ними, за засилье в ней (вместо нравственно-правового и культурного) исторического подхода. Применение последнего, полагал российский мыслитель, ведет к исчезновению личности как объекта исследования и превращению в таковой масс, социальной среды.

Между тем, основным объектом исследования, по его мнению, должна быть именно личность, рассматриваемая сквозь призму индивидуально-психического и нормативно-этического подходов. Социологии, считал Новгородцев, следует превратиться из науки об изучении, описании, объяснении объективных социальных фактов (социальный факт не есть дюркгеймовская «вещь») в науку об исследовании ценности данных фактов. А это превращает социологию из «объективной» в «субъективную» область получения нового знания.

В работах ученого хорошо видно его несогласие с редукцией общества, социального к живой природе, биологическому. По его мнению, человеческое общество отличается от мира живой природы прежде всего тем, что в нем существуют нормы как первоначальные задатки всеобщего должностования. Эти нормы составляют нравственную основу структуры личности, поскольку чело-

²³⁵ Хвостов В.М. Метод социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 280.

век живет именно по ним. Раз мы с этим согласны, то должны признать, что нормы являются основой также общества и культуры. Справедливости ради, отметим, что Новгородцев не отождествлял общество и культуру, более того, резко выступал против попыток такого отождествления у некоторых исследователей неокантианского толка.

Нравственность, по Новгородцеву, – не только то, что существует по отношению к личности как нечто внешнее (совокупность действующих в обществе норм), но это внутренняя для человека абсолютная ценность. Она позволяет личности быть не пассивным продуктом социальной среды, а единственным и основным источником сознательных решений и активных действий. Поэтому общество есть ничто иное как совокупность сознаний и действий отдельных людей.

Нравственная сфера, в соответствии с позицией Новгородцева, автономна, самодостаточна, независима и самостоятельна. Он считал, что необходимо признание самостоятельного значения за нравственным началом и нормативным рассмотрением социальных и личностных – в первую очередь – проблем. Позитивизм, в отличие от неокантианства, не в состоянии решить нравственную проблему, потому что этические нормы, лежащие в ее основе, являются априорной прерогативой нравственного сознания. Главным в социологической проблематике должно стать изучение механизмов морально-правовой регуляции в различных общественных системах. Для этого необходимо изучать и знать структуры индивидуального сознания (внутренних психологических переживаний) и внешних по отношению к человеку социальных и культурных систем, понимаемых как совокупность нравственных и правовых норм.

Рассматривая период начала XX столетия, Новгородцев считал его временем кризиса и крушения всяческих утопий, особенно социалистического характера. Анализ марксизма и многочисленных социалистических концепций того периода убедил его в том, что в принципе не может быть создано справедливых форм общественного устройства и разумных средств их появления. Все общественные формы, реально существующие и еще не родившиеся, будущие, не могут по своей природе совместить, реализовать в своей деятельности требований справедливости, равенства и свободы. Однако в основе этих форм должен лежать принцип соблюдения интересов личности. Выход из кризиса общества и социальной науки, с точки зрения Новгородцева, состоит в учете этого принципа и обеспечении свободы бесконечного развития человека. Индивид нуждается не в утопическом проекте светлого будущего, а в вечном идеале добра, в основе которого – самоценность человеческой жизни.

Говоря об общественных формах, в которых реализуется этот абсолютный идеал, Новгородцев указывает на самые исторически ранние – род и племя и современные – государство, церковь, семья, нация, культура. На них он возлагает основные надежды по расширению границ действия нравственных норм. Задача социолога, по его мнению, состоит в изучении возможностей решения этой проблемы в названных выше общественных формах. Для человека же главное – следовать нравственному идеалу и нести его в себе как тот мир, в котором он живет. Таким было *credo* Новгородцева.

§ 4. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Б.А. КИСТЯКОВСКОГО

Борис Абрамович Кистяковский (1868–1920) родился в Киеве в семье профессора права Киевского университета. Пошел по стопам своего отца, став крупным ученым в области права, философии, социологии. Учился в Киевском, Харьковском, Дерптском университетах, был исключен из каждого за участие в революционной деятельности. Завершил образование в Германии, где занимался в семинарах Г. Зиммеля и В. Виндельбанда, одного из основателей неокантианства. В 1899 г. опубликовал на немецком языке одну из главных своих работ – «Общество и индивидуальность». Другая важная работа, содержащая социологические идеи, – «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (1916). Преподавал в московских и киевских высших учебных заведениях.

Кистяковский считал, также как и другие неокантианцы, что общество и социальное познание в нем находятся в состоянии кризиса. Если причины кризиса общества лежали в процессах социально-экономических и – особенно – в политических, то обоснование кризиса социального познания российский мыслитель видел в явлениях методологического порядка. Он связывал этот кризис с господством субъективизма и релятивизма социальной науки, давлением на нее позитивизма и методов естествознания, игнорированием специфики социального познания в целом, социологического в частности. Кроме того, причиной кризиса социального познания он считал слитность, неразделенность социологии и социальной философии и господство в последней психологизма. Другими словами, кризис социальных наук имел чисто гносеологический характер, и выход из него следовало искать именно в сфере методологии.

Главная задача социологии – исследовать причинную связь между ставшими необходимыми социальными фактами, причем делать это беспристрастно, вне влияния их нравственных оценок. В связи с таким пониманием поставленной задачи Кистяковский писал: «Социолог должен в этом случае поступать так же по отношению к социальным явлениям, как врач, который лечит больного, не спрашивая, хороший ли это или дурной человек, нравственен ли он или безнравственен. Может быть перед ним лежит величайший злодей, преступник, убийца, загубивший много жизней, но врач справляется только со своей наукой и спасает больному жизнь, не спрашивая, достоин ли он или не достоин жить по нравственным соображениям. Так же точно социолог не должен расплываться в нравственных осуждениях или предаваться благородному гневу по поводу исследуемых им социальных явлений, а спокойно исследовать причинную связь их»²³⁶.

Однако это вовсе не означает того, что Кистяковский игнорировал понятие нравственности и нравственных оценок тех или иных социальных явлений. Он связывал это понятие с другой категорией, которой всегда уделял значительное внимание, – справедливостью: «О каждом общественном явлении мы можем судить с нравственной точки зрения. Всякий раз, когда мы имеем факт из общественной жизни, мы можем спрашивать: удовлетворяет ли он идее справедливости, или нет?»²³⁷. Категорию справедливости как оценочную ученый противопоставляет категории необходимости как научно-познавательной, поскольку последняя одинаково применяется при анализе и естественных, и социальных явлений, а первая – только лишь в суждениях о социальном мире.

Некоторые исследователи творчества Кистяковского рассматривают трактовку им справедливости как сердцевину его социологической концепции²³⁸. При этом доказывается, что категория справедливости связана у российского исследователя с понятием долженствования, нормативностью и ценностью. Стремление к осуществлению справедливости присуще людям как естественное, считал Кистяковский.

Российский ученый рассматривал общество как психическое взаимодействие людей, процессы в котором существенно отличаются от физических и количественно неизмеримы. Поэтому исследовать его можно лишь на основании специальных социальных законов, которые не могут представлять собой аналогий физическим, биологическим и иным естественнонаучным законам. Для того чтобы открыть такой специфический социальный закон, необходимо изолировать однородные социальные явления, которые состоят в причинной связи между собой. Знание нескольких пересекающихся рядов причин даст возможность открыть социальный закон.

В работах Кистяковского последовательно проводилась идея о том, что социология должна выделять в социальных явлениях безусловно достоверное, тогда главным для нее станет установление необходимости, а не определение различных возможностей. Нигилистическое отношение ученого к категории возможности бросалось в глаза, и вряд ли с такой позицией в социологической науке можно согласиться. Социология не должна пренебрегать этой категорией, особенно при разработке различных вариантов (сценариев) развития процессов, а также в ходе статистических исследований.

Будучи правоведом и обосновывая нормативно-социологический подход, российский ученый обращал особое внимание на роль права в развитии человека и социальных процессов. Он доказывал, что право дисциплинирует индивида гораздо больше, чем что-либо иное, даже управление собственной волей. Внутренняя свобода человека достигается благодаря праву. Значение работ Кистяковского в этом аспекте его творчества заключается в подчеркивании роли прочного правосознания людей, являющегося условием нормального развития и общества, и личности.

Завершая рассмотрение социологических взглядов Кистяковского, отметим, что он, как и многие ученые того времени, ставил вопрос об отправном пункте социального процесса, его начале. Что им является – общество или личность? В отличие от многих своих коллег, «выбравших» что-либо одно, Кистяковский полагал, что вряд ли таким путем можно найти верный ответ на этот вопрос. Оба начала, полагал ученый, одновременны и взаимодействуют настолько тесно, что любой выбор в этом случае всегда будет некорректным. Тем более, что в практическом плане самоцелью являются и личность, и общество. Самое же главное в социальном мире – успех долженствования, реальных норм и подлинных ценностей. Именно этому должна содействовать вся социальная наука, в том числе и социология.

²³⁶ Кистяковский Б.А. «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 263.

²³⁷ Кистяковский Б.А. «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2). Тексты: М., 1997. С. 263.

²³⁸ См., напр.: Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000. С. 240.

§ 5. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО

Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931) – один из наиболее известных российских юристов и социологов неокантианского направления. Окончил Киевский университет, учился в Германии. Является основателем психологической школы права в России. В течение 20 лет (1898–1918) работал профессором Петербургского университета. Избирался в состав первой Государственной думы. С 1918 г. жил в эмиграции, руководил кафедрой социологии Варшавского университета. Основные работы, содержавшие социологические идеи: «Введение в изучение права и нравственности» (1905), «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (в двух томах, 1907).

Творчество Петражицкого связывают и с позитивизмом, и с натурализмом, и с психологическим направлением, и с неокантианством. Это свидетельствует о сложности и «пограничном» характере взглядов мыслителя. Рассмотрим основные из них, имеющие непосредственное отношение к социологической науке.

Социологию он характеризует как научную теорию социально-психических процессов. Ее предназначение – изучать участие человека в процессах социальной жизни. При этом под таким участием ученый понимает психическую деятельность индивидуального характера. Она проявляется в словах, сообщениях, действиях, поступках человека.

Главным методом социологии Петражицкий считал психологическую дедукцию, основой которой является наблюдение социальных фактов. Наблюдение может быть внешним (по отношению к физическим явлениям и процессам оно осуществляется благодаря органам чувств) и внутренним. В последнем случае оно превращается в самонаблюдение, становится, как говорит Петражицкий, интроспекцией, психологическим методом внутреннего наблюдения. Такое наблюдение есть по существу переживание социального факта, социального явления. Это переживание и становится объектом познания и предметом интерпретации.

Отсюда существенное значение приобретает способность человека воспринимать и трактовать социальные явления и процессы. Таким путем можно определить процесс конструирования узнаваемого нами социального мира, который (это следует из приведенных рассуждений) оказывается зависимым от того, как мы его интерпретируем. Подобный подход к познанию социального мира стали особенно активно применять в 1920-е гг. представители феноменологической социологии.

Центральными понятиями социологии, согласно концепции Петражицкого, должны стать социальное поведение и его мотивы. Традиционно основная категория социологии – общество – не привлекала особого внимания ученого. Оно выступало для него как некая надындивидуальная действительность, не имеющая особого статуса и не существующая реально в психике того, кто изучает то или иное конкретное социальное явление. Социология изучает лишь то, что существует в психике и интерпретируется индивидом.

Общество не вызывало интереса у Петражицкого и в силу его оторванности от нормативных и мотивационных характеристик поведения, которые он называл «нормативными переживаниями» и «импульсиями»²³⁹. Для получения этих характеристик требуется обращение к психологии, которая должна создать для гуманитарных наук, в том числе и для социологии, прочный фундамент. Так, Петражицкий считает, что социологическое понятие «мотив» (хотя на самом деле оно скорее психологическое) имеет в качестве психологического аналога (синонима) понятие «эмоция». Не случайно он разрабатывает детальную классификацию эмоций, создавая «эмоциональную теорию эстетических и этических явлений».

Индивидуальные эмоции, в соответствии с этой теорией, выступают причинами социального поведения, они выражаются как в слове, так и в действии, а их понимание становится задачей социологии. Однако такой подход, базировавшийся на индивидуальных эмоциях, оказался недостаточным для построения научной социологии, поскольку не содержал выхода в систему социальных отношений. Поэтому Петражицкий обращается к понятию «народная психика», связывая его с конкретным поведением через социальные нормы, обуславливающие определенные типы поведения.

Разработка теории социальных норм Петражицким – одно из его серьезных научных достижений. При этом он рассматривал нормы в тесной связи с обязанностями – как моральными (нравственными), так и правовыми (юридическими). Нравственные нормы у ученого – это переживание долга и его выполнение, юридические – это понимание долга как обязанности по отношению к другому. Любые нормы выполняют две функции – мотивационные (импульсивные) и педагогические. Первые стимулируют одни действия и сдерживают другие, вторые способствуют развитию определенных психических склонностей, предрасположенностей людей.

²³⁹ См.: Петражицкий Л.И. Основные положения эмоциональной теории эстетических и этических явлений. Два вида обязанностей и норм // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 281.

Общественный прогресс Петражицкий связывал с достижением идеала совершенного социального характера. Этот идеал достигается постепенно, по мере перехода от одной социальной системы к другой, более действенной и соответствующей состоянию народной психики, что, в свою очередь, обеспечивает более высокую степень социально-разумного поведения граждан.

Подводя итог развитию неокантианского направления в российской социологии, следует отметить, что его представители обращали особое внимание на методологию исследования и социального познания, выработку понятийного аппарата общественной науки, обращение к личности, ее внутреннему психическому миру. Особенно активно ставились проблемы долженствования, нормативности, ценности в связи с характеристикой поведения человека. Взаимодействия между субъектами социальных процессов рассматривались в рамках нравственно-психологических отношений.

Неокантианство в российской социологии, критикуя позитивизм и натурализм, сделало шаг, с одной стороны, в направлении к неопозитивизму, с другой – приблизило социологию еще больше к психологии. Вместе с тем, оно не сумело решить полностью тех задач, которые ставило перед собой: подорвать научное и интеллектуальное доверие к социологическому позитивизму. Последний сохранился и даже усилился, занявшись поиском новых форм и ликвидацией слабостей в своей методологии за счет большего дистанцирования от естествознания и его методов и усиления гуманитарной составляющей в создаваемом научном знании.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему в российской социологии появилось неокантианство?
2. Что вы можете рассказать о влиянии на него идей Г. Риккорта и В. Виндельбанда?
3. Каковы особенности неокантианства в российской социологии?
4. Как трактовал предметное поле социологии В.М. Хвостов?
5. Раскройте учение В.М. Хвостова о методах социологии.
6. В чем состоят заслуги П.И. Новгородцева перед социологической наукой?
7. Как характеризовал проблемы развития нравственной сферы общественной жизни П.И. Новгородцев?
8. Почему Б.А. Кистяковский рассматривал общество и социальное познание находящимися в состоянии кризиса?
9. В чем Б.А. Кистяковский видел главную задачу социологической науки?
10. Охарактеризуйте суть социологической теории Л.И. Петражицкого.
11. Почему центральным понятием социологии Л.И. Петражицкий считал социальное поведение?
12. В чем состояло значение неокантианского направления в российской социологии?

ЛИТЕРАТУРА

- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.
- Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб., 2002.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Здравомыслов А.Г. Социология: история, теория, практика. М., 2008.
- История социологии. Минск, 1993.
- История теоретической социологии: В 4 т. Т. 2. М., 1998.
- Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.
- Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
- Новикова С.С. История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996.
- Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000.
- Петражицкий Л.И. Основные положения эмоциональной теории эстетических и этических явлений. Два вида обязанностей и норм // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997.
- Сорокин П.А. Русская социология в XX веке // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Хвостов В.М. Предмет и значение социологии. Метод социологии. Науки об общем и науки об индивидуальном // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997.

НЕОПОЗИТИВИЗМ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

1. *Общая характеристика.*
2. *Социологические взгляды А.С. Звоницкой.*
3. *Социологические воззрения К.М. Тахтарева.*
4. *Творчество П.А. Сорокина: российский период.*
 - 4.1. *Вехи жизни в России.*
 - 4.2. *Предмет, структура и метод социологии.*
 - 4.3. *Структура общества и населения.*
 - 4.4. *Проблемы социального поведения.*
 - 4.5. *Значение российского периода творчества П.А. Сорокина.*

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Неокантианская критика позитивизма, стремление представителей последнего модифицировать свои взгляды в сторону большей адаптированности к уровню достижений социального знания, с одной стороны, развитие эволюционизма и функционализма, синтез многих идей и направлений субъективистского и объективистского характера, с другой, привели к появлению неопозитивизма в российской социологии. Этому способствовало активное внедрение в отечественную социологическую науку различных западных теорий (махизма, американского бихевиоризма и прагматизма и др.). Происходило завершение формирования социологии как науки. Для решения социологических проблем искали и находили строго научные социологические средства.

В содержательном плане неопозитивизм характеризуется переносом акцентов с изучения индивидов на исследование социальных действий, взаимодействий, социальных связей и отношений, социального поведения. Е.В. де Роберти, провозгласивший переход к неопозитивизму, заявил, что последний поднимает знание на высоту точной теории, рационализирует различные технологии, которые управляют практической деятельностью человека и его поведением (в области экономической, нравственной, политической). Неопозитивизм в российской социальной науке связывают с модернизацией социологической теории, отказом от различных форм редукционизма (в том числе и психологического). Вместе с тем, получение точных данных в социологии начинают соотносить с проведением эмпирических исследований, использованием математики, статистики для обработки полученных результатов.

Методологическая программа неопозитивизма требовала замены априоризма наблюдением и строгим описанием полученных результатов, ценностного подхода (наследство неокантианства) – индукцией, метафизики – сциентизмом (признанием в качестве главного инструмента исследования методов естественных наук), эволюционного объяснения – функциональным.

В теориях российского неопозитивизма за счет отказа от сравнительно-исторических методов и переноса акцентов на эмпирические усилилась описательная сторона социологических работ, зато слабее оказался представленным теоретический анализ. Внимание к внешним сторонам социального поведения оказалось доминирующим, что выразилось как раз в подчеркивании возросшей роли его описания. Отказ от обращения к изучению внутренних факторов личностной деятельности (метод интроспекции) привел к использованию в социологии основной схемы бихевиоризма «стимул – реакция». Под стимулом российские социологи понимали условия поведения, под реакцией – его содержание (связи, взаимодействия, отношения).

Одна из основных задач нового направления в социологии России состояла в том, чтобы как можно более эффективно использовать ее возможности в практической жизни и преодолеть негативное отношение власти к этой науке. Решить поставленную задачу в полной мере не удалось, нормальные условия для развития отечественной социологии так и не были созданы в начале XX в.

Представителями неопозитивизма в российской социологии, идеи которого оказались выраженными наиболее рельефно в их творчестве, стали А.С. Звоницкая, К.М. Тахтарев, П.А. Сорокин.

§ 2. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А.С. ЗВОНИЦКОЙ

Агнесса Соломоновна Звоницкая (1897–1942), первая женщина – социолог в России, родилась в Киеве, училась в Гейдельберге. В 17 лет (!) опубликовала первый том задуманной ею четырехтомной работы «Опыт теоретической социологии» (1914). Написанные ею еще два тома, а также ряд других работ не были опубликованы. С 1918 г. работала в различных научных учреждениях Петрограда.

Центральное понятие социологии для нее – социальные связи, учение о них составляет предмет теоретической социологии. В процессе общения между индивидами возникают специфические связи и отношения, которые выступают в виде «общности сознания и деятельности». Такое общение Звоницкая определяет как передачу содержания одного сознания другому сознанию. По существу это подражание по Г. Тарду, на работы которого она активно ссылается. Так что категория общения у нее весьма близка по содержанию к категории подражания. Важно, что и то, и другое – общение и подражание – выступают естественной предпосылкой социальных связей.

Значение общения состоит в том, что в его процессе формируется и развивается личность. Развитие личности включает в себя три главных момента:

а) «проективный момент», т.е. приобретение личностью сведений об окружающей психологической среде;

б) «субъективный момент», т.е. самосознание, выступающее в форме обобщения и типологизации полученных сведений;

в) «эктивный момент», т.е. систему социальных ожиданий, означающую предположение о наличии сходных обобщений у других личностей и согласование совместной деятельности.

Первый и третий моменты составляют два полюса самосознания, между которыми происходит движение «я». В этом движении и состоит основной закон развития личности. Конкретизируя его, Звоницкая объясняет: на проективном полюсе индивид воспринимает свойства других личностей и приспосабливается к окружающей психологической среде, приобретая свойства иного «я»; стало быть, критерием для «я» служит «он». На эктивном полюсе все наоборот, поскольку свое «я» является для данной личности критерием для других личностей, т.е. всякая другая личность должна иметь свойства моего «я».

Здесь обнаруживается центральное понятие социологии Звоницкой – эктивация (ожидание). Эктивация как раз и составляет основу общения и природу социальной связи. Наиболее распространенной формой эктивации является подражание, которое позволяет понять внутреннюю структуру общества. Дело в том, что социолог рассматривает формы социального общения как «линии социальности», как устойчивые типы эктиваций, которые выражают разные направления деятельности людей и ведут к образованию различных групп. Эти группы и образуют структуру общества.

Когда ожидания (эктивации) людей подтверждаются, общество развивается в рамках нормативности. Стоит только не подтвердиться ожиданию, создается конфликт между личностью и обществом. Если же источником конфликта оказывается не индивид, а целая группа людей, в обществе возникает кризис, который обязательно затрагивает культуру, духовный мир и свидетельствует о недоверии к нормам социальной жизни у значительной части членов общества.

Кризис завершается социальной бурей, вслед за ней происходит распад общества, который затем сменяется процессом его медленного выздоровления и восстановления нормативной системы. Значительная роль в этом процессе принадлежит симпатии, которую Звоницкая характеризует как сходное отношение к себе и другим. Социальная связь не может быть установлена вне симпатии. В ходе кризиса сфера симпатии людей друг к другу резко сужается, создается гнетущая социально-психологическая атмосфера. Но затем симпатия вновь появляется в процессе выхода из кризиса.

В концепции Звоницкой достаточно много неустоявшихся положений с запутанной логикой и неясными социальными связями. Но это был лишь начальный этап складывания теоретической позиции социолога, чем, собственно говоря, многое объясняется. Остается сожалеть, что социология в России не получила продолжения интересного теоретического начинания.

§ 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ К.М. ТАХТАРЕВА

Константин Михайлович Тахтарев (1871–1925), известный российский социолог и историк, учился в Военно-медицинской академии, участвовал в революционном движении, увлекался теорией марксизма. Был одним из создателей петербургской организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», за участие в его работе подвергался аресту. Социологией увлекся под влиянием Е.В. де Роберти и М.М. Ковалевского. Считал себя учеником последнего и разделял идеи эволюционного плюрализма. Главная социологическая работа Тахтарева – «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии» (1919). Научные интересы Тахтарева были связаны с общей теорией социологии, ее историей, соотношением с другими (прежде всего естественными) науками, исследованием структуры общества и др.

Под социологией российский ученый понимал науку, которая изучает общественную жизнь, ее явления и закономерности. Среди явлений социальной жизни основными и простейшими были, с его точки зрения, сожитие и общение. Изучение этих явлений и составляет первую задачу социологии²⁴⁰. Под сожитием российский социолог понимает жизнь людей сообща. Оно есть содержание общественной жизни, а формой ее выступает общение.

«В связи с явлениями сожития и общения, – пишет Тахтарев, – должен быть выяснен и сам человек как живой и деятельный участник общественной жизни и самых различных видов общения. Человек должен быть выяснен как неизбежный член общества, как общественный человек, как сообщественник. Но окончательное выяснение человека как общественного существа, как сообщественника требует понимания того, что представляет собою то общество, неизбежным членом которого является каждая человеческая личность»²⁴¹. Следовательно, Тахтарев выделяет три фундаментальные особенности общественной жизни, к которым должна обращаться социология: сожитие, общение и человек.

Такова логика рассуждений социолога, приводящая его к необходимости трактовки общества и пересмотра уже имеющихся учений о нем. Действительной основой общества, считает российский социолог, «служит самая широкая и всеобъемлющая форма самодостаточного сожития и общения людей и, главным образом, общения трудового, т.е. общественное сотрудничество. ... Но общественное сотрудничество всегда оказывается усложненным разделением и расслоением общественного труда. И выяснение этого явления и его социологического значения есть новая задача социологии»²⁴². Общество, следовательно, самодостаточно по своей природе, существует само по себе, в отличие от человека, который становится таковым только в сожитии и общении.

Такое понимание строя общества и общественного уклада позволяет Тахтареву сформулировать еще одну задачу социологии, связанную с анализом его структуры, расслоения, делением общества на различные группы, известные под названием сословий, каст, общественных классов и т.д. Социально-групповое учение приводит его к формулированию теории общественных сил как необходимого дополнения этого учения.

Еще одна задача социологии состоит в установлении социальных законов, которое предполагает «выяснение и установление необходимых соотношений различных явлений, а равно и изменение этих соотношений в общем ходе общественной жизни. Это и составляет главное дело социологии как особой науки о закономерности общественной жизни. Это и является ее конечной научной целью»²⁴³. Только в таком случае социология превратится в должным образом организованную и стройную отрасль знания.

Фундаментом рассматриваемой науки, по мнению российского ученого, должны быть генетическая (эволюционная) социология и сравнительная статистика. К.М. Тахтарев считал, что общественные явления должны численно измеряться. Для этого необходима тесная связь социологии с естественнонаучным знанием и его методами. Статистико-социологический метод, полагал исследователь, позволяет выразить изучаемые соотношения различных явлений общественной жизни точным языком чисел. По его мнению, это должно быть мечтой каждого социолога, стремящегося сделать свою науку действительно точной и строгой. В связи с отмеченным обстоятельством Тахтарев утверждал, что социология должна быть пропитана духом естествознания и научного реализма, а общественная жизнь – изучаться такой, какая она есть на самом деле.

²⁴⁰ См.: Тахтарев К.М. Изучение общественной жизни. Основные вопросы и задачи социологии. Ее научное построение и направление // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 84.

²⁴¹ См.: Тахтарев К.М. Изучение общественной жизни. Основные вопросы и задачи социологии. Ее научное построение и направление // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 84.

²⁴² См.: Тахтарев К.М. Изучение общественной жизни. Основные вопросы и задачи социологии. Ее научное построение и направление // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 85.

²⁴³ См.: Тахтарев К.М. Изучение общественной жизни. Основные вопросы и задачи социологии. Ее научное построение и направление // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2): Тексты. М., 1997. С. 91.

Для дальнейшего развития социологии важное значение имела категория, которую автор использовал для объяснения многих явлений общественной жизни, – образ жизни. Он характеризовал его как удовлетворение человеческих потребностей с помощью определенных способов и средств существования. Это понятие употреблялось социологом не для анализа повседневного способа поведения людей, а для характеристики с его помощью основных ступеней общественно-исторического развития.

На основании изменений в образе жизни людей были выделены пять ступеней общественно-го развития:

- 1) примитивное общество (наиболее ранняя ступень), опирающееся на охотничий образ жизни;
- 2) родовое общество, появившееся из кочевого образа жизни;
- 3) общество, связанное с переходом к оседлому образу жизни на основе сельской общины;
- 4) феодальное общество, опирающееся на натуральное хозяйство и соответствующий ему образ жизни;
- 5) общество, формирующееся на основе городского образа жизни.

Тахтарев выступал против марксистского понимания классовой борьбы, считая, что будущее – за политическим сотрудничеством и солидарностью самых различных общественных групп и соглашением между ними, «совластием», как он определял одним словом этот процесс. Окончательным же победителем в социальной борьбе будет творческий и действительно обобществленный труд, который создаст новый общественный строй и взамен насилия осуществит верховное право народа быть господином собственного бытия. Цель нового общества и нового государства состоит в том, чтобы обеспечить всем полную и совершенную человеческую жизнь, равные права и возможности.

§ 4. ТВОРЧЕСТВО П.А. СОРОКИНА: РОССИЙСКИЙ ПЕРИОД

ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН
21 января 1889 г. – 11 февраля 1968 г.

4.1. Вехи жизни в России

Питири́м Алекса́ндрович Со́рокин (1889–1968), выдающийся отечественный социолог, до 1922 г. жил и работал в России. С 1922 г. оказался за рубежом (после высылки в числе 161 выдающихся представителей российской интеллигенции) – сначала в Германии и Чехословакии, а затем (с осени 1923 г.) в США. Поэтому в творчестве Сорокина выделяются (с определенной мерой условности, ведь оно – неразрывный процесс) два периода – российский и американский. В этой главе предметом нашего анализа будет только первый период. Американский период жизни и творчества будет специально рассмотрен во второй части учебника.

Свою жизнь Сорокин подробно описывает в автобиографическом романе «Дальняя дорога» (переведен на русский язык и издан сначала в 1991 г. в Сыктывкаре, а затем в Москве в 1992 г.). Он родился в селе Турья, на территории нынешней Республики Коми. Там прошли детство и юность социолога. Его отец был русским по национальности, занимался ремесленными работами по металлу и малярным делом, мать была крестьянкой, по национальности коми. Она рано умерла, отец с горя запил, и юноше приходилось искать и зарабатывать средства к существованию. Образование он получил в двухклассной школе, а затем – в учительской семинарии. Жажда учебы привела его в 1907 г. к решению покинуть родные места, после чего он отправился получать знания в Петербург.

Поступив в Психоневрологический институт на единственную тогда в стране кафедру социологии, которую возглавляли сначала М.М. Ковалевский, затем Е.В. де Роберти, П.А. Сорокин многому у них научился и всегда с теплотой и признательностью вспоминал своих первых педагогов. Затем он специализировался в области права у еще одного своего любимого преподавателя – Л.И. Петражицкого в Петербургском университете, где и начал преподавать с 1915 г., став приват-доцентом в 1917 г.

После Февральской революции сотрудничал с Временным правительством, работал личным секретарем у А.Ф. Керенского, был депутатом Учредительного собрания. По совету Сорокина Керенский вводит преподавание социологии в качестве обязательной дисциплины во всех российских университетах. В 1920 г. социолог становится деканом организованного им факультета общественных наук в Петроградском университете. В 1922 г. в апреле ученый совет проголосовал за присуждение ему степени доктора социологии. Он стал, таким образом, первым доктором социологии в истории отечественной науки. А в конце 1922 г., как уже говорилось выше, его выдворили, вместе с группой деятелей науки и культуры, из России за границу. Небезынтересен тот факт, что после Октябрьской революции Сорокин трижды арестовывался, а однажды ему грозила даже смертная казнь. Связано это было с его членством и активной работой в рядах партии эсеров.

Покидая Россию, социолог увез с собой около десятка своих рукописей общим объемом почти в 2000 страниц. Это позволило ему, оказавшись в США, довольно быстро и активно заявить о себе серьезными публикациями, по существу продолжившими многие основные положения работ российского периода. К моменту защиты докторской диссертации в 1922 г. им было написано около 130 научных трудов. Главные среди них: «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913), «Границы и предмет социологии» (1914), «Проблема социального равенства» (1917), «Общедоступный учебник социологии» (1920), «Система социологии», Т. 1, 2 (1921).

Наиболее крупной и фундаментальной была «Система социологии», задуманная как восьмитомное сочинение. Однако замысел не был реализован – ни в России, ни в США. Опубликовано было лишь два тома. Как он писал впоследствии в своем автобиографическом романе, от дальнейшей работы над «Системой социологии» его отвлекла тема голода как реального повседневного явления (голодали очень многие, в том числе и он сам, от голода умерли многие знакомые и коллеги Сорокина, о чем он также писал в этом романе). Монография о голоде была уже напечатана, но весь тираж уничтожили. Читатель книгу так и не увидел. Молодая Советская власть очень быстро поняла опасность для нового общества резкой критики ее действий. Однако тема голода волновала Сорокина и после его депортации, в США, где он писал о нем как об одной из главных бед человечества, наряду с войной.

4.2. Предмет, структура и метод социологии

В названных выше работах российского ученого оказалось много теоретических проблем, которые волновали Сорокина на протяжении всей его «дальней дороги» по социологии. В первую очередь это касается «Системы социологии», в которой четко была поставлена проблема интегральной социологии – сквозная для всего творчества ученого. В книге оказались сформулированными темы, которые в разное время привлекали его исследовательское внимание: формы межличностного взаимодействия людей, биопсихосоциальные различия между ними, механизмы социального контроля, классовая, групповая, территориальная, языковая, культурная, профессиональная, возрастная и иные структуры общества и многие другие аспекты анализа социальной жизни и социальных процессов.

Сорокин исходил из положения о том, что общество является частью природы, а человеческий разум – наиболее совершенная форма космической энергии. Отсюда следовало понимание того, что в обществе действуют законы, общие для всей Вселенной. Задача социологии состоит в выявлении и анализе отношений и функциональных связей и зависимостей, обеспечивающих существование общества в его многообразных конкретных формах. В «Системе социологии» наиболее ярко проявился неопозитивизм раннего Сорокина, особенно в основном постулате, сформулированном им в афористичной форме: «Пора бы покончить с поэзией в социологии: от нее страдает и поэзия, и социология». Он выступил против монизма, господства прежней философии истории, научного анархизма, критиковал поверхностность и наивность многих социологических теорий.

Уже в первой главе «Системы социологии» Сорокин определяет предмет этой дисциплины и ее отношение к другим наукам: «Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, с другой»²⁴⁴.

²⁴⁴ Сорокин П. Система социологии. Т. 1. Ч. 1. Сыктывкар, 1991. С. 4.

Он доказывает, что имеются все необходимые основания для существования социологии как автономной, независимой науки, обладающей значительной практической и теоретической важностью. Вместе с тем, он показывает и обосновывает тесную связь социологии с биологией, экологией, коллективной и индивидуальной психологией и другими науками.

Анализируя архитектуру социологии, ее структуру, Сорокин выделяет прежде всего теоретическую и практическую социологию. В теоретической социологии он рассматривает социальную аналитику, социальную механику и социальную генетику. Предметом социальной аналитики является изучение строения (структуры) социального явления и его основных форм. При этом речь идет о явлениях, взятых в их статическом состоянии и рассматриваемых только в пространстве, а не во времени, и только с точки зрения их строения, а не функционирования.

Сорокиным рассматриваются два «подотдела» социальной аналитики: первый, в котором изучается строение простейшего социального явления (при этом он специально выделяет этапы этого изучения: определение такого явления, разложение его на элементы, систематику основных форм), и второй, в котором анализируется строение сложных социальных единств, образованных путем той или иной комбинации простейших социальных явлений (и здесь выделяются этапы анализа: определение таких единств, разложение их на простейшие социальные явления, классификация основных видов сложных социальных изменений).

Предметом социальной механики является изучение процессов взаимодействия людей, их поведения и тех сил, которыми оно вызывается и определяется. Пользуясь данными социальной аналитики, социальная механика занимается изучением социальных функций или эффектов, которые вызываются факторами человеческого поведения. Первая ее задача состоит в том, чтобы дать классификацию «раздражителей» поведения людей. Вторая задача заключается в изучении влияния каждого раздражителя («фактора») на поведение людей и через последнее – на общественные явления.

Что касается социальной генетики или генетической социологии, то она главной своей задачей ставит определение исторических тенденций на основе изучения основных постоянных линий развития социальной жизни, данных во времени, а не в пространстве. Социальная генетика должна также дать объяснение различным отклонениям и отступлениям от этих тенденций, поскольку они имеют место в ту или иную эпоху, в той или иной сфере общественного взаимодействия. По-другому социальную генетику, считал социолог, можно назвать теорией социальной эволюции²⁴⁵.

Говоря о практической социологии, Сорокин имеет в виду изучение ею политической деятельности людей. Поэтому данный раздел социологии должен быть прикладным по своему характеру. Он связан с ролью социологии в осуществлении рациональных социальных реформ, в борьбе с социальными болезнями. Практическая социология должна, опираясь на законы, сформулированные теоретической социологией, дать человечеству возможность управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям. Сорокин говорил, что практическая социология должна быть реализацией афоризма О. Конта: знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы мочь.

Поставив в центр социологии взаимодействие людей, ученый рассматривает его как на уровне их психического переживания, так и внешних актов поведения. Согласно Сорокину, «...когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют»²⁴⁶.

Рассматривая социологию как науку, Сорокин предлагает исходить из следующих принципов. Во-первых, она должна строиться и развиваться по типу естественных наук. Во-вторых, социология должна изучать только те явления, которые поддаются наблюдению, проверке и изменению. В-третьих, она должна опираться только на факты и в этом смысле отказаться от всякого философствования. В-четвертых, идею монизма следует заменить и признать необходимость плюрализма в социологии. В-пятых, социология должна отказаться от какого-либо нормативизма в социальном познании. Нетрудно обнаружить, что все эти принципы были направлены против неокантианства в социологии и знаменовали собой утверждение основных идей неопозитивизма.

Столь же значимой в теоретическом плане, что и вопрос о принципах, была проблема метода социологии. Ее толкование также оказалось направленным против неокантианства. Сорокин выступал против сведения социологии к науке о должном, нормативном, поскольку, если принять такую позицию, основными аргументами в этой сфере знаний окажутся те, что связаны с верой, а не с фактическими доказательствами.

²⁴⁵ См.: Сорокин П. Система социологии. Т. 1. Ч. 1. Сыктывкар, 1991. С. 36–40.

²⁴⁶ См.: Сорокин П. Система социологии. Т. 1. Ч. 1. Сыктывкар, 1991. С. 43–44.

Субъективный метод в социологии, по мнению Сорокина, является лишь вспомогательным. Основным же должен быть объективный метод, связанный с выявлением объективно данных фактов и функциональных связей между ними. Рассматривая соотношение объективизма и субъективизма в социологии, он делает следующий вывод: «... исходным и основным методом изучения явлений взаимодействия людей может и должен быть метод объективный, изучающий внешне-данные факты функциональной зависимости поведения одних людей от существования и поведения других»²⁴⁷.

Исследуя в разделе «Социальная аналитика» взаимодействие, социолог подчеркивал наличие трех его элементов: индивидов, актов (действий), проводников. Говоря о первых, он выявлял наличие у них физиологических и морфологических предпосылок для приспособления к среде. Источником социального поведения индивидов он считал потребности, которые довольно детально рассматривал, выделяя среди них: удовлетворение голода и жажды, половые, физиологические, потребности индивидуальной и групповой самозащиты, движения, дыхания, сна, потребности волевой деятельности, интеллектуальной деятельности, общения с себе подобными, чувственно-эмоциональных переживаний (всего 10 групп потребностей).

Второй из названных выше элементов – акты (действия). Они, с одной стороны, выступают в качестве внутренней реализации собственной психической жизни, с другой – это стимул, раздражитель, вызывающий ту или иную реакцию у других лиц. Следовательно, акты являются выражением внутренних переживаний одних индивидов и одновременно стимулом для переживаний и актов других. Сорокин рассматривает жизнь людей как сплошной поток акций и реакций на них.

Проводники (третий элемент) – это средства, обеспечивающие передачу раздражений от одного индивида к другому. Сорокин выделял звуковые, световые, механические, химические, электрические, вещественно-предметные и другие проводники. Существуют цепи проводников, контактными звеньями которых выступают люди. Проводники – это по существу материальная культура взаимодействий.

Благодаря проводникам люди могут взаимодействовать и через пространство, и через время. П.А. Сорокин приводит пример использования такого проводника. Он пишет, что получил письмо от друга, живущего в Америке. Само письмо, выступившее в виде раздражителя, привело к необходимости выполнить ряд актов: написать ответ, пойти в магазин и купить для друга нужную книгу, отправиться на почту, чтобы ее отправить. Кроме того, полученное письмо очень обрадовало Сорокина. Таким образом, друг из Америки своим письмом обусловил определенные переживания и поступки, что составило явление взаимодействия.

4.3. Структура общества и населения

Одной из важных социологических проблем, рассматриваемых исследователем в «Социальной аналитике», является структура общества, говоря точнее его терминами, «населения». Он сравнивал общество с куском слюды, который расслаивается на отдельные слои. Также как в слюде слои часто непрочно связаны друг с другом, в обществе может быть много групп и структур, не связанных между собой, в отличие от конкретного слоя, где существует взаимное тяготение индивидов. Отсюда Сорокин делает вывод, что единого общества быть не может, а есть совокупность конкретных обществ, проживающих на одной территории.

Весьма значимые для социологии проблемы поставлены в «Социальной механике». Среди них доминирующее место занимает анализ социального поведения индивидов в условиях социальных перегруппировок населения (потом Сорокин введет для обозначения этого процесса термин «социальная мобильность»). Социолог говорит о трех типах перегруппировок. Он пишет о перемещениях индивидов из одних групп в другие, о появлении одних – гомогенных (однородных) групп и исчезновении других, об исчезновении целого агрегата и замене его новой группировкой. По существу это раннее изложение концепции социальной мобильности, окончательно сформулированной им в 1927 г. в книге «Социальная мобильность». Социолог приходит к важному выводу, что никакого социального равенства достичь не удастся в исторически обозримом будущем, поскольку его обеспечение требует уничтожения всех видов социального расслоения, а это невозможно.

Рассуждения социолога о социальных перегруппировках базируются на его различных классификациях строения (структуры) населения. Один из ее вариантов выглядит так. Существуют:

- а) элементарное, или простое коллективное единство (элементарная социальная группа);
- б) кумулятивное коллективное единство (кумулятивная социальная группа);
- в) сложный социальный агрегат (население в целом).

²⁴⁷ Сорокин П. Система социологии. Т. 1. Ч. 1. Сыктывкар, 1991. С. 67.

В одном случае группа образуется на основе одного признака (профессионального, религиозного, полового, возрастного, партийного и др.). В другом случае возникают более сложные образования на основе двух и более признаков (класс, сословие, нация и т.д.).

Еще одна классификация, предложенная социологом, включает выделение закрытых, открытых и промежуточных групп. Сорокин называет «закрытыми» группы, членство в которых от человека не зависит, поскольку он рождается и живет с соответствующими признаками (раса, пол, возраст). Далее он выделяет открытые группы, членство в которых определяется волей и желанием человека (партия, ассоциация и др.). Наконец, могут иметь место промежуточные группы, в которых сочетаются свойства закрытых и открытых групп (класс, сословие, вторая семья).

В связи с анализом проблемы типологии социальных групп приобретает интерес трактовка Сорокиным национальности и нации. Он считает, что ее неправомерно рассматривать как элементарную группу, поскольку она характеризуется несколькими признаками сразу. Чаще всего имеется в виду кумуляция трех признаков: языка, территории, государственности. Иногда к ним социолог добавляет религию. Исходя из этого, он считает, что национальность как единого социального элемента нет, стало быть, нет и особого национального вопроса. Реальной же проблемой, по его мнению, является социальное неравенство.

Немаловажное значение для социологии представляет предложенная Сорокиным социально-групповая структура населения «культурно развитых» стран, включающая в себя 13 видов: расовую, половую, возрастную, семейную, государственную, языковую, профессиональную, имущественную, правовую, территориальную, религиозную, партийную, идеологическую. Этот подход Сорокина к социальному структурированию общества лег затем в основу его концепции социальной стратификации и был широко и позитивно воспринят во всем мировом сообществе социологов. Кстати, следует специально отметить, что термины «социальная стратификация» и «социальная мобильность» предложил для их использования в социологии и ввел в широкий научный оборот именно российский ученый.

4.4. Проблемы социального поведения

Предпосылки теории социального поведения Сорокиным были сформулированы еще в книге «Преступление и кара, подвиг и награда». Они связаны с проблемами социальной мотивации. Было доказано, что кары и награды (а они рассматриваются как санкции) становятся решающим фактором поведения людей и его трансформации. Одна и та же кара или награда тем сильнее влияет на человека, чем ближе момент ее осуществления, чем больше человек нуждается в награде и страдает от отнимаемого у него карой. В упомянутой книге Сорокин рассматривает большое количество явлений, которые регулируются в обществе с помощью кар и наград. Эти явления систематизируются социологом в виде трех типов действий: дозволенных, запрещенных, рекомендуемых.

Дозволенные (дозволенно-должные) действия – это поступки, связанные с осуществлением прав и обязанностей, соответствующие, таким образом, представлениям о должном. Запрещенные (недозволенные) действия – это поступки, противоречащие представлениям о должном поведении. Рекомендуемые действия – это поступки, не только не противоречащие представлениям о должном, но и превышающие необходимый минимум «доброе» поведения. Кроме того, эти действия всегда желательны и по своей природе добровольны.

Трем названным типам действий соответствуют три формы реагирования на них. Дозволенные действия воспринимаются как соответствующие норме, отсюда – должная реакция на них. Запрещенные действия (преступления) воспринимаются с чувством вражды, ненависти, желания наказать, отомстить, отсюда в качестве реакции выступает наказание, кара. Рекомендуемые действия (подвиг) воспринимаются с благодарностью, отсюда реакцией выступает награда. Больше всего внимания в книге уделено двум последним действиям и реакциям на них, поскольку именно они определяют динамику социального поведения с учетом принятых в обществе социальных норм.

В российский период творчества Сорокиным разрабатывались проблемы социальной генетики, причем под сильным влиянием идей М.М. Ковалевского и Л.И. Петражицкого. Одна из центральных проблем этого раздела системы социологии – проблема прогресса. Общую тенденцию прогрессивной эволюции социолог видит в понижении стимулирующей роли внешних санкций и усилении влияния внутреннего регулирования поведения личности на основе осознания ею своего долга. Прогрессивным ученый считает общество, в котором возрастает роль знания, усиливается личная ответственность, повышается заинтересованность человека в общем деле, смягчаются внешние санкции и растет социальная солидарность. Идеалом является создание общества, в котором не будет преступлений, кар и наград.

Вначале Сорокин верит в возможность быстрого достижения успеха на этом поле деятельности. Молодой социолог полон оптимизма, навеянного Февральской революцией 1917 г., отменившей все сословные, национальные и вероисповедные ограничения, свергнувшей царизм, провоз-

гласившей свободу слова и печати. Ему казалось, что до решения проблемы социального равенства «рукой подать». Основой его он считал равенство людей в труде, базирующееся на свободном выборе формы деятельности в этой сфере каждым человеком. Большое внимание он уделял проблемам новой педагогики, которая сумеет, по его мнению, правильно поставить дело обучения и воспитания, благодаря чему будет достигнуто интеллектуальное равенство людей. В этой связи он утверждал, что идеальной является та система воспитания, при которой нет кар и наград.

Однако такой оптимизм, связанный с реальной возможностью утверждения подобного общества, постепенно покидает ученого. Довольно скоро он начинает понимать, что в основе ожидаемого общества должно лежать социальное равенство, однако в обозримом будущем о нем не может быть и речи в связи с наличием многих линий социального расслоения и неравенства между группами. Само социальное равенство Сорокин трактует уже по-другому – как пропорциональность социальных благ в соответствии с заслугами людей. От достижения такого состояния современное ему общество, по его мнению, находится весьма далеко.

Российский социолог рассматривает социальную эволюцию как процесс замирения, в котором главное место занимает нормативное регулирование. Любое общество, любая социальная группа выступают как «замыренная среда», которая характеризуется наличием определенной организации, норм и шаблонов поведения. Конечно, в группе, как и в обществе в целом, всегда имеются отклонения, инакомыслящие и инакодействующие люди, но чаще всего их подчиняют интересам группы (общества) посредством принуждения, в том числе и с помощью методов насилия.

Сорокина никогда не оставляла равнодушным проблематика этического характера, касавшаяся человеческих страданий (особенно от голода и войны), проявления альтруизма, будущего устройства государства и общества. Его волновали проблемы контраста между бедностью и богатством и пути его преодоления. В основе такого интереса лежал вопрос о возможностях социологии, о том, что она может и должна сделать для совершенствования человеческих отношений.

4.5. Значение российского периода творчества П.А. Сорокина

Значение российского периода творчества Сорокина трудно переоценить. Это был пик классического этапа отечественной социологии. Идеи, сформулированные им и развитые в работах 1910-х – начала 1920-х гг., оказали значительное влияние не только на российскую, но и мировую социологию всего XX в. Не случайно, переехав в США осенью 1923 г., Сорокин за короткое время – в течение 7–10 лет – сумел выдвинуться в ряд наиболее известных и влиятельных американских социологов. Именно он получил приглашение создать социологический факультет одного из самых престижных университетов в США – Гарвардского – и стать его первым деканом. В США он стремился развить основные теоретические положения своей социологии, корни которой восходят к российскому периоду творчества. Так, в Гарварде Сорокин основал исследовательский центр по изучению творческого альтруизма с целью разработки практических методик установления в отношениях между людьми добра, справедливости, действенной любви.

Он много сделал для становления социологического образования в России. Он не только возглавил отделение социологии в Петроградском университете, но и создал целый ряд учебных программ для изучения его любимой науки в учебных заведениях различного уровня. Для достижения этой же цели и популяризации социологии он написал первый в России «Общедоступный учебник социологии».

В феврале 1922 г., выступая на торжественном собрании в честь 103-й годовщины Петербургского университета, Сорокин советовал студенческой молодежи не только обрести «новую веру», но и «взять с собой в дорогу» знание, чистую науку, совесть, моральные богатства, любовь и волю к производительному труду – тяжелому, упорному, умственному и физическому. Только знание и труд, взятые вместе, говорил он молодежи, помогут достойно пройти бесконечно сложный жизненный путь. Ценности, названные в этом выступлении и предложенные Сорокиным молодым людям в качестве их основного путеводителя, были для него самого главными в его долгом и чрезвычайно плодотворном путешествии по жизни.

В предисловии к книге Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» его любимый педагог М.М. Ковалевский предсказал молодому ученому большое научное будущее и высказал уверенность в том, что еще не один том его трудов пополнит российскую социологическую библиотеку. Пророчество одного из крупнейших отечественных социологов второй половины XIX – начала XX в. полностью сбылось.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Когда появилось неопозитивистское направление в российской социологии? Назовите его представителей.
2. Охарактеризуйте основные особенности неопозитивизма в российской социологии. В чем состояла его методологическая программа?
3. Что являлось предметом социологии в творчестве А.С. Звоницкой? Раскройте существо центрального понятия ее социологии – эктивации (ожидания).
4. В чем видел задачи социологической науки К.М. Тахтарев? Каковы, в его интерпретации, фундаментальные особенности общественной жизни и почему именно их он выделял?
5. В какой атмосфере происходило формирование духовного мира П.А. Сорокина? Какие люди и события определили его становление как ученого?
6. В чем видел П.А. Сорокин предмет и метод социологии? Почему явления социального взаимодействия привлекли его внимание в первую очередь?
7. Из каких методологических принципов исходил П.А. Сорокин, рассматривая социологию как науку?
8. Расскажите о структуре социологии в ее интерпретации П.А. Сорокиным. Что он понимал под социальной аналитикой, социальной механикой и социальной генетикой?
9. Какое значение для последующего развития социологии имели подходы П.А. Сорокина к характеристике структуры общества и группировкам населения?
10. Какие проблемы социального поведения ставил П.А. Сорокин, начиная с книги «Преступление и кара, подвиг и награда»?
11. В чем видел П.А. Сорокин тенденции социальной эволюции? Какое значение он придавал в этом процессе этическим проблемам?
12. Какие принципы позитивизма воспринял П.А. Сорокин? В чем проявилось влияние психологизма на его взгляды?
13. Охарактеризуйте значение российского периода творчества П.А. Сорокина для развития как отечественной, так и мировой социологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.
- Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб., 2002.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Здравомыслов А.Г. Социология: история, теория, практика. М., 2008.
- История социологии. Минск, 1993.
- История теоретической социологии: В 4 т. Т. 1. М., 1997.
- Козер Л. Мастера социологической мысли. М., 2006.
- Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993. Гл. 9.
- Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск. 2000.
- Новикова С.С. История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996.
- Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000.
- Сорокин П.А. Границы и предмет социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Сорокин П.А. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет. М., 1994.
- Сорокин П.А. Система социологии: В 2 т. М., 1993.
- Сорокин П.А. Система социологии. Т.1. Ч. I, II. Сыктывкар, 1991.
- Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Сорокин П.А. Русская социология в XX веке // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Тахтарев К.М. Краткая история социологии и ее основные направления. Основные идеи социологов // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1): Тексты. М., 1997.
- Тахтарев К.М. Изучение общественной жизни. Основные вопросы и задачи социологии. Ее научное построение и направление. Методы социологии. Законы статистические и статистико-социологические. Статистика и социология. Соотносительный и статистико-социологический метод и построение социологии как точной науки об общественной жизни // Социология в России XIX – начала XX веков (вып.2): Тексты. М., 1997.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги классического этапа развития социологической науки. Зададимся, прежде всего, вопросом: почему нам так важен историко-социологический анализ? Отвечая на него, отметим следующее. Он дает возможность увидеть и понять процесс становления и развития социологической науки, выявить ситуацию преемственности в ней, проанализировать, какие понятия, категории и теории и каким образом возникали и «перемещались» в научном пространстве социального познания. Историко-социологический анализ помогает осмыслить историю социологии как саму социологию в ее изменении, совершенствовании, развитии.

Рассмотрение социологии в разрезе ее исторического развития может стать ключом к пониманию современных процессов в ней, к трактовке взаимоотношений между социологией и политикой, властью, государством, обществом, личностью. Историко-социологический анализ – это важный фактор прогнозирования, определения перспектив науки и ее вклада в общественный прогресс.

Развивающиеся науки (а социология, безусловно, относится к их числу) не могут не обращаться к собственной истории. В первую очередь они заинтересованы в том, чтобы сохранить в памяти свою биографию, свой «жизненный путь», зафиксировать в ней свои наиболее значительные достижения. Для социологии это особенно важно, поскольку она очень тесно, возможно, даже наиболее тесно (на фоне других социальных и гуманитарных наук) связана с обществом, и такая фиксация отражает реальные процессы, в нем происходящие, по мере перехода от одного этапа его развития к другому.

Существенное значение для историко-социологического анализа имеет основная методологическая посылка, из которой мы исходим. Согласно ей социология родилась на Западе в условиях капитализма как наука модерна, наука гражданского общества и в процессе своего развития стремилась и продолжает стремиться сейчас к реализации функций его укрепления и прогресса. Социология становится особым стилем мышления в условиях общества модерна, способом его самоописания, в котором проявляются демократические устои и ценности, примат гражданского общества над государством, подконтрольность власти, призванной выражать интересы многочисленных слоев населения.

Однако тенденция усиления роли социологии как фактора укрепления общества модерна (гражданского общества) в разных странах и на протяжении разных периодов действует с серьезными отклонениями в силу специфики тех обществ и государств, в которых социология имеет место как наука. Именно этим обстоятельством в значительной мере объясняются трудности, а порой драмы и трагедии, которые социология испытала на протяжении почти двухвекового пути своей истории. Анализ основных этапов развития социологической мысли, другими словами, историко-социологический анализ, призван убедить в этом читателя. Нам еще предстоит детально разобраться с этим во второй части учебника.

Для человека, который стремится стать специалистом в какой-либо отрасли знания, всегда стоит, как минимум, один принципиальный вопрос: куда идет его наука и связанная с ней сфера практической деятельности? Вопрос этот очень важный, потому что ответ на него показывает перспективы и возможности человека, связанные с выбранной им профессией. Так и в социологии. Но для того, чтобы ответить на вопрос, куда идет наука, нужно понять, откуда она идет. Историко-социологический анализ как раз и позволяет сформировать представление на этот счет и получить необходимый минимум знаний о процессах возникновения и развития социологии, ее перспективах и возможностях.

Как уже понял читатель, на первом, классическом этапе своего развития социология развивалась как преимущественно теоретическая дисциплина исключительно для себя самой. Она обеспечивала свое продвижение вперед в анализе сквозных проблем социологии, среди которых на первом месте стояли вопросы: в чем состоит ее предмет? что есть общество? каким оно должно быть, чтобы обеспечить «порядок и прогресс» (О. Конт)? почему оно изменяется? в каких направлениях это происходит? какими должны быть методы его научного изучения? Перечень таких вопросов может быть без труда продолжен. Коротко говоря, шел процесс предметного самоопределения социологической науки на уровне его теоретического осмысления.

Теоретическая социология, совпадая на первом этапе своего развития (вплоть до 1920-х гг.) по объекту, предмету, объему охватываемого материала, целям и задачам с социологией в целом, стремилась обеспечить этой науке связь с другими отраслями знания, прежде всего, социально-гуманитарного. В то же время она активно использовала достижения естествознания и предпринимала попытки следования по его пути, используя с этой целью позитивистскую методологию.

Позитивизм (создатель – О. Конт) был исторически первой парадигмой социологии и первым трендом ее развития. Вслед за ним возникли иные парадигмы и иные тренды, обеспечившие развитие социологии в рамках классического этапа ее существования. В качестве таковых мы рассматривали эволюционизм (наиболее ярко представленный творчеством Г. Спенсера), марксизм (основатель – К. Маркс), веберизм (основоположник – М. Вебер).

Ставя вопрос, откуда идет социология, мы для ответа на него применили в единстве и взаимосвязи два подхода – этапный и парадигмальный и таким образом показали ее истоки и процесс развития. Эти подходы не совпадают. Первый является не только более широким, но имеет преимущественно пространственно-временной характер, тогда как второй содержательно конкретизирует его.

Мы и дальше будем применять оба этих подхода в «связке». Если первая часть учебника была посвящена анализу классического этапа социологии и основным парадигмам и теориям, характеризовавшим его, то во второй части внимание будет сосредоточено на современном этапе развития этой науки, равно как и на социологических парадигмах и теориях XX – начала XXI вв. Однако в рамках современного этапа будет рассматриваться уже не только теоретическая, но и эмпирическая социология, необходимость создания и развития которой была выявлена раньше, в XIX – начале XX вв.

Другими словами, впереди много интересного и сложного. Но без овладения теоретическим «арсеналом», накопленным социологической наукой в прошлом, не будет и понимания нового знания, которое создается сейчас. Успехов на пути дальнейшего изучения истории социологии!

Зборовский Гарольд Ефимович

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ: КЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП

Учебник для вузов

Техническая редакция, вёрстка – *С.М. Десяткова*

Сдано в печать 03.09.2014 г. Формат 60×84/8

Печать цифровая. Гарнитура Times NR

Тираж 500 экз. Заказ № 38. Усл. п.л. 21,1

Редакционно-издательский отдел
Сургутского государственного педагогического университета
628417, г. Сургут, 50 лет ВЛКСМ, 10/2

Отпечатано в РИО СурГПУ